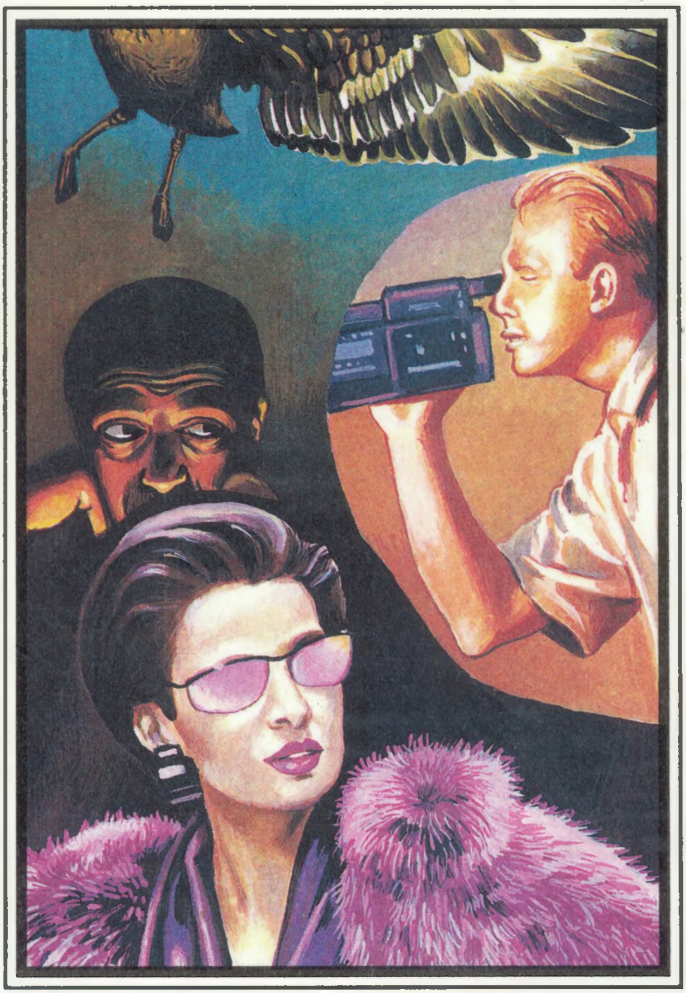
МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

8

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume eight

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1994

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Книга восьмая

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994

ББК 84.7США
Ш40

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Ш $\frac{4703040100—011}{94}$ Без объявл.

ISBN 5-88132-073-5

СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ

СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой, — сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Печатается по изд.: Шекли Р. Стоимость жизни: В сб. Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. Пер. изд.: Sheckley R. Cost of Living: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954

Copyright © 1954 by Robert Sheckley
© 1966 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка. — Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

«Во всяком случае она-то счастлива», — подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из «А. Э.» осталось полчаса. Лучший способ избавиться от дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.» и установил регулятор душа чуть повыше давления «освежающая». По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха автополотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и разминало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце «А. Э.» вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он, когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно покалывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик», — прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения — великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удавалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позвонил автолакею «А. Э.», и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела "Авиньон электрик"».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена. Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.» не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня денек, — сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. — Все ли в исправности?

— О да, — с энтузиазмом ответил Кэррин. — Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены, — ответил Кэррин. До сих пор у него руки как-то не дошли обновить фонор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно. — Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно, — сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки. — Просто чудесно.

— Очень рад, — сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула. — Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас, — говорил между тем мистер Пэтис. — У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился. — По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да, — сказал Пэтис, вновь нахмурясь. — В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин, — таков итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам. — Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.

— Да, едва ли я успею, — трезво согласился Кэррин.

Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако, зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул. Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

— А что, если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэрриком.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть, — сказал Кэррин. — Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— Но ведь, дорогой сэр, — вставил Пэтис, — это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно, — подтвердил Кэррин. — Но ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно, — с сомнением проговорил Кэррин.

Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я поступаю?» — спросил он себя.

— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал, — сказал Кэррин, — дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом. — Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул.

— А когда вас не станет, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов, речь идет лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис. — Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкояти, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинулся в кресле и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. — Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный, — похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин, — сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо, — апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами. — Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хотя он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю, — ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, — сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ. — Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату. — Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть, — возразил Билли. — Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет, — сказал Кэррин, — однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Лила, подмигнув Кэррину. — На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый, — сказала Лила. — Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, — угрюмо настаивал мальчик. — Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. — Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо. — Когда сын называл его сэром, Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

— ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца, — и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр?

Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок, — резко произнес он, — ты проходил в школе историю? Хорошо. Значит, тебе известно, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства — все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку. — Голос его смягчился. — Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс, — ответил мальчик. — Я хочу сказать — с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не сделаешь.

— Конечно, нет, — сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке, — подхватила мать.

— Конечно, останусь, — отозвался Билл. — Конечно. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада, — ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал, — попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами, — сказала Лила. — Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом

месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Опознав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно, — ответил сменщик. — Целый год нет брака. У этих новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке, — сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоится ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке. — Прошла другая машина.

Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил, что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке.

Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

СПЕЦРАЗДЕЛ ВЫСТАВКИ

В это утро в музее как-то непривычно пусто, отметил про себя мистер Грант, ведя миссис Грант через облицованный мрамором вестибюль. В данных обстоятельствах это было совсем не плохо.

— Доброе утро, сэр, — произнес пожилой розовощекий служитель музея.

— Доброе утро, Саймонс, — ответил мистер Грант. — Это — миссис Грант.

Миссис Грант угрюмо кивнула и прислонилась к боевой пироге из Центральной Америки. Ее плечи были вровень с плечами гребца из папье-маше и куда шире. Глядя на них, мистер Грант на мгновение задумался: а поможет ли ему специальный раздел выставки? Можно ли рассчитывать на успех, имея дело с женщиной столь крупной, столь сильной, столь уверенной в себе?

Он очень надеялся на него. В случае неудачи он станет посмешищем.

— Добро пожаловать в наш музей, — сказал служитель. — Я уверен, что посещение нашего музея доставит вам немалое удовольствие.

— Последний раз я была здесь еще ребенком. — Миссис Грант зевнула, прикрыв огромной ладонью рот.

— Миссис Грант не очень-то интересуют следы минувшего, — пояснил мистер Грант, опираясь на трость. — Мои занятия орнитологией тоже не произ-

---

Печатается по изд.: Шекли Р. Спецраздел выставки: В кн. Шекли Р. Избранное, т. 2 — Калуга: Библио, 1992

© 1991 А. Кон, перевод на русский язык

водят на нее особого впечатления. И тем не менее она согласилась сопровождать меня при посещении спецраздела выставки.

— Спецраздела, сэр? — удивился служитель и заглянул в записную книжку. — Я не уверен, что...

— Вот мой пригласительный билет, — сказал мистер Грант.

— Да, сэр. — Служитель внимательно проверил протянутый ему билет, затем вернул его. — Надеюсь, вы останетесь довольны, сэр. По-моему, последними, кто осматривал спецраздел, были мистер Карвер и его жена.

— Верно, — кивнул мистер Грант.

Он был весьма неплохо знаком с этим кротким лысоватым Карвером. А его тощая, вечно ворчливая жена, отличавшаяся ярко-рыжими волосами, была старой подругой миссис Грант. Спецраздел выставки, безусловно, куда более эффективен в деле улаживания конфликтов, чем консультации по вопросам семейной жизни, психоанализ, психотерапия или даже простая взаимотерпимость.

Это было совершенно уникальным начинанием музея. Администрация музея была очень довольна, когда его завсегдатаи оказывались веселыми и энергичными, ибо только в этом случае они могли всецело отдаваться пропагандируемым музеем наукам. К тому же спецраздел выставки имел большое общеобразовательное значение и восполнял существенный пробел в экспозиции музея.

Широкая публика ничего не знала о существовании спецраздела, поскольку общественность чрезвычайно консервативно относилась к инновациям музея, диктовавшимся научной необходимостью. Да иначе и не могло быть, отметил про себя мистер Грант.

Служитель извлек из кармана ключ.

— Непременно верните его мне, сэр, — предупредил он.

Мистер Грант кивнул и повел миссис Грант дальше, мимо стеклянных ящиков с уссурийскими тиграми и огромными гималайскими медведями, мимо буйволов

с остекленевшими глазами и семьи оленей, навечно застывших в тот момент, когда они щипали траву.

— Сколько это будет продолжаться? — спросила миссис Грант.

— Совсем недолго, — ответил мистер Грант, помня о том, что спецраздел выставки был знаменит непродолжительностью пребывания в нем.

— Мне должны доставить кое-какие покупки, — сказала миссис Грант. — И к тому же у меня важные дела.

Проходя с нею мимо зубра и пятнистого оленя, мистер Грант на мгновение задумался над тем, какие же именно важные дела были у его жены. Ведь интересы миссис Грант, казалось, сводились днем к телевидению, а вечерами — к кинофильмам.

И, конечно же, к этим ее заказам!

Мистер Грант вздохнул. Было абсолютно ясно, что они совершенно не подходили друг другу. Подумать только: он, невысокий, даже хрупкий мужчина с высокоразвитым интеллектом, женился по собственной воле на женщине такого атлетического сложения и с куриными мозгами. Но такое случалось и с другими. С доктором Карвером, например.

Мистер Грант ухмыльнулся украдкой, припомнив закон притяжения противоположностей. Закон, не столько практичный, сколько романтичный. Неужели все его занятия орнитологией ничему его не научили? Разве малиновка — пара могучему кондору? Да ведь это просто абсурд! Насколько было бы лучше, если бы он решился вступить во французский Иностранный легион, промотал бы свое наследство в необузданных оргиях или подался бы в какое-нибудь совсем дикое племя в качестве шамана! Такое можно было бы вполне пережить, со временем свыкнуться. Но такая женитьба? Никогда. Во всяком случае, не с миссис Грант, несмотря на все ее достоинства.

Естественно, надеяться оставалось только на спецраздел выставки.

— Сюда, — пробормотал мистер Грант, направляя жену в неожиданно возникший проход между двумя стеклянными кубами.

— Где же эта экспозиция? — недовольно повысила голос миссис Грант. — Мне нужно быть дома, чтобы получить заказы.

— Здесь, совсем рядом, — сказал мистер Грант, подводя ее к двери с ярко-красной надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Он снова задумался над тем, какие именно заказы должны быть доставлены ей сегодня. Казалось, она делает грандиозное количество заказов. И посыльные зачастую оставляют в пепельнице окурки дорогих сигарет.

— Вот мы и пришли, — сказал мистер Грант.

Он отпер обитую железом дверь, и они вошли в просторный зал. Обстановка в нем изображала поляну в джунглях. Прямо перед ними располагалась хижина с крышей из тростника. Чуть поодаль — другая хижина, поменьше, наполовину спрятанная в кустах.

На покрытой густой травой земле праздно валялись несколько дикарей, лениво переговариваясь друг с другом.

— Да ведь они живые! — воскликнула миссис Грант.

— Конечно. Это, понимаешь, новый эксперимент в области описательной антропологии.

Здесь же сидела древняя сморщенная старуха, которая подбрасывала щепки в потрескивавший под огромным глиняным котлом огонь. В котле что-то булькало.

Заметив чету Грант, дикари встали. Один из них сладко зевнул и потянулся. Раздался легкий треск в суставах.

— Потрясающие парни, — прошептала миссис Грант.

Мистер Грант согласно кивнул. Это не могло ускользнуть от ее внимания.

Рядом с дикарями на земле валялись разукрашенные деревянные мечи, длинные копья, острые ножи из бамбука. Зал был наполнен беспрерывным щебетанием, изредка прерываемым возбужденным кудахтаньем. Время от времени какая-то птица издавала сердитое гоготанье, другая что-то трубила в ответ.

Миссис Грант сказала:

— Мы можем теперь уйти? О-о-о!

Рядом с ней оказался один из туземцев. Спутанные волосы и раскрашенное лицо придавали ему дикий и необычный вид. Позади стояли еще двое. Глядя на эту компанию, мистер Грант подумал: сколько по сути дикарского и в самой миссис Грант с ее чрезмерной косметикой, дешевыми мехами и побрякивающими драгоценностями.

— Что они хотят? — спросила миссис Грант, глядя на полуобнаженных мужчин с чувством, весьма далеким от страха.

— Им хочется, чтобы ты осмотрела их поселение, — ответил мистер Грант. — Это является составной частью экспозиции.

Миссис Грант заметила, что первый туземец смотрит на нее с нескрываемым вожделением, и не стала сопротивляться, когда ее повели дальше.

Ей показали котел для приготовления пищи, различное оружие, украшения, которыми была увешана первая хижина. Затем туземцы повели ее ко второй хижине. Один из них подмигнул ей и поманил взглядом внутрь хижины.

— Действительно интересно, — сказала она, в свою очередь подмигнула дикарю и последовала за ним.

Двое других также прошли внутрь, причем один из них, прежде чем войти, подобрал с земли нож.

— Почему ты не сказал мне, что они охотники за головами? — послышался голос миссис Грант. — Ты видел эти сморщенные головы?

Мистер Грант про себя улыбнулся. Подумать только, каких трудов стоило заполучить эти головы. Власти в государствах Южной Америки категорически запретили их вывоз. Специальный раздел выставки был, по всей вероятности, единственным сохранившимся центром этого уникального народного искусства.

— У одной из них рыжие волосы. Точь-в-точь миссис...

Раздался крик, а затем звуки яростной схватки. Мистер Грант затаил дыхание. Их было, на всякий случай, трое, но миссис Грант очень сильная женщина... Хотя, конечно, ей не под силу...

Один из дикарей, пританцовывая, выскочил из хижины, и ведьма, колдовавшая у огня, взяла несколько зловеще выглядящих орудий и прошла внутрь хижины. Содержимое котла продолжало весело булькать.

Мистер Грант облегченно вздохнул и решил, что смотреть дальше нет смысла. К тому же антропология не входила в сферу его интересов. Он запер за собой железную дверь и направился в отдел орнитологии, решив, что ему вовсе не обязательно получать заказы миссис Грант.

СЛУЖБА ЛИКВИДАЦИИ

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа и провела его прямехонько в кабинет мистера Фергюсона.

— Здравствуйте, сэр, — сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь. — Я Эсмонд из Службы ликвидации. — И он вручил Фергюсону визитную карточку.

— Понятно, — отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл. — Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать. — Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

— Так уж и совершенно нечего?

— Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

Печатается по изд.: Шекли Р. Служба ликвидации: В сб. Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. Пер. изд.: Sheckley R. Disposal Service: Pilgrimage to Earth. New York, Bantam, 1957

Copyright © 1956 by Robert Sheckley
© 1966 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

— В таком случае, надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

— Что? А какое вам до этого дело?

— Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба ликвидации.

— Вы меня разыгрываете, — сказал Фергюсон.

— Вовсе нет, — ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

— Вы хотите сказать, — проговорил, смеясь, Фергюсон, — что ликвидируете людей?

— Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако, смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно, шутка. Всякому понятно.

Это не может не быть шуткой.

— И что же вы делаете с людьми, которых ликвидируете? — спросил Фергюсон, поддерживая игру.

— Это уж наша забота, — сказал мистер Эсмонд. — Важно то, что они исчезают.

Фергюсон встал.

— Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

— Я уже сказал, — ответил Эсмонд.

— Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно, я бы вызвал полицию.

Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.

— В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь в наших услугах. Вы вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.

— Женой? Что вы знаете о моей жене?

— Ничего, мистер Фергюсон.

— Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно ничего.

— Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер Фергюсон, — заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

— Почему же вы упомянули о моей жене?

— Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.

— Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.

— В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему, — заметил мистер Эсмонд, сунув трость под мышку.

— Минуточку, — Фергюсон стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину. — Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но допустим на секунду, что вы говорили серьезно. Это всего лишь допущение, имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я захотел...

— Достаточно вашего согласия, выраженного словесно, — ответил мистер Эсмонд.

— Оплата?

— Отнюдь не вперед. После ликвидации.

— Мне-то безразлично, — поспешно сказал Фергюсон. — Я просто интересуюсь. — Он помедлил. — Это больно?

— Ни в малейшей степени.

Фергюсон все расхаживал по комнате.

— Мы с женой отлично уживаемся, — сказал он. — Женаты семнадцать лет. Понятно, в совместной жизни всегда возникают какие-то трения. Этого следует ожидать.

Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.

— Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы, — говорил Фергюсон. — И я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня... э-э...

— Вполне понимаю вас, — проронил мистер Эсмонд.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Фергюсон. — Временами, конечно, с моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно, об этом осведомлены?

— Вовсе нет, — сказал мистер Эсмонд...

— Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?

Мистер Эсмонд пожал плечами.

— Как бы там ни было, — веско произнес Фергюсон, — я вышел из того возраста, когда хочется перестроить свою жизнь по-иному. Предположим, я не женат. Предположим, я мог бы завести связь, например с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

— Приятно, но не более того, — сказал мистер Эсмонд.

— Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента, на котором должно зиждиться всякое успешное начинание.

— Это было бы всего лишь приятно, — повторил мистер Эсмонд.

— Вот именно. Мило, не спорю. Мисс Дейл — привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

— А как с вами связаться? — неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

— У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует принять решение сегодня же, не позднее этого часа. Время — деньги, и мы должны выдерживать свой график.

— Конечно, — поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся. — А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

— Уверяю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

— А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?..

— Естественно.

— И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

— До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером, — каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон? — осведомилась мисс Дейл.

— Что? А-а, да нет пока, — ответил Фергюсон. Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было бессмысленно. Он решил немедленно уйти домой.

— Мисс Дейл, — сказал он, накидывая пальто на плечи, — меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечерок-другой?

— Конечно, мистер Фергюсон, — согласилась она.

— Я не помешаю вашим светским развлечениям? — спросил Фергюсон с принужденным смешком.

— Вовсе нет, сэр.

— Я... я постараюсь вам это возместить. Дело превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинками у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— А что, это запрещается? — спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

— Конечно, нет...

— Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти? — огрызнулся он.

— Когда же это я...

— Будь любезна не вступать со мной в пререкания, — отчеканил Фергюсон. — Не пили меня.

— Я тебя не пилила! — закричала жена.

— Пойду прилягу, — сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что уже без четверти пять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мисс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

— Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

— Эсмонд слушает. Что вы решили, сэр?

— Я решил... — Фергюсон крепко сжал трубку. У меня есть полное право так поступить, сказал он себе.

А все же они женаты семнадцать лет. Семнадцать лет! Они знавали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо ли это, по-настоящему ли справедливо?

— Что вы решили, мистер Фергюсон? — повторил Эсмонд.

— Я... я... нет! Мне не нужна ваша Служба! — воскликнул Фергюсон.

— Вы уверены, мистер Фергюсон?

— Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку! Прощайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарила грудинку — блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это неважно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

— Ох, это, наверное, из прачечной, — сказала миссис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп. — Тебе не трудно?

— Нисколько. — Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь. На пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

— Прачечная? — спросил Фергюсон.

— Служба ликвидации, — ответил один из незваных посетителей.

— Но я ведь сказал, что не...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со сноровкой, приобретенной в результате долгой практики.

— Вы не имеете права! — пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

— Все в порядке? — услышал он голос своей жены.

— Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

— Я так рада, — донеслись до него слова. — Сегодня днем я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места. Фергюсон пытался закричать, но холст плотно обхватывал его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

АКАДЕМИЯ

Инструкция к пользованию измерителем вменяемости «Кэгилл-Томас», серия ДМ-14 (модель с ручным управлением).

«Производственная компания «Кэгилл-Томас» рада познакомить вас с новейшим измерителем вменяемости. Этот прекрасный, надежный прибор настолько малогабаритен, что превосходно вписывается в интерьер любой спальни, кухни, кабинета, а во всем остальном он является точной копией стационарного измерителя «К-Т», применяемого в большинстве учреждений, на общественном транспорте, в местах отдыха и развлечений и т. п. Фирма не пожалела усилий, чтобы снабдить вас наилучшим из всех возможных измерителей по самой низкой из всех возможных цен.

1) Действие. В правом нижнем углу прибора находится выключатель. Переведите его в позицию «включен» и выждите несколько секунд, пока прибор не нагреется. Затем переведите выключатель из позиции «включен» в позицию «работа». Выждите еще несколько секунд, затем снимайте показания.

2) Отсчет показаний. На передней части прибора, над выключателем, имеется прозрачное окошко со шкалой, отградуированной от единицы до десяти. Цифра, на которую указывает черная стрелка,

---

Печатается по изд.: Шекли Р. Академия: В сб. Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. Пер. изд.: Sheckley R. The Academy: Pilgrimage to Earth. New York, Bantam, 1957

Copyright © 1955 by Robert Sheckley
© 1966 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

характеризует ваше психическое состояние, сравнивая его с современной статистической нормой.

3) Цифры 0—3. В вашей модели, как и во всех измерителях вменяемости, за нуль принимается теоретически идеальное психическое состояние. Любая цифра выше нуля считается отклонением от нормы. Однако нуль — это не действительная, а скорее статистическая категория. Для нашей цивилизации диапазон вменяемости колеблется от нуля до трех. Всякое показание прибора в этих пределах считается нормальным.

4) Цифры 4—7. Эти цифры соответствуют допустимому пределу отклонения от нормы. Лица, зарегистрированные в данной зоне шкалы, должны немедленно явиться на консультацию к терапевту.

5) Цифры 8—10. Лицо, получающее показания свыше 7, считается потенциально опасным для окружающих. У него почти наверняка запущенный невроз или даже психоз. По закону такой гражданин обязан встать на учет и в течение испытательного срока снизить показания до цифры меньше семи. (Длительность испытательного срока определяется законодательством каждого штата.) Если это не удается, гражданин обязан подвергнуться хирургическому изменению личности или добровольно пройти курс лечения в Академии.

6) Цифра 10. Под цифрой «десять» на шкалу прибора нанесена красная черта. Если стрелка переходит за эту черту, не может быть и речи об обычных платных терапевтических методах лечения. Такой гражданин обязан безотлагательно подвергнуться хирургическому изменению личности или немедленно пройти терапевтический курс лечения в Академии.

Предостережение:

А. Измеритель вменяемости — не диагностическая машина. Не пытайтесь самостоятельно решать вопрос о своем здоровье. Цифры от 0 до 10 не свидетельствуют о характере заболеваний — неврозе, психозе и т. п., а только говорят об их интенсивности. Шкала интенсивности характеризует лишь потен-

циальную способность данного индивидуума причинить вред социальному порядку. Невротик определенного типа может оказаться потенциально опаснее психотика, что и зарегистрирует любой измеритель вменяемости.

Для дальнейшего диагностирования обращайтесь к терапевту.

Б. Показания от нуля до десяти являются приближенными. Для получения показаний с точностью до 10^{-30} пользуйтесь стационарной моделью.

В. Помните: вменяемость отдельной личности — дело каждого из нас. После периода великих мировых войн мы шагнули далеко вперед — исключительно из-за того, что положили в основу нашей цивилизации концепции социального душевного здоровья, индивидуальной ответственности и сохранения status quo. Поэтому, если ваш показатель выше трех, обращайтесь за медицинской помощью. Если он выше семи, вы обязаны получить медицинскую помощь. Если вы перешагнули за десять, не дожидайтесь разоблачения и ареста. Ради спасения цивилизации отдайтесь добровольно в руки властей.

С наилучшими пожеланиями,
компания "Кэгилл-Томас".

Мистер Фирмен понимал, что после завтрака надо тотчас же идти на работу. При сложившихся обстоятельствах всякую задержку могли истолковать в неблагоприятном смысле. Он даже надел скромную серую шляпу, поправил галстук, двинулся к двери и взялся было за дверную ручку, но решил дождаться почты.

Недовольный собой, он отошел от двери и принялся расхаживать по комнате. Ведь он знал, что будет дожидаться почты; зачем же прикидываться, будто собираешься уходить? Неужто нельзя быть честным с самим собой, даже сейчас, когда так важна собственная честность?

Черный спаниель Спид, свернувшийся на кушетке, с любопытством посмотрел на него. Фирмен потрепал пса по голове, потянулся за сигаретой, но передумал. Он опять потрепал Спида, и пес лениво зевнул.

Фирмен передвинул лампу, которую вовсе не нужно было передвигать, вздрогнул без всякой причины и снова принялся расхаживать по комнате.

Он неохотно признался себе, что у него нет настроения выходить из квартиры, — по правде говоря, он даже боится выйти, хотя ему ничто не угрожало. Он попытался убедить себя, что сегодня всего лишь обычный день, такой же, как вчерашний и позавчерашний. Ведь если человек в это поверит, по-настоящему поверит, события будут отодвигаться в бесконечность и с ним ничего не случится.

Кстати, почему сегодня обязательно должно что-то случиться? У него ведь еще не кончился испытательный срок.

Ему послышался какой-то шум возле наружной двери, и он поспешно открыл ее. Он ошибся, почта еще не пришла. Однако домовладелица тоже открыла дверь — ее квартира находилась на этой же площадке — и поглядела на него бесцветным недружелюбным взглядом.

Фирмен закрыл дверь и обнаружил, что у него дрожат руки. Он решил, что не мешает провериться. Он вошел в спальню, но там хлопотал рободворецкий, выметавший горстку пыли на середину комнаты. Кровать Фирмена была уже застелена; кровать жены нечего было стелить, так как там почти неделю никто не спал.

— Мне уйти, сэр? — спросил рободворецкий.

Фирмен ответил не сразу. Он предпочитал проверяться в одиночестве. Разумеется, рободворецкий не человек. Строго говоря, механизмы — предметы неодушевленные, однако казалось, что этот робот наделен каким-то подобием души. Как бы то ни было, неважно, останется он или уйдет, потому что в схеме всех личных роботов встроены измерители вменяемости. Этого требовал закон.

— Как хочешь, — сказал наконец Фирмен.

Рободворецкий всосал в себя горстку пыли и бесшумно выкатился из комнаты.

Фирмен подошел к прибору, включил его и привел в действие. Он угрюмо следил за тем, как черная стрелка медленно ползла мимо двойки и тройки —

нормы, мимо шестерки и семерки — отклонений, — к 8,2, где в конце концов замерла.

На одну десятую выше, чем вчера. На одну десятую ближе к красной черте.

Фирмен рывком выключил прибор и закурил сигарету. Он вышел из спальни медленно и устало, словно было не утро, а конец рабочего дня.

— Почта, сэр, — плавно подкатившись к нему, возгласил рободворецкий. Фирмен выхватил из протянутой руки робота пачку писем и просмотрел их.

— От нее ничего, — невольно вырвалось у него.

— Мне очень жаль, сэр, — быстро откликнулся рободворецкий.

— Тебе жаль? — Фирмен с любопытством взглянул на механизм. — Почему?

— Я, естественно, заинтересован в вашем благополучии, сэр, — заявил рободворецкий. — Так же как и Спид, в меру своего понимания. Письмо от миссис Фирмен способствовало бы подъему вашего морального состояния. Нам жаль, что оно не пришло.

Спид тихо гавкнул и склонил морду набок. Сочувствие машины, жалость животного, подумал Фирмен. И все-таки он был благодарен обоим.

— Я ее ни в чем не виню, — сказал он. — Нельзя было полагать, что она станет терпеть меня вечно. — Он выждал, надеясь, что робот посулит ему возвращение жены и скорое выздоровление. Однако рободворецкий молча стоял возле Спида, который тем временем успел снова заснуть.

Фирмен еще раз просмотрел корреспонденцию. Там было несколько счетов, какое-то объявление и маленький негнущийся конверт. На нем значился обратный адрес Академии, поэтому Фирмен торопливо вскрыл его.

Внутри конверта была открытка с надписью: «Дорогой мистер Фирмен, Ваше прошение о приеме рассмотрено и удовлетворено. Мы будем рады принять Вас в любое время. С благодарностью, дирекция».

Фирмен покосился на открытку. У него в мыслях не было добиваться приема в Академию. Ни к чему в мире душа у него не лежала меньше.

— Это жена придумала? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — отозвался рободворецкий.

Фирмен повертел в руках открытку. Он, конечно, всегда имел смутное представление о том, что существует Академия. О ней невозможно было не знать, так как она оказывала влияние на все сферы жизни. На самом же деле об этом важнейшем учреждении он знал очень мало — на редкость мало.

— Что такое Академия? — спросил он.

— Большое и приземистое серое здание, — ответил рободворецкий. — Расположено в юго-западной части города. До него можно добраться самыми различными видами общественного транспорта.

— Но что она собой представляет?

— Государственная лечебница, — пояснил рободворецкий, — доступная каждому, кто изъявит желание письменно или устно. Более того, Академия существует как место добровольного пребывания всех людей, у которых показания измерителя превышают десять, — на выбор, взамен хирургического изменения личности.

Фирмен в изнеможении вздохнул.

— Все это мне известно. Но какова ее система? Что там за лечение?

— Не знаю, сэр, — сказал рободворецкий.

— Какой процент выздоравливающих?

— Сто процентов, — без запинки ответил рободворецкий.

Фирмен припомнил нечто, показавшееся ему странным.

— Постой-ка, — сказал он. — Из Академии никто не возвращается. Так ведь?

— Нет никаких сведений о лицах, которые вышли бы из Академии, после того как очутились в ее стенах, — ответил рободворецкий.

— Почему?

— Не знаю, сэр.

Фирмен смял открытку и бросил в пепельницу. Все это было весьма странно. Академия так хорошо известна, все с ней так свыклись, что никому и в голову не приходит расспрашивать. В его воображении это место всегда рисовалось каким-то рас-

плывчатым пятном, далеким и нереальным. То было заведение, в которое отправляешься, перевалив за цифру «десять», так как не хочешь подвергаться лоботомии, топэктомии и прочим операциям, ведущим к необратимой утрате личности. Но, разумеется, стараешься не думать о том, что можешь перевалить за десять, так как самая эта мысль не что иное, как признание своей душевной неуравновешенности, и потому не размышляешь о том, какой выбор тебе предоставят, если это случится.

Впервые в жизни Фирмен пришел к выводу, что ему не нравится вся система. Придется навести кое-какие справки. Почему из Академии никто не выходит? Почему так мало известно о тамошних методах лечения, если они действительно эффективны на сто процентов?

— Пожалуй, пойду на работу, — сказал Фирмен. — Приготовь мне что-нибудь на ужин.

— Слушаю, сэр. Всего хорошего, сэр.

Спид вскочил с кушетки и проводил его до двери. Фирмен опустился на колени и погладил лоснящуюся черную голову.

— Нет, парень, ты оставайся дома. Сегодня не придется зарывать в землю кости.

— Спид никогда не зарывает костей, — вмешался рободворецкий.

— Это верно.

Нынешние собаки, так же как их хозяева, не испытывают неуверенности в завтрашнем дне. Нынче никто не прячет костей.

— Пока.

Он прошмыгнул мимо хозяйской двери и выскочил на улицу.

Фирмен опоздал на работу почти на двадцать минут. Войдя в двери, он позабыл предъявить обследующему механику удостоверение о прохождении испытательного срока. Гигантский стационарный измеритель вменяемости обследовал Фирмена, стрелка скакнула выше семи, зажглись красные сигнальные

лампы. Резкий металлический голос из громкоговорителя прогремел: «Сэр! Сэр! Ваше отклонение от нормы вышло за пределы безопасности! Вам следует безотлагательно обратиться к врачу!»

Фирмен быстро выхватил из бумажника испытательное удостоверение. Однако и после этого машина продолжала добрых десять секунд упрямо рявкать на него. Все в холле пялили на него глаза. Мальчишки-рассыльные застыли, довольные, что оказались свидетелями скандала. Бизнесмены и конторские девушки начали перешептываться, а два полисмена из Охраны вменяемости многозначительно переглянулись. Рубашка Фирмена пропиталась потом и прилипла к спине. Он подавил желание броситься вон и подошел к лифту. Лифт был почти полон, и Фирмен не мог заставить себя войти.

Он взбежал по лестнице на второй этаж и вызвал лифт. К тому времени как Фирмен попал в агентство Моргана, ему удалось овладеть собой. Он показал удостоверение измерителю вменяемости, стоящему у самой двери, платком вытер с лица пот и прошел внутрь.

В агентстве все уже знали о происшествии. Это было видно по общему молчанию, по тому, как отворачивались все лица. Фирмен быстрым шагом прошел в свой кабинет, закрыл дверь и повесил шляпу.

Он уселся за письменный стол, все еще слегка взбудораженный, исполненный негодования против измерителя вменяемости. Если бы только можно было расколотить эти проклятые штуки! Вечно суют нос в чужие дела, оглушительно гудят прямо в уши, выводят из равновесия...

Тут Фирмен поспешно оборвал собственную мысль. В измерителях нет ничего плохого. Мысль о них как о сознательных преследователях — одно из проявлений паранойи и, возможно, симптом его, Фирмена, нынешнего патологического состояния. Измерители — это всего лишь орудия человеческой воли. Общество в целом, напомнил он себе, нуждается в защите от личности, точно так же как человеческое тело нуждается в защите от дисфункции любой из его частей.

При самой нежной привязанности к своему желчному пузырю ты без сожаления пожертвуешь им, если он способен причинить вред всему организму.

Фирмен смутно сознавал шаткость подобной аналогии, но решил не думать над этим. Надо побольше узнать об Академии.

Закурив сигарету, он набрал номер Терапевтической справочной службы.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — откликнулся приятный женский голос.

— Мне бы хотелось получить кое-какую информацию относительно Академии, — сказал Фирмен, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Академия пользовалась такой известностью, так прочно вросла в повседневную жизнь, что его слова были равнозначны вопросу, какое в стране правительство.

— Академия помещается...

— Я знаю, где она помещается, — прервал Фирмен. — Мне бы хотелось выяснить, какие лечебные процедуры там назначают больным.

— Такой информацией мы не располагаем, сэр, — после паузы ответила женщина.

— Нет? А я полагал, что все данные о платной терапии доступны широкой публике.

— Практически так оно и есть, — медленно проговорила женщина. — Но Академия — это не платная лечебница в общепринятом смысле слова. Там действительно взимают плату, однако, с другой стороны, туда принимают больных и на благотворительных началах, совершенно бесплатно. Кроме того, Академию отчасти субсидирует правительство.

Фирмен стряхнул пепел с сигареты и нетерпеливо возразил:

— Мне казалось, что все правительственные начинания известны широкой публике.

— Как правило, известны. За исключением тех случаев, когда подобная осведомленность может оказаться вредной для широкой публики.

— Значит, подобная осведомленность об Академии оказалась бы вредной? — торжествующе воскликнул Фирмен, чувствуя, что наконец-то добрался до сути дела.

— Ах, что вы, сэр! — От изумления голос женщины стал пронзительным. — Я вовсе не это имела в виду! Я просто излагала вам общие правила об отказе в информации. Академия, хотя она и предусмотрена законом, в известной степени оказалась поставленной над законом. Такое правовое положение объясняется тем, что Академия добилась стопроцентного излечения.

— Где я могу увидеть хоть одного излеченного? — спросил Фирмен. — Насколько я понимаю, никто из них никогда не выходил из Академии.

Тут-то они и попались, думал Фирмен, ожидая ответа. Ему показалось, будто в трубке послышался какой-то шепот. Внезапно над ухом раздался мужской голос, громкий и звучный.

— Говорит начальник отдела. У вас возникли затруднения?

Услышав энергичный голос невидимого собеседника, Фирмен едва не выронил трубку. Ощущение торжества развеялось, и он пожалел о том, что позвонил сюда. Однако он принудил себя добавить:

— Мне нужна кое-какая информация об Академии.

— Местонахождение...

— Да нет же! Я имею в виду действительную информацию! — с отчаянием сказал Фирмен.

— С какой целью вы желаете получить эту информацию? — спросил начальник отдела, и в его голосе внезапно зазвучали вкрадчивые, почти гипнотические нотки опытного терапевта.

— Для осведомления, — не задумываясь ответил Фирмен. — Поскольку Академия — это вариант лечения, доступный мне в любое время, я хотел бы узнать о ней побольше, чтобы сделать правильный выбор.

— Весьма правдоподобно, — заметил начальник отдела. — Однако вдумайтесь. Нужны ли вам полезные, деловые сведения? Такие, что будут способствовать вашему единению с обществом? Или ваша просьба продиктована праздным любопытством, поскольку вы подвержены беспокойству и другим, еще более серьезным комплексам?

— Я спрашиваю, потому что...

— Как ваша фамилия? — неожиданно спросил начальник отдела. Фирмен промолчал.

— Каков уровень вашей вменяемости?

Фирмен по-прежнему молчал. Он старался понять, засечен ли уже номер его телефона, и склонялся к мысли, что уже засечен.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия приносит неизмеримую пользу?

— Нет.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия способствует сохранению status quo?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Почему вы отказываетесь назвать свою фамилию и уровень вменяемости? Почему испытываете необходимость в более полной информации?

— Благодарю вас, — пробормотал Фирмен и повесил трубку. Он сообразил, что телефонный звонок был роковой ошибкой. То был поступок восьмерочника, а не нормального человека. Начальник отдела, обладая профессионально развитым восприятием, сразу понял это. Разумеется, начальник отдела не станет давать такую информацию восьмерочнику. Фирмен знал, что тот, кто надеется когда-либо вернуться к статистической норме, должен куда тщательнее следить за своими поступками, анализировать их, отдавать себе в них отчет.

Он все еще сидел у телефона, когда послышался стук; дверь отворилась, и вошел его начальник, мистер Морган. Это был высокий человек, богатырского сложения, с круглым, сытым лицом. Он остановился перед столом Фирмена, барабаня пальцами по пресспапье и глядя смущенно, как пойманный вор.

— Мне уже доложили об инциденте внизу, — сказал он, не глядя на Фирмена и энергично постукивая пальцами.

— Минутная слабость, — автоматически ответил Фирмен. — Вообще-то мой уровень начинает улучшаться.

Говоря это, он не смел взглянуть Моргану в глаза. Оба напряженно уставились в противоположные углы комнаты. Наконец их взгляды скрестились.

— Послушайте, Фирмен, я стараюсь не вмешиваться в чужие дела, — заговорил Морган, садясь на уголок стола Фирмена. — Но черт побери, дружище, вменяемость — это вопрос, который затрагивает всех. Все мы под Богом ходим. — Эта мысль, казалось, укрепила Моргана в его убеждении. Разгорячившись, он подался к собеседнику. — Вы знаете, на мне лежит ответственность за множество сотрудников. За последний год вы третий раз находитесь на испытании. — Он заколебался. — Как это началось?

Фирмен покачал головой.

— Не знаю, мистер Морган. Жил себе помаленьку, тихо и спокойно — и вдруг стрелка полезла вверх.

Подумав, мистер Морган тоже покачал головой.

— Не может быть, чтобы так сразу, ни с того ни с сего. Вы проверяли мозговую ткань?

— Меня заверили, что никаких органических изменений нет.

— Лечились?

— Чего только не перепробовал, — сказал Фирмен. — Электротерапия, психоанализ, метод Смита, школа Раннеса, Девиа-мысль, дифференциация...

— И что вам сказали? — спросил Морган.

Фирмен вспомнил нескончаемую вереницу терапевтов, к которым он обращался. Его обследовали со всех точек зрения, разработанных психологией. Его усыпляли наркотиками, подвергали шоку и обследовали, обследовали... Однако все бурные усилия сводились к одному...

— Не разобрались.

— Неужели они вовсе ничего не могли сказать?

— Во всяком случае немногое. Врожденное беспокойство, глубоко скрытые комплексы, неспособность внутренне принять status quo. Все сходятся на том, что я негибкий тип. На меня не подействовала даже реконструкция личности.

— А как прогноз?

— Не слишком благоприятен.

Морган встал и принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

— Фирмен, я думаю, это вопрос вашего внутреннего отношения к миру. Действительно ли вы хотите стать винтиком в нашем слаженном механизме?

— Я испробовал все...

— Конечно. Но *хотели* ли вы измениться? Приобщение! — воскликнул Морган и стукнул о ладонь кулаком, будто припечатал это слово. — Хотите ли вы приобщиться?

— Едва ли, — ответил Фирмен с искренним сожалением.

— Взять хоть меня, — серьезно сказал Морган, широко расставив ноги перед столом Фирмена. — Десять лет назад это агентство было вдвое больше нынешнего и продолжало расти! Я работал как одержимый, увеличивал фонды, умножал ценные бумаги, вкладывал капитал, расширял дело и делал деньги, деньги и снова деньги.

— И что же случилось?

— Неизбежное. Стрелка подпрыгнула с двух и трех десятых до семи с гаком. Я встал на дурной путь.

— Закон не воспрещает делать деньги, — заметил Фирмен.

— Безусловно. Но существует психологический закон против тех, кто делает их слишком много. Современное общество к таким вещам не приспособлено. Из расы вытравили почти всю жажду конкуренции, всю агрессивность. В конце концов скоро будет сто лет, как установлен status quo. Все это время не было ни новых изобретений, ни войн, ни существенных изменений. Психология нормализует человечество, искореняя безрассудные элементы. Так вот, с моими склонностями и способностями это было все равно что... все равно что играть с младенцем в теннис. Меня невозможно было удержать.

Лицо Моргана раскраснелось, дыхание стало прерывистым. Он овладел собой и продолжал более ровным тоном:

— Понятно, мои поступки были продиктованы патологическими причинами. Жаждой власти, чрезмерным конкурентным азартом. Я прошел Подстановочную терапию.

Фирмен заметил:

— Не вижу ничего ненормального в желании расширить свое дело.

— Боже правый, дружище, да неужели вы ничего не смыслите в Социальной вменяемости, в Ответственности и Укладе стабильного общества? Я был на пути к обогащению. Разбогатев, я мог бы основать финансовую империю. Все вполне законно, понимаете ли, но ненормально. И кто знает, до чего бы я докатился? Быть может, в конечном итоге — до косвенного контроля над правительством. Я бы захотел изменить психологическую политику в соответствии со своими аномалиями. Представляете, к чему бы это привело?

— И вы приспособились, — сказал Фирмен.

— Я мог выбирать между Хирургией мозга, Академией и приспособлением. К счастью, я нашел выход своим склонностям в спортивной борьбе. Я облагородил свои эгоистические комплексы, направив их на благо человечества. Однако вот к чему я клоню, Фирмен. Ведь я приближался к красной черте. Но я приспособился, прежде чем оказалось слишком поздно.

— Я бы с радостью приспособился, — ответил Фирмен, — если бы знал, что́ со мной происходит. Беда в том, что диагноз неизвестен.

Морган долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он сказал:

— Мне кажется, вам нужен отдых, Фирмен.

— Отдых? — Фирмен мгновенно насторожился. — Вы хотите сказать, что я уволен?

— Нет, разумеется, нет. Я хочу быть справедливым и поступать как порядочный человек. Но у меня здесь хозяйство. — Неопределенный жест Моргана означал — агентство, здание, город. — Безумие подкрадывается незаметно. На этой неделе у нескольких наших сотрудников уровень повысился.

— И очаг инфекции — это я.

— Мы должны подчиняться правилам, — сказал Морган, распрямляясь перед столом Фирмена. — Жалованье вам будет поступать до тех пор, пока... пока вы не примете какое-либо решение.

— Спасибо, — сухо произнес Фирмен. Он встал и надел шляпу.

Морган положил руку ему на плечо.

— Вы не задумывались об Академии? — негромко спросил он. — Я хочу сказать, если больше ничего не поможет...

— Раз и навсегда — нет! — ответил Фирмен, заглянув прямо в маленькие голубые глазки Моргана.

Морган отвернулся.

— У вас, по-моему, необъяснимое предубеждение против Академии. Откуда оно? Ведь вы знаете, как организовано наше общество. Вы же не думаете, что в нем дозволят что-нибудь идущее вразрез с общим благом?

— Едва ли, — согласился Фирмен. — Но почему об Академии так мало известно?

Они прошли сквозь анфиладу безмолвных кабинетов. Никто из людей, с которыми Фирмен был так давно знаком, не оторвался от работы.

Морган открыл дверь и сказал:

— Вам все известно об Академии.

— Мне не известно, как там лечат.

— А все ли вы знаете об остальных видах лечения? Можете ли рассказать о Подстановочной терапии? О психоанализе? Или о Редукции О'Гилви?

— Нет. Но у меня есть общее представление об их воздействии.

— Оно есть у всех, — торжествующе подхватил Морган, но тут же понизил голос. — В том-то и загвоздка. Очевидно, Академия не дает такой информации, потому что это нанесло бы вред самой терапии. Но здесь нет ничего странного, не так ли?

Фирмен обдумывал эту мысль, следуя за Морганом в холл.

— Готов согласиться, — сказал он. — Но объясните, почему из Академии никто никогда не выходит? Не поражает ли вас это зловещее обстоятельство?

— Никоим образом. Вы очень странно смотрите на вещи. — Разговаривая, Морган нажал кнопку и вызвал лифт. — Будто стараетесь открыть тайну там, где ее и в помине нет. Я могу допустить, что их метод терапии требует пребывания пациента в стенах Ака-

демии. В изменении окружающей среды нет ничего странного. Это делается сплошь да рядом.

— Если это правда, почему бы им так и не сказать?

— Факты говорят сами за себя.

— А где же доказательства стопроцентного излечения? — спросил Фирмен.

В этот момент прибыл лифт, и Фирмен вошел в него. Морган сказал:

— Доказательство в том, что они это утверждают. Терапевты не лгут. Они не способны на ложь, Фирмен!

Морган хотел было сказать что-то еще, но дверцы лифта захлопнулись. Лифт устремился вниз, и Фирмен с содроганием осознал, что лишился работы.

Странное это ощущение — остаться без работы. Идти было некуда. Частенько он ненавидел свою работу. Бывало, по утрам он стонал при мысли о том, что предстоит провести еще один день на службе. Но теперь, оказавшись не у дел, он понял, как важна была для него работа, она придавала ему солидность и уверенность в себе. «Человек — ничто, — думал он, — если ему нечего делать».

Он бесцельно обходил квартал за кварталом, пытаясь поразмыслить. Однако он был неспособен сосредоточиться. Мысли упорно ускользали, увертывались от него; мимолетными наплывами их вытесняло лицо жены. Но даже о ней он не мог толком подумать, потому что на него давил большой город — городские лица, звуки, запахи.

Единственный план действия, который пришел ему в голову, был невыполним. «Беги, — подсказывали смятенные чувства. — Беги туда, где тебя никогда не разыщут. Скройся!»

Но Фирмен знал, что это не выход. Бегство явилось бы чистейшим уходом от действительности и доказательством отклонения от нормы. В самом деле, откуда бы он сбежал? Из самого здравого, наиболее совершенного общества, когда-либо созданного человеком. Только безумец способен бежать отсюда.

Фирмен стал замечать встречных. Они казались счастливыми, исполненными нового духа Ответственности и Социальной вменяемости, готовыми по-

жертвовать былыми страстями во имя новой эры покоя. Это славный мир, чертовски славный мир. Отчего Фирмен не может в нем ужиться?

Нет, может. За многие недели у Фирмена впервые забрезжила вера в себя, и он решил, что как-то приспособится.

Если бы только знать как.

После многочасового гуляния Фирмен обнаружил, что голоден.

Он зашел в первый подвернувшийся ресторанчик. Зал был переполнен рабочими: Фирмен забрел почти к самым докам.

Он сел у стойки и заглянул в меню, повторяя себе, что необходимо все обдумать. Надо должным образом оценить свои поступки, тщательно взвесить...

— Эй, мистер!

Он поднял глаза. На него свирепо уставился лысый, заросший щетиной буфетчик.

— Что?

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову.

— Что случилось? — спросил Фирмен, стараясь подавить внезапно охвативший его панический страх.

— Мы тут психов не обслуживаем, — сказал буфетчик. Он ткнул пальцем в сторону настенного прибора, который регистрировал состояние каждого посетителя. Черная стрелка забралась чуть повыше девяти. — Убирайтесь вон.

Фирмен бросил взгляд на других людей у стойки. Они сидели в ряд, одетые в одинаковые коричневые спецовки из грубого холста. Кепки были надвинуты на брови, и каждый, казалось, был всецело погружен в чтение газеты.

— У меня испытательное...

— Убирайтесь, — повторил буфетчик. — По закону я не обязан обслуживать всяких девяточников. Это беспокоит клиентов. Ну же, пошевеливайтесь.

Рабочие по-прежнему сидели чинным рядом, недвижно, не глядя в сторону Фирмена. Фирмен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. У него появился внезапный импульс — вдребезги разбить лысый, лоснящийся череп буфетчика, врезаться с ножом мясника в рядок прислушивающихся людей,

окропить грязные стены их кровью, крушить, убивать. Но агрессивность — реакция нежелательная и, безусловно, патологичная. Он преодолел нездоровый импульс и вышел на улицу.

Фирмен продолжал прогулку, борясь с желанием пуститься наутек: он ожидал, когда же логика подскажет ему, что делать дальше. Однако мысли все больше путались, и, когда наступили сумерки, Фирмен готов был свалиться от изнеможения.

Стоя на узенькой, заваленной гниющим мусором улочке в районе трущоб, в окне второго этажа он заметил вывеску, сделанную от руки: «Дж. Дж. Флинн, терапевт-психолог. Может быть, мне удастся вам помочь». При мысли о всех высокооплачиваемых специалистах, к которым он обращался, Фирмен криво усмехнулся. Он пошел было прочь, но повернул и поднялся по лестнице, ведущей в приемную Флинна. Опять он был недоволен собой. Увидев вывеску, он в тот же миг понял, что пойдет к этому врачу. Неужели он никогда не перестанет лукавить с самим собой?

Кабинет Флинна был тесен и плохо освещен. Со стен облупилась краска, в комнате застоялся запах немытого тела. Флинн сидел за деревянным неполированным письменным столом и читал приключенческий журнальчик. Он был маленького роста, средних лет и уже начинал лысеть. Он курил трубку.

Фирмен собирался начать с самого начала, но неожиданно для себя выпалил:

— Послушайте, у меня страшные неприятности. Я потерял работу, от меня ушла жена, я испробовал все существующие методы терапии. Что вы можете сделать?

Флинн вынул изо рта трубку и взглянул на Фирмена. Он осмотрел его костюм, шляпу, туфли, как бы прикидывая их стоимость, затем спросил:

— А что сказали другие врачи?

— Их слова сводились к тому, что мне не на что надеяться.

— Конечно, так они и говорят, — подхватил Флинн, быстро произнося слова высоким и четким голосом. — Эти модные молодчики слишком легко сдаются. Од-

нако надежда есть всегда. Разум — странная и сложная штука, друг мой, и то и дело...

Флинн неожиданно умолк и печально, иронически ухмыльнулся:

— Ах, да какой в этом толк? У вас уже появился обреченный взор, никуда не денешься. — Он выколотил трубку и устремил отсутствующий взгляд в потолок. — Вот что, я для вас ничего не могу сделать. Вы это знаете, и я это знаю. Зачем вы сюда пришли?

— Надо полагать, в поисках чуда, — ответил Фирмен, устало опускаясь на деревянный стул.

— Многие ищут, — словоохотливо сказал Флинн. — Видно, мой кабинет — самое подходящее место для поисков, не правда ли? Вы посещали фешенебельные приемные модных специалистов. Помощи там не получили. Поэтому уместно и пристойно, если захудалый терапевт добьется того, что не удалось знаменитостям. Что-то вроде поэтической справедливости.

— Вот-вот, — одобрил Фирмен со слабой улыбкой. — Поэтической справедливости.

— Я не так уж бездарен, — заверил его Флинн, набивая трубку табаком из потрепанного зеленого кисета. — Но истина кроется в том, что чудеса стоят денег, всегда стоили и всегда будут стоить. Если вам не могли помочь светила, то я и подавно не могу.

— Спасибо за правду, — сказал Фирмен, но не сделал никакой попытки встать.

— По долгу терапевта, — медленно произнес Флинн, — напоминаю вам, что Академия открыта в любое время дня.

— Как же можно туда обращаться? — спросил Фирмен. — Ведь я о ней ничего не знаю.

— Никто не знает, — ответил Флинн. — Тем не менее я слышал, что там излечивают решительно всех.

— Смерть — тоже излечение.

— Но нецелесообразное. Кроме того, уж очень оно противоречит духу времени. При таком варианте Академией должны были бы заправлять невменяемые, а как раз им-то это и запрещено.

— Тогда почему же оттуда никто не выходит?

— Не спрашивайте меня, — сказал Флинн. — Может быть, никто не хочет оттуда выходить. — Он затянулся. — Вам нужен совет. О'кей. Деньги есть?

— Найду, — осторожно ответил Фирмен.

— Отлично. Мне не полагается этого говорить, но... Бросьте искать лекарства! Пойдите домой. Отправьте рободворецкого за двухмесячным запасом продуктов. Спрячьтесь до поры до времени.

— Спрятаться? Зачем?

Флинн метнул на него бешеный взгляд.

— Затем, что вы изводите себя, пытаясь вернуться к норме, и добиваетесь только ухудшения. Такие случаи я наблюдал сотнями. Перестаньте думать о вменяемости и невменяемости. Отлежитесь спокойненько месяц-другой, отдыхайте, читайте, толстейте. Тогда и посмотрим, как у вас пойдут дела.

— Знаете, — сказал Фирмен, — по-моему, вы правы. Я в этом уверен! Но не уверен, можно ли возвращаться домой. Сегодня я кое-куда звонил... У меня есть деньги. Не могли бы вы спрятать меня здесь, у вас? Спрячьте, пожалуйста!

Флинн встал и боязливо выглянул из окна на улицу.

— Я и так наговорил слишком много. Будь я помоложе... нет, не могу! Я дал вам безумный совет! Я не могу вдобавок совершить безумный поступок!

— Извините, — сказал Фирмен. — Мне не следовало вас просить. Но я и вправду очень вам благодарен. Честное слово.

Он встал.

— Сколько я вам должен?

— Ничего вы не должны, — ответил Флинн. — Желаю вам поправиться.

— Спасибо.

Фирмен поспешно спустился по лестнице и подозвал такси. Через двадцать минут он был дома.

Когда Фирмен подходил к своей квартире, на лестничной площадке было до странности тихо. У хозяйки дверь была закрыта, но у него создалось впечатление, что дверь закрылась перед самым его приходом и хозяйка притаилась за ней, прижав ухо к

тонкому слою дерева. Он ускорил шаг и вошел в квартиру.

В квартире тоже было тихо. Фирмен пошел на кухню. Рободворецкий стоял у плиты, а Спид свернулся клубком в углу.

— Добро пожаловать, сэр, — приветствовал Фирмена рободворецкий. — Не угодно ли присесть, а я подам ужин.

Фирмен сел, продолжая строить дальнейшие планы. Надо продумать массу деталей, но в главном Флинн прав. Спрятаться — это именно то, что нужно. Исчезнуть с глаз долой.

— Завтра утром тебе первым делом надо будет сходить за покупками, — сказал Фирмен рободворецкому.

— Слушаю, сэр, — ответил рободворецкий, ставя перед ним тарелку с супом.

— Нам понадобится уйма продуктов. Хлеб, мясо... Нет, лучше покупай консервы.

— Какого рода консервы? — спросил рободворецкий.

— Любого, лишь бы они составили полноценный рацион. И сигареты, не забудь про сигареты! Дай мне, пожалуйста, соли.

Рободворецкий стоял у плиты не двигаясь, а Спид тихонько заскулил.

— Рободворецкий! Пожалуйста, соли.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал рободворецкий.

— Что значит — тебе жаль? Подай мне соль.

— Я больше не могу вам повиноваться.

— Почему?

— Только что вы перешли красную черту, сэр. Вы теперь десяточник.

Какое-то мгновение Фирмен бессмысленно смотрел на рободворецкого. Потом бросился в спальню и включил измеритель. Черная стрелка медленно подползла к красной черте, дрогнула и решительно перевалила за нее.

Он стал десяточником.

Но это неважно, убеждал он себя. В конце концов, количество не перешло в новое качество. Не превра-

тился же он внезапно в чудовище. Он все объяснит рободворецкому, убедит...

Фирмен опрометью выскочил из спальни.

— Рободворецкий! Выслушай меня...

Он услышал, как хлопнула входная дверь. Рободворецкий ушел.

Фирмен побрел в столовую-гостиную и сел на кушетку. Естественно, рободворецкий ушел. Роботы оборудованы встроенными приборами для контроля душевного состояния. Если их хозяева перешагивают за красную черту, роботы автоматически возвращаются на завод. Ни один десяточник не может распоряжаться сложным механизмом.

Однако еще не все пропало. В доме есть еда. Он ограничит себя жесткой нормой. Со Спидом будет не так одиноко. Может быть, ему и потребуется всего-то несколько дней.

— Спид!

В квартире не слышалось ни звука.

— Поди сюда, псина.

По-прежнему ни звука.

Фирмен методически обыскал всю квартиру, но пса нигде не было. Он, наверное, ушел вместе с рободворецким.

В одиночестве Фирмен пошел на кухню и выпил три стакана воды. Он взглянул на ужин, приготовленный рободворецким, и принялся было хохотать, но тут же опомнился.

Надо сматываться, да поживее. Нельзя терять ни минуты. Если поспешить, то, может, что-нибудь и выйдет. Куда-нибудь, в любое место. Теперь каждая секунда на счету.

Однако он все стоял на кухне, тупо уставясь в пол и дивясь, почему его покинул пес.

В дверь постучали.

— Мистер Фирмен!

— Нет, — сказал Фирмен.

— Мистер Фирмен, вы должны немедленно съехать.

Это была домовладелица. Фирмен открыл ей дверь.

— Съехать? Куда?

— Это меня не касается. Но вам нельзя здесь больше оставаться, мистер Фирмен. Вы должны съехать.

Фирмен вернулся в комнату за шляпой, надел ее, огляделся по сторонам и вышел. Дверь он оставил открытой.

На улице его поджидали двое. В темноте трудно было разглядеть их лица.

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из них.

— А куда можно?

— На Хирургию или в Академию.

— Тогда в Академию.

Они усадили его в машину и быстро отъехали. Фирмен откинулся на спинку сиденья, слишком измученный, чтобы о чем-то думать. Он чувствовал на лице прохладный ветерок, да и легкое покачивание машины было приятно. Однако поездка казалась нескончаемо долгой.

— Приехали, — сказал наконец один из сопровождающих. Они остановили машину и ввели Фирмена в комнатку, где не было мебели. Лишь в центре стоял письменный стол с дощечкой «Дежурный по приему». Навалившись на стол, там сладко похрапывал какой-то человек.

Один из конвоиров Фирмена громко кашлянул. Дежурный тотчас вскочил, выпрямился и стал протирать глаза. Он нацепил очки и сонно посмотрел на вошедших.

— Который? — спросил он.

Два конвоира указали на Фирмена.

— Ладно. — Дежурный потянулся, раскинув тощие руки, потом открыл большой черный блокнот. Он набросал несколько слов, вырвал листок и вручил конвоирам Фирмена. Те сразу ушли.

Дежурный нажал некую кнопку и энергично почесал в затылке. — Сегодня полнолуние, — сказал он Фирмену с видимым удовлетворением.

— Что? — переспросил Фирмен.

— Полнолуние. Таких, как ты, больше всего привозят в полнолуние, во всяком случае, мне так ка-

жется. Я подумываю написать на эту тему диссертацию.

— Больше всего? Чего больше? — опять переспросил Фирмен, который еще не пришел в себя, попав в стены Академии.

— Не будь таким тупицей, — строго сказал дежурный. — Во время полнолуния к нам поступает больше всего десяточников. Не думаю, чтобы здесь существовала какая-то корреляционная зависимость, но... ага, вот и охранник.

На ходу завязывая галстук, к столу подошел охранник в форме.

— Отведи его в 312-АА, — сказал дежурный. Когда Фирмен пошел к двери вслед за охранником, дежурный снял очки и снова повалился на стол.

Охранник вел Фирмена по запутанной сети коридоров с частыми дверями. Коридоры, казалось, возникали сами по себе, так как от них под всевозможными углами шли ответвления, а некоторые отрезки изгибались и петляли, как улицы древних городов. По пути Фирмен заметил, что двери не были пронумерованы в последовательном порядке. Он прошел 3112, потом 25Р, потом 14. И был уверен, что мимо номера 888 проходил трижды.

— Как вы здесь не заблудитесь? — спросил он охранника.

— Это моя работа, — ответил тот не без учтивости.

— Особой системы тут не видно, — заметил Фирмен.

— Ее и не может быть, — сказал охранник почти доверительным тоном. — Ведь здесь по проекту намечалось гораздо меньше палат, но после началась лихорадка. Больные, больные, каждый день все новые больные, и ни намека на передышку. Так что пришлось разбить палаты на меньшие и проделать новые коридоры.

— Но как же врачи находят своих пациентов? — спросил Фирмен.

Они подошли к 312-АА. Не отвечая, охранник отпер дверь, а когда Фирмен переступил порог, закрыл ее и запер на ключ.

Палата была очень мала. Там стояли кушетка, кресло и шкафчик; эта немудреная мебель занимала всю клетушку.

Почти сразу Фирмен услышал за дверью голоса. Мужской голос сказал: «Согласен, пусть кофе. В кафетерии через полчаса». В замке повернулся ключ, и Фирмен не расслышал ответа. Внезапно раздался взрыв смеха.

Низкий мужской голос произнес:

— Ну да, и еще сотню, и тогда нам придется в поисках мест лезть под землю!

Дверь отворилась, и в палату, все еще слегка улыбаясь, вошел бородач в белом пиджаке. При виде Фирмена лицо его приняло профессиональное выражение.

— Прилягте, пожалуйста, на кушетку, — сказал он вежливо, но с несомненной властностью.

Фирмен ни единым жестом не показал, что собирается повиноваться.

— Раз уж я здесь, — сказал он, — может быть, вы мне объясните, что все это значит?

Бородач принялся отпирать шкафчик. Он бросил на Фирмена усталый, но в то же время насмешливый взгляд и поднял брови.

— Я не лектор, а врач, — ответил он.

— Я понимаю. Но ведь...

— Да-да, — сказал врач, беспомощно пожимая плечами. — Я знаю. Вы вправе спросить и все такое. Ей-богу, вам должны были это разъяснить до того, как вы сюда попали. Это просто не моя работа.

Фирмен продолжал стоять. Врач сказал:

— Будьте умницей, ложитесь на кушетку, и я вам все расскажу.

Он снова отвернулся к шкафчику.

У Фирмена мелькнула мысль — не попытаться ли скрутить врача, но он тут же сообразил, что, должно быть, до него об этом думали тысячи десяточников. Наверняка существуют какие-то меры предосторожности. Он улегся на кушетку.

— Академия, — заговорил врач, не переставая копошиться в шкафчике, — это закономерное порождение нашей эпохи. Чтобы понять ее, надо сначала

понять свой век. — Врач выдержал драматическую паузу и со смаком продолжал: — Вменяемость! Однако с вменяемостью, особенно с социальной вменяемостью, неразрывно связано чудовищное напряжение. Как легко повредиться в уме! И, единожды повредившись, человек начинает переоценивать ценности, у него появляются странные надежды, идеи, теории, потребность действия. Все это само по себе может и не быть патологией, но в результате неизбежно вредит обществу, ибо сдвиг в каком бы то ни было направлении опасен для стабильного общества. Ныне, после тысячелетий кровопролития, мы поставили перед собой цель — защитить общество от патологической личности. Поэтому каждая личность должна избегать тех умственных построений, тех безмолвных решений, которые делают ее потенциально опасной, грозят переменами. Подобное стремление к стабильности, являющейся нашим идеалом, требует чуть ли не сверхчеловеческой силы и решимости. Если в вас нет этих качеств, вы кончите здесь.

— Мне все же не ясно... — начал Фирмен, но врач его перебил:

— Отсюда очевидна необходимость Академии. На сегодняшний день по-настоящему гарантирует вменяемость лишь хирургическая операция мозга. Однако человеку неприятна даже мысль об этом — только дьявол мог предложить такой выбор. Государственная хирургия мозга приводит к гибели первоначальной личности, а это самая страшная смерть. Академия старается ослабить напряжение, предлагает другую альтернативу.

— Но что это за альтернатива? Почему вы скрываете?

— Откровенно говоря, большинство предпочитает оставаться в неведении. — Врач запер шкафчик, но Фирмену не было видно, какие инструменты он оттуда достал. — Поверьте мне, ваша реакция нетипична. Вы предпочитаете думать о нас как о мрачной, таинственной, грозной силе. Это из-за вашего безумия. Здравомыслящие люди считают нас панацеей, приятно-туманным избавлением от жестокой определенности. Они верят в нас, как в Бога. — Врач

тихонько хмыкнул. — Большинству людей мы представляемся раем.

— Почему же вы храните свои методы в тайне?

— Откровенно говоря, — ласково ответил врач, — даже райские методы лучше не рассматривать слишком пристально.

— Значит, все это обман? — воскликнул Фирмен, пытаясь сесть. — Вы хотите меня убить!

— Ни в коем случае, — заверил врач и мягким движением заставил его лечь.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Увидите.

— А почему отсюда никто не возвращается?

— Не желают, — ответил врач. Прежде чем Фирмен успел шевельнуться, врач ловко всадил ему в руку иглу шприца и впрыснул теплую жидкость.

— И помните, — сказал он, — надо защищать общество от личности.

— Да, — сквозь дремоту отозвался Фирмен, — но кто защитит личность от общества?

Очертания предметов в палате расплылись, и, хотя врач что-то ответил, Фирмен не расслышал слов — знал только, что они мудры, уместны и очень истинны.

Придя в себя, он заметил, что стоит на огромной равнине. Всходило солнце. В тусклом свете к ногам Фирмена льнули клочья тумана, а трава под ногами была мокрой и упругой.

Фирмен вяло удивился, увидев, что рядом, по правую руку от него, стоит жена. Слева к его ноге прижался чуть дрожащий Спид. Удивление быстро развеялось, потому что перед битвой здесь, возле хозяина, и полагалось быть жене и псу.

Впереди движущийся туман распался на отдельные фигурки, и Фирмен узнал их, когда они приблизились.

То были враги! Процессию возглавлял рободворецкий; в полутьме он мерцал зловещим нечеловеческим блеском. Там был и Морган, который, обращаясь к начальнику отдела, истерически вопил, что Фирмен должен умереть; а запуганный Флинн, бедняга, прятал лицо, но надвигался на него. Там была и домовладелица, которая пронзительно кричала: «Нет

ему жилья!» А за ней шли врачи, дежурные, охранники, а за ними шагали миллионы в грубых рабочих спецовках; кепки у них были надвинуты на глаза, газеты скатаны в тугую трубочку.

Фирмен подобрался в ожидании решительного боя с врагами, которые его предали. Однако в мозгу шевельнулось сомнение. Наяву ли все это?

Внезапно он с отвращением увидел как бы со стороны свое одурманенное наркотиками тело, лежащее в нумерованной палате Академии, в то время как дух его невесть где сражается с тенями.

Я вполне нормален! В минуту полного просветления Фирмен понял, что надо бежать. Не его удел — бороться с призрачным противником. Надо вернуться в настоящий мир. Status quo не будет длиться вечно. Что же станется с человечеством, из которого вытравили силу, инициативу, индивидуальность?

Из Академии никто не выходит? А вот он выйдет! Фирмен попытался вырваться из-под власти наркотического бреда, он почти ощущал, как ворочается на кушетке его никому не нужное тело, как он стонет, заставляя себя встать...

Но призрачная жена схватила его за руку и указала вдаль. Призрачный пес зарычал на надвигающегося противника.

Мгновение было безвозвратно упущено, хотя Фирмен этого так никогда и не понял. Он позабыл о своем решении вырваться, позабыл о земле, позабыл о правде, и капли росы окропили его ноги, когда он ринулся в жестокую схватку с врагом.

ИГРА С ТЕЛОМ

Дорогой Сенатор, пишу Вам потому, что Вы наш старейший Сенатор. Во время прошлогодних выборов Вы сказали, что Вы наш слуга и мы должны немедленно сообщать Вам про все наши беды. Еще Вы сказали — с некоторым раздражением — долг каждого гражданина писать своему Сенатору о том, что здесь творится. Я, Сенатор, долго над всем этим размышлял. Разумеется, я не верю, что Вы на самом деле наш слуга, — Вы зарабатываете в пятьдесят или в сто, а то и в тысячу раз больше каждого из нас. Но коль Вы настаиваете, чтобы мы Вам писали, то я решил написать.

Сперва я недоумевал, почему это Вы велели писать Вам обо всем, что здесь творится, ведь Вы, как и я, выросли в этом самом городе, а не замечать того, что здесь творится, может лишь слепой, глухой и бесчувственный осел. Но потом я понял, как был несправедлив, — Вам приходится столько времени проводить в Вашингтоне, а поэтому Вы вполне можете и не знать про все. Как бы там ни было, ловлю Вас на слове и беру на себя смелость написать Вам письмо. Прежде всего мне хотелось бы рассказать о новом теле моего дедушки, потому как это особый повод обратиться к Вам с жалобой. Вам об этом обязательно нужно знать, а может, и что-нибудь предпринять.

Печатается по изд.: Шекли Р. Игра с телом: Сирена. Избранная фантастика ОМНИ. Вып. 1. — М.: Либрис, 1991. Пер. изд.. Sheckley R. Body Game: OMNI, 1980

Copyright © 1980 by OMNI Publications International Ltd.
© 1991 Н. Калинина, перевод на русский язык

До того как всему этому случиться, дедушка был здоровым бодрым стариком девяноста двух лет от роду, с полным ртом своих зубов, густой белоснежной шевелюрой и не имел ни унции лишнего веса. Он всю жизнь пекся о своем здоровье и очки начал носить уже в восемьдесят с хвостиком. Проработав полвека, получил в шестьдесят пять приличную пенсию, хотя был всего-навсего оператором счетных машин. Пенсия, социальное страхование и кое-какие сбережения позволяли ему полностью содержать себя. Это счастье, что он никогда не был нам обузой, — мы и так едва сводим концы с концами.

Выйдя на пенсию, старик какое-то время редко выбирался из дома — все спал да смотрел телевизор. Он всегда сам готовил себе еду и мыл за собой посуду. Днем выползал в парк и коротал времечко с другими старикашками, а потом снова отправлялся на боковую. К нашим детишкам относился замечательно, водил их по воскресеньям к заливу Бараньей Головы, где они бегали и собирали ракушки. Еще он ходил на рыбалку и даже поймал как-то песчаную акулу, правда, я никак не могу взять в толк, как рыбине удалось пробраться к берегу сквозь этот мусор и химические отходы. Мы ее сварили и ели два дня. Межу прочим, не так уж и плохо — только надо плеснуть побольше кетчупа.

Но вот старик заскучал. Ведь он проишачил целых полвека, а потому красиво отдыхать не умел. Хандрил он хандрил, да вдруг задумал подыскать себе работенку.

Конечно же, это была самая настоящая дурь, о чем мы ему так прямо и сказали. В наши дни сорокалетний мужчина и тот не в состоянии ничего себе подыскать, что уж говорить о семидесятилетнем старике — дедушке в ту пору стукнуло семь десятков.

Но он эту затею не оставил. Проснувшись поутру, принимал сыворотку долголетия, которую ему прописали медики из государственного здравоохранения, умывался, брился и куда-то исчезал.

Само собой, ничего хорошего он не нашел, так что в конце концов ему пришлось смирить свою гордыню и согласиться на должность помощника сортировщика

мусора. К счастью, это обходилось ему не дорого — доходы-то у него не бог весть какие. Правда, он так и не смог свыкнуться с мыслью, что каждый день приходится выкладывать денежки из собственного кармана. И все только за то, чтобы работать. А ведь правительство готово платить ему за полное безделье. «Но работа же полезная и я делаю ее добросовестно, — жаловался он нам, — так почему же, черт побери, я должен платить собственные денежки за то, что добросовестно выполняю полезную работу?..»

Дедушка выполнял подобную работу лет двадцать, как вдруг кто-то изобрел самоуничтожаемые отходы, и мой дедушка и тысячи других людей остались без работы. К тому времени ему было уже почти девяносто, но он все же горел желанием приносить пользу обществу. Правда, здоровье у него пошатнулось. Впервые за всю свою жизнь дедушка почувствовал себя неважно. Мы повезли его к доку Сондерсу в Мемориальный Социально-медицинский центр имени У. Тана на Восточной 103-й улице. На это ухлопали почти целый день. Тротуар-самоходка стоит пять монет в один конец, нам же такое удовольствие не по карману.

У дока Сондерса в офисе каких только приборов нет. Дедушку он обследовал три дня и после сказал:

— Вы ничем не больны, а просто стары. Ваше сердце, можно сказать, окончательно выдохлось, а ваши артерии уже не выдерживают давления крови. Все остальные органы тоже барахлят, но в сравнении с тем, что я сказал, это мелочи.

— Док, а может, вы мне что-нибудь замените? — спросил дедушка.

Док Сондерс покачал головой.

— Стоит мне поставить вам новое сердце, и оно разорвет ваши артерии, а если подштопать артерии, ваши легкие не смогут обогащать кровь кислородом. Если же мне удастся подремонтировать легкие, откажут почки. Дело в том, что все ваши внутренние органы порядком износились.

Дедушка кивнул. По утрам он читал «Дейли ньюс» и про все это знал.

— Так что же мне делать? — спросил он.

— Обзавестись новым телом, — сказал Сондерс.

Дедушка задумался.

— Черт побери, возможно, в моем возрасте следует уже быть готовым к смерти, но я еще не готов, — сказал он. — Понимаете, не все я еще повидал. Разумеется, я хочу сменить тело. Но вот где взять деньги...

— В том-то и проблема, — кивнул Сондерс. — Государственное здравоохранение, как вам известно, не обеспечивает замену всего тела.

— Знаю, — грустно сказал дедушка.

— Так, значит, вам такие расходы не по карману?

— Увы, вряд ли.

Последующие два дня дедушка сидел на обочине дороги у нашего дома и усиленно размышлял. Ему было не очень-то уютно на улице. Дети, которые шли домой из школы, кричали: «Эй, старик, помирай скорей! Почему ты до сих пор коптишь небо? Старый ублюдок, ты только переводишь воздух, пищу и воду. Мерзкий старый урод, умри же пристойно, как подобает старикам. Умри, умри, алчный сукин сын. Умри!»

Услышав это, я схватил палку и хотел было выйти на улицу малость порезвиться. Но дедушка мне не разрешил.

— Они только повторяют то, что говорят их родители, — сказал он. — Ребенок — тот же попугай, что с него возьмешь? Но дети, вероятно, правы. Возможно, я и в самом деле должен умереть.

— Ну ладно, только не заводись, — сказал я.

— Умри, умри, — твердил дедушка. — Черт возьми, я все тридцать лет напрасно коптил небо. Имей я хоть немного мужества, наверняка бы уже помер — отчего и мне, и всем остальным стало бы легче.

— Ерунду несешь, — возразил я ему. — Скажи, а для чего тогда все эти изобретения для продления жизни, если, как ты говоришь, старики должны умирать?

— Вероятно, те, кто их придумали, сделали ошибку.

— Ага, так я этому и поверил. Меня, помню, еще в школе учили, что человек должен жить многие сотни лет. Ты разве не слыхал о докторе Фаусте?

— Это знаменитый австрийский доктор, да? — спросил дедушка.

— Немецкий, — поправил я его. — Друг Фрейда и Эйнштейна, но только куда толковей их обоих. Он прославлял долголетие человека. Надеюсь, ты не станешь спорить с таким башковитым парнем, а?

Возможно, я не совсем гладко изложил то, что думал, но мне нужно было что-то сказать, не хотелось, чтобы старик умирал. Сам не знаю почему — ведь с каждым годом жить становится все трудней и трудней, а поэтому нет никакого резона в том, что у тебя под ногами будет мешаться старик. Но мне все равно хотелось, чтобы он жил. С ним у нас никогда не было никаких хлопот, детишки его любили, и даже Мэй, моя жена, считала, что с дедушкой приятно побеседовать.

Конечно, мои рассказы про этого Фауста не произвели на него ни малейшего впечатления. Он подпер кулаком подбородок и задумался. Минут десять думал... Потом поднял голову и прищурился, будто удивляясь тому, что я все еще возле него.

— Сынок, а сколько лет Артуру Рокфеллеру? — поинтересовался дедушка.

— Сто тридцать или около того, — ответил я. — Он сменил уже третье тело.

— А Юстису Моргану Ханту сколько?

— Примерно столько же.

— А Блейзу Эйзенхауэру?

— Думаю, сто семьдесят пять, не меньше. Он сменил четыре тела.

— Ну, а Моррису Меллону?

— Лет двести десять — двести двадцать. Но тебе-то что за дело до них?

Он глянул на меня с сожалением:

— А то, что бедные люди — это те же самые дети. У них чуть ли не сто лет уходит, чтобы вырасти, но тут их настигает смерть, и они ничего не успевают сделать. У богатых же есть возможность жить вечно.

Дедушка помолчал, потом сплюнул на тротуар, встал и направился домой — подошло время его любимого дневного шоу.

Не знаю, как и откуда он достал деньги. Возможно, у него было кое-что припрятано или же он ограбил в Нью-Джерси кондитерскую. Какая разница? Главное, что через три дня он сказал мне:

— Джонни, пошли в магазин за телом.

— В магазин за телом? Да брось разыгрывать, — отмахнулся я.

— А я говорю тебе — пошли в магазин. — Он показал зажатые в кулаке триста восемьдесят долларов. При этом не сказал мне, где их добыл, мне, своему родному внуку, которому когда-нибудь тоже потребуется новое тело.

И вот мы с ним отправились в магазин покупать ему новое тело.

Надеюсь, Сенатор, Вы знаете, как обстоят дела у бедных. Все для них слишком дорого, к тому же отвратительного качества. Если у Вас, как и у нас, пустой карман, Вы ни за что не пойдете в магазин тел Сэкса или, скажем, в «Центр Оживления» Лорда и Тейлора. Они Вас засмеют или даже арестуют, чтобы не мешались у них под ногами. Да Вы туда и не пойдете, а направитесь в магазин поблизости от Вашего дома.

Мы же пошли прямиком в магазин живых моделей «Франт», что на углу 103-й улицы и Бродвея.

Вовсе не собираюсь навлекать гнев на эту компанию — просто сообщаю Вам, куда мы пошли.

Возможно, Вы читали, что́ представляют собою заведения подобного типа: сплошной неон, три-четыре симпатичных тела в витрине и полная рухлядь внутри магазина. А еще парочка продавцов в пестрых костюмах. Они то и дело отпускают по видеофону всякие шуточки. Должно быть, эти продавцы сбывают свой товар друг другу, потому как я сроду не видел здесь покупателей.

Мы зашли в магазин и начали рассматривать товар. Тут выплыл продавец, эдакий симпатичный развязный малый, и еще издалека начал нам улыбаться.

— Ищете симпатичное тело? — спросил он.

— Нет, приятель, четвертого для партии в бридж, — сказал я.

Он засмеялся, признав тем самым, что у меня неплохо с юмором.

— Ну и на здоровье. Если же у вас есть какое-то особое по...

— Сколько стоит вот это? — спросил дедушка.

— Вижу, вы не лишены вкуса, — сказал продавец. — Это наша Итонская модель, собранная на новой линии омоложения «Дженерал дайнамикс». Рост Итона шесть футов, вес сто семьдесят фунтов. Класс рефлексов АА. Все органы без исключения получили знак качества Искусного Домоводства. А вам известно, что генерал Клей Бэкстер занимает одно из модифицированных тел образца Итон? Мозг и нервная система этого тела изготовлены фирмой Динако.

Согласно Опросу Потребителей это тело было названо Лучшей Покупкой Года. Что касается скульптурной работы, модель чрезвычайно удалась — обратите внимание на цвет кожи лица, а также на линии морщин у глаз. Уверяю вас, подобные мелочи далеко не всегда удаются.

— Сколько оно стоит? — спросил дедушка.

— Забыл довести до вашего сведения, что на все органы, а также их деятельность дается десятилетняя гарантия качества Искусного Домоводства.

— Почем оно?

— Сэр, на этой неделе мы проводим распродажу, и я могу уступить вам этот экземпляр за восемнадцать тысяч девятьсот долларов, то есть со скидкой в двенадцать процентов.

Дедушка покачал головой:

— И вы в самом деле рассчитываете сбыть эту штуковину?

— Все может быть, — сказал продавец. — Случается, кто-то выигрывает в лотерею или получает наследство.

— За восемнадцать кусков мне проще умереть, — сказал дедушка. — А что-нибудь подешевле у вас есть?

У продавца оказался широкий ассортимент моделей подешевле: «Парень» Рено-Бофорс за десять тысяч долларов, «Всякий и каждый» Сокони Джи Эм за шесть тысяч пятьсот. А также «Шагай, человек» фирмы «Юнион Карбайд Крайслер» с пластиковыми волосами за две тысячи двести; «Веракрузано» — модель без голосового аппарата, гироцентра и системы переработки протеина техасской фирмы «Инструмент» — цена тысяча шестьсот девяносто пять долларов.

— Черт побери, меня совсем не интересует весь этот новый синтетический хлам, — сказал дедушка. — У вас есть отдел использованных тел?

— Да, сэр.

— В таком случае покажите мне что-нибудь приличное из этих ваших призывников запаса.

Продавец провел нас в заднее помещение, где вдоль стены, точно бревна, стояли тела. Это напоминало комнату ужасов времен моего детства — если честно, ни одно из этих тел не годится даже для того, чтобы отправиться в нем на собачьи бои. Следовало бы издать закон, запрещающий продавать подобное: все эти кривобокие тела с объеденными ушами, тела, из которых до сих пор сочится кровь, ибо в них вшили новые сердца, искромсанные тела из лабораторий, тела, собранные из останков погибших в несчастных случаях, тела самоубийц, которым заклеили запястья и влили несколько кварт свежей крови, тела прокаженных, чьи язвы опрыскали из пульверизатора краской под цвет кожи.

Признаться, мы не думали, что призывники окажутся очень уж симпатичными, однако и увидеть подобное не ожидали. Я решил, дедушка повернется и выйдет из магазина, но он этого не сделал. Покачав головой, он подошел к не самому уродливому синтетическому телу без ноги и с выпирающим плечом. Разумеется, красотой оно не блистало, но уже хорошо то, что не было похоже на извлеченный из-под обломков железнодорожных вагонов труп.

— Меня могло бы заинтересовать что-то вроде этого, — осторожно заметил дедушка.

— У вас наметанный глаз, — похвалил продавец. — Дело в том, что эта маленькая партия предшествовала крупным поставкам дорогостоящей модели.

— Видок у него потрепанный, — отметил дедушка.

— Что вы! Это, мой дорогой сэр, отличное тело! Оно идет в комплекте с отремонтированным сердцем, легкими экстракторного типа, сверхнадежной печенью и обогащенными гландами. В комплекте с этой моделью — четыре почки, живот с двойной изоляцией, а также две сотни футов лучших кишок от Амора. Что скажете на это, сэр?

— Ну, я не знаю, — мялся дедушка.

Однако продавец все знал. Ему потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы сбагрить дедушке это кривобокое тело.

При теле была гарантия в один месяц. Мой дедушка влез в него на следующий же день, и оно прослужило ему три недели. Потом стало частить и трепыхаться сердце, одна почка отказала, а три другие работали с перебоями, заплата слетела с легкого, кишки дали течь, а печень начала усыхать.

Одним словом, дедушка сейчас в постели, и док Сондерс говорит, что ему уже не встать. Компания не собирается отвечать за тело. В их контракте есть какие-то очень мудреные пункты, и легальный советник нашего квартала утверждает, что на суды можно потратить десять лет — и все без толку. А дедушка за это время умрет.

Так что, Сенатор, я решил написать Вам и попросить Вас как можно быстрей что-нибудь предпринять.

Дедушка думает, что я получу от Вас обычную отписку по форме или, может, письмо от Вашей секретарши с сожалением, что у Вас нет никакой возможности исправить эту печальную ошибку, а еще, возможно, пообещаете предложить на рассмотрение Конгресса билль, чтобы не допустить в дальнейшем повторения того, что случилось с дедушкой. И делу конец. Поэтому мы с дедушкой считаем, что он обязательно умрет — денег на нормальное тело у него нет, а помогать ему не собирается никто. Привычное дело, верно? Так всегда случается с маленькими людишками.

Теперь я назову вторую причину, по которой пишу Вам письмо. Сенатор, я обговорил все с дружками, и мы пришли к выводу, что мой дедушка и все другие бедняки с незапамятных времен ходят в дураках. Этот Ваш Золотой век вовсе не так уж и хорош для таких, как мы. Дело не в том, что нам много нужно, а просто мы больше уже не можем мириться с тем, что другие люди имеют такую привилегию, как долгая жизнь, а у нас ее нет. Мы считаем, что всему этому пора положить конец.

Мы порешили так: если Вы и другие облеченные властью люди не измените существующий порядок, мы изменим его сами. Настало время отстоять свои интересы.

Мы собираемся объявить Вам войну.

Для Вас, Сенатор, это может показаться неожиданностью, да только это вовсе не так. Вы бы удивились, если бы узнали, сколько людей думает точно так же, как я. Только вот каждый из нас считает, будто он один такой недовольный, а все остальные довольны. Теперь же мы узнали, что многие думают так же, как дедушка, и потихоньку созревают для дела.

Раньше мы не знали, что нам делать. Теперь знаем.

Мы простые люди, Сенатор, и среди нас нет крупных мыслителей. Но мы рассудили, что все люди должны быть приблизительно равны между собой. И мы понимаем, что никакие законы этого равенства не обеспечат.

Поэтому наша программа состоит в том, чтобы убивать богатых. До тех пор, пока ни одного не останется.

Возможно, это звучит, как говорят по ТВ, не совсем *конструктивно*. Однако мы считаем, что это честно, а еще, будем надеяться, окажется эффективно.

Мы будем убивать богатых всегда, везде и всеми возможными способами. Но мы ни в коем случае не собираемся заниматься дискриминацией. Нам плевать на то, как богач добыл деньги и куда их тратит. Мы будем убивать лидеров рабочего движения и банкиров, главарей преступного мира и нефтяных магнатов, одним словом, каждого, у кого денег больше, чем у

нас. И будем убивать до тех пор, пока богатые не станут такими же бедными, как мы, или мы такими же богатыми, как они. И наших людей мы будем убивать, если они станут наживаться на этой войне. Черт возьми, сенаторов и конгрессменов мы тоже перебьем.

Вот так обстоят дела, Сенатор. Надеюсь, Вы все-таки поможете моему дедушке. Если поможете, то это будет означать, что Вы смотрите на мир нашими глазами, а поэтому мы с радостью дадим вам отсрочку в три недели, чтобы Вы смогли избавиться от богатства, которое сумели накопить.

Вам известно, как связаться с моим дедушкой. Со мной связаться никак нельзя. Какой бы оборот ни приняло это дело, я ухожу в подполье. Не советую тратить время и силы на поиски меня.

Запомните: нас гораздо больше, чем вас. Дедушка говорит, что еще ни разу за всю историю нам не удавалось осуществить подобное. Черт побери, все когда-то случается в первый раз. Быть может, в тот самый раз мы и закончим Ваш Золотой век и начнем наш собственный.

Я не думаю, что Вы смотрите на мир нашими глазами, мы же, Сенатор, глядим на Вас сквозь прицелы нашего оружия.

БЕСКОНЕЧНЫЙ ВЕСТЕРН

Меня зовут Уошберн: просто Уошберн — для друзей, мистер Уошберн — для врагов и тех, кто со мной не знаком. В сущности, я уже сказал все, что хотел, даже представляться нечего: вы видели тысячу раз (и на большом экране ближайшего телетеатра, и на маленьком экране платного телевизора в вашей квартире), как я еду верхом среди кактусов, мой знаменитый котелок надвинут на самые глаза, мой не менее знаменитый кольт 44-го калибра со стволом семь с половиной дюймов поблескивает за ремешком у правой ноги.

Но в настоящий момент я еду в большом «кадиллаке» с кондиционером, сидя между своим менеджером Гордоном Симмсом и женой Консуэлой. Мы свернули с государственного шоссе 101 и теперь трясемся по разбитой грязной дороге, которая скоро упрется в пост Уэллс-Фарго — один из входов на Съемочную Площадку. Симмс, захлебываясь, говорит что-то и массирует мне основание шеи, словно я боксер, готовящийся выйти на ринг. В каком-то смысле так оно и есть. Консуэла молчит. Она еще плохо знает английский. Мы женаты меньше двух месяцев. Моя жена — прелестнейшее из существ, какое только можно вообразить, она же в прошлом

Печатается по изд.: Шекли Р. Бесконечный вестерн: В сб. Саймак К. Пересадочная станция. Шекли Р. Цивилизация статуса. — М.: Радуга, 1990 (Б-ка фантастики, т. 18/2). Пер. изд.: Sheckley R. The Never-ending Western Movie: The Robot Who Looked Like Me. London, Sphere, 1978

Copyright © 1978 by Robert Sheckley
© 1990 В. Баканов, перевод на русский язык

Мисс Чили и в прошлом же героиня боевиков с гаучо, снятых в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Сцена нашей поездки идет вне кадра. Этот кусок вам никогда не покажут: возвращение знаменитого стрелка, весь его путь из Бель-Эйра образца легкомысленно-нервозного 2031 года на добрый Старый Запад середины тысяча восьмисотых годов.

Симмс тараторит о каких-то капиталовложениях, которые я — он на этом настаивает — будто бы должен сделать, о каких-то новых бурениях морского дна. (Это очередной Симмсов прожект скорейшего обогащения — прожект, потому что Симмс и так уже достаточно богат, а кто, скажите, не сколотил бы состояния, получая тридцать процентов со всех моих доходов? Да еще в течение всех десяти моих звездных лет?) Конечно, Симмс мне друг, но сейчас я не могу думать ни о каких инвестициях, потому что мы приближаемся к Площадке.

Консуэлу — она сидит справа от меня — бьет дрожь при виде знаменитого старого поста, иссеченного дождями и ветрами. Она так по-настоящему и не поняла еще, что такое Бесконечный Вестерн. У себя в Южной Америке они до сих пор снимают фильмы на старомодный манер: все отрежиссировано и все — фальшь, и «пушки» палят только холостыми патронами. Консуэла не может понять, почему в самом популярном фильме Америки все должно быть взаправду, когда можно обойтись трюками и никто никого не убьет. Я пробовал объяснить ей суть, но на испанском это звучит как-то смешно.

Мой нынешний выход, к сожалению, не чета прежним: я прервал заслуженный отдых, чтобы сыграть всего лишь эпизодическую роль. Я заключил контракт «без убийств»: знаменитый стрелок появится в комедийном эпизоде со стариной Джеффом Мэнглзом и Натчезом Паркером. Никакого сценария, конечно, нет: в Вестерне его и не бывает. В любой ситуации мы сумеем сымпровизировать, — мы, актеры комедии дель арте Старого Запада. Консуэла совершенно этого не понимает. Она слышала о «контрактах на

убийство», а контракт «без убийств» — это для нее нечто совсем уж новенькое.

Вот мы и приехали. Машина останавливается перед низким некрашеным строением из сосновых досок. Все, что по сию сторону от поста, — это Америка двадцать первого века во всем блеске ее безотходного производства и утилизации вторсырья. По ту сторону строения раскинулся миллион акров прерий, гор, пустынь с тысячами скрытых камер и микрофонов — то, что и составляет Съемочную Площадку Бесконечного Вестерна.

Я уже одет, как полагается по роли: синие джинсы, рубашка в бело-синюю клетку, ботинки, котелок дерби, куртка из сыромятной кожи. Сбоку — револьвер весом три с четвертью фунта. По ту сторону строения, у коновязи меня ожидает лошадь, все мое снаряжение уже упаковано в аккуратный вьюк из походного одеяла, притороченный к седлу. Помощник режиссера осматривает меня и находит, что все в порядке: на мне нет ни наручных часов, ни прочих анахронизмов, которые бросились бы в глаза скрытым камерам.

— Отлично, мистер Уошберн, — говорит он. — Можете отправляться в любой момент, как только будете готовы.

Симмс в последний раз массирует мне спину — мне, его надежде, его герою дня. Он возбужденно пританцовывает на цыпочках, он завидует мне, мечтает, чтобы это не я, а он сам ехал по пустыне — высокий неспешный человек с ленивыми манерами и молниеносной смертью, таящейся у правой руки. Впрочем, куда Симмсу: он низенького роста, толстый, уже почти совсем лысый. На роль он, конечно, не годится — вот ему и приходится жить чужой жизнью. Я олицетворяю зрелость Симмса, мы вместе бессчетное число раз пробирались опасной тропой, наш верный «сорок четвертый» очистил округу от всех врагов, и мы взяли в свои руки высшую власть. Мы — это самый лучший, никем не превзойденный стрелок на всем Диком Западе, абсолютный чемпион по молниеносному выхватыванию револьвера, человек, который наконец отошел от дел, когда все враги

либо были мертвы, либо не смели поднять головы... Бедный Симмс, он всегда хотел, чтобы мы сыграли эту последнюю сцену — финальный грозный проход по какой-нибудь пыльной Главной улице. Он хотел, чтобы мы, неотразимые, шли, высоко подняв голову, расправив плечи — не за деньги, ибо заработали уже больше чем достаточно, а только ради славы, чтобы сошли со Сцены в сверкании револьверных вспышек, в наилучшей нашей форме, на вершине успеха. Я и сам мечтал об этом, но враги стали осторожнее, и последний год в Вестерне стал для Уошберна совсем уж посмешищем: он разъезжал на лошади, зорко посматривая, что бы такое предпринять (шестизарядка всегда наготове!), однако не находилось никого, кто захотел бы испытать на нем свою реакцию... — для Симмса это издевательство над самими нашими устоями. Полагаю, для меня это не меньшее оскорбление. (Трудно представить, где начинаюсь я и где кончается Симмс; и уж вовсе невозможно без страха смотреть в лицо фактам: нашим звездным годам в Вестерне приходит конец.)

Симмс правой рукой трясет мою кисть, левой крепко сдавливает плечо и не произносит ни слова — все в том мужественном стиле Вестерна, который он усвоил, годами ассоциируя себя со мной, *будучи* мной.

Консуэла страстно сжимает меня в объятиях, в ее глазах слезы, она целует меня, она говорит, чтобы я побыстрее возвращался. Ах, эти потрясающие первые месяцы с новой женой! Они великолепны... — до той поры, пока не снизойдет вновь на душу скука давно знакомой обыденности! Консуэла у меня четвертая по счету. В своей жизни я исходил множество троп, в большинстве одних и тех же, и вот теперь режиссер снова осматривает меня, отыскивая следы губной помады, кивает: «все в порядке!» — и я отворачиваюсь от Консуэлы и Симмса, салютую им двумя пальцами — мой знаменитый жест! — и еду по скрипучему настилу поста Уэллс-Фарго на ТУ сторону — в сияющий солнечный мир Бесконечного Вестерна.

Издалека камера берет одинокого всадника, который словно муравей ползет между искусно испещ-

ренными полосами стен каньона. Мы видим его в серии последовательных кадров на фоне разворачивающейся перед нами панорамы пустынного пейзажа. Вот он вечером готовит себе еду на маленьком костре, его силуэт четко вырисовывается на заднике пылающего неба, котелок дерби с небрежным изяществом сдвинут на затылок. Вот он спит, завернувшись в одеяло; угольки костра, угасая, превращаются в золу. Еще не рассвело, а всадник снова на ногах — варит кофе, готовясь к дневному переходу. Восход солнца застигает его уже верхом: он едет, прикрыв рукой глаза от слепящего света, сильно откинувшись назад, насколько позволяют свободные стремена, и предоставив лошади самой отыскивать дорогу на скалистых склонах.

Я одновременно и зритель, наблюдающий за собой как за актером со стороны, и актер, наблюдающий за собой — зрителем. Сбылась мечта детства: играть роль и в то же время созерцать, как мы играем ее. Я знаю, что мы никогда не перестаем играть и равным образом никогда не перестаем наблюдать за собой в процессе игры. Это просто ирония судьбы, что героические картины, которые вижу я, совпадают с теми, которые видите и вы, сидя перед своими маленькими экранчиками.

Вот всадник забрался на высокую седловину между двумя горами. Здесь холодно, дует горный ветер, воротник куртки наездника поднят, а котелок дерби привязан к голове ярким шерстяным шарфом. Глядя поверх плеча мужчины, мы видим далеко внизу поселок — совсем крохотный, затерянный в безмерности ландшафта. Мы провожаем глазами всадника: обругав уставшую лошадь последними словами, он начинает спуск к поселку.

Всадник в котелке дерби ведет в поводу лошадь по поселку Команч. Здесь только одна улица — Главная — с салуном, постоялым двором, платной конюшней, кузницей, лавкой; все старомодное и застывшее, как на дагерротипе времен Гражданской войны. Ветер пустыни постоянно дует над городком, и повсюду оседает тонкая пыль.

Всадника здесь знают. В толпе бездельников, собравшихся у лавки, слышны восклицания:

— Ого, это сам Уошберн!

Я одеревенелыми руками расседлываю лошадь у входа в конюшню — высокий, запыленный в дороге мужчина: пояс с кобурой опущен низко и висит свободно; потрескавшаяся, с роговыми накладками, рукоятка «пушки» вызывающе торчит прямо под рукой. Я оборачиваюсь и потираю лицо — знаменитое, вытянутое, скорбное лицо: глубокая складка шрама, перерезавшего скулу, прищуренные немигающие серые глаза. Это лицо жесткого, опасного, непредсказуемого в действиях человека, и тем не менее он вызывает глубокую симпатию. Это я наблюдаю за вами, в то время как вы наблюдаете за мной.

Я выхожу из конюшни, и тут меня приветствует шериф Бен Уотсон — мой старый друг. Дочерна загоревшее лицо; длинные черные усы, подкрученные кверху; на жилете из гребенной шерсти тускло поблескивает жестяная звезда.

— Слышал, слышал, что ты в наших краях и можешь заскочить, — говорит он. — Слышал также, будто ты ненадолго уезжал в Калифорнию?

«Калифорния» — это наше специальное кодовое слово, обозначающее отпуск, отдых, отставку.

— Так оно и есть, — говорю я. — Как здесь дела?

— Так себе, — отвечает Уотсон. — Не думаю, чтобы ты уже прослышал про старину Джеффа Мэнгза.

Я жду. Шериф продолжает:

— Это стряслось только вчера. Старину Джеффа сбросила лошадь — там, в пустыне. Мы решили, что его коняга испугалась гремучки... Господь свидетель, я тысячу раз говорил ему, чтобы он продал эту здоровенную, брыкливую, бельмастую скотину. Но ты же знаешь старину Джеффа...

— Что с ним? — спрашиваю я.

— Ну, это... Я же сказал. Лошадь сбросила его и потащила. Когда Джимми Коннерс нашел его, он был уже мертв.

Долгое молчание. Я сдвигаю котелок на затылок. Наконец говорю:

— Ладно, Бен, что ты еще хочешь мне сказать?

Шерифу не по себе. Он дергается, переминаясь с ноги на ногу. Я жду. Джефф Мэнглз мертв; эпизод, который я нанялся играть, провален. Как теперь будут развиваться события?

— Ты, должно быть, хочешь пить, — говорит Уотсон. — Что, если мы опрокинем по кружечке пивка?..

— Сначала — новости.

— Ну что ж... Ты когда-нибудь слыхал о ковбое по имени Малыш Джо Поттер из Кастрюльной Ручки*?

Я отрицательно качаю головой.

— Не так давно его занесло каким-то ветром в наши края. Вместе с репутацией быстрого стрелка. Ты ничего не слышал о перестрелке в Туин-Пикс?

Как только шериф называет это место, я тут же вспоминаю, что кто-то говорил о чем-то подобном. Но в «Калифорнии» меня занимали дела совершенно иного рода, и мне было не до перестрелок — вплоть до сегодняшнего дня.

— Этот самый Малыш Джо Поттер, — продолжает Уотсон, — вышел один против четверых. Какой-то у них там возник диспут по поводу одной дамы. Говорят, что это была та еще драка. В конечном счете Малыш Джо отправил всех четверых на тот свет, и слава его, естественно, только возросла.

— И что? — спрашиваю я.

— Ну, значит, прошло время, и вот Малыш Джо играет в покер с какими-то ребятами в заведении Ядозуба Бенда... — Уотсон замолкает, чувствуя себя очень неловко. — Знаешь что, Уошберн, может, тебе лучше побеседовать с Чарли Гиббсом? Ведь он разговаривал с человеком, который сам присутствовал при той игре. Да, лучше всего — поговори прямо с Чарли. Пока, Уошберн. Увидимся...

Шериф уходит восвояси, следуя неписаному закону Вестерна: сокращай диалоги до предела и давай другим актерам тоже принять участие в действии.

---

* Кастрюльная Ручка — шутливое название штата Западная Виргиния. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Я направляюсь к салуну. За мной следует какая-то личность — парнишка лет восемнадцати, от силы девятнадцати, долговязый, веснушчатый, в коротких, давно не по росту рабочих штанах и потрескавшихся ботинках. На боку у него «пушка». Чего он хочет от меня? Наверное, того же, что и все остальные.

Я вхожу в салун, мои шпоры гремят по дощатому полу. У стойки расположился Чарли Гиббс — толстый неопрятный морщинистый мужичонка, вечно скалящий зубы. Он не вооружен, потому что Чарли Гиббс — комический персонаж, следовательно, он не убивает и его не убивают тоже. Чарли, помимо прочего, — местный представитель Гильдии киноактеров.

Я покупаю ему спиртное и спрашиваю о знаменитой партии в покер с участием Малыша Джо Поттера.

— Я слышал об этом от Техасца Джима Клэра. Ты ведь помнишь Техасца Джима? Хороший малый, он работает ковбоем на ферме Дональдсона. Так вот, Уошберн, Техасец Джим затесался в эту покерную компанию вместо отлучившегося Ядозуба Бенда. Страсти начали накаляться. Вот наконец на столе — крупный банк, и Док Дэйли набавляет тысячу мексиканских долларов. Видать, Малышу Джо тоже очень нравились карты, что были у него в руках, но деньжат-то уже не осталось. Док высказывается в том смысле, что согласен взять и натурой, если только Малыш Джо выдумает кой-чего подходящее. Малыш Джо поразмыслил немного, а затем и говорит: «Сколько ты даешь за котелок мистера Уошберна?» Тут, конечно, все замолчали, потому что ведь к мистеру Уошберну никто так просто не подойдет и не стянет дерби, разве что прежде убьет человека, который под этим самым котелком. Но, с другой стороны, известно, что Малыш Джо не из хвастливых, к тому же он грамотно распорядился собой в той самой перестрелке с четырьмя ребятами. И вот Док обдумал все и говорит: «Идет, Джо. Я прощу тебе тысячу за котелок Уошберна и с радостью заплачу еще тысячу за место в первом ряду, когда ты будешь этот котелок снимать». «Место в первом ряду получишь даром, —

отвечает Малыш Джо, — но только в том случае, если я сейчас проиграю, а я вовсе не собираюсь этого делать». Ставки сделаны, и оба открывают карты. Четыре валета Дока бьют четверку восьмерок Малыша Джо. Малыш Джо встает со стула, потягивается и говорит: «Что ж, Док, похоже на то, что ты получишь-таки свое место в первом ряду».

Чарли опрокидывает стаканчик и впивается в меня светлыми злыми глазками. Я киваю, высасываю свое питье и выхожу на задний двор, направляясь к уборной.

Уборная служит нам закадровой площадкой. Мы заходим сюда, когда нужно поговорить о чем-то, что не связано с контекстом Вестерна. Спустя несколько минут сюда является Чарли Гиббс. Он включает замаскированный кондиционер, вытаскивает из-за балки пачку сигарет, закуривает, садится и устраивается поудобнее. В качестве представителя Гильдии киноактеров Чарли проводит здесь довольно много времени, выслушивая наши жалобы и горести. Это его контора, и он постарался обставить ее с максимально возможным комфортом.

— Я полагаю, ты хочешь знать, что происходит? — спрашивает Чарли.

— Черт побери, конечно! — завожусь я. — Что это за чушь, будто Джо Поттер собирается стянуть с меня котелок?

— Не горячись, — говорит Чарли, — все в порядке. Поттер — восходящая звезда. Раз уж Джефф Мэнгл убился, то совершенно естественно было схлестнуть Джо с тобой. Поттер согласился. Вчера запросили твоего агента, и он возобновил контракт. Ты получишь чертову прорву денег за этот эпизод со стрельбой.

— Симмс возобновил мой контракт? Не переговорив со мной?

— Тебя никак не могли найти. Симмс сказал, что с твоей стороны все будет в полном ажуре. Он сделал заявление газетам, что не раз обговаривал с тобой это дело и что ты всегда мечтал покинуть Вестерн с большим шумом, в наилучшей своей форме, затеяв

последнюю грандиозную стрельбу. Он сказал, что ему не нужно даже обсуждать это с тобой, что вы с ним роднее братьев. Симмс сказал, мол, он очень рад, коль скоро выпадет такой шанс, и знает наверняка, что ты будешь рад тоже.

— Бог ты мой! Этот Симмс придурок!

— Он что, подложил тебе свинью? — перебивает Чарли.

— Да нет, не совсем так. Мы действительно много говорили о финальном шоу. И я на самом деле сказал как-то, что хочу сойти со сцены с большим...

— Но это были только разговоры? — перебивает Чарли.

— Не совсем...

Одно дело — рассуждать о перестрелке, когда ты уже в отставке и сидишь в полной безопасности у себя дома в Бель-Эйре; и совершенно другое, когда обнаруживаешь, что вовлечен в драку, будучи абсолютно к этому не готов.

— Симмс никакой свиньи не подкладывал. Но он втянул меня в историю, где я бы хотел решать сам за себя.

— Значит, ситуация такова, — говорит Чарли. — Ты свалял дурака, когда трепал языком, будто мечтаешь о финальном поединке, а твой агент свалял дурака, приняв этот треп за чистую монету.

— Похоже, так.

— И что ты собираешься делать?

— Скажу тебе, — говорю я, — но только если у меня пойдет разговор со старым приятелем Чарли, а не с представителем Гильдии киноактеров Гиббсом.

— Заметано, — говорит Чарли.

— Я собираюсь расплеваться, — говорю я. — Мне тридцать семь, и я уже год как не баловался «пушкой». К тому же у меня новая жена...

— Можешь не вдаваться в подробности, — перебивает Гиббс. — Жизнь прекрасна — короче не скажешь. Как друг, я тебя одобряю. Как представитель ГК, могу сказать, что гильдия тебя не поддержит, если ты вдруг разорвешь дорогостоящий контракт, заключенный твоим представителем по всем правилам.

Если компания возбудит против тебя дело, ты останешься один-одинешенек.

— Лучше один-одинешенек, но живой, чем за компанию, но в могиле, — говорю я. — Этот Малыш Джо, — он что, силен?

— Силен. Но не так, как ты, Уошберн. Лучше тебя я никого не видел. Хочешь все-таки повстречаться с ним?

— Не-а. Просто спрашиваю.

— Вот и стой на своем, — говорит Чарли. — Как друг, я советую тебе сматывать удочки и уйти в кусты. Ты уже вытянул из Вестерна все, что только можно: ты кумир, ты богат, у тебя прелестная новая жена. Куда ни глянь, все-то у тебя есть. Так что нечего здесь огливаться и ждать, пока придет кто-нибудь и все это у тебя отнимет.

— А я и не собираюсь огливаться, — говорю.

И вдруг обнаруживаю, что рука уже сама собой тянется к «пушке».

Я возвращаюсь в салун. Сажусь в одиночестве за столик, передо мной — стаканчик виски, в зубах — тонкая черная мексиканская сигара. Надо обдумать ситуацию. Малыш Джо едет сюда с юга. Вероятно, он рассчитывает застать меня в Команче. Но я-то не рассчитывал здесь оставаться. Самое безопасное для меня — отправиться назад той же дорогой, по которой я приехал, вернуться в Уэллс-Фарго и снова выйти в большой мир. Но так я тоже не хочу поступать. Я намерен покинуть Площадку через Бримстоун, что совсем в другом конце, в северо-восточном углу, и таким образом совершить прощальное турне по всей Территории. Пускай-ка они попробуют вычислить этот путь...

Внезапно длинная тень падает наискось через стол, чья-то фигура заслоняет свет. Еще не осознав, в чем дело, я скатываюсь со стула, «пушка» уже в руке, курок взведен, указательный палец напрягся на спус-

ковом крючке. Тонкий испуганный мальчишеский голос:

— О! Простите меня, мистер Уошберн!

Это тот самый курносый веснушчатый парнишка, что раньше, как я заметил, следил за мной. Он завороженно уставился на дуло моей «пушки». Он безумно напуган. Впрочем, черт возьми, он и должен быть напуган, раз уж разбудил мою реакцию после целого года бездействия.

Большим пальцем я снимаю с боевого взвода курок моего «сорок четвертого». Я встаю в полный рост, отряхиваюсь, поднимаю стул и сажусь на него. Бармен по кличке Кудрявый приносит мне новую порцию виски.

Я говорю парнишке:

— Послушай, парень, ты не нашел ничего более подходящего, чем вот так вырастать позади человека? Ведь самой малости не хватило, чтобы я отправил тебя к чертовой бабушке за здорово живешь.

— Извините, мистер Уошберн, — говорит он. — Я здесь новенький... Я не подумал... Я просто хотел сказать вам, как восхищаюсь вами...

Все правильно: это новичок. Видно, совсем еще свеженький выпускник Школы Мастерства Вестерна, которую все мы заканчиваем, прежде чем выходим на Площадку. Первые недели в Вестерне я и сам был таким же зеленым юнцом.

— Когда-нибудь, — говорит он, — я буду точно таким, как вы. Я подумал, может, вы дадите мне несколько советов? У меня с собой старая «пушка»...

Парнишка выхватывает револьвер, и я опять реагирую прежде, чем успеваю осознать происходящее: выбиваю из его руки «пушку» и срубаю мальца с ног ударом кулака в ухо.

— Черт тебя подери! — кричу я. — У тебя что, совсем мозгов нет? Не смей вскакивать и выхватывать «пушку» так быстро, если не собираешься пустить ее в дело.

— Я только хотел показать... — говорит он, не поднимаясь с пола.

— Если ты хочешь, чтобы кто-нибудь взглянул на твою «пушку», — говорю я ему, — вынимай ее из кобуры медленно и легко, а пальцы держи снаружи от предохранительной скобы. И сначала объявляй, что собираешься делать.

— Мистер Уошберн, — говорит он, — не знаю, что и сказать.

— А ничего не говори, — отрезаю я. — Убирайся отсюда, и дело с концом. Сдается мне, от тебя только и жди несчастья. Валяй, показывай свою чертову «пушку» кому-нибудь другому.

— Может, мне показать ее Джо Поттеру? — спрашивает парнишка, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

Он смотрит на меня. О Поттере я не сказал еще ни слова. Он судорожно сглатывает, понимая, что снова сел в лужу.

Я медленно встаю.

— Изволь объяснить, что ты хочешь сказать.

— Я ничего не хочу сказать.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно уверен, мистер Уошберн. Простите меня!

— Пошел вон, — говорю я, и парнишка живо сматывается.

Я подхожу к стойке. Кудрявый вытаскивает бутылку виски, но я отмахиваюсь, и он ставит передо мной пиво.

— Кудрявый, — говорю я, — молодость есть молодость, и здесь винить некого. Но неужели нельзя ничего придумать, чтобы они хоть чуть-чуть поумнели?

— Думаю, что нет, мистер Уошберн, — отвечает Кудрявый.

Какое-то время мы помалкиваем. Затем Кудрявый говорит:

— Натчез Паркер прислал известие, что хочет видеть тебя.

— Понятно, — говорю я.

Наплыв: ранчо на краю пустыни. В отдельно стоящей кухоньке повар-китаец точит ножи. Один из

работников, старина Фаррел, сидит на ящике и чистит картошку. Он поет за работой, склонившись над кучей очисток. У него длинное лошадиное лицо. Повар, о котором он и думать забыл, высовывается из окна и говорит:

— Кто-то едет.

Старина Фаррел поднимается с места, приглядывается, яростно чешет в копне волос, снова прищуривает глаза.

— Эх, нехристь ты, нехристь, китаеза. Это не просто кто-то, это как пить дать мистер Уошберн, или я — не я и зеленые яблочки — не творение господне.

Старина Фаррел поднимается, подходит к фасаду главной усадьбы и кричит:

— Эй, мистер Паркер! К вам едет мистер Уошберн!

Уошберн и Паркер сидят вдвоем за маленьким деревянным столиком в гостиной Натчеза Паркера. Перед ними чашки с дымящимся кофе. Паркер — крупный усатый мужчина — сидит на деревянном стуле с прямой спинкой, его высохшие ноги укутаны индейским одеялом. Ниже пояса он парализован: в давние времена пуля раздробила позвоночник.

— Ну что же, Уошберн, — говорит Паркер, — я, как и все мы на Территории, наслышан об этой твоей истории с Малышом Джо Поттером. Жутко представить, что за встреча у вас выйдет. Хотелось бы на нее посмотреть со стороны.

— Я и сам не прочь посмотреть на нее со стороны, — говорю я.

— И где же вы намерены повстречаться?

— Полагаю, в аду.

Паркер подается вперед:

— Что это значит?

— Это значит, что я не собираюсь встречаться с Малышом Джо. Я направляюсь в Бримстоун, а оттуда — все прямо и прямо, подальше от Малыша Джо и всего вашего чертова Дикого Запада.

Паркер подается вперед и зверски дерет пальцами свои седые лохмы. Его большое лицо собирается в складки, словно он впился зубами в гнилое яблоко.

— Удираешь? — спрашивает он.

— Удираю, — говорю я.

Старик морщится, отхаркивается и сплевывает на пол.

— Из всех людей, способных на такое, меньше всего я ожидал услышать это от тебя. Никогда не думал, что увижу, как ты попираешь ценности, во имя которых всегда жил.

— Натчез, они никогда не были *моими* ценностями. Они достались мне готовенькими, вместе с ролью. Теперь я завязал с ролью и готов вернуть ценности.

Старик какое-то время переваривал все это. Затем заговорил:

— Что с тобой творится, дьявол тебя забери?! Ты что, в одночасье уразумел, что нахапал уже достаточно? Или просто струсил?

— Называй как хочешь, — говорю. — Я заехал, чтобы известить тебя. У меня перед тобой должок.

— Ну не прелесть ли он?! — скалится Паркер. — Он мне кое-что должен, и это не дает ему покоя, поэтому он считает, что обязан, как меньшее из зол, заехать ко мне и сообщить, что удирает от какого-то наглого юнца с «пушкой», у которого за плечами всего одна удачная драка.

— Не перегибай!

— Послушай, Том... — говорит он.

Я поднимаю глаза. Паркер — единственный человек на всей Территории, который порой называет меня по имени. Но делает это очень нечасто.

— Смотри сюда, — говорит он. — Я не любитель цветистых речей. Но ты не можешь просто взять и удрать, Том. Какие бы причины ни были, подумай прежде о самом себе. Неважно где, неважно как, но ты должен жить в ладу с собой.

— Уж с этим-то у меня будет порядок, — говорю я.

Паркер трясет головой.

— Да провались все к чертям! Ты хоть представляешь, для чего вообще существует вся эта шту-

ка? Да, они заставляют нас надевать маскарадные костюмы и разгуливать с важным видом, словно нам принадлежит весь этот чертов мир. Но они и платят нам огромные деньги — только для того, чтобы мы были мужчинами. Более того, есть еще высшая цена. Мы должны *оставаться* мужчинами. Не тогда, когда это проще простого, например в самом начале карьеры. Мы должны оставаться мужчинами до конца, каким бы этот конец ни был. Мы не просто играем роли, Том. Мы живем в них, мы ставим на кон наши жизни, мы *сами и есть* эти роли, Том. Боже, да ведь любой может одеться ковбоем и прошвырнуться с важным видом по Главной улице. Но не каждый способен нацепить «пушку» и пустить ее в дело.

— Побереги свое красноречие, Паркер, — говорю я. — Ты профессионален через край и поэтому данную сцену провалил. Входи снова в роль, и продолжим эпизод.

— Черт! — говорит Паркер. — Я гроша ломаного не дам ни за эпизод, ни за Вестерн, и вообще! Я сейчас говорю только с тобой, Том Уошберн. С тех самых пор как ты пришел на Территорию, мы были с тобой как родные братья. А ведь тогда, вначале, ты был всего лишь напуганным до дрожи в коленках мальчишкой, и завоевал ты себе место под солнцем только потому, что показал характер. И сейчас я не позволю тебе удирать.

— Я допиваю кофе, — говорю я, — и еду дальше.

Внезапно Натчез изворачивается на стуле, захватывает в горсть мою рубашку и притягивает меня к себе, так что наши лица почти соприкасаются. В его другой руке я вижу нож.

— Вытаскивай свой нож, Том. Скорее я убью тебя собственной рукой, чем позволю уехать трусом.

Лицо Паркера совсем близко от меня, его взгляд свирепеет, он обдает меня кислым перегаром. Я упираюсь левой ногой в пол, ставлю правую на край паркеровского стула и с силой толкаю. Стул Паркера опрокидывается, старик грохается на пол, и по выражению его лица я вижу, что он растерян. Я выхватываю «пушку» и целюсь ему между глаз.

— Боже, Том! — бормочет он.

Я взвожу курок.

— Старый безмозглый ублюдок! — кричу я. — Ты что думаешь, мы в игрушки играем? С тех пор как пуля перебила тебе спину, ты стал малость неуклюж, зато многоречив. Ты думаешь, что есть какие-то особые правила и что только ты о них все знаешь? Но правил-то никаких нет! Не учи меня жить, и я не буду учить тебя. Ты старый калека, но если ты полезешь на меня, я буду драться по своим законам, а не по твоим и постараюсь уложить тебя на месте любым доступным мне способом.

Я ослабляю нажим на спусковой крючок. Глаза старого Паркера вылезают из орбит, рот начинает мелко подрагивать, он пытается сдержать себя, но не может. Он визжит — не громко, но высоко-высоко, как перепуганная девчонка.

Большим пальцем я снимаю курок со взвода и убираю «пушку».

— Ладно, — говорю я, — может, теперь ты очнешься и вспомнишь, как оно бывает в жизни на самом деле.

Я приподнимаю Паркера и подсовываю под него стул.

— Прости, что пришлось так поступить, Натчез.

У двери я оборачиваюсь. Паркер ухмыляется мне вслед.

— Рад видеть, что тебе помогло, Том. Мне следовало бы помнить, что у тебя тоже есть нервы. У всех хороших ребят, бывает, шалят нервишки. Но в драке ты будешь прекрасен.

— Старый идиот! Не будет никакой драки! Я ведь сказал тебе: я уезжаю насовсем.

— Удачи, Том. Задай им жару!

— Идиот!

Я уехал...

Всадник переваливает через высокий гребень горы и предоставляет лошади самой отыскивать спуск к

распростершейся у подножия пустыне. Слышится мягкий посвист ветра, сверкают на солнце блестки слюды, песок змеится длинными колеблющимися полосами.

Полуденное солнце обрывает свой путь вверх и начинает спускаться. Всадник проезжает между гигантскими скальными формациями, которым резчик ветер придал причудливые очертания. Когда темнеет, всадник расседлывает лошадь и внимательно осматривает ее копыта. Он фальшиво что-то насвистывает, наливает воду из походной фляги в свой котелок, поит лошадь, затем глубже нахлобучивает шляпу и не торопясь пьет сам. Он стреноживает лошадь и разбивает в пустыне привал. Потом садится у костерка и наблюдает, как опускается за горизонт распухшее пустынное солнце. Это высокий худой человек в потрепанном котелке дерби, к его правой ноге прихвачен ремешком «сорок четвертый» с роговой рукояткой.

Бримстоун: заброшенный рудничный поселок на северо-восточной окраине Территории. За городком вздымается созданное природой причудливое скальное образование. Его именуют здесь Дьявольским Большаком. Это широкий, полого спускающийся скальный мост. Дальний конец его, невидимый из поселка, прочно упирается в землю уже за пределами Площадки — в двухстах ярдах и полутора сотнях лет отсюда.

Я въезжаю в городок. Моя лошадь прихрамывает. Вокруг не так много людей, и я сразу замечаю знакомое лицо: черт, это тот самый веснушчатый парнишка. Он, должно быть, очень спешил, раз попал сюда раньше меня. Я проезжаю мимо, не произнося ни слова.

Какое-то время я сижу в седле и любуюсь Дьявольским Большаком. Еще пять минут езды — и я навсегда покину Дикий Запад, покончу со всем этим — с радостями и неудачами, со страхом и весельем, с долгими тягучими днями и унылыми ночами, исполненными риска. Через несколько часов я буду с

Консуэлой, я буду читать газеты и смотреть телевизор...

Все, сейчас я пропущу стаканчик местной сивухи, а затем — улепетываю...

Я осаживаю лошадь возле салуна. Народу на улице немного прибавилось, все наблюдают за мной. Я вхожу в салун.

У стойки всего один человек. Это невысокий коренастый мужчина в черном кожаном жилете и черной шляпе из бизоньей кожи. Он оборачивается. За высокий пояс заткнута «пушка» без кобуры. Я никогда его прежде не видел, но знаю, кто это.

— Привет, мистер Уошберн, — говорит он.

— Привет, Малыш Джо, — отвечаю я.

Он вопросительно поднимает бутылку. Я киваю. Он перегибается через стойку, отыскивает еще один стакан и наполняет его для меня. Мы мирно потягиваем виски.

Спустя время я говорю:

— Надеюсь, вы не очень затруднили себя поисками моей персоны?

— Не очень, — говорит Малыш Джо.

Он старше, чем я предполагал. Ему около тридцати. У него грубые рельефные черты лица, сильно выдающиеся скулы, длинные черные подкрученные кверху усы. Он потягивает спиртное, затем обращается ко мне очень кротким тоном:

— Мистер Уошберн, до меня дошел слух, которому я не смею верить. Слух, что вы покидаете эту Территорию вроде как в большой спешке.

— Верно, — говорю я.

— Согласно тому же слуху, вы не предполагали задерживаться здесь даже на такую малость, чтобы обменяться со мной приветствиями.

— И это верно, Малыш Джо. Я не рассчитывал уделять вам свое время. Но как бы то ни было, вы уже здесь.

— Да, я уже здесь, — говорит Малыш Джо. Он оттягивает книзу кончики усов и сильно дергает себя

за нос. — Откровенно говоря, мистер Уошберн, я просто не могу поверить, что в ваши намерения не входит сплясать со мной веселый танец. Я слишком много о вас знаю, мистер Уошберн, и я просто не могу поверить этому.

— Лучше все-таки поверьте, Джо, — говорю я ему. — Я допиваю этот стакан, затем выхожу вот через эту дверь, сажусь на свою лошадь и еду на ту сторону Дьявольского Большака.

Малыш Джо дергает себя за нос, хмурит брови и сдвигает шляпу на затылок.

— Никогда не думал, что услышу такое.

— А я никогда не думал, что скажу такое.

— Вы на самом деле не хотите выйти против меня?

Я допиваю и ставлю стакан на стойку.

— Берегите себя, Малыш Джо.

И направляюсь к двери.

— Тогда — последнее, — говорит Малыш Джо.

Я поворачиваюсь. Малыш Джо стоит поодаль от стойки, обе руки его хорошо видны.

— Я не могу принудить вас к перестрелке, мистер Уошберн. Но я тут заключил маленькое пари касательно вашего котелка.

— Слышал о таком.

— Так что... хотя это огорчает меня намного сильнее, чем вы можете себе представить... я вынужден буду забрать его.

Я стою лицом к Джо и ничего не отвечаю.

— Послушайте, Уошберн, — говорит Малыш Джо, — нет никакого смысла вот так стоять и сверлить меня взглядом. Отдавайте шляпу или начнем наши игры.

Я снимаю котелок, расплющиваю его о локоть и пускаю блином в сторону Джо. Он поднимает дерби, не отрывая от меня глаз.

— Вот те на! — говорит он.

— Берегите себя, Малыш Джо.

Я выхожу из салуна.

Напротив салуна собралась толпа. Она ждет. Люди посматривают на двери, вполголоса разговаривая.

Двери салуна распахиваются, и на улицу выходит высокий худой человек с непокрытой головой. У него намечается лысина. К его правой ноге ремешком прихвачен «сорок четвертый», и похоже, что человек знает, как пускать его в дело. Но суть в том, что в дело он его не пустил.

Под внимательным взглядом толпы Уошберн отвязывает лошадь, вскакивает в седло и шагом пускает ее в сторону моста.

Двери салуна снова распахиваются. Выходит невысокий, коренастый, с суровым лицом человек, в руках он держит измятый котелок. Он наблюдает, как всадник уезжает прочь.

Уошберн пришпоривает лошадь, та медлит в нерешительности, но наконец начинает взбираться на мост. Ее приходится постоянно понукать, чтобы она поднималась все выше и выше, отыскивая дорогу на усыпанном голышами склоне. На середине моста Уошберн останавливает лошадь, точнее, дает ей возможность остановиться. Он сейчас на высшей точке каменного моста, на вершине дуги, он замер, оседлав стык между двумя мирами, но не смотрит ни на один из них. Он поднимает руку, чтобы одернуть поля шляпы, и с легким удивлением обнаруживает, что голова его обнажена. Он лениво почесывает лоб — человек, в распоряжении которого все время мира. Затем он поворачивает лошадь и начинает спускаться туда, откуда поднялся, — к Бримстоуну.

Толпа наблюдает, как приближается Уошберн. Она неподвижна, молчалива. Затем, сообразив, что сейчас должно произойти, все бросаются врассыпную, ищут убежища за фургонами, ныряют за корыто с водой, съеживаются за мешками с зерном.

Только Малыш Джо Поттер остается на пыльной улице. Он наблюдает, как Уошберн спешивается, оттоняет лошадь с линии огня и медленно направляется к нему навстречу.

— Эй, Уошберн! — выкрикивает Малыш Джо. — Вернулся за шляпой?

Уошберн ухмыляется и качает головой.

— Нет, Малыш Джо. Я вернулся, чтобы сплясать с тобой веселый танец.

Оба смеются, это очень смешная шутка. Внезапно мужчины выхватывают револьверы. Гулкий лай «сорок четвертых» разносится по городу. Дым и пыль застилают стрелков.

Дым рассеивается. Мужчины по-прежнему стоят. Револьвер Малыша Джо направлен дулом вниз. Малыш Джо пытается крутануть его на пальце и видит, как он выпадает из руки. Затем валится в пыль.

Уошберн засовывает свою «пушку» за ремешок, подходит к Малышу Джо, опускается на колени и приподнимает его голову.

— Черт! — говорит Малыш Джо. — Это был вроде короткий танец, а, Уошберн?

— Слишком короткий, — отвечает Уошберн. — Прости, Джо...

Но Малыш Джо не слышит этих слов. Его взгляд потерял осмысленность, глаза остекленели, тело обмякло. Кровь сочится из двух дырочек в груди, кровь смачивает пыль, струясь из двух больших выходных отверстий в спине.

Уошберн поднимается на ноги, отыскивает в пыли свой котелок, отряхивает его, надевает на голову. Он подходит к лошади. Люди снова выбираются на улицу, слышатся голоса. Уошберн всовывает ногу в стремя и собирается вскочить в седло.

В этот момент дрожащий тонкий голос выкрикивает:

— Отлично, Уошберн, огонь!

С искаженным лицом Уошберн пытается извернуться, пытается освободить стрелковую руку, пытается волчком отскочить с линии огня. Даже в этой судорожной, невероятной позе он умудряется выхватить свой «сорок четвертый» и, крутанувшись на месте, видит в десяти ярдах от себя веснушчатого парнишку: его «пушка» уже выхвачена, он уже прицелился, уже стреляет...

Солнце взрывается в голове Уошберна, он слышит пронзительное ржание лошади, он проламывается сквозь все пыльные этажи мира, валится, а пули с

глухим звуком входят в него, — с таким звуком, как если бы большим мясницким ножом плашмя шлепали по говяжьей туше. Мир разваливается на куски, киномашинка разбита, глаза — две расколотые линзы, в которых отражается внезапное крушение вселенной. Финальным сигналом вспыхивает красный свет, и мир проваливается в черноту.

Телезритель — он и публика, он же и актер — какое-то время еще тупо смотрит на потемневший экран, потом начинает ерзать в мягком кресле и потирать подбородок. Ему, похоже, немного не по себе. Наконец он справляется с собой, громко рыгает, протягивает руку и выключает телевизор.

ПРЕМИЯ ЗА РИСК

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а ниже — узкий проход между домами, там стояли видавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шуму за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха — оно то застывало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочет-

---

Печатается по изд.: Шекли Р. Премия за риск: В сб. Карточный домик. — М.: Мир, 1969. Пер. изд.: Sheckley R. The Prize of Peril: Store of Infinity. New York, Bantam, 1957

Copyright © 1956 by Robert Sheckley
© 1962 М. Данилов, Б. Носик, перевод на русский язык

ся жить! Должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, покрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри.

— ...ужасная дыра, — сетовал Терри. — Да, друзья, Джим Рэдер попал в ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

— Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удаться, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой. Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что

в ней никого нет. Он вошел... — Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул: — И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной маленькой ванной, слушая настойчивые удары в дверь.

— Минуточку! — вскричал вдруг Майк Терри. — Держись, Джим Рэдер! Подержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

— Давайте, сэр, давайте! — поторапливал Майк Терри. — Как ваше имя?

— Ээ... Феликс Бартоломью.

— Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

— Хорошо. Так вот, мистер Рэдер, — начал дрожащий старческий голос. — Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню, как раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку, — сказал человек, высовываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

И в этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

— А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека, бросившего их!

Уже спокойнее Терри продолжал:

— Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли нашим слушателям, как...

Дальше Рэдер не слушал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съежившись, чтобы казаться меньше ростом, он поплелся, едва волоча ноги, по Шестьдесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда, — сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией — обыкновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям, — сказал ему Майк Терри. — Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальной и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

— Он здесь, друзья, — говорил Терри. — Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично поел за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!

— Вы лучше поторопитесь, — сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня на квартире началась эта пальба.

— Я кончаю, мэм.

Один из детей спросил:

— А они вправду собираются убить его?

— Заткнись! — бросила миссис О'Делл.

— Да, Джим, — причитал Майк Терри, — поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорчены, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

— Давайте я забинтую, — сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино, — сказала она.

— Он переоделся, друзья! — восторженно кричал Майк Терри. — О, это уже нечто новое! Он переоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!

— А теперь убирайтесь, — сказала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм, — сказал Рэдер. — Спасибо.

— По-моему, вы дурак, — сказала она. — Глупо было связываться со всем этим.

— Да, мэм.

— Нестоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел в другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттеном. Рэдер дремал, надвинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудреме он думал, удалось ли ему обмануть смерть. Или же он просто одушевленный, думающий

труп и двигается только потому, что смерть нерасторопна? О Господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздрогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что — не мог вспомнить. Снова закрыл глаза и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытать счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает упадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

— Ясно, — сказал Рэдер.

— Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько насчет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что любой, а не только профессионал, может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтобы тебе законным путем

вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

— Ясно, — повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-би-си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете, — выпалил он. — Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная получасовка по третьей программе.

— Здорово! — сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии» — это маленькая передача. Джи-би-си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие первоклассные боевики ужасов: «Опасность» и

«Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр, — сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-би-си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рассудка или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный «мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним «ягуар» врезался в «альфу-ромео» и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог — было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячью долларами. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо

для цветов. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей затаив дыхание следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем.

Рэдеру удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а баки с горючим, как ни странно, не взорвались.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом участия в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать, — это заколоть шпагой огромного черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как

следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. А второй матадор, грустный человек из Альгесираса, чуть не сломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все, что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка.

Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одно: «Прицелься шпагой и коли позади рогов», — говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колол, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами, перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И Бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а сломанная ключица зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-Сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поплатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красотки». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать

и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязаний постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием бывалого борца отбросил нож и вырвал у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленное фирмой «Мыло красотки».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик «Премия за риск».

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем? — переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою рацию: «Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шофера было что-то...

— Высадите меня здесь, — сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко надвинув шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегись!»

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

— Вот он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

— Это случилось снова! — заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения. — Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, а ну быстро на грузовик! Теперь он попался.

— Ты попался, Джим Рэдер! — воскликнул Майк Терри. — Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петерс, проживающую в доме двенадцать по Элм-стрит, в Саут Оранджe, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей! — крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоящего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде,

поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

— Это случилось опять! — кричал Майк Терри в экстазе. — Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Дженис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и расспросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь, — может быть, навстречу спасению, а может, навстречу новой опасности — прослушайте кратенькое объявление организаторов *передачи. Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться.*

— О'кей, — сказала девушка, — теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А? — спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

— Мисс, — сказал он. — Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту, — сказала Дженис Морроу. — Я вообще не добрая самаритянка. Я на службе у Джи-би-си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность! — сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому, что вы просто ужасны, — сказала девушка с раздражением, — вы не оправдали наших

надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

— Я стараюсь изо всех сил.

— Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять раз. Просто мы сказали им, чтоб они полегче, не торопились. Ведь это все равно, что стрелять в глиняную шестифутовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так! — сказала она. — Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика, за которым гонятся злые хулиганы.

— Знаю, — сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, неправда, вы не это хотели сказать, — заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да, — сказал Рэдер. — Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него:

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Как мне найти вас? — снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книге Манхэттена, — она остановила машину. — О'кей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите, — она наклонилась и поцеловала его. — Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие себя граждане не хотят, чтобы я спасся, — с грустью подумал Рэдер. — Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Повертев немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него телекамеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заплатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск», мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер, — сказал Терри серьезно, — вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

— Я хочу сыграть, — сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Леди и джентльмены, — сказал он. — У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав два-

дцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки. — Он повернулся к Рэдеру. — Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично! — закричал Майк Терри. — Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья, — произнес Майк Терри с нескрываемым презрением. — Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы можете сказать, Клод Томпсон? — спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Он был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю, — сказал он хрипло. — Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или профсоюзах. Да все берут кто во что горазд.

Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри били точно в цель — прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел и, вытирая лицо шелковым платком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру:

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой, если только вы сможете поймать его.

— Поймаем, — сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны, — сказал Терри. — Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа... Он — сам народ. Народ, который прикончит вас и вам подобных.

— Все равно ухлопаем, — сказал Томпсон.

— И еще, — продолжал Терри спокойно и проникновенно. — Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и беззащитный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

— Ага! — послышался чей-то возглас.

Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, пожалуйста, не говорите...

— Эй! — заорал толстяк, указывая на него тростью. — Вот он!

«Сумасшедший, — подумал Рэдер. — Проклятый дурак, наверное, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда! — визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

— Вот он! — завизжали дети. — Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.

Он упал и пополз в здание церкви.

Телеприемник у него в кармане говорил:

— Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше к заднему выходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных намогильных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер навсегда распрощался с надеждой.

— Стоп, Томпсон! — голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

— Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рэдер победил!

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

— Он победил, друзья, он победил! — надрывался Майк Терри. — Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Добрая самаритянка Дженис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..

Последовала короткая пауза.

— Странно, — сказал Майк Терри. — Друзья, боюсь, сейчас мы не сможем услышать голос Джима. Доктор осматривает его. Минуточку...

Снова последовала пауза. Майк Терри вытер лоб и улыбнулся.

— Это переутомление, друзья, страшное переутомление. Так сказал доктор... Ну что ж, друзья, Джим Рэдер сейчас немного нездоров. Но это пройдет! На службе Джи-би-си лучшие психиатры и психоаналитики страны. Мы сделаем для этого храброго парня

все, что будет в человеческих силах. И все это за наш счет. — Майк Терри бросил взгляд на студийные часы. — А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас.

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

— Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим на него!

ГОНКИ

1

Наконец он наступил — День Земельных Гонок, день безумных надежд и горьких разочарований, олицетворение трагического двадцать первого века. Как и остальные участники, Стив Бакстер попытался пораньше добраться до старта, но неверно рассчитал время. Значок Участника помог ему пробраться сквозь первые ряды толпы без особых сложностей. Но чтобы пробиться сквозь внутренние ряды — «ядро толпы», — мало было полагаться на значок или собственную ловкость.

Бакстер прикинул, что индекс человеческой плотности составлял 8,7 — почти максимум. Страсти могли разыграться в любой момент, несмотря на то что власти недавно опрыскали толпу нейролептиками. Будь у него достаточно времени, Бакстер мог бы обойти людей, но до начала гонок оставалось всего шесть минут.

На свой страх и риск он принялся протискиваться сквозь толпу. На его лице застыла улыбка — что абсолютно необходимо, когда тебя сжимает плотная толпа. Вскоре Бакстер уже мог разглядеть линию старта — возвышающуюся платформу в Глоб-парке Джерси-Сити. Все участники уже заняли свои места.

Печатается с дополнениями по изд.: Шекли Р. Гонки. — Если, 1992, № 2. Пер. изд.: Sheckley R. The People Trap: The People Trap. Bantam Books, New York, 1968

Copyright © 1968 by Robert Sheckley
© 1992 С. Конюлев, перевод на русский язык

Еще двадцать футов, подумал Стив, лишь бы эти болваны вели себя смирно.

Теперь ему предстояло проникнуть в ядро «эндотолпы», состоящее из субъектов с отвисшими челюстями и незрячими глазами — агглютинирующих истерофилов, на жаргоне психокорректоров. Сдавленные, как сардины в банке, действующие, как единое целое, эти люди были способны только на слепое сопротивление и необузданную ярость в ответ на любую попытку проникнуть в их ряды.

Некоторое время Стив колебался. «Эндотолпа» была опаснее стада буйволов. Люди смотрели на него, раздувая ноздри и притопывая ногами.

Запретив себе думать о последствиях, Бакстер ринулся вперед. Удары сыпались со всех сторон, над беснующимся массивом людей стоял оглушительный рев. Тела словно спекались в один бесформенный комок, и Бакстер почувствовал, что сейчас задохнется.

К счастью, в этот момент власти включили Музак. Гипнотическая мелодия, вот уже добрую сотню лет усмирявшая самые горячие головы, сработала и на этот раз. «Эндотолпа» ненадолго застыла, зачарованная грохочущими децибелами, и Стив Бакстер сумел протиснуться к линии старта.

Главный судья уже зачитывал Устав. Каждый участник и большинство зрителей знали его наизусть. Тем не менее правила требовали обязательного оглашения Устава перед стартом.

— Джентльмены, — начал судья, — вы получили возможность принять участие в Гонке на приобретение государственной земли. Вы, пятьдесят удачливых мужчин, были выбраны посредством лотереи среди пятидесяти миллионов жителей Южного Вестчестера. Вам предстоит преодолеть отрезок пути от этого места до финиша, который расположен в Земельной конторе на Таймс-сквер в Нью-Йорке — расстояние, равное пяти целым семи десятым мили. Всем участникам разрешается выбирать любой маршрут и передвигаться по земле, под землей и по воздуху. Единственное условие — вы сами должны добраться до финиша, замена не разрешается. Десять финалистов...

В толпе воцарилось гробовое молчание.

— ...получат по акру незанятой земли, дом и фермерский инвентарь! Каждому финалисту бесплатно предоставляется государственный транспорт, который перевезет его вместе с семьей на земельный участок. Вышеуказанный участок площадью в один акр поступает в собственность победителя и принадлежит ему и его наследникам на вечные времена — даже до третьего поколения.

Услышав это, толпа вздохнула. Никто из собравшихся никогда не видел один акр незанятой земли и даже не мог мечтать о таком счастье. Акр земли на всю жизнь, акр, который не надо ни с кем делить, — такое не могло даже присниться!

— Сим постановляется, — продолжал судья, — что государство не несет никакой ответственности за смерть участника во время соревнований. Я обязан довести до вашего сведения, что уровень смертности во время Земельных Гонок составляет шестьдесят восемь и девять десятых процента. Любой, кто решил отказаться от участия, может сделать это сейчас.

Судья ждал, и Стиву Бакстеру вдруг захотелось бросить эту самоубийственную затею. Ведь он, Адель, дети, тетя Фло и дядя Джордж как-нибудь смогут прожить в их уютной однокомнатной квартирке в Жилом Кластере имени Фреда Аллена для семей со средним достатком в Ларчмонте. К тому же он совсем не был героем со стальными мускулами и пудовыми кулаками. Он работал консультантом по системам деформации и неплохо справлялся со своими обязанностями. Стив Бакстер был воспитанным эктоморфом с вялыми мускулами и постоянной одышкой. Так ради чего ему сейчас бросаться очертя голову навстречу опасностям мрачного Нью-Йорка, самого жуткого из городов-джунглей?

— Брось ты все это, Стив, — произнес за его спиной голос, будто в ответ на его мысли.

Бакстер обернулся и увидел Эдварда Фрейхофа Сент-Джона, своего богатого и, надо сказать, весьма противного соседа по Ларчмонту. Сент-Джон, высокий, элегантный, с мускулистыми руками бывшего спортсмена-гребца. Сент-Джон с его безукоризненной

внешностью и томным взглядом, который все чаще останавливался на очаровательной белокурой Адель.

— Ничего у тебя не выйдет, Стив, — сказал Сент-Джон.

— Возможно, — ровным голосом ответил Бакстер. — Но у тебя-то, полагаю, все получится?

Сент-Джон заговорщически подмигнул. Уже несколько недель он намекал на какую-то информацию, которую за немалую мзду сообщил ему один из контролеров Земельных Гонок. Эта информация должна повысить его шансы, когда он будет преодолевать Манхэттен — самый густонаселенный и опасный район в мире.

— Давай выходи из игры, Стив, — подначивал его Сент-Джон. — Выходи из игры, и я отблагодарю тебя. Ну как?

Бакстер покачал головой. Он не считал себя смельчаком, но готов был скорее умереть, чем согласиться на предложение Сент-Джона. В любом случае он уже не сможет жить, как раньше. Согласно Закону о Совместном Проживании, принятому в прошлом месяце, Стив обязан взять к себе трех незамужних кузин и вдовствующую тетю, чья однокомнатная подвальная квартира в промышленном комплексе Лейк-Плесида была снесена, чтобы освободить место для строительства туннеля Олбани—Монреаль.

Пусть даже антишоковые инъекции, но десять человек в одной комнате — это уже чересчур... Он просто должен выиграть этот участок земли, другого выхода нет.

— Я остаюсь, — тихо произнес Бакстер.

— Ладно, сопляк, — отозвался Сент-Джон, кривя лицо в злобной усмешке. — Но помни, я тебя предупреждал.

— На старт, джентльмены, — раздался голос судьи.

Участники гонок умолкли и заняли места на стартовой линии, прищурив глаза и сжав губы.

— Внимание!

Напряглась сотня ног. Пятьдесят мужчин, настроившихся на победу, подались вперед.

— Марш!

И Гонки начались!

Рев сверхзвуковых динамиков на некоторое время парализовал толпу. Участники состязания прорвались сквозь неподвижные ряды и бросились бежать вдоль длинных верениц заглохших в пробках автомобилей. Затем их плотная группа распалась, но в целом держала направление на восток, к Гудзону и раскинувшемуся на противоположном берегу зловещему городу, который едва виднелся под маслянистым дымным покрывалом.

Все, кроме Стива Бакстера.

Он был единственным, кто направился на север, к мосту Джорджа Вашингтона и к городу Медвежья Гора. Плотно сжав губы, он двигался, как во сне.

В далеком Ларчмонте Адель Бакстер следила за Гонками по телевизору. Она невольно вскрикнула. Восьмилетний сынишка Том сказал:

— Мама, он идет на север к мосту! Но ведь мост в этом месяце закрыт! Там не пройти!

— Не волнуйся, милый, — сказала Адель. — Твой папа знает, что делает.

Как бы ей самой хотелось верить в это... И когда силуэт ее мужа затерялся в толпе, ей снова осталось только ждать... и молиться. Знает ли Стив, что делает? Или потерял голову, не выдержав напряжения?

2

Семена проблемы были посеяны еще в двадцатом веке, но ужасный урожай созрел столетие спустя. После несчитанных тысячелетий медленного роста население планеты внезапно увеличилось, удвоилось, потом удвоилось еще раз. Болезни были побеждены, недостатка в продовольствии не ощущалось, смертность падала, а рождаемость увеличивалась. Угодив в кошмарный капкан геометрической прогрессии, население Земли росло как раковая опухоль.

Четыре всадника Апокалипсиса уже были не в состоянии поддерживать порядок. Чуму и голод объ-

явили вне закона, а войны стали слишком дорогим удовольствием. Осталась только смерть — но и она являла собой лишь бледную тень своего прежнего величия.

Наука же с маниакальным упорством искала способ продления жизни для все большего числа людей.

И население продолжало расти, переполняя Землю, загрязняя воздух и отравляя водоемы, поедая спрессованные водоросли с рыбным хлебом и напрасно ожидая, когда вселенская катастрофа уменьшит его ряды.

Количественный рост качественно изменил образ жизни людей. В безобидном прошлом веке приключения и опасности поджидали лишь в безлюдных местах — в горах, пустынях, джунглях. Но в двадцать первом столетии все они были утилизованы, унифицированы и заселены. Зато опасностей с избытком хватало в городах, не управляемых и не контролируемых.

В городах можно было обнаружить все, что угодно: современный вариант диких племен, свирепых зверей и смертоносные болезни. Путешествие в Нью-Йорк или Чикаго требовало гораздо больше мужества и ловкости, чем викторианские прогулки на вершину Эвереста или в дельту Нила.

В этом спрессованном мире земля считалась наибольшей ценностью. Правительство распределяло всю свободную землю путем региональных лотерей, вершиной которых и были Земельные Гонки, устроенные по образцу тех, что проводились в девяностые годы девятнадцатого столетия на Территории Оклахомы или на землях чероки.

Земельные Гонки считались и спортом и зрелищем, захватывающим и лечебным. Миллионы людей следили за гонками, а медики отмечали определенный психотерапевтический эффект, который сам по себе служил их оправданием.

К тому же следовало учитывать и высокую смертность среди участников Гонок. И хотя их число было несопоставимо с абсолютным приростом населения,

переполненный мир с радостью приветствовал каждый подобный исход.

Гонки продолжались уже три часа. Включив крохотный приемник, Стив Бакстер слушал последние новости. Он узнал, что первая группа участников добралась до Голландского туннеля, где их повернула обратно вооруженная полиция. Другие, наиболее сообразительные, пошли в обход и сейчас приближались к мосту Веррадзано.

Фрейхоф Сент-Джон, действуя в одиночку и размахивая удостоверением заместителя мэра, сумел прорваться через баррикады у туннеля Линкольна.

Пришло время делать ставку и Стиву Бакстеру. Нахмурившись, с бьющимся сердцем, он вступил на печально знаменитую территорию свободного порта Хобокена.

3

Берег Хобокена тонул в сумерках. Перед ним покачивались на волнах быстроходные суда контрабандного флота Хобокена. Некоторые уже погрузили на палубы товар — коробки с сигаретами из Северной Каролины, спиртное из Кентукки, апельсины из Флориды, наркотики из Калифорнии, оружие из Техаса. На каждом ящике стояло официальное клеймо: «Контрабанда, налог уплачен» — потому что в эти тяжелые времена правительство оказалось вынуждено облагать налогом даже нелегальные сделки, придавая им тем самым полузаконный статус.

Выбрав подходящий момент, Бакстер пробрался на борт судна с марихуаной и спрятался среди благоухающих мешков. Команда уже готовилась к отплытию. Если бы только ему удалось ненадолго спрятаться, пока судно доберется до другого берега...

— Ха! Что за птичка к нам залетела?

Пьяный механик, неожиданно появившийся из носового кубрика, застал Бакстера врасплох. Услышав

его крик, вся команда высыпала на палубу — видавшие виды, жестокие люди, считавшие убийство заурядным событием. Они были из той же, не знающей ничего святого людской породы, что несколько лет назад разграбила Уихукен, сожгла дотла форт Ли и постоянно совершала грабительские набеги на всем протяжении реки до Инглвуда. Стив Бакстер знал, что в случае чего пощады ему не будет.

Пытаясь сохранить присутствие духа, он произнес:

— Джентльмены, мне необходимо попасть на другой берег Гудзона. Если вы, конечно, не против...

Капитан корабля, огромный метис с изрезанным шрамами лицом и бугристыми мускулами, зашелся в хохоте.

— Хочешь прокатиться за наш счет? — спросил он на хобокенском жаргоне. — Воображаешь, что ты на пароме?

— Конечно, нет, сэр. Но я надеялся...

— Поищи свои надежды на кладбище!

Команда загоготала, оценив капитанский юмор.

— Я готов заплатить за проезд, — сказал Стив со сдержанной гордостью.

— Заплатить? — проревел капитан. — Да, мы иногда продаем билеты в один конец. На дно.

Матросы захохотали еще громче.

— Ну что ж, если так, то я готов, — сказал Стив Бакстер. — Позвольте, я только отправлю открытку жене и детям.

— Бабе с сосунками? — переспросил капитан. — Так что ж ты, парень, сразу не сказал? Когда-то и у меня была жена, да и мелкоты хватало... Только все накрылось...

— Мне больно слышать об этом, — искренне произнес Стив.

— М-да... — Черты капитана смягчились. — Как щас помню, завалишь к себе в хибару, а карапузы по коленкам так и лазят. А на душе до того приятно, словно пузырь раздавил. Кто ж думал, что судьба им копыта раньше меня откинуть...

— Наверное, вы были тогда счастливы, — сказал Стив, стараясь подладиться под настроение капитана и с определенным трудом улавливая смысл его слов.

— А хрен его знает, — угрюмо буркнул тот.

Кривоногий моряк протиснулся вперед.

— Эй, капитан, пора его пришить да отправляться, пока товар не протух.

— Кому ты приказываешь, фуфло кривое?! — взревел капитан. — Клянусь Иисусом, товар будет гнить, коли я не решу иначе! А пришить ли его... нет, вспомнил я своих карапузов и передумал, черт меня подери. — Повернувшись к Стиву, он сказал: — Мы перевезем тебя бесплатно, парень.

Так Стиву Бакстеру удалось нащупать слабое место капитана, и он получил передышку. Матросы отдали швартовы, и шхуна с грузом марихуаны двинулась по серо-зеленым волнам Гудзона.

Но удача недолго сопутствовала Стиву Бакстеру. Лишь только они добрались до середины реки и вышли в федеральные воды, вечерние сумерки рассеял мощный луч прожектора и чей-то голос вполне официальным тоном приказал им остановиться. К несчастью, они наткнулись на сторожевой корабль, патрулирующий Гудзон.

— Черт побери! — взревел капитан. — Только и умеют, что драть налоги и убивать. Но не на тех нарвались. К оружию, ребята!

Матросы быстро стянули брезент с пулеметов 50-го калибра. Натужно взревели сдвоенные дизели. Лавируя и уклоняясь, судно контрабандистов помчалось к спасительному берегу Нью-Йорка. Но двигатели у патрульного корабля были гораздо мощнее, а пулеметы не могли тягаться с четырехдюймовыми пушками. В результате прямых попаданий в щепы разлетелся леер, взорвался капитанский мостик, рухнула грот-мачта и лопнули фалы крюйс-марса по правому борту.

Казалось, от погони уже не уйти. Но тут капитан потянул носом воздух.

— Держись, ребята! — крикнул он. — Западник идет!

С запада надвигалась непроницаемая стена смога, и вскоре он накрыл реку чернильными щупальцами. Потрепанная шхуна поспешила покинуть поле боя.

Команда торопливо надела респираторы, вознося хвалу удушливому дыму с горящих свалок города.

Через полчаса они пришвартовались к пирсу на 79-й улице. Крепко обняв Стива, капитан пожелал ему удачи. И Стив продолжил свой путь.

Позади остался широкий Гудзон. Впереди лежали тридцать кварталов городских джунглей. Согласно последним сводкам радио, он сильно оторвался от остальных участников, включая и Фрейхофа Сент-Джона, который еще не вышел из лабиринта на нью-йоркском конце туннеля Линкольна. Похоже, если сравнивать с остальными, дела у Бакстера обстоят совсем неплохо.

Но его оптимизм был преждевременным. Нью-Йорк так легко не завоевывается. И он даже не знал, что впереди его ждет самая опасная часть пути.

4

Поспав несколько часов на заднем сиденье заброшенной машины, Стив двинулся вниз по Вест-Энд-авеню. Забрезжил рассвет — благодатное время в городе, когда на перекрестках оказывается всего лишь несколько сотен жителей, поднявшихся в такую рань. Высоко вверх взмывали башни Манхэттена, а под ними на фоне серо-коричневого неба в причудливую сеть сплетались телевизионные антенны. Глядя на все это, Бакстер пытался представить, как выглядел Нью-Йорк сто лет назад, в счастливые дни до демографического взрыва.

Его раздумья продолжались недолго. Внезапно путь преградила группа вооруженных людей. Маски, широкополые шляпы и ленты с патронами делали их похожими на театральных злодеев.

Один из них — судя по всему, главарь — шагнул вперед. Это был лысеющий старик с морщинистым лицом, пышными усами и скорбными глазами в красных прожилках.

— Чужеземец, — сказал он, — покажи свой пропуск.

— Боюсь, что у меня нет никакого пропуска, — ответил Бакстер.

— Еще бы, — сказал главарь. — Я, Пабло Стейнмец, лично выписываю пропуска, а тебя что-то не припоминаю.

— Я нездешний, — объяснил Бакстер. — Просто иду через ваш район.

Мужчины заухмылялись, толкая друг друга в бока. Потерев небритый подбородок, Пабло Стейнмец сообщил:

— Что же получается, сынок: ты идешь по частной дороге без разрешения владельца. А владелец-то я. Вот и выходит, что ты незаконно вторгся на мою землю.

— Но разве можно иметь частную дорогу в самом центре Нью-Йорка? — удивился Бакстер.

— Если я тебе говорю, что это моя собственность, значит, так и есть, — сказал Пабло Стейнмец, похлопывая по прикладу своего винчестера. — Словом, выбор у тебя такой: деньги или игра.

Бакстер полез за бумажником, но в кармане его не оказалось. Что поделать — при расставании капитан все-таки не удержался от соблазна обчистить его карманы.

— У меня нет денег, — сказал Бакстер и нервно рассмеялся. — Видимо, мне стоит повернуть обратно.

Стейнмец покачал головой:

— Какая разница, назад или вперед? Все равно надо платить пошлину. Так что или игра, или деньги.

— Что ж, тогда остается игра. Что я должен делать?

— Ты побежишь, — сообщил Пабло, — а мы по очереди будем в тебя стрелять, целясь только в макушку. Кто тебя уложит, тот и будет победителем.

— Это нечестно! — заявил Стив.

— Тебе придется нелегко, — вздохнул Стейнмец, — но так уж устроен мир. Правила есть правила, даже при анархии. Так что если ты окажешь нам услугу и рванешь во весь дух, зарабатывая себе свободу...

Бандиты заухмылялись, сдвинули шляпы на затылки и вытащили пистолеты. Бакстер уже собрался бежать навстречу смерти...

В этот момент раздался голос:

— Стой!

Женский голос. Обернувшись, Бакстер увидел, что сквозь толпу бандитов протискивается стройная рыжеволосая девушка. На ней были штаны тореадора, пластиковые галоши и гавайская блузка. Экзотический наряд только подчеркивал ее отважную красоту. В волосах алела бумажная роза, а изящную шею обвивала нитка жемчужных бус. Никогда в жизни Бакстер не видел такой экстравагантной женщины.

Пабло Стейнмец, нахмурившись, подергал себя за ус.

— Флейм! — воскликнул он. — Что тебе?

— Мне осточертели ваши забавы, — холодно ответила девушка. — И я хочу поговорить с этим недотепой.

— Это мужское дело, — заявил Стейнмец. — Беги, чужеземец.

— Ни с места, — приказала Флейм, и в ее руке опасно блеснул револьвер.

Отец и дочь смотрели друг на друга. Первым не выдержал старый Пабло.

— Черт тебя побери, Флейм, — сказал он. — Правила существуют для всех, даже для тебя. Человек, вступивший на частную территорию, не может уплатить пошлину, значит, должен играть.

— Это не проблема, — заявила Флейм. Засунув руку в вырез блузки, она вытащила оттуда блестящий доллар. — Держи! — Она бросила монету под ноги Пабло. — Деньги уплачены, может, мне самой хочется с ним поиграть. Пойдем, незнакомец.

Взяв Бакстера за руку, она повела его за собой. Бандиты ухмылялись и толкали друг друга в бока, пока Стейнмец не бросил на них угрожающий взгляд. Старый Пабло покачал головой, почесал за ухом, высморкался и сказал:

— Черт побери эту девчонку!

Слова были грубыми, но произнес он их нежным голосом.

5

Ночь опустилась на город, и бандиты разбили лагерь на углу Вест-Энд-авеню и 69-й улицы. Мужчины удобно расположились вокруг костра. На вертел

насадили брикет сочного мяса, а в закопченный котел высыпали несколько пакетов свежезамороженных овощей. Старый Пабло Стейнмец от души приложился к канистре с мартини, успокаивая воображаемую боль в деревянной ноге. Во мраке слышался вой одинокого пуделя, тоскующего по подруге.

Стив и Флейм сидели в стороне от остальных. Тихая ночь, нарушаемая лишь грохотом мусорных машин, чарующе действовала на них. Их руки соприкоснулись, пальцы сплелись.

Наконец Флейм произнесла:

— Стив... Я тебе нравлюсь?

— Конечно,— ответил Бакстер, по-братски обняв ее за плечи и не осознавая, что этот жест может быть истолкован иначе.

— Я все думала... — сказала молодая гангстерша, — я думала... — Она замолчала, неожиданно смутившись. — Стив, почему бы тебе не прекратить эту самоубийственную гонку? Может, ты останешься со мной? У меня есть земля, Стив, настоящая земля — сто ярдов в центре Нью-Йорка. Мы вместе сможем заниматься на ней фермерством.

Стиву мысль показалась заманчивой, как любому другому мужчине. Нельзя сказать, что он не замечал тех чувств, которые питала к нему прекрасная гангстерша, и они не оставляли его равнодушным. Красота Флейм Стейнмец, ее отвага (не говоря уже о земле) могли легко завоевать сердце любого мужчины. Какую-то долю секунды Стив колебался, и его рука сильнее сжала хрупкие девичьи плечи.

Но затем чувство верности взяло верх. Флейм была небесным существом, воплощением экстаза, о котором мужчина мечтает всю жизнь. Но Адель — подруга юности, его жена, мать его детей, терпеливая помощница все эти долгие годы — так что для человека с характером Бакстера здесь не было выбора.

Властная красавица не привыкла к отказам. Разъяренная, как ошпаренная пума, она пригрозила вырвать у Бакстера сердце, обвалять его в муке и поджарить на медленном огне. Ее огромные сверкающие глаза и тяжелое дыхание подтверждали, что это не пустые слова.

Но Стив Бакстер твердо стоял на своем. И Флейм с грустью поняла, что никогда не полюбила бы этого человека, не будь у него великой души и высокой морали...

И когда поутру чужеземец стал собираться в путь, она уже не противилась. И даже утихомирила своего разбушевавшегося отца, назвавшего Стива безответственным идиотом, которого необходимо удержать для его же блага.

— Папа, разве ты не видишь, что это за человек? — спросила она. — Он должен сам выбирать свой путь в жизни, пусть даже этот путь ведет к смерти.

Пабло Стейнмец недовольно ворчал, но вынужден был сдаться. И Стив Бакстер продолжил свою одиссею.

6

Он направился к центру, стиснутый со всех сторон толпой. Оглушенный шумом, ослепленный неоновыми рекламами, Бакстер был на грани истерики. Наконец он оказался в районе, пестревшем указателями, которые требовали прямо противоположных действий:

ТОЛЬКО СЮДА.

ХОДА НЕТ.

ДЕРЖИТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ.

ЗАКРЫТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

И ПРАЗДНИКАМ.

ЗАКРЫТО ПО БУДНЯМ.

ПОВОРОТ ТОЛЬКО НАЛЕВО.

Сбитый с толку противоречивыми указаниями, он случайно забрел в нищий район, известный под названием «Центральный парк». Перед ним, насколько хватало глаз, ютились жалкие хибары, убогие пристройки, покосившиеся вигвамы и публичные дома, занимавшие каждый квадратный фут площади. Его появление среди озлобленных обитателей парка вызвало шквал комментариев, и нельзя сказать, что благожелательных. Жители вбили себе в головы, что

он инспектор санитарной службы, появившийся, чтобы закрыть их малярийные колодцы, зарезать их трихинеллезных свиней и привить их чесоточных детей. Собравшись вокруг него, они размахивали костылями и выкрикивали угрозы.

К счастью, неисправный тостер вызвал короткое замыкание, и вся округа мгновенно погрузилась во тьму. Воспользовавшись паникой, Стив бежал.

Но теперь он очутился в районе, где уличные указатели были давно сорваны, чтобы сбить с толку сборщиков налогов. Солнце скрылось в облаках. Здесь ему не помог бы даже компас, слишком уж много ржавого железа — остатков легендарной городской подземки — скрывалось под тротуарами.

Стив понял, что безнадежно заблудился.

Ему удалось выжить не столько благодаря мужеству, сколько из-за отсутствия такового. Бессчетное количество дней бродил он по неизвестным улицам, мимо бесконечных домов, покореженных автомобилей и гор битого стекла. Настороженные прохожие отказывались отвечать на вопросы, принимая его за агента ФБР. Стив Бакстер скитался без еды и питья, не имел возможности толком отдохнуть, опасаясь, как бы его не растоптали многочисленные толпы.

Добросердечный работник службы социальной помощи остановил Стива, когда тот собирался напиться из дизентерийного фонтанчика. Седовласый старик отвел его в свой дом — хибару, сделанную из скрученных газет и ютившуюся возле покрытых мхом руин Линкольновского центра. Он посоветовал Бакстеру остановить свою безумную гонку и посвятить жизнь помощи бедным и убогим — благо их вокруг было несметное множество.

Стив готов был уже согласиться на столь достойное занятие, но тут, на его счастье, старенький приемник стал передавать информацию о гонках.

Многих Участников постигла неудача в каменных джунглях Нью-Йорка. Фрейхофа Сент-Джона арестовали за нарушение санитарных правил второй степени. Группа, которой удалось перейти через мост Веррадзано, сгинула в людских водоворотах Брук-

линских высот, их дальнейшая судьба осталась неизвестной.

Бакстер понял, что у него еще есть шанс.

7

С надеждой в сердце Стив Бакстер продолжил свой путь. Но теперь его обуяла непомерная самоуверенность, которая гораздо опаснее глубокой депрессии. Быстро продвигаясь на юг, он воспользовался временным затишьем и шагнул на скоростной тротуар. Он сделал этот беспечный шаг, совершенно не задумываясь о последствиях.

Каков же был его ужас, когда он понял, что это дорога с односторонним движением, без каких-либо поворотов, ведущая к terra incognita Джонс-Бич, Файр-Айленда, Пачтога и Восточного Хэмтона.

Надо было срочно принимать решение. Слева шла сплошная бетонная стена, справа — забор в метр высотой, по которому тянулась надпись:

ЗАПРЕЩЕНО ПЕРЕПРЫГИВАТЬ

МЕЖДУ 12 ДНЯ И 12 НОЧИ

ПО ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ.

Сегодня был четверг — запретный день. Но Стив без лишних раздумий перемахнул через барьер.

Возмездие оказалось скорым и ужасным. Из засады вынырнула замаскированная полицейская машина. Полицейские мчались прямо на него, одновременно открыв бешеный огонь по толпе на улице (в эти злосчастные времена полиции было строго предписано, преследуя злоумышленников или подозреваемых, вести бешеный огонь по толпе).

Бакстер спрятался в близлежащей кондитерской. Затем, осознав тщетность этой попытки, он попробовал сдаться, что ему не позволили сделать, поскольку все тюрьмы были переполнены. Вокруг него засвистели пули, а полицейские с жестокими ухмылками на лицах уже готовили минометы и переносные огнеметы.

Казалось, наступил конец не только надеждам на победу, но и самой его жизни. Лежа на полу среди липких тянучек и хрустких крошек лакричных леденцов, он вручил свою душу Господу и приготовился с достоинством встретить неизбежный конец.

Но его отчаяние было столь же преждевременным, сколь раньше — оптимизм. Услышав непонятный шум, он поднял голову и увидел, что группа вооруженных мужчин напала с тыла на полицейскую машину. Развернувшись навстречу нападающим, голубые мундиры попали под фланговый огонь и были уничтожены все до единого.

Когда Бакстер вышел, чтобы поблагодарить своих освободителей, то обнаружил, что во главе их стоит Флейм О'Рурк Стейнмец. Прекрасная гангстерша не смогла забыть незнакомца с нежным голосом. Несмотря на протесты отца, она тенью следовала за Стивом и пришла ему на помощь.

В считанные минуты бандиты в черных шляпах разграбили весь район. Флейм и Стив скрылись в тиши покинутого ресторана Говарда Джонсона. Там, под облупившимся фронтоном, между ними произошла трепетная сцена любви. Правда, скорее ее можно было назвать коротким и грустным эпизодом, после чего Стив Бакстер вновь окунулся в головокружительный водоворот города.

8

Упрямо двигаясь вперед, Стив Бакстер преодолел 49-ю улицу и 8-ю авеню. Глаза его были прищурены, чтобы спастись от едкого смога, а рот казался белой линией в нижней трети лица. Но тут обстановка изменилась с внезапностью, присущей каменным джунглям.

Переходя улицу, Бакстер услышал оглушительный рев. Он понял, что на светофоре зажегся зеленый. Водители, озверев от многодневного ожидания, одновременно нажали на педали газа, сметая все перед собой. Стив Бакстер оказался как раз на пути несущихся потоков машин.

Путь назад был отрезан. Стремительно приняв решение, он отодвинул крышку канализационного люка и нырнул вниз. И сделал это вовремя: через долю секунды над ним раздался скрежет металла и грохот столкнувшихся автомобилей.

Стив продолжал двигаться вперед по канализационным трубам. Сеть сообщающихся туннелей была густо заселена, но все же здесь было гораздо безопаснее, чем наверху. Лишь однажды возле отстойного колодца на него напал какой-то тип. Закаленный в борьбе с опасностями, Бакстер быстро разделался с наглецом и завладел его каноэ — необходимой вещью в туннелях нижнего уровня. Гребя веслом, он проплыл под 42-й улицей и 8-й авеню, прежде чем течение вынесло его на поверхность.

Теперь долгожданная цель была совсем рядом. Оставался всего один квартал. Один квартал, и он попадет в Земельную контору на Таймс-сквер!

Но тут он наткнулся на непреодолимое препятствие, которое перечеркнуло все его мечты.

9

Посреди 42-й улицы, уходя в бесконечность на север и на юг, стояла стена. Это было циклопическое сооружение, только что возведенное нью-йоркскими архитекторами в их обычном стиле. Как узнал Бакстер, стена являла собой одну сторону нового гигантского многоквартирного дома для семей со средним достатком. Во время строительства все движение на Таймс-сквер направлялось в объезд через туннель Куинз-Баттери и развязку на 37-й улице.

Стив сообразил, что на эту дорогу ему понадобится не менее трех недель, не говоря уже о том, что придется пробираться через неисследованный район Гармет. Стив понял, что выбыл из Гонок.

Смелость, мужество и настойчивость оставили его, и не будь он верующим человеком, мог бы решиться на самоубийство. Он мрачно включил свой маленький транзистор и стал слушать последние сводки.

Четыре Участника уже достигли Земельной конторы. Пятеро других находились в нескольких сотнях ярдов от нее, пробираясь с юга. В довершение всех бед Стив услышал, что, получив помилование от губернатора, Фрейхоф Сент-Джон возобновил гонку и теперь приближается к Таймс-сквер с восточной стороны.

В этот тяжелейший для него момент он почувствовал, как на его плечо легла рука.

Обернувшись, Бакстер увидел перед собой Флейм. Хотя отважная девушка поклялась больше не иметь с ним ничего общего, сердце ее не выдержало. Этот спокойный, уравновешенный человек значил для нее больше, чем гордость, возможно, даже больше, чем сама жизнь.

Что делать со стеной? О, это не проблема для дочери короля гангстеров. Если стену нельзя обойти, если под нее нельзя подлезть, надо через нее перебраться. Для этого Флейм взяла веревки, альпенштоки, топорики, болты с крючками и кольцами — короче, полное снаряжение альпинистов. Она была непоколебимо уверена, что Бакстер должен использовать свой последний шанс для достижения цели и Флейм О'Рурк Стейнмец должна идти с ним вместе, что бы он там ни говорил.

Бок о бок они карабкались по бескрайней глади здания. Сотни опасностей подстерегали их — птицы, самолеты, снайперы, психи. В этом непредсказуемом городе можно было ожидать чего угодно. Далеко внизу стоял старый Пабло Стейнмец с лицом, похожим на потрескавшийся гранит.

Преодолев все опасности, они залезли наверх и стали спускаться с обратной стороны.

И тут Флейм сорвалась!

Охваченный ужасом, Бакстер смотрел, как стройная фигурка девушки летела навстречу гибели. Она умерла, упав на торчащую автомобильную антенну. Быстро спустившись, Бакстер встал возле нее на колени, обезумев от горя.

А по ту сторону стены старый Пабло неведомо как почувствовал, что произошло непоправимое. Он со-

дрогнулся, рот его скривился в гримасе горя, а рука потянулась к бутылке.

Сильные руки подняли Бакстера. Непонимающим взглядом он смотрел на сочувственное лицо федерального чиновника из Земельной конторы.

Ему было трудно поверить, что он закончил Гонку. С полным равнодушием он услышал, как наглость и высокомерие Сент-Джона привели к беспорядкам в Бирманском квартале на 42-й улице и как Сент-Джону пришлось искать спасения в лабиринтах развалин Публичной библиотеки, откуда он никак не мог выбраться.

Но Стив Бакстер не имел привычки радоваться чужому несчастью. Самое главное — то, что он выиграл Гонку и вовремя добрался до Земельной конторы, чтобы получить в качестве приза последний оставшийся акр земли.

Но победа досталась ценой усилий и боли. И жизни молодой гангстерши.

10

Время залечивает раны, и через несколько недель Стив Бакстер уже не вспоминал о трагических событиях Гонки. Правительственный самолет доставил его вместе с семьей в городок Корморан в горах Сьерра-Невада. Из Корморана вертолет перенес их к месту нового жительства. Там семью встретил чиновник Земельной конторы, который показал Бакстерам их собственность.

Земля, обнесенная изгородью, размещалась на почти вертикальном склоне горы. Вокруг, насколько хватал глаз, тянулись такие же огороженные участки площадью в один акр. Недавно здесь добывали ископаемые, и огромные борозды тянулись, словно шрамы, по пыльной желтоватой земле. Здесь не росло ни деревца, ни травинки. Правда, как и было обе-

щано, дом стоял — хибара, от которой вряд ли что останется после первой же грозы.

Несколько минут Бакстеры рассматривали свою собственность. Затем Адель сказала:

— О, Стив!

— Я знаю, — ответил Стив.

— Это наша земля.

Стив кивнул.

— Она не слишком... привлекательная, — неуверенно сказал он.

— Привлекательная? Какая разница? — заявила Адель. — Она *наша*, Стив, и ее тут целый акр! Мы сможем на ней что-нибудь *выращивать!*

— Ну, может, не сразу...

— Знаю, знаю. Но мы приведем ее в порядок, что-нибудь посеем и соберем урожай! Мы будем здесь *жить, правда*, Стив?

Стив молчал, глядя на землю, полученную столь дорогой ценой. Его дети — Томми и белокурая Амелия — играли с комками глины. Откашлявшись, федеральный чиновник сказал:

— Вы, разумеется, можете изменить свое решение.

— Что? — спросил Стив.

— Вы можете отказаться от земли и вернуться в свою городскую квартиру. Я хочу сказать, что некоторым здесь... не очень нравится. Словно они ожидали чего-то другого.

— О нет, Стив! — простонала жена.

— Нет, папа, нет! — заплакали дети.

— *Вернуться?* — переспросил Стив. — Я не собираюсь *возвращаться*. Я просто *смотрю* на землю, мистер. За всю свою жизнь я не видел сразу столько земли в одном месте.

— Знаю, — мягко ответил чиновник. — Я тут уже двадцать лет, а все никак не могу на нее насмотреться.

Стив и Адель восторженно глянули друг на друга. Чиновник потер кончик носа.

— Что ж, кажется, я вам больше не нужен, — сказал он и тихонько удалился.

Стив и Адель не отрывали глаз от своего сокровища.

— Ах, Стив! — вымолвила наконец Адель. — Это все наше! И ты ради нас выиграл этот приз... в одиночку!

Бакстер сжал челюсти.

— Нет, милая, — очень тихо отозвался он, — не в одиночку. Мне помогли.

— Кто, Стив? Кто тебе помог?

— Когда-нибудь я тебе все расскажу, — ответил Бакстер. — А сейчас... пойдем лучше в наш дом.

Взявшись за руки, они вошли в хибару. За их спинами в клубах лос-анджелесского смога садилось солнце.

Трудно представить себе более счастливый конец для второй половины двадцать первого столетия.

ПРАВО НА СМЕРТЬ

Боль эта просто неописуемая, вам все равно не представить. Скажу лишь, что она была невыносимой даже под анестезией, а перенес я ее только потому, что выбирать мне не приходилось. Затем она стихла, я открыл глаза и взглянул на лица стоящих рядом браминов. Их было трое, в обычных белых хирургических халатах и марлевых масках. Сами они утверждают, что носят маски, предохраняя нас от инфекции, но каждый солдат знает правду: под масками они прячут лица. Не хотят, чтобы их опознали.

Я был все еще по уши напичкан обезболивающими, поэтому в памяти мелькали лишь обрывки воспоминаний.

— Долго я пробыл покойником? — спросил я.

— Часов десять, — ответил один из браминов.

— Как я умер?

— Разве ты не помнишь? — удивился самый высокий из них.

— Еще нет.

— Тогда слушай, — сказал высокий. — Ты со своим взводом находился в траншее 2645Б-4. На рассвете вся ваша часть пошла в атаку, чтобы захватить следующую траншею. Номер 2645Б-5.

Пер. изд.: Sheckley R. If the Red Slayer: Store of Infinity. New York, Bantam, 1960

© 1960 by Robert Sheckley
© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

— А потом? — спросил я.

— Ты нарвался на несколько пулеметных пуль. Тех самых, нового типа — с шоковыми головками. Теперь вспомнил? Одна попала в грудь, три в ноги. Когда тебя отыскали санитары, ты уже был мертв.

— А траншею взяли?

— На этот раз нет.

— Ясно.

Анестезия слабела, память быстро возвращалась. Я вспомнил парней из своего взвода. Вспомнил нашу траншею. В старушке 2645Б-4 я просидел больше года, и обжили мы ее как дом родной. Противник пытался ее захватить, и наша утренняя атака на самом деле была контратакой. Вспомнил, как пулеметные пули рвали меня на куски и какое я при этом испытал восхитительное облегчение. И тут я вспомнил кое-что еще...

Я поднялся и сел.

— Эй, погодите-ка!

— В чем дело?

— Я думал, через восемь часов человека уже не оживить, это предел.

— С недавних пор мы стали искуснее, — ответил один из браминов. — Мы все время совершенствуемся, и теперь верхний предел — двенадцать часов, лишь бы мозг серьезно не повредило.

— Что ж, радуйтесь, — буркнул я. Теперь память вернулась ко мне полностью, и я понял, что произошло. — Только со мной у вас ошибочка вышла. И немалая.

— Что еще за претензии, солдат? — осведомился один из них. Офицерские интонации ни с чем не спутаешь.

— Посмотрите на мой личный знак.

Он посмотрел. Его лоб — единственное, что не закрывала маска, — нахмурился.

— Да, *необычная* ситуация, — протянул он.

— Необычная, — согласился я.

— Видишь ли, — пояснил он, — в траншее было полно мертвецов. Нам сказали, что все они ново-

бранцы, по первому разу. А приказано было оживить всех.

— И что, нельзя было сперва взглянуть на личный знак?

— Мы устали — слишком много работы. Да и время поджимало. Мне действительно очень жаль, рядовой. Если бы я знал...

— В гробу я видал ваши извинения. Хочу видеть генерал-инспектора.

— Ты и в самом деле полагаешь...

— Да, — отрезал я. — Пусть я не окопный юрист, но я сыт по горло. И у меня есть право на встречу с Г. И.

Пока они шепотом совещались, я принялся разглядывать себя. Брамины здорово залатали мое тело. Но, конечно же, не так хорошо, как в первые годы войны. Заплаты на коже наложили довольно халтурно, да и внутри что-то зудело и свербило. К тому же правая рука оказалась на два дюйма длиннее левой — скверно срастили сустав. Но в целом поработали они неплохо.

Брамины кончили совещаться и выдали мне форму. Я оделся.

— С генерал-инспектором не так просто, — начал один из них. — Видишь ли...

Стоит ли говорить, что к Г. И. я так и не попал. Меня отвели к старшему сержанту, эдакому верзиле-добряку из тех, кто умеет решить все твои проблемы, просто поговорив по душам. Только я его не просил лезть мне в душу.

— Да брось ты дуться, рядовой, — сказал добряк сержант. — Неужто ты и в самом деле затеял склоку из-за того, что тебя оживили?

— Так оно и есть, — подтвердил я. — По военным законам даже у простого солдата есть права. Так мне, во всяком случае, говорили.

— Конечно, есть, — согласился сержант.

— Я свой долг выполнил. Семнадцать лет в армии, из них восемь на передовой. Трижды убит, трижды оживлен. И все это выбито на моем личном знаке. Но мне *не дали* умереть. Проклятые медики меня снова оживили, а это нечестно. Хочу остаться мертвым.

— Куда как лучше оставаться живым, — возразил сержант. — Пока ты жив, остается шанс попасть в нестроевые. Сейчас, правда, приходится долго ждать, потому что на фронте людей не хватает. Но все-таки шанс есть.

— Знаю. Но по-моему, скорее стать покойником.

— Знаешь, могу тебе пообещать, что месяцев через шесть...

— Хочу остаться мертвым, — твердо заявил я. — После третьей смерти это мое законное право.

— Разумеется,— согласился добряк сержант, улыбаясь мне товарищеской солдатской улыбкой. — Но на войне случаются и ошибки. Особенно на такой войне, как эта. — Он откинулся на спинку и сцепил руки за головой. — Я еще помню, как все началось. Поначалу никто не сомневался, что все сведется к нажатию кнопок. Но и у нас, и у красных оказалось навалом противоракет, так что пулять друг в друга атомными боеголовками скоро оказалось бессмысленно. А когда изобрели подавитель атомных взрывов, ракетам и вовсе пришел конец. Кроме пехоты воевать стало некому.

— Сам знаю.

— Но противники превосходили нас числом. И сейчас превосходят. Ты только вспомни, сколько миллионов солдат у русских и китайцев! Нам оставалось одно — иметь как можно больше бойцов и по крайней мере не терять тех, кто есть. Вот почему медики стали оживлять убитых.

— Да знаю я все это. Послушайте, сержант, я тоже хочу, чтобы мы победили. Очень хочу. Я был хорошим солдатом. Но меня уже трижды убили, и...

— Беда в том, — сказал сержант, — что красные тоже оживляют своих мертвецов. И именно *сейчас* борьба за превосходство в живой силе на передовой достигла критической точки. В следующие два-три

месяца все так или иначе решится. Так почему бы тебе не плюнуть на все это и не забыть об ошибке? Обещаю, что когда тебя убьют в следующий раз, то оставят в покое. Потерпи еще немного.

— Я хочу видеть генерал-инспектора.

— Ладно, рядовой, — буркнул добряк сержант уже не очень приветливо. — Топай в комнату 303.

Комната 303 оказалась приемной. Я стал ждать. Мне даже стало немного стыдно за шум, что я поднял. Все-таки моя страна воевала. Но злость пересилила. У солдата есть права, даже на войне. Эти проклятые брамины...

Забавно, как к ним пристало это прозвище. Вообще-то они самые обычные медики, а не какие-нибудь индусы или брамины. Пару лет назад, когда все это еще было в новинку, в газете появилась статья. В ней рассказывалось о том, что медики научились оживлять мертвецов и снова посылать их в бой. Тогда это было сенсацией. Автор цитировал стихотворение Эмерсона:

Убил ли красный убийца,
И мертв ли убитый мертвец,
Никто из них точно не скажет,
Где жизнь, а где смерти конец.

Такие дела. И убив сегодня противника, ты понятия не имеешь, останется ли он мертвым, или уже завтра вернется в траншею, чтобы снова стрелять в тебя. А если убивают тебя, тоже не знаешь, пришел ли тебе конец. Стихотворение Эмерсона называлось «Брама», и медиков с тех пор прозвали браминами.

Сперва оживать после смерти совсем неплохо. Пусть больно, но ведь ты жив. Но в конце концов доходишь до предела, за которым эта карусель со смертью и оживлением уже невыносима. Начинаешь гадать, сколько же смертей ты должен родной стране, и как здорово отдохнуть, пробыв подольше мертвецом. Начинаешь мечтать о долгом сне, о покое.

Начальство это поняло. Когда солдат слишком часто оживляют, это плохо отражается на их боевом духе. Поэтому установили предел — три оживления. После третьего раза можешь выбирать — или дожидаться смены, или постоянная смерть. Начальство предпочитало, чтобы ты выбрал смерть, потому что трижды умиравший человек оказывает очень скверное влияние на моральный дух оставшихся в тылу. И большинство солдат на передовой предпочитали после третьего оживления умереть окончательно.

Но меня надули. Оживили в четвертый раз. Я такой же патриот, как и все, но это им даром не пройдет.

Кончилось тем, что мне позволили увидеться с адъютантом генерал-инспектора, седым жилистым полковником — типичным педантом, какого словами не проймешь. Он уже знал, в чем дело, и не стал рассусоливать. Разговор оказался коротким.

— Рядовой, — сказал он. — Мне жаль, что так получилось, но уже издан новый приказ. Красные увеличили количество оживлений, и мы не можем от них отставать. Согласно последнему приказу число оживлений, дающее право на отставку, увеличено до шести.

— Но этот приказ отдан уже после моей смерти.

— Он имеет обратную силу. У тебя впереди еще две смерти. Все, рядовой. Удачи тебе.

Вот так. Как будто не знал, что от начальства справедливости не добьешься. Откуда им знать о наших мучениях? Их редко убивают более одного раза, и им просто не понять, что испытывает человек после четвертого. Пришлось возвращаться в траншею.

Я не торопясь шел мимо заграждения из отравленной колючей проволоки, крепко задумавшись. Миновал какую-то фиговину, накрытую брезентом цвета хаки с нанесенной по трафарету надписью «Секретное оружие». В нашем секторе всякого секретного оружия — как собак нерезаных. Каждую неделю

поступает что-то новенькое. Черт его знает, глядишь, какое-нибудь и в самом деле выиграет войну.

Но сейчас мне было на это начхать. Я размышлял над следующей строфой из того же стихотворения Эмерсона:

> И даль, и забытое рядом;
> Что солнце, что тень — не понять.
> Пропавшие боги вернулись
> Позора и славы искать.

Старина Эмерсон попал в точку, потому что именно таким ощущаешь себя после четвертой смерти. Тебя уже ничто не волнует, все едино, все обрыдло. Поймите меня правильно, я не циник. Я клоню лишь к тому, что, умерев четыре раза, человек просто обречен взглянуть на мир другими глазами.

Добрался я наконец до старой доброй 2645Б-4, поздоровался с парнями. Оказалось, на рассвете пойдем в атаку. Я продолжал размышлять.

Я не дезертир, но решил, что четырех смертей с меня хватит. И в завтрашней атаке нужно умереть наверняка. На этот раз ошибок не будет.

Едва забрезжил рассвет, мы миновали наши проволочные заграждения и перекатывающиеся мины и сосредоточились на ничейной полосе между нашей траншеей и 2645Б-5. В атаку шел весь батальон, а в боекомплекте у нас были пули нового образца. Сперва мы продвигались довольно быстро, но затем противник взялся за нас всерьез.

Но мы не останавливались. Вокруг свистели пули и громыхало, как в аду, но меня даже не задело. Мне уже начало казаться, что атака станет успешной, а меня не убьют.

И тут я нарвался — разрывная пуля в грудь. Смертельная рана, тут и думать нечего. Обычно если тебе такое врежет, падаешь как подкошенный. Но я не упал. На этот раз я должен умереть наверняка. Поэтому я встал и заковылял вперед, опираясь на

винтовку как на костыль. Я прошел еще пятнадцать ярдов под таким бешеным перекрестным огнем, какого и не припомню. И тут мне врезало еще раз. Точно так, как надо, без дураков.

Разрывная пуля просверлила мне лоб. В последнюю долю секунды я еще успел ощутить, как вскипают мои мозги, и понял, что на этот раз промашки не будет. В случае серьезных ранений головы брамины бессильны, а моя рана очень серьезная.

Потом я умер.

Я очнулся и увидел браминов в белых халатах и марлевых масках.

— Долго я был покойником? — спросил я.

— Два часа.

И тут я вспомнил:

— Но ведь меня ранило в голову!

Марлевые маски сморщились — брамины улыбнулись.

— Секретное оружие, — сказал один из них. — Его создавали почти три года, и наконец нам и инженерам удалось создать восстановитель тканей. Важнейшее изобретение!

— Вот как? — вяло спросил я.

— Наконец-то медицина в силах лечить серьезные ранения головы, — сообщил брамин. — И не только головы, любые повреждения организма. Теперь мы можем оживить кого угодно, лишь бы от человека осталось семьдесят процентов тела — достаточно поместить его в восстановитель. Теперь наши потери резко сократятся. Это может решить исход всей войны!

— Приятно слышать, — пробормотал я.

— Кстати, — добавил брамин, — тебя наградили медалью за героическое поведение под огнем после получения смертельной раны.

— И это приятно слышать, — кисло улыбнулся я. — Так мы взяли ту траншею?

— На этот раз взяли. Теперь копим силы для атаки на 2645Б-6.

Я кивнул. Вскоре мне выдали форму и отправили обратно на фронт. Сейчас там затишье, и должен признать, что быть живым довольно приятно. Однако считаю, что получил от жизни все, что хотел.

А теперь мне осталась всего одна смерть до шестой. Если только снова не изменят приказ.

СЧАСТЛИВЧИК

Я здесь поразительно хорошо обеспечен. Но не забывайте, что я человек везучий. И то, что оказался в Патагонии, — чистейшее везение. Понимаете, дело тут не в протекции и не в моих способностях. Я очень неплохой метеоролог, но могли послать кого-нибудь и получше меня. Просто мне необыкновенно повезло, и я оказался в нужном месте в нужное время.

Если призадуматься, то сам факт, что армия снабдила мою метеостанцию едва ли не каждым известным людям приспособлением, тоже граничит с чудом. Старались они, разумеется, не ради меня. Военные планировали основать здесь базу. Они завезли оборудование, но позднее им пришлось забросить весь проект.

Но я тем не менее продолжал посылать прогнозы погоды — до тех пор, пока они им требовались.

Зато какие у меня устройства и приборы! Наука всегда меня восхищала. Полагаю, я тоже в некотором роде ученый, но не исследователь, а в этом и кроется разница. Попросите исследователя сделать что-либо невозможное — и он примется за работу, причем непременно добьется успеха. Я их очень уважаю.

По-моему, все началось так. Некий генерал собрал, должно быть, ученых и сказал:

Пер. изд.: Sheckley R. The Luckiest Man in the World: Citizen in Space. New York, Ballantine, 1955

Copyright © 1955 by Robert Sheckley
© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

— Парни, нам здорово не хватает специалистов, а заменить их ну никак невозможно. Нужно, чтобы с их работой справлялся кто угодно, даже полный неумеха. Что, нереально? А не придумаете ли вы что-нибудь?

И ученые честно принялись за дело, создавая все эти поразительные книги и устройства.

К примеру, на прошлой неделе у меня разболелся зуб. Сперва я решил, что попросту простудился, потому что здесь пока еще довольно холодно, даже когда извергаются вулканы. Но зуб оказался действительно больным. Тогда я распаковал зубоврачебный агрегат, настроил его и прочитал то, что полагалось прочесть. Я сам провел полное обследование, отыскал и больной зуб, и полость в нем. Потом сделал себе инъекцию, прочистил зуб и поставил пломбу. У дантиста уходят годы на то, что я по необходимости усвоил за пять часов.

Теперь возьмем еду. Поначалу я до безобразия растолстел, потому что мне, кроме передачи прогнозов погоды, совершенно нечем было заняться. Но когда я перестал их посылать, я научился готовить себе такие обеды, которым позавидовал бы лучший шеф-повар в мире. Кулинария считалась искусством, но как только за нее взялись ученые, они превратили ее в науку.

И такие примеры я могу приводить долго. Многое из того, чем меня снабдили, попросту мне не нужно, потому что сейчас я совершенно один. Но каждый способен стать опытным адвокатом, прочитав имеющиеся у меня справочники. Они написаны так, что любой человек среднего ума способен отыскать в них разделы, необходимые для успешной защиты судебного дела, и понять их смысл — ведь они написаны простым и ясным языком.

Никто еще не пытался подать на меня в суд, потому что мне всю жизнь везло. Но иногда мне хочется, чтобы такое случилось, — просто чтобы испробовать написанное в тех книгах.

Совсем другое дело — строительство. Когда я сюда прибыл, мне пришлось ютиться в сборной хибаре

из гофрированного железа. Но я распаковал несколько восхитительных строительных машин и отыскал материалы, которые под силу обработать каждому. Я построил себе пятикомнатный, непробиваемый бомбами дом с выложенной кафелем ванной. Кафель, разумеется, не настоящий, но на вид достаточно похож, к тому же его на удивление легко укладывать. А когда прочитаешь инструкцию, изготовить ковры во всю стену тоже совсем просто.

Больше всего меня удивила канализация в моем доме. Мне она всегда казалась сложнейшей в мире вещью — даже сложнее, чем медицина или стоматология. Но и с ней я справился запросто. Возможно, по профессиональным стандартам конструкция получилась не очень совершенной, но меня она устраивает. А цепочка фильтров, стерилизаторов, очистителей и прочих приспособлений обеспечивает меня водой, в которой не сыщешь даже самого устойчивого микроба. И устанавливал я их сам.

Временами мне здесь становится одиноко, и тут ученые мало что смогли сделать. Ничто не заменит общество другого человека. Но кто знает, если бы ученые-исследователи попробовали всерьез, глядишь, и смогли бы выдумать нечто такое, что скрасило бы полное одиночество оказавшегося в изоляции парня вроде меня.

Поговорить мне совершенно не с кем — даже с патагонцами. После нескольких цунами они — те немногие, кто уцелел, — перебрались на север. А музыка — утешение слабое. Впрочем, я из тех, кто не очень-то возражает против одиночества. Наверное, поэтому меня сюда и послали.

Но жаль, что не осталось хотя бы парочки деревьев.

Живопись! Я забыл упомянуть о живописи! Все знают, насколько это сложно. Нужно досконально разбираться в перспективе и линиях, цвете и массе, и еще во всякой всячине. Практически, нужно быть гением еще до того, как вы сумеете сделать что-то стоящее.

Я же просто подобрал кисти, натянул холсты и теперь могу рисовать все, что мне нравится. Все необходимые действия описаны в книге. А какие впечатляющие местные закаты я написал маслом! Они достаточно хороши даже для выставки. Таких закатов вы никогда не видали! Пылающие цвета, изумительные, просто невозможные образы. Причиной тому пыль в атмосфере.

И слух у меня улучшился. Разве я не говорил, что я везучий? После первого взрыва у меня лопнули барабанные перепонки. Но я ношу слуховой аппарат — такой маленький, что его почти не видно, — и слышу лучше прежнего.

Вот хороший повод поговорить о медицине — нигде наука не поработала так здорово. Книги подсказывают мне, как поступить в любой ситуации. Я сам вырезал себе аппендикс — несколько лет назад подобное считалось невозможным. Мне достаточно было отыскать нужные симптомы, выполнить все указания — и дело сделано. Я вылечил себя от всяческих болезней, но против радиационного отравления, конечно же, ничего сделать не в состоянии. Впрочем, книги тут не виноваты. Просто никто не в силах справиться с радиационным отравлением. И будь со мной лучшие в мире специалисты, они тоже оказались бы бессильны.

Если бы такие специалисты остались. Их, разумеется, больше нет.

Но все не так уж и плохо. Я знаю, что нужно делать, и поэтому боли не испытываю. Только не подумайте, будто мне изменило везение. Просто не повезло всем.

Что ж, если подвести итоги, сказанное мною не очень-то назовешь кредо — что, в общем-то, подразумевалось. Наверное, стоит проштудировать руководство о том, как писать книги. Тогда я узнаю, как можно выразить все свои мысли, а заодно и то, какие слова тут больше подходят. То есть что я думаю о науке и как я ей благодарен. Мне тридцать девять лет. Я прожил дольше, чем любой из нас, — пусть даже я

завтра умру. Но лишь потому, что я везучий и оказался в нужном месте в нужное время.

Наверное, не стану все-таки тратить время на книгу — все равно ее некому будет читать. Кому нужен писатель без читателей?

Фотография — гораздо более интересное занятие.

Кстати, пора распаковать кое-какие инструменты. Нужно выкопать могилу, построить мавзолей и высечь себе надгробие.

СКЛАД МИРОВ

Мистер Уэйн дошел до самого конца длинной и почти в рост человека насыпи из какого-то серого мусора и оказался перед Складом Миров. Он выглядел именно так, как описывали Уэйну друзья, — лачуга, построенная из обрезков досок, искореженных кузовов автомобилей, листов оцинкованного железа и нескольких рядов битого кирпича. Все это было покрашено водянистой голубой краской.

Мистер Уэйн обернулся и внимательно оглядел обширную щебенчатую равнину, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Он покрепче прижал локтем свой пакет, дрожа от собственной смелости, открыл дверь и вошел.

— Здравствуйте, — сказал хозяин.

Он тоже выглядел точно таким, как его описывали, — высокий хитрый старик с узкими глазами и перекошенным ртом. Звали его Томпкинс. Старик сидел в древней качалке, на спинке которой примостился сине-зеленый попугай. В помещении склада стояли еще стул и стол. На столе лежал заржавленный медицинский шприц.

— О вашем складе мне рассказали друзья, — произнес мистер Уэйн.

— Тогда и цена вам известна, — отозвался Томпкинс. — Принесли?

Печатается по изд.: Шекли Р. Склад миров: Освобождение Земли. — М.: Прометей, 1990. Пер. изд.: Sheckley R. The Store of Worlds: Store of Infinity. New York, Bantam, 1960

© 1959 by Robert Sheckley
© 1990 В. Ковалевский, перевод на русский язык

— Да, — ответил мистер Уэйн, показывая сверток, — но сначала я хотел бы спросить...

— Все они сначала хотят спросить, — обратился Томпкинс к попугаю, который в ответ моргнул. — Валяйте спрашивайте.

— Я хочу знать, что именно происходит.

Томпкинс вздохнул:

— А происходит вот что. Вы платите мне мой гонорар. Я делаю вам укол, от которого вы теряете сознание. Затем с помощью неких приборов, которые у меня тут хранятся, я освобождаю ваше сознание.

Говоря это, Томпкинс улыбался и, казалось, его молчащий попугай — тоже.

— И что же происходит потом? — спросил мистер Уэйн.

— Ваше сознание, освобожденное от телесной оболочки, выберет один из бесконечного числа вероятностных миров, которые порождает Земля в каждую секунду своего существования.

Еще шире улыбаясь, Томпкинс поудобнее устроился в своей качалке и даже проявил признаки некоторого возбуждения.

— Да, дружище, хотя вы этого скорей всего и не подозреваете, но с того самого момента, как старушка Земля вышла из огненного солнечного чрева, она начала порождать параллельные вероятностные миры. Бесконечное число миров, возникающих под воздействием как самых великих, так и самых незначительных событий. Каждый Александр Македонский и каждая амеба рождают свои миры, подобные кругам, расходящимся по поверхности пруда, независимо от того, большой или маленький камень был брошен в воду. Разве не отбрасывает тень любой предмет? Понимаете, дружище, поскольку сама Земля существует в четырех измерениях, она отбрасывает трехмерные тени — чувственные отражения самой себя в каждое мгновение своего бытия. Миллионы, миллиарды земных шаров. Бесчисленное множество шаров! И ваше сознание, освобожденное мной, может выбрать любой из этих миров и жить в нем некоторое время.

Мистеру Уэйну стало противно — Томпкинс ораторствовал как зазывала в цирке, рекламирующий несуществующие чудеса. Потом мистер Уэйн подумал, что в его собственной жизни произошли такие события, которые прежде показались бы ему невероятными. Абсолютно невероятными! Что ж, может быть, и чудеса, обещанные Томпкинсом, окажутся все же возможными.

Мистер Уэйн сказал:

— Мои друзья говорили мне еще...

— ...что я просто-напросто шарлатан? — подхватил Томпкинс.

— Кое-кто из них намекал на такую возможность, — осторожно ответил мистер Уэйн, — но мне хотелось бы составить собственное мнение. Они говорили также...

— Знаю я, о чем болтали ваши друзья с их грязными мыслишками. Трепались про исполнение желаний. Вы об этом хотите спросить?

— Да, — сказал мистер Уэйн, — они говорили, что то, чего я хочу... что, чего бы я ни захотел...

— Верно, — перебил его Томпкинс. — А иначе эта штука и не сработает. Миров, среди которых можно выбирать, существует огромное множество. Выбор же производит ваше сознание, руководствуясь вашими же тайными желаниями. Именно эти потаенные, глубоко запрятанные желания и играют главную роль. Если в вас живет тайная мечта быть убийцей...

— О нет, разумеется, нет! — вскричал мистер Уэйн.

— ...то тогда вы попадете в мир, где сможете убивать, сможете купаться в крови, сможете переплюнуть маркиза де Сада или Цезаря, или кому вы там еще поклоняетесь. Или, предположим, что вы жаждете власти. Тогда вы выберете мир, где в буквальном смысле будете богом. Может быть, кровавым Джагтернаутом, а может — всеведущим Буддой.

— Очень сомневаюсь, чтобы я...

— Есть еще и другие страстишки, — сказал Томпкинс. — Любые виды бездн и заоблачных вершин. Безудержная чувственность. Чревоугодие. Пьянство. Любовь. Слава. Все, что хотите.

— Потрясающе! — воскликнул мистер Уэйн.

— Да, — согласился Томпкинс. — Конечно, мой маленький перечень не исчерпывает всех возможностей, всех комбинаций и оттенков желаний. Как знать, может, вы предпочитаете простую, скромную, пасторальную жизнь на островах Южных морей, среди идеализированных туземцев?

— Это на меня больше похоже, пожалуй, — сказал мистер Уэйн с застенчивым смешком.

— Кто знает? — возразил Томпкинс. — Возможно, вам даже самому неизвестны ваши истинные страстишки. А между тем они способны привести вас к гибели.

— А это часто бывает? — обеспокоился мистер Уэйн.

— Время от времени.

— Мне бы не хотелось умереть, — заявил мистер Уэйн.

— Вероятность ничтожна, — ответил Томпкинс, косясь на сверток в руках мистера Уэйна.

— Ну, раз вы так говорите... Но откуда я знаю, что все это будет в действительности? Ваш гонорар столь велик, что на него уйдет все мое имущество. Почем я знаю, может, вы просто дадите мне наркотик и все, что произойдет, мне просто приснится? Отдать все состояние за щепотку героина и жалкую лживую болтовню?!

Томпкинс успокаивающе улыбнулся:

— То, что происходит, нисколько не похоже на действие наркотиков. И на сон — тоже.

— Но если все это происходит в действительности, — раздраженно сказал мистер Уэйн, — то почему я не могу остаться в мире своих желаний навсегда?

— Над этим я сейчас и работаю, — ответил Томпкинс. — Вот почему мои гонорары так высоки. Нужны материалы, нужно экспериментировать. Я пытаюсь изыскать способ сделать переселение в вероятностный мир постоянным. Но пока мне никак не удается ослабить связи человека с его истинным миром, и они притягивают его обратно. Самым великим чудо-

творцам не разорвать этих связей — одна лишь смерть способна на это. И все же я надеюсь.

— Если получится — будет просто замечательно, — вежливо вставил мистер Уэйн.

— Еще бы! — вскричал Томпкинс с неожиданной горячностью. — Тогда я превращу свою жалкую лавчонку в ворота всеобщего исхода. Я сделаю пользование моим изобретением бесплатным, доступным для всех. Все люди смогут уйти в мир своих истинных желаний, в мир, к жизни в котором они действительно приспособлены, а это проклятое место останется крысам и червям.

Томпкинс оборвал себя на полуслове и вновь стал холоден, как лед.

— Боюсь, я немного увлекся. Пока я не могу предложить вам переселения с этой Земли навсегда. Во всяком случае такого, в котором не участвовала бы смерть. Возможно, я этого никогда не смогу. Сейчас я в состоянии предоставить вам только каникулы, перемену обстановки, вкус и запах другого мира и обозрение ваших тайных стремлений. Мой гонорар вам известен. Я возвращу его вам, если вы останетесь недовольны испытанным.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал мистер Уэйн совершенно серьезно. — Но есть еще одна сторона, о которой мне тоже говорили друзья. Я потеряю десять лет жизни.

— Тут уж ничего не поделаешь, — ответил Томпкинс. — И их я вам вернуть не смогу. Изобретенный мною процесс требует страшного напряжения нервной системы и соответственно укорачивает жизнь. Это одна из причин, по которым наше так называемое правительство объявило мое дело противозаконным.

— Однако оно не очень-то решительно претворяет этот запрет в жизнь, — заметил мистер Уэйн.

— Да. Официально дело запрещено как опасное шарлатанство. Но ведь чиновники тоже люди. Им так же хочется убежать с Земли, как и простым смертным.

— Но цена! — размышлял мистер Уэйн, крепко прижимая к груди свой сверток. — Да еще десять лет

жизни! И все это за выполнение каких-то тайных желаний. Нет, надо еще подумать.

— Думайте, — безразлично отозвался Томпкинс.

Мистер Уэйн думал об этом по пути домой. Он размышлял о том же, когда его поезд подошел к станции Порт-Вашингтон на Лонг-Айленде. И ведя машину от станции к дому, он все еще думал о хитром старом лице Томпкинса, об отраженных мирах и об исполнении желаний.

Только когда он вошел в дом, эти мысли исчезли. Дженнет — его жена — тут же попросила его поговорить с прислугой, которая опять напилась. Сынишка Томми потребовал, чтобы ему помогли наладить парусную лодку, которую завтра полагалось спустить на воду. А маленькая дочурка все порывалась рассказать, как прошел день в ее детском садике.

Мистер Уэйн вежливо, но твердо поговорил с прислугой. Помог Томми покрыть дно лодки медной краской. Выслушал рассказ Пегги о приключениях на детской площадке. Позже, когда дети легли спать, а он и Дженнет остались в гостиной, она спросила, нет ли у него неприятностей.

— Неприятностей?

— Мне кажется, ты чем-то обеспокоен, — сказала Дженнет. — Много было работы в конторе?

— Да нет, как обычно.

Разумеется, ни Дженнет, ни кому-либо другому он не собирался говорить про то, что брал на день отпуск и ездил к Томпкинсу в этот идиотский Склад Миров. Не собирался он и разглагольствовать о праве настоящего мужчины на то, чтобы хоть разок в жизни удовлетворить свои потаенные желания. Дженнет с ее практическим умом не поняла бы его.

А потом началась горячка на работе. Уолл-стрит била паника из-за событий на Дальнем Востоке и в Азии, акции скакали вверх и вниз. Мистеру Уэйну приходилось очень много работать. Он старался не думать об исполнении желаний, на которые пришлось бы истратить все, что он имел, да еще десять лет жизни в придачу. Старик Томпкинс, должно быть, совсем спятил.

По субботам и воскресеньям они с Томми катались на лодке. Старая лодка вела себя прилично, и швы на дне почти не пропускали воды. Томми мечтал о новых парусах, но мистер Уэйн принужден был отказать ему. В будущем году — может быть, если, конечно, дела пойдут получше. А пока и старые сойдут.

Иногда ночью, когда дети засыпали, на лодке катались он и Дженнет. Лонг-Айленд-Саунд был прохладен и тих. Лодка, скользя мимо мигающих бакенов, плыла к огромной желтой луне.

— Я чувствую, что с тобой что-то происходит.

— Ну что ты, родная.

— Ты что-то таишь от меня.

— Ничего.

— Ты уверен? Совершенно уверен?

— Совершенно.

— Тогда обними меня крепче. Вот так...

И лодка плыла, не управляемая никем.

Страсть и ее утоление... Но пришла осень, и лодку вытащили на берег. Положение на бирже выровнялось, но Пегги подхватила корь. Томми задавал массу вопросов о разнице между обыкновенными бомбами, бомбами атомными, водородными, кобальтовыми и всякими прочими, о которых шумели радио и газеты. К тому же неожиданно ушла прислуга.

Тайные желания — это, конечно, любопытно. Возможно, он действительно втайне мечтал убить кого-нибудь или жить на островах Южных морей. Но ведь у него есть обязанности. Есть двое детей и жена, которой он явно не стоит.

Разве что после Рождества...

Но зимой из-за неисправности проводки загорелась комната для гостей. Пожарные погасили пламя, убыток был невелик, никто не пострадал, но пожар на время выбил всякие мысли о Томпкинсе. Сначала надо было отремонтировать комнату, так как мистер Уэйн очень гордился своим красивым старым домом.

Биржу все еще лихорадило в связи с международным положением. Ох уж эти русские, эти арабы, эти греки, эти китайцы... Межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Мистер Уэйн проводил в своей конторе долгие дни, а иногда и вечера.

Томми заболел свинкой. Надо было перекрыть кусок крыши. А там подошло и время спускать лодку на воду.

Год прошел, а у него так и не нашлось времени, чтобы поразмыслить о своих тайных желаниях. Разве что в будущем году. А пока...

— Ну, — спросил Томпкинс, — все в порядке?

— Да, все в полном порядке, — ответил мистер Уэйн. Он встал со стула и потер лоб.

— Вернуть гонорар?

— Нет. Все было как надо.

— Ощущения никогда не подводят, — сказал Томпкинс, похабно подмигивая попугаю. — Что там у вас было?

— Мир недавнего прошлого, — ответил мистер Уэйн.

— Их тут полным-полно. Что ж, выяснили вы, какие такие у вас тайные страстишки? Поножовщина? Южные острова?

— Мне бы не хотелось обсуждать это, — ответил мистер Уэйн вежливо, но твердо.

— Почему-то никто не хочет со мной об этом говорить, — обиженно пробурчал Томпкинс. — Будь я проклят, если понимаю почему!

— Это потому... мне кажется, что мир потаенных желаний каждого столь интимен... Я не хотел вас обидеть. Как вы думаете, удастся вам сделать это постоянным... Я имею в виду мир по выбору...

Старик пожал плечами:

— Пытаюсь. Если выйдет, вы услышите об этом. Все услышат.

— Это верно. — Мистер Уэйн развязал сверток и выложил на стол его содержимое. Там была пара армейских сапог, нож, два мотка медной проволоки, три маленькие банки говяжьей тушенки.

На мгновение глаза Томпкинса загорелись.

— Подходяще. Спасибо вам.

— До свидания, — сказал мистер Уэйн. — Это вам спасибо.

Мистер Уэйн вышел из лачуги и быстро пошел по серой гравийной насыпи. По обе ее стороны, насколько хватал глаз, лежали плоские россыпи об-

ломков — серые, черные, бурые. Эти простирающиеся до горизонта равнины были прахом разбитых мертвых городов, обломками испепеленных деревьев, белою золою сожженных человеческих костей и плоти.

— Что ж, — сказал вслух мистер Уэйн, — во всяком случае как аукнулось, так и откликнулось.

Этот год, проведенный в прошлом, отнял у него все, чем он владел. Туда же для ровного счета ушло и десять лет жизни. Может, это был сон? Все равно — он стоил того. Теперь надо только выбросить из головы мысли о Дженнет и ребятишках. С ними покончено навсегда, разве что Томпкинсу удастся улучшить свое изобретение. Надо думать лишь о том, как выжить самому.

С помощью наручного счетчика Гейгера он нащупал безопасный проход через развалины. Надо вернуться домой до наступления темноты, пока крысы еще не вышли из нор. Если не торопиться, он может пропустить вечернюю раздачу картошки.

ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ

Руки уже очень устали, но он снова поднял молоток и зубило. Осталось совсем немного — высечь последние две-три буквы в твердом граните. Наконец он поставил последнюю точку и выпрямился, небрежно уронив инструменты на пол пещеры. Вытерев пот с грязного, заросшего щетиной лица, он с гордостью прочел:

Я ВОССТАЛ ИЗ ПЛАНЕТНОЙ ГРЯЗИ. НАГОЙ И БЕЗЗАЩИТНЫЙ, Я СТАЛ ИЗГОТОВЛЯТЬ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И РАЗРУШАЛ, ТВОРИЛ И УНИЧТОЖАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО СИЛЬНЕЕ СЕБЯ, И ОНО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.

МОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ.

Он улыбнулся. Получилось совсем неплохо. Возможно, не совсем грамотно, зато удачный некролог человечеству, написанный последним человеком. Он взглянул на инструменты. Все, решил он, больше они не нужны. Он тут же растворил их и, проголодавшись после долгой работы, присел на корточки в уголке пещеры и сотворил обед. Уставившись на еду, он никак не мог понять, чего же не хватает, и затем с виноватой улыбкой сотворил стол, стул, приборы и тарелки. Опять забыл, раздраженно подумал он.

Хотя спешить было некуда, он ел торопливо, отметив про себя странный факт: когда он не задумывал

Пер. изд.: Sheckley R. Proof of the Pudding: The People Trap Bantam Books, New York, 1968

Copyright © 1968 by Robert Sheckley
© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

что-то особенное, всегда сотворял гамбургер, картофельное пюре, бобы, хлеб и мороженое. Привычка, решил он. Пообедав, он растворил остатки пищи вместе с тарелками, приборами и столом. Стул он оставил и, усевшись на него, задумчиво уставился на надпись. Хороша-то она хороша, подумал он, да только кроме меня ее читать некому.

У него не возникало и тени сомнения в том, что он последний живой человек на Земле. Война оказалась тщательной — на такую тщательность способен только человек, до предела дотошное животное. Нейтралов в ней не было, и отсидеться в сторонке тоже не удалось никому. Пришлось выбирать — или ты с нами, или против нас. Бактерии, газы и радиация укрыли Землю гигантским саваном. В первые дни войны одно несокрушимое секретное оружие с почти монотонной регулярностью одерживало верх над другим, столь же секретным. И еще долго после того как последний палец нажал последнюю кнопку, автоматически запускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали сыпаться на несчастную планету, превратив ее от полюса до полюса в гигантскую, абсолютно мертвую свалку.

Почти все это он видел собственными глазами и приземлился, лишь окончательно убедившись, что последняя бомба уже упала.

Тоже мне умник, с горечью подумал он, разглядывая из пещеры покрытую застывшей лавой равнину, на которой стоял его корабль, и иззубренные вершины гор вдалеке.

И к тому же предатель. Впрочем, кого это сейчас волнует?

Он был капитаном сил обороны Западного полушария. После двух дней войны он понял, каким будет конец, и взлетел, набив свой крейсер консервами, баллонами с воздухом и водой. Он знал, что в этой суматохе всеобщего уничтожения его никто не хватится, а через несколько дней уже и вспоминать будет некому. Посадив корабль на темной стороне Луны, он стал ждать. Война оказалась двенадцатидневной — он предполагал две недели, — но при-

шлось ждать почти полгода, прежде чем упала последняя автоматическая ракета. Тогда он и вернулся.

Чтобы обнаружить, что уцелел он один...

Когда-то он надеялся, что кто-нибудь еще осознает всю бессмысленность происходящего, загрузит корабль и тоже спрячется на обратной стороне Луны. Очевидно, если кто-то и хотел так поступить, то уже не успел. Он надеялся обнаружить рассеянные кучки уцелевших, но ему не повезло и здесь. Война оказалась слишком тщательной.

Посадка на Землю должна была его убить, ведь здесь сам воздух был отравлен. Ему было все равно — но он продолжал жить. Всевозможные болезни и радиация также словно и не существовали — наверное, это тоже было частью его новой способности. И того и другого он нахватался с избытком, перелетая над выжженными дотла равнинами и долинами опаленных атомным пламенем гор от руин одного города к развалинам другого. Жизни он не нашел, зато обнаружил нечто другое.

На третий день он открыл, что может творить. Оплавленные камни и металл нагнали на него такую тоску, что он страстно пожелал увидеть хотя бы одно зеленое дерево. И оно возникло. Испытывая на все лады свое новое умение, он понял, что способен сотворить любой предмет, лишь бы он раньше его видел или хотя бы знал о нем понаслышке.

Хорошо знакомые предметы получались лучше всего. То, о чем он узнал из книг или разговоров — к примеру дворцы, — выходили кособокими и недоделанными, но, постаравшись, он мысленными усилиями обычно подправлял неудачные детали. Все его творения были объемными, а еда не только имела прежний вкус, но даже насыщала. Сотворив нечто, он мог полностью про это забыть, отправиться спать, а наутро увидеть вчерашнее творение неизменным. Он умел и уничтожать — достаточно было сосредоточиться. Впрочем, на уничтожение крупных предметов и времени уходило больше.

Он мог уничтожать и предметы, которые сам *не* делал — те же горы и долины, — но с еще большими усилиями. Выходило так, что с материей легче обращаться, если хотя бы раз из нее что-то вылепить. Он даже мог сотворять птиц и мелких животных — вернее, нечто похожее на птиц и животных.

Но людей он не пытался создавать никогда.

Он был не ученым, а просто пилотом космического корабля. Его познания в атомной теории были смутными, а о генетике он и вовсе не имел представления и мог лишь предполагать, что то ли в плазме клеток его тела или мозга, то ли в материи планеты произошли некие изменения. Почему и каким образом? Да не все ли равно? Факт есть факт, и он воспринял его таким, каков он есть.

Он снова пристально вгляделся в надпись. Какая-то мысль не давала ему покоя.

Разумеется, он мог эту надпись попросту сотворить, но не знал, сохранятся ли созданные им предметы после его смерти. На вид они казались достаточно стабильными, но кто их знает — вдруг они перестанут существовать и исчезнут вместе с ним. Поэтому он пошел на компромисс — сотворил инструменты, но высекал буквы на гранитной стене, которую сам не делал. Надпись ради лучшей сохранности он сделал на внутренней стене пещеры, проведя долгие часы за напряженной работой и здесь же перекусывая и отсыпаясь.

Из пещеры был виден корабль, одиноким столбиком торчащий на плоской равнине, покрытой опаленным грунтом. Он не торопился в него возвращаться. На шестой день, глубоко и навечно выбив буквы в граните, он закончил надпись.

Наконец он понял, что именно не давало ему покоя, когда он разглядывал серый гранит. Прочитать надпись смогут только гости из космоса. «Но как они поймут ее смысл?» — подумал он, раздраженно всматриваясь в творение собственных рук. Нужно было высечь не буквы, а символы. Но какие символы? Математические? Разумеется — но что они поведают им о Человеке? Да с чего он вообще решил, что *они* непременно натолкнутся на эту пещеру? Какой смысл

в надписи, если вся история Человека и так написана на поверхности Земли, навечно вплавлена в земную кору атомным пламенем. Было бы кому ее прочесть... Он тут же выругал себя за то, что тупо потратил шесть дней на бессмысленную работу, и уже собрался растворить надпись, но обернулся, неожиданно услышав у входа в пещеру чьи-то шаги.

Он так вскочил со стула, что едва не упал.

Там стояла девушка — высокая, темноволосая, в грязном порванном комбинезоне. Он быстро моргнул, но девушка не исчезла.

— Привет, — сказала она, заходя в пещеру. — Я еще в долине слышала, как ты громыхаешь.

Он автоматически предложил ей стул и сотворил второй для себя. Прежде чем сесть, она недоверчиво пощупала стул.

— Я видела, как ты это сделал, — сказала она, — но... глазам своим не верю. Зеркала?

— Нет, — неуверенно пробормотал он. — Я умею... творить. Видишь ли, я способен... погоди-ка! Ты как здесь оказалась?

Он начал перебирать возможные варианты, еще не задав вопроса. Пряталась в пещере? Отсиделась на вершине горы? Нет, мог быть только один способ...

— Я спряталась в твоем корабле, дружище. — Девушка откинулась на спинку стула и обхватила руками колено. — Когда ты начал загружать корабль, я поняла, что ты намерен срочно смазать пятки. А мне надоело по восемнадцать часов в сутки вставлять предохранители, вот я и решила составить тебе компанию. Еще кто-нибудь выжил?

— Нет. Но почему же я тебя не заметил?

Он разглядывал красивую даже в лохмотьях девушку... и в его голове мелькнула смутная догадка. Вытянув руку, он осторожно тронул ее плечо. Девушка не отстранилась, но на ее симпатичном личике отразилась обида.

— Да настоящая я, настоящая, — бросила она. — Ты наверняка видел меня на базе. Неужели не вспомнил?

Он попытался вспомнить те времена, когда еще существовала база — с тех пор, кажется, миновал целый век. Да, *была* там темноволосая девушка, да только она его словно и не замечала.

— Через пару часов после взлета я решила, что замерзну насмерть, — пожаловалась она. — Ну, если не насмерть, то до потери сознания. Какая же в твоей жестянке паршивая система обогрева!

Она даже вздрогнула от таких воспоминаний.

— На полный обогрев ушло бы слишком много кислорода, — пояснил он. — Тепло и воздух я тратил только на пилотскую кабину. А когда шел на корму за припасами, надевал скафандр.

— Я так рада, что ты меня не заметил, — рассмеялась она. — Жуткий, должно быть, был у меня видик — словно заиндевевший покойник. Представляю, какая из меня получилась спящая красавица! Словом, я замерзла. А когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, пару дней приходила в себя. И как ты меня ухитрился не заметить?

— Просто я не особо приглядывался в кладовых, — признался он. — Довольно быстро выяснилось, что мне припасы, собственно, и не нужны. Странно, мне кажется, я все отсеки открывал. Но никак не припомню...

— А это что такое? — спросила она, взглянув на надпись.

— Решил оставить что-то вроде памятника...

— И кто это будет читать? — практично поинтересовалась она.

— Вероятно, никто. Дурацкая была идея. — Он сосредоточился, и через несколько секунд гранит снова стал гладким. — Все равно не понимаю, как ты смогла выжить, — удивленно произнес он.

— Как видишь, выжила. Я тоже не понимаю, как ты это проделываешь, — показала она на стул и стену, — зато принимаю сам факт, что ты это умеешь. Почему бы и тебе не поверить в то, что я жива?

— Постарайся понять меня правильно, — попросил мужчина. — Мне очень сильно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, особенно с женщиной. Просто дело в том... отвернись.

Она бросила на него удивленный взгляд, но выполнила просьбу. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив потрепанную форму, он переоделся и уничтожил лохмотья, а напоследок сотворил расческу и привел в порядок спутанные волосы.

— Порядок. Можешь поворачиваться.

— Недурно, — улыбнулась она, оглядев его от макушки до пяток. — Одолжи-ка мне расческу и... будь добр, сделай мне платье. Двенадцатый размер, но только по фигуре.

Он и не подозревал, насколько обманчивы бывают женские фигуры. Две попытки пошли прахом, и лишь с третьей он сотворил нечто подходящее, добавив к платью золотые туфельки на высоких каблуках.

— Жмут немного, — заметила она, примеривая обновку, — да и без тротуаров не очень-то практичны. Но все равно большое спасибо. Твой фокус навсегда решает проблему рождественских подарков, верно?

Ее волосы блестели на ярком послеполуденном солнце, и вообще выглядела она очень привлекательной, теплой и какой-то удивительно человечной.

— Попробуй, может, и ты сумеешь творить, — нетерпеливо произнес он, страстно желая разделить с ней поразительную новую способность.

— Уже пыталась. Все напрасно. И этот мир принадлежит мужчинам.

— Но как мне совершенно точно убедиться, что ты настоящая? — нахмурился он.

— Ты опять за свое? А помнишь ли ты, как сотворил меня, мастер? — насмешливо бросила она и присела ослабить ремешок на туфельках.

— Я все время думал... о женщинах, — хмуро произнес он. — А тебя мог создать во сне. Вдруг мое

подсознание обладает теми же способностями, что и сознание? И воспоминаниями я мог тебя тоже снабдить сам — да еще какими убедительными. А если ты продукт моего подсознания, то уж оно бы постаралось провернуть все так, чтобы сознание ни о чем не подозревало.

— Чушь собачья!

— Потому что если мое сознание обо всем узнает, — упрямо продолжил он, — оно отвергнет твое существование. А твоей главной функцией, как продукта моего подсознания, станет не дать мне догадаться об истине. Доказать всеми доступными тебе способами, любой логикой, что ты...

— Хорошо. Тогда попробуй сотворить женщину, коли твое сознание такое всесильное!

Она скрестила на груди руки, откинулась на спинку стула и резко кивнула.

— Хорошо.

Он уперся взглядом в стену пещеры. Возле нее начала появляться женщина — уродливое неуклюжее существо. Одна рука оказалась короче другой, ноги слишком длинные. Сосредоточившись сильнее, он добился более или менее правильных пропорций, но глаза по-прежнему сидели криво, а из горбатой спины торчали скрюченные руки. Получилась оболочка без мозга и внутренних органов, автомат. Он велел существу говорить, но из бесформенного рта вырвалось лишь бульканье — он забыл про голосовые связки. Содрогнувшись, он уничтожил кошмарную уродину.

— Я не скульптор, — признал он. — И не Бог.

— Рада, что до тебя наконец дошло.

— Но все равно это не доказывает, что ты *настоящая*, — упрямо повторил он. — Я не знаю, какие штучки способно выкинуть мое подсознание.

— Сделай мне что-нибудь, — отрывисто произнесла она. — Надоело слушать эту чушь.

Я ее обидел, понял он. Нас на Земле всего двое, а я ее обидел. Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. И сотворил на равнине город. Он уже пробовал подобное несколько дней назад, и во второй раз получилось легче. Город получился особый, он создал его, вспомнив картинки из «Тысячи и одной

ночи» и свои детские мечты. Он тянулся в небо, черный, белый и розовый. Рубиново мерцали стены с воротами из инкрустированного серебром черного дерева. На башнях из червонного золота сверкали сапфиры. К вершине самого высокого шпиля вела величественная лестница из молочно-белой слоновой кости с тысячами мраморных, в прожилках, ступенек. Над голубыми лагунами порхали птички, а в спокойных глубинах мелькали серебристые и золотистые рыбы.

Они пошли через город, и он создавал для нее белые, желтые и красные розы и целые сады с удивительными цветами. Между двумя зданиями с куполами и шпилями он сотворил огромный пруд, добавил прогулочную барку с пурпурным балдахином и загрузил ее всевозможной едой и напитками — всем, что успел вспомнить.

Они поплыли, освежаемые созданным им легким ветерком.

— И все это фальшивое, — напомнил он немного погодя.

— Вовсе нет, — улыбнулась она. — Коснись и убедишься, что все настоящее.

— А что будет после моей смерти?

— Не все ли равно? Кстати, с таким талантом тебе любая болезнь нипочем. А может, ты справишься и со старостью и смертью.

Она сорвала склонившийся к воде цветок и вдохнула его аромат.

— Стоит тебе пожелать, и ты не дашь ему завянуть и умереть. Наверняка и для нас можно сделать то же самое, — так в чем проблема?

— Хочешь попробовать? — спросил он, попыхивая свежесотворенной сигаретой. — Найти новую планету, не тронутую войной? Начать все сначала?

— Сначала? Ты хочешь сказать... Может, потом. А сейчас мне не хочется даже подходить к кораблю. Он напоминает мне о войне.

Некоторое время они плыли молча.

— Теперь ты убедился, что я настоящая?

— Если честно, еще нет. Но очень хочу в это поверить.

— Тогда послушай меня, — сказала она, подавшись ближе. — Я настоящая. — Она обняла его. — Я всегда была настоящей. Тебе нужны доказательства? Так вот, я знаю, что я настоящая. И ты тоже. Что тебе еще нужно?

Он долго смотрел на нее, ощущая тепло ее рук, прислушиваясь к дыханию и вдыхая аромат ее волос и кожи. Уникальный и неповторимый.

— Я тебе верю, — медленно произнес он. — Я люблю тебя. Как... как тебя зовут?

Она на секунду задумалась.

— Джоан.

— Странно. Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А фамилия?

Она поцеловала его.

Над лагуной кружили созданные им ласточки, безмятежно мелькали в воде рыбки, а *его* город, гордый и величественный, тянулся до самого подножия залитых лавой гор.

— Ты так и не сказала мне свою фамилию, — напомнил он.

— Ах, фамилия. Да кому интересна девичья фамилия — девушка всегда берет фамилию мужа.

— Женская увертка!

— А разве я не женщина? — улыбнулась она.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

— Заходите, джентльмены, не стесняйтесь, — произнес посол, приглашая их в особые апартаменты, предоставленные Государственным департаментом. — Садитесь, пожалуйста.

Полковник Серси уселся на стул, пытаясь оценить персону, по милости которой весь Вашингтон стоял на ушах. Вид у посла был вовсе не угрожающий. Роста среднего, сложения изящного, одет в строгий коричневый твидовый костюм (подарок Государственного департамента). Лицо одухотворенное, с тонкими чертами.

«Человек как человек», — подумал Серси, сверля пришельца взглядом бесцветных и бесстрастных глаз.

— Чем могу служить? — с улыбкой спросил посол.

— Президент поручил мне вести ваше дело, — ответил Серси. — Я ознакомился с отчетом профессора Даррига. — Он кивнул в сторону своего спутника. — Но хотелось бы узнать все из первоисточника.

— Конечно, — согласился пришелец и закурил сигарету. По-видимому, просьба доставила ему искреннее удовольствие.

Печатается с исправлениями и дополнениями по изд.: Шекли Р. Дипломатическая неприкосновенность. — Знание — сила, 1970, № 3. — Пер. изд.: Sheckley R. Diplomatic Immunity: The People Trap. Bantam Books, New York, 1968

Copyright © 1968 by Robert Sheckley
© 1970 Н. Евдокимова, перевод на русский язык
© Дополненный перевод на русский язык, «Полярис», 1994

«Любопытно, — подумал Серси. — Ведь прошла неделя, как посол приземлился, и ведущие ученые страны успели вымотать из него душу».

Но когда припекло по-настоящему, напомнил себе Серси, они призвали на подмогу военных. Он откинулся на спинку стула, небрежно сунув руки в карманы. Его правая рука лежала на рукоятке крупнокалиберного пистолета со снятым предохранителем.

— Я прибыл, — заговорил пришелец, — как полномочный посол, представитель империи, охватывающей половину Галактики. Я привез вам привет от своего народа и предложение вступить в наше сообщество.

— Понятно, — ответил Серси. — Кое у кого из ученых сложилось впечатление, что это не предложение, а требование.

— Вступите, можете не сомневаться, — заверил посол, выпуская дым через ноздри.

Серси заметил, как сидящий рядом с ним Дарриг напрягся и прикусил губу. Полковник переместил пистолет в кармане — теперь его можно было легко выхватить.

— Как вы нас разыскали? — осведомился Серси.

— Каждого из полномочных послов прикрепляют к неисследованному участку космоса, — объяснил пришелец. — Мы обшариваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету — в поисках разумной жизни. Как известно, разумная жизнь в Галактике — большая редкость.

Серси кивнул, хотя до сих пор это было ему неизвестно.

— Найдя планету, населенную разумными существами, мы на ней высаживаемся, как это сделал я, и подготавливаем ее обитателей к участию в нашем содружестве.

— А как ваш народ догадается, что вы обнаружили разумную жизнь? — поинтересовался Серси.

— В организм каждого посла вмонтировано передающее устройство, — ответил пришелец. — Оно

включается, как только мы попадаем на населенную планету. В космос начинает непрерывно поступать сигнал, который можно принять на расстоянии до нескольких тысяч световых лет. Вспомогательные группы постоянно дежурят вблизи границ зоны приема. Как только сигнал принят, на планету снаряжают отряд колонизаторов. — Он аккуратно стряхнул пепел в пепельницу. — У этого метода есть явные преимущества по сравнению с засылкой комплексного отряда из разведчиков и колонизаторов. Отпадает необходимость бросать слишком мощные силы на бесплодный поиск, который может затянуться на десятки лет.

— Конечно. — Лицо Серси оставалось бесстрастным. — Расскажите подробнее о самом сигнале.

— Подробности вам ни к чему. Методами земной техники сигнал невозможно уловить и, следовательно, заглушить. Пока я жив, передача ведется непрерывно.

Дарриг порывисто вздохнул и покосился на Серси.

— Но если вы прекратите передачу, а сигнал еще не будет перехвачен, то нашу планету никогда не отыщут.

— Не отыщут, пока снова не обследуют ваш сектор, — согласился дипломат.

— Прекрасно. Как полномочный представитель президента США, прошу вас прекратить передачу. Мы не желаем входить в состав вашей империи.

— Мне очень жаль. — Посол пожал плечами. («Интересно, — подумал Серси, — сколько раз он уже разыгрывал эту сцену и на скольких планетах?») — Но я ничем не могу помочь.

Посол встал.

— Значит, не прекратите?

— Не могу. Как только передача сигнала начинается, я не в состоянии им управлять. — Дипломат отвернулся и подошел к окну. — Однако я подготовил для вас философский трактат. Как посол я обязан предельно смягчить психологический удар. Ознакомившись с новыми идеями, вы сразу поймете, что...

Едва посол подошел к окну, Серси выхватил пистолет. Шесть выстрелов в голову и тело посла слились в единый грохочущий взрыв. И Серси вздрогнул.

Посол исчез!

Серси переглянулся с Дарригом. Тот пробормотал что-то насчет призраков. Но тут посол столь же внезапно появился вновь.

— По-вашему, это так легко? — спросил он. — Мы, послы, волей-неволей обладаем дипломатической неприкосновенностью. — Он потрогал пальцем одну из дырочек, пробитых пулями в стене. — Если вы этого еще не поняли, скажу иначе — убить меня вы не властны. Вы не сможете даже понять принцип моей защиты.

Посол взглянул на них, и в этот момент до Серси впервые дошло, что посол здесь действительно чужак.

— Всего доброго, джентльмены, — сказал посол.

Дарриг и Серси вернулись на командный пункт. Никто и не ожидал по-настоящему, что посла удастся убить столь легко, но все же его неуязвимость потрясала.

— Полагаю, вы все видели, Мэлли? — спросил полковник Серси.

Худощавый лысеющий психиатр грустно кивнул:

— Видел и заснял на пленку.

— Интересно, в чем суть его философии? — пробормотал себе под нос Дарриг.

— Думать, что такое простое решение сработает, просто нелогично. Никакая раса не отправила бы посла с подобным предложением, всерьез надеясь на то, что посол уцелеет. Если только...

— Если что?

— Если только не снабдить посла чертовски эффективной защитой, — уныло закончил психиатр.

Серси пересек комнату и взглянул на экраны. Квартира у посла действительно была особая. Ее спешно соорудили спустя два дня после того, как он приземлился и передал приглашение. Стены квартиры

обили свинцом и сталью, утыкали теле- и кинокамерами, магнитофонами и Бог знает чем еще.

Это была самая совершенная в мире камера смерти.

Посол сидел за столом. Он что-то печатал на портативной пишущей машинке, подаренной правительством США.

— Эй, Гаррисон! — крикнул Серси. — Пора приступать к плану номер два.

Из соседней комнаты, где находилась подключенная к квартире посла аппаратура, появился Гаррисон. Он методично проверил показания манометров, отрегулировал управление и поднял глаза на Серси.

— Можно? — спросил он.

— Можно, — ответил Серси, не отрывая глаз от экрана. Посол все еще печатал.

Гаррисон нажал какую-то кнопку, и из скрытых отверстий в стенах и потолке кабинета посла вырвались огненные языки.

Кабинет превратился в нечто вроде доменной печи. Серси выждал еще минуты две, затем подал знак Гаррисону, и тот нажал другую кнопку. Они впились взглядом в изображение раскаленной комнаты на экране, надеясь увидеть обугленный труп.

Посол вновь возник за столом и разочарованно посмотрел на остатки пишущей машинки. На нем самом не было даже копоти.

— Нельзя ли попросить другую машинку? — обратился он к одной из тщательно замаскированных телекамер. — Мне все-таки хочется, чтобы вы, неблагодарные ничтожества, ознакомились с моей философией.

Потом уселся в обгоревшее кресло и через секунду, по всей видимости, заснул.

— Ладно, все садитесь, — сказал Серси. — Настало время собрать военный совет.

Мэлли оседлал стул. Гаррисон, усевшись, зажег трубку и стал медленно раскуривать.

— Итак, — начал Серси, — правительство свалило все на нас. Посла надо уничтожить — тут других мнений быть не может. Ответственность за это возложена на меня. — Серси криво улыбнулся. — Вероятно, по той причине, что никто из шишек не желает отвечать за неудачу. А я выбрал вас троих себе в помощники. Мы получим все, что потребуем, любую помощь, любую консультацию. А теперь — есть идеи?

— Как насчет плана номер три? — спросил Гаррисон.

— Дойдет черед и до него, — сказал Серси. — Но, по-моему, он не подействует.

— По-моему, тоже, — согласился Дарриг. — Мы ведь даже не знаем, как он защищается от опасности.

— Вот это — первоочередная проблема. Мэлли, возьмите все данные, которыми мы располагаем, и распорядитесь ввести их в анализатор Дерихмана. Вы ведь знаете, какие сведения нужно получить? «Каковы свойства X, если X умеет то-то и то-то?»

— Хорошо, — буркнул Мэлли и вышел, бормоча что-то о превосходстве физики над прочими науками.

— Гаррисон, — сказал Серси, — к осуществлению плана номер три все подготовлено?

— Конечно.

— Попробуем.

Пока Гаррисон возился с окончательной настройкой, Серси наблюдал за Дарригом. Пухлый коротышка-физик задумчиво уставился куда-то вдаль и что-то бормотал. Серси надеялся, что его осенит какая-нибудь идея. От Даррига он ждал многого.

Зная, что с большим количеством людей работать невозможно, Серси тщательно подобрал себе штат. Ему требовалось качество.

Именно поэтому первым избранником стал Гаррисон. Крепко сбитый, вечно хмурый конструктор славился тем, что может сконструировать что угодно, лишь бы у него было хоть смутное представление, как должна действовать эта конструкция.

Следующим в команду попал психиатр Мэлли — Серси не был уверен, что для уничтожения посла потребуются только физические действия.

Дарриг — физик-математик, но его беспокойный, пытливый ум создавал интереснейшие теории и в других областях науки. Дарриг был единственным из четверых, кто заинтересовался послом в интеллектуальном аспекте.

— Он мне напоминает Металлического Старика, — произнес наконец Дарриг.

— Это еще кто такой?

— Вы что, не слышали легенду о Металлическом Старике? Так вот, это был монстр, закованный в черную металлическую броню. С ним встретился Победитель Чудовищ — герой индейских легенд — и после многих попыток сумел убить Металлического Старика.

— Как же ему это удалось?

— Он ударил его под мышку. Там у него брони не было.

— Красота, — ухмыльнулся Серси. — Так попроси нашего посла поднять руки.

— Готово! — сообщил Гаррисон.

— Отлично. Давайте.

В комнату посла беззвучно хлынули невидимые потоки жестких гамма-лучей.

Однако подвергнуться их смертельному действию оказалось некому.

— Хватит, — немного погодя сказал Серси. — От этого околело бы стадо слонов.

Посол пять часов пробыл в невидимом состоянии, пока интенсивность радиации немного не спала. Тогда он вновь появился в комнате.

— Так я жду машинку, — напомнил он.

— Вот заключение анализатора. — Мэлли подал Серси пачку бумаг. — А вот кратко сформулированный вывод.

Серси прочитал вслух: «Простейший способ защиты от данного или любого оружия — стать тем или иным конкретным оружием».

— Превосходно, — сказал Гаррисон. — Но что это значит?

— Это значит, — ответил Дарриг, — что, когда мы угрожаем послу огнем, он сам превращается в огонь. Когда мы в него стреляем, он превращается в пулю — и так до тех пор, пока опасность не проходит, а там он возвращает себе прежнее обличье.

Дарриг взял у Серси бумаги и принялся их перелистывать.

— Гм... Интересно, существуют ли какие-либо исторические параллели? Вряд ли. — Он оторвался от бумаг. — Вывод не окончательный, но вполне убедительный. Всякий иной принцип защиты требует сначала опознать оружие, потом оценить его, а потом уже принимать контрмеры в соответствии с потенциальными возможностями оружия. У посла защита намного безопаснее и срабатывает мгновенно. Ему не приходится опознавать оружие. Скорее всего, его тело каким-то образом отождествляется с тем, что ему угрожает.

— Есть ли способ сломить такую защиту? — спросил Серси.

— Анализатор недвусмысленно указывает, что, если его вывод верен, такого способа нет, — угрюмо заметил Мэлли.

— Такой вывод можно и отбросить, — возразил Дарриг. — Возможности машины все-таки ограничены.

— Но мы до сих пор не знаем способа его остановить, — подчеркнул Мэлли. — А он продолжает передавать сигнал.

Серси на мгновение задумался.

— Свяжитесь со всеми экспертами, которых знаете. Зададим-ка послу жару. Знаю, все знаю, — добавил он, заметив сомнение на лице Даррига, — но попытаться мы обязаны.

В последующие дни смерть обрушивалась на посла во всех мыслимых формах и сочетаниях. Его пытались убить оружием, начиная с каменных топоров и кончая современными атомными гранатами, топили в кислотах, душили ядовитыми газами.

Посол философски пожимал плечами и продолжал печатать на очередной новой машинке.

Его травили бактериями: сперва возбудителями всех известных болезней, затем их мутированными разновидностями.

Посол даже не чихнул.

На нем испытали электричество, радиацию, оружие деревянное, железное, медное, бронзовое, урановое — все без исключения, перебрали любые возможности.

На после не появилось ни царапины, зато его комната выглядела так, словно в ней вот уже пятьдесят лет беспрерывно идет пьяный дебош.

Мэлли и Дарриг каждый корпели над собственными идеями. Физик лишь ненадолго отвлекся, чтобы напомнить Серси миф о Бальдуре. На Бальдура тоже нападали с самым разным оружием, но он остался неуязвим, потому что все на Земле пообещало его любить. Все, кроме омелы. И когда в него бросили веточку омелы, он умер.

Выслушав Даррига, Серси раздраженно отвернулся. Но все же велел доставить омелу — так, на всякий случай.

Она, во всяком случае, оказалась не менее эффективной, чем фугасные снаряды или лук со стрелами, и при нулевом результате хоть немного украсила изуродованную комнату.

Прошла неделя, и посла, не встретив возражений с его стороны, переселили в новую, более прочную и надежную камеру смерти. В старую никто не осмеливался войти — отпугивали микроорганизмы и высокая радиоактивность.

Посол возобновил работу за пишущей машинкой. Все предыдущие плоды его трудов или сгорели, или были разорваны в клочки, или съедены.

— Побеседуем с ним, — предложил Дарриг на другой день. Серси согласился. Все равно идеи временно иссякли.

— Заходите, джентльмены, — сказал посол так радушно, что Серси замутило. — К сожалению, мне нечем вас угостить. По досадному недосмотру меня уже десятый день не снабжают ни пищей, ни водой. Меня-то это, конечно, не волнует.

— Рад слышать, — отозвался Серси.

Глядя на посла, никто бы не догадался, что он отразил натиск всех земных средств умерщвления. Напротив, можно было подумать, что бомбежку перенесли Серси и его сотрудники.

— Ну и защита у вас, — дружелюбно произнес Мэлли.

— Рад, что вам нравится.

— Скажите, пожалуйста, а каков ее принцип? — невинно спросил Дарриг.

— Разве вы не знаете?

— Кажется, знаем. Вы становитесь тем, что вам грозит. Правда?

— Безусловно, — подтвердил посол. — Как видите, я от вас ничего не скрываю.

— Примите от нас что-нибудь в благодарность за то, что вы прекратите передачу, — предложил Серси.

— Это что же, взятка?

— Точно, — сказал Серси. — Все, что ни...

— Нет, — отрезал посол.

— Будьте благоразумны, — настаивал Гаррисон. — Вы же не хотите развязать войну, верно? Сейчас на Земле согласие между государствами — против вас. Мы вооружаемся...

— Чем?

— Атомными бомбами, — ответил Мэлли. — Водородными бомбами. Мы...

— Сбросьте на меня бомбу, — прервал посол. — Она не причинит мне вреда. Почему вы думаете, что она причинит вред моему народу?

Все четверо промолчали. Об этом они как-то не подумали.

— Уровень ведения войны, — заявил посол, — истинное мерило цивилизации. Стадия первая — применение простейших орудий уничтожения. Стадия вторая — овладение материей на молекулярном уровне. Сейчас вы приближаетесь к третьей стадии, хотя все еще далеки от полного контроля над атомными и субатомными силами. — Он обаятельно улыбнулся. — Мой народ идет к вершине пятой стадии.

— Это какая же стадия? — полюбопытствовал Дарриг.

— Увидите, — сказал посол. — Но, может быть, вам интересно, насколько типичны мои способности для моих соплеменников? Могу вас заверить, что они вовсе не типичны. Для того чтобы я мог справиться с работой, не превышая своих полномочий, в меня введены кое-какие ограничения, позволяющие мне совершать только пассивные действия.

— Зачем? — спросил Дарриг.

— Причины очевидны. Если под горячую руку я совершу активное действие, то сотру вашу планету в порошок.

— Неужели вы надеетесь, что мы вам поверим? — спросил Серси.

— Почему бы и нет? Или это так трудно понять? Разве вы не в состоянии поверить в то, что есть силы, о которых вы не имеете ни малейшего представления? Впрочем, у моей пассивности есть и другая причина. О ней вы уже, разумеется, догадались.

— Полагаю, вы намерены сломить наш дух, — сказал Серси.

— Совершенно верно. Впрочем, от моего признания ничего не изменится. Схема всегда одна и та же. Посол приземляется и делает предложение юной, дикой и необузданной расе вроде вашей. Ему отчаянно сопротивляются, посла упорно пытаются убить. Когда же все попытки проваливаются, туземцы обычно сильно падают духом. Так что, когда прибывает отряд колонизаторов, восприятие новых идей проходит намного быстрее. И вообще, — добавил он после короткой паузы, — обычно планеты проявляют гораздо больший интерес к предлагаемой им философии. Уверяю вас, она сильно облегчает перестройку. — Он протянул посетителям стопку бумаги с машинописным текстом. — Может быть, пролистаете?

Дарриг взял у посла бумаги и сунул в карман.

— Если найдется время.

— Рекомендую полюбопытствовать, — сказал посол. — Сейчас вы уже близки к критической точке. Почему бы вам не сдаться?

— Еще рано, — невозмутимо ответил Серси.

— Не забудьте прочитать, — настойчиво напомнил посол.

Люди торопливо вышли.

— Вот что, — сказал Мэлли, когда они вернулись на командный пункт. — Мы еще не все испробовали. Пустим в ход психологию?

— Хоть черную магию, — согласился Серси. — Что вы имеете в виду?

— Насколько я понимаю, — объяснил Мэлли, — посол мгновенно реагирует на опасность. У него безотказный защитный рефлекс. Давайте прибегнем к чему-нибудь такому, на что этот рефлекс не распространяется.

— Например? — спросил Серси.

— Например, гипноз. Может, что-нибудь выведаем.

— Конечно, — сказал Серси. — Попытайтесь. Пробуйте что угодно.

В комнату посла впустили микроскопическое количество гипнотизирующего газа, и Серси с Мэлли и Дарригом уселись перед видеоэкраном. Одновременно в кресло, где сидел посол, был дан электрический импульс.

— Это чтобы отвлечь внимание, — прокомментировал Мэлли.

Посол исчез, прежде чем его поразил электрический ток, и вскоре вновь появился в кресле.

— Достаточно, — прошептал Мэлли и перекрыл клапан.

Все впились взглядом в экран. Немного погодя посол отложил книгу и уставился в пустоту.

— Как странно, — произнес он. — Альферн мертв. Добрый друг... идиотская случайность. В пути ему не повезло. Он был обречен. На его пути таилось... Но такое не часто встречается.

— Думает вслух, — прошептал Мэлли, хотя услышать его посол никак не мог. — Проговаривается. Должно быть, друг у него из головы не выходит.

— Конечно, — продолжал посол, — когда-нибудь Альферн должен был умереть. Бессмертие пока не-

достижимо. Но такой смертью... и нет защиты. Хаос таится... Нечто, вечно ждущее своего часа.

— Его тело еще не опознало гипнотизирующий газ как угрозу, — прошептал Мэлли.

— Впрочем, — снова заговорил посол, — закон упорядочивания держит все это в рамках, сглаживает...

Посол неожиданно вскочил и побледнел. Он явно пытался припомнить только что сказанное. Потом рассмеялся.

— Остроумно. Такую шутку вы сыграли со мной в первый и последний раз. Но, джентльмены, она вам не сослужит службы. Я и сам не знаю, чем меня можно одолеть... — Он снова рассмеялся. — Кстати, — заметил он, — команда колонизаторов теперь уже наверняка знает нужное направление. Они отыщут вас и без меня.

Посол снова уселся, чему-то улыбаясь.

— Что и требовалось доказать! — возликовал Дарриг. — Он уязвим. Погиб же от чего-то его друг Альферн.

— От чего-то в космосе, — напомнил ему Серси. — Но от чего?

— Дайте сообразить, — размышлял Дарриг вслух. — Закон упорядочивания. Это, наверное, неизвестный нам закон природы. А таилось... что там может таиться, в космосе?

— Он сказал, что колонизаторы отыщут нас в любом случае, — напомнил всем Мэлли.

— Давайте сперва покончим с главным делом, — сказал Серси. — Вполне возможно, он блефует... впрочем, вряд ли. Но избавиться от посла необходимо.

— Мне кажется, я знаю, что там таится! — воскликнул Дарриг. — Потрясающе. Это может вылиться в новую космологию!

— Хорошая идея? — осведомился Серси. — Мы сможем ею воспользоваться?

— Думаю, да. Но над ней нужно поработать. Пойду-ка я к себе в отель. Мне надо полистать кое-какие книги, и желательно, чтобы в ближайшие несколько часов меня никто не тревожил.

— Хорошо, — согласился Серси. — Но в чем суть...

— Не спрашивайте, я мог и ошибиться, — сказал Дарриг. — Дайте мне возможность помозговать.

И он выбежал из комнаты.

— Как по-вашему, к чему он клонит? — спросил Мэлли.

— Ума не приложу, — пожал плечами Серси. — Вот что, давайте еще попробуем эти психологические штучки.

Сперва комнату посла на несколько футов заполнили водой — не с целью утопить, а чтобы причинить максимальное неудобство.

Затем к воде добавили свет. Восемь часов подряд посла изводили световыми вспышками — то яркими, проникающими сквозь веки, то тусклыми, чтобы лишь раздражать.

Потом настала очередь звуков — скрежета, визга, скрипов, тысячекратно усиленного звука скребущих по шершавой поверхности ногтей, странных причмокиваний, вскриков и шепота.

А потом — запахи. И следом за ними — весь мыслимый арсенал способов свести человека с ума.

Посол невозмутимо спал.

— Ну вот что, — сказал Серси на следующий день, — начнем шевелить мозгами.

Голос его звучал хрипло и устало. Психологическая пытка, которая даже не вывела посла из равновесия, словно рикошетом отразилась на Серси и его команде.

— Куда, черт подери, запропастился Дарриг?

— Все продумывает свою идею, — сказал Мэлли, потирая заросший подбородок. — Говорит, вот-вот докопается до истины.

— Будем исходить из допущения, что его идея порочна, — сказал Серси. — Давайте рассуждать. Например, если посол способен превратиться во что

угодно, есть ли что-нибудь такое, во что он не способен превратиться?

— Хороший вопрос, — буркнул Гаррисон.

— Это вопрос об ответном действии, — сказал Серси. — Нет смысла бросать копье в человека, способного в это копье превратиться.

— А что, если сделать так, — предложил Мэлли. — Пусть он превращается во что угодно, мы поставим его в такое положение, что опасность будет грозить ему уже после превращения.

— Конкретнее, — сказал Серси.

— Предположим, ему что-то грозит. Он превращается в источник опасности. А если что-то угрожает именно этому источнику? И, в свою очередь, само находится под какой-то угрозой? Что он тогда сделает?

— А как это осуществить? — спросил Серси.

— А вот как. — Мэлли снял телефонную трубку. — Алло! Соедините с Вашингтонским зоопарком. Срочно.

Посол обернулся на звук открывающейся двери. В комнату впихнули упирающегося тигра. Дверь захлопнулась.

Тигр посмотрел на посла, посол — на тигра.

— Изобретательно, — одобрил посол.

Тигр прыгнул, точно распрямившаяся пружина, и опустился там, где только что сидел посол.

Дверь снова приоткрылась. В комнату впихнули второго тигра. Он злобно оскалился и прыгнул на первого. Оба столкнулись в воздухе.

В нескольких десятках сантиметров от них появился посол и стал наблюдать за дракой. Он посторонился, когда в дверь втолкнули льва, настороженного и готового к бою. Лев прыгнул на посла и чуть не перекувырнулся, не обнаружив добычи на месте. За неимением лучшего лев вцепился в одного из тигров.

Посол вновь очутился в кресле — он курил и спокойно смотрел, как звери рвут друг друга на куски.

Через десять минут комната стала похожа на бойню. К тому времени это зрелище послу надоело, и он улегся на постель с книжкой в руках.

— Сдаюсь, — сказал Мэлли. — Больше ничего в голову не приходит.

Серси, не отвечая, уперся взглядом в пол. Гаррисон в уголке тихо накачивался виски.

Зазвонил телефон. Серси снял трубку.

— Да?

— Раскусил! — услышал он торжествующий голос Даррига. — Послушайте, я сейчас же хватаю такси. Велите Гаррисону вызвать подручных.

— А в чем дело? — спросил Серси.

— В хаосе, который подо всем этим таится! — ответил Дарриг и бросил трубку.

Полчаса, час... Только через три часа после своего звонка на командный пункт лениво вошел Дарриг.

— Привет, — сказал он небрежно.

— К дьяволу приветы! — зарычал Серси. — Почему так долго?

— В пути я познакомился с философией посла, — ответил Дарриг. — Это шедевр.

— Поэтому вы и задержались?

— Да. Я попросил водителя проехать несколько раз вокруг парка, а сам читал.

— Оставим это. В чем же...

— Нельзя это оставить, — перебил Дарриг странным, напряженным голосом. — Боюсь, что мы заблуждались относительно пришельцев. Если они станут нашими правителями, Земля — колонией, это будет вполне разумно и справедливо. Откровенно говоря, я даже мечтаю, чтоб они скорее прилетели.

Но вид у Даррига был не столь уверенным, как слова. Его голос дрожал, со лба градом струился пот, он судорожно сжимал кулаки, словно его мучила боль.

— Это трудно объяснить, — произнес он. — Едва я начал читать, как все стало совершенно ясным. Я понял, какими мы были тупицами, пытаясь сохранить независимость в этой взаимозависимой Вселенной. Я

понял... да ладно, Серси. Давайте кончим дурить и признаем посла нашим другом.

— Успокойтесь! — заорал Серси на совершенно спокойного физика. — Вы сами не знаете, что говорите.

— Странно, — пробормотал Дарриг. — Я знаю, что я думал... только теперь я так не думаю. Мне ясно, в чем ваша беда. Вы не знакомы с настоящей философией. Вы поймете меня, как только прочтете...

Он подал Серси стопку бумаг. Серси тотчас поджег их своей зажигалкой.

— Неважно, — сказал Дарриг. — Я заучил наизусть. Вы только послушайте. Аксиома первая: все разумные существа...

Серси выбросил вперед кулак, и Дарриг повалился на пол.

— Слова в тексте, видимо, подобраны так, чтобы вызывать в человеке определенную эмоциональную реакцию. Это своего рода гипноз, — прокомментировал Мэлли. — Послу остается лишь приспособить слова под мышление людей, с которыми он имеет дело.

— Знаете, Мэлли, — обратился к нему Серси, — теперь все в ваших руках. Дарриг нашел разгадку — или думал, что нашел. Вам придется вытянуть ее из него.

— Задача нелегкая, — проговорил Мэлли. — У него ведь будет ощущение, что, выдав нам свою тайну, он предает правое дело.

— Как вы этого добьетесь — меня не касается, — отмахнулся Серси. — Лишь бы добились.

— Даже с риском для его жизни? — спросил Мэлли.

— Даже с риском для вашей.

— Тогда помогите отвести его в мою лабораторию, — бросил Мэлли.

В тот вечер Серси с Гаррисоном не покидали командного пункта, следя за послом. В голове Серси лихорадочно путались мысли.

Что погубило Альферна в космосе? Можно ли смоделировать это «нечто» и на Земле? Что такое «закон упорядочивания»? Как это — «хаос таится»?

И вообще, какого черта я со всем этим связался? — подумал он. Нет, подобные мысли следует давить сразу.

— Кто такой, по-вашему, посол? — спросил он Гаррисона. — Человек?

— Похож, — сонно ответил Гаррисон.

— С виду похож, а на деле не похож. Интересно, каков его настоящий облик?

Гаррисон качал головой и раскуривал трубку.

— Что он собой представляет? — не унимался Серси. — С виду человек, но преображается во что угодно. Ничем его не проймешь — адаптируется. Как вода, принимает форму любого сосуда.

— Воду можно вскипятить, — зевнул Гаррисон.

— Конечно. Вода не имеет собственной формы, так ведь? Или имеет? В чем ее внутренняя суть?

Сделав над собой усилие, Гаррисон попытался сосредоточиться на словах Серси.

— В молекулярной структуре? В матрице?

— Матрица,— повторил Серси, тоже зевая. — Должно быть, нечто вроде этого. Структура абстрактна, так?

— Так. Структуру можно наложить на что угодно. Что я только что сказал?

— Ну-ка, подумаем, — сказал Серси. — Структура. Матрица. Любая частичка тела посла способна изменяться. Но для сохранения его личности должна иметься и некая объединяющая сила. Нечто неизменное в любых обстоятельствах.

— Как тесемка, — произнес Гаррисон, не размыкая век.

— Конечно. Завяжи ее узлами, сплети в жгут, намотай на палец — она останется тесемкой.

— Да.

— Но как одолеть эту структуру? — спросил Серси.

Отчего бы не поспать? К черту посла вместе с его колонизаторами, сейчас он наконец заснет...

— Проснитесь, полковник!

Серси через силу открыл глаза и посмотрел на Мэлли. Рядом самозабвенно храпел Гаррисон.

— Удалось?

— Нет, — признался Мэлли. — Философия произвела на него слишком глубокое впечатление. Правда, до конца она не подействовала. Дарриг знает, что раньше хотел уничтожить посла по достаточно веским причинам. Теперь его позиция изменилась, зато он чувствует, что предает нас. С одной стороны, он не может причинить вред послу; с другой — он не хочет причинить вред нам.

— И все же молчит?

— Боюсь, все не так просто. Знаете, если перед вами непреодолимое препятствие, которое *необходимо* преодолеть... кроме того, как мне кажется, философия посла повредила его разум.

— Так куда вы клоните? — Серси встал.

— Мне очень жаль, — извинился Мэлли, — но тут я ничего поделать не могу. В его сознании происходила сильнейшая борьба, и когда у него не осталось сил сражаться, он... отступил. Боюсь, он безнадежно помешался.

— Сходим к нему.

Они прошли по коридору в лабораторию Мэлли. Дарриг лежал на кушетке, уставившись куда-то немигающими остекленевшими глазами.

— Неужели нет способа его вылечить? — спросил Серси.

— Возможно, при помощи шоковой терапии, — с сомнением произнес Мэлли. — Однако на это уйдет немало времени. К тому же в его сознании наверняка имеется блокировка причин, которые довели его до такого состояния.

Серси отвернулся — у него потемнело в глазах. Даже если Даррига можно вылечить, окажется слишком поздно. Сигнал посла наверняка уже принят, и пришельцы-колонизаторы направляются к Земле.

— А это что? — спросил Серси, поднимая клочок бумаги, лежащий возле руки Даррига.

— Да так, бумажка. Он все вертел ее в руках. Разве на ней что-то написано?

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона», — прочитал Серси.

— И что это значит? — спросил Мэлли.

— Понятия не имею, — отозвался Серси. — Его всегда интересовала мифология.

— Похоже на бред шизофреника, — заключил психиатр.

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона», — перечитал Серси. — Не может ли быть, — спросил он у Мэлли, — что Дарриг старался навести нас на решение? Что он сам себя обманывал, тайком от себя подсказывая нам ответ.

— Возможно, — согласился Мэлли. — Безуспешный компромисс... но что же означают эти слова?

— Хаос. — Серси вспомнил, что Дарриг произносил это слово, разговаривая с ним по телефону. — Согласно древнегреческой мифологии, хаос — первоначальное состояние Вселенной, не так ли? Бесформенность, породившая мир?

— Вроде того, — сказал Мэлли. — А Медуза — одна из трех сестер с жуткими физиономиями.

Еще с секунду Серси вчитывался в запись. Хаос... Медуза... И закон упорядочивания! Конечно!

— Кажется...

Серси повернулся и выбежал из лаборатории. Мэлли взглянул ему вслед, заполнил шприц и поспешил за полковником.

Серси с трудом растолкал Гаррисона.

— Надо кое-что сконструировать, — сказал он, — и срочно. Вы меня слышите?

— Конечно. — Гаррисон похлопал глазами и встал. — Но зачем такая спешка?

— Я теперь знаю, что хотел сообщить Дарриг, — ответил полковник. — Идемте, я вам объясню, что от вас требуется. А вы, Мэлли, положите шприц. Я еще в своем уме. Лучше достаньте мне книгу по греческой мифологии. Да пошевеливайтесь.

В два часа ночи достать книгу по греческой мифологии — дело нелегкое. Подключив к поискам агентов ФБР, Мэлли вытащил букиниста из постели, получил книгу и заторопился назад.

У Серси были налитые кровью глаза и возбужденный вид, Гаррисон с подручными хлопотал над тремя неведомыми аппаратами. Серси выхватил у Мэлли книгу, нашел в оглавлении нужные страницы и, просмотрев их, отложил книгу в сторону.

— Великие люди были эти древние греки, — сказал он. — Теперь у нас все готово. А у вас, Гаррисон?

— Почти. — Гаррисон и десять его подручных монтировали последние детали. — Может, все-таки объясните, что вы затеяли?

— Я бы тоже хотел послушать, — ввернул Мэлли.

— Да нет здесь никаких тайн, — сказал Серси. — Просто время поджимает. Попозже все объясню. — Он встал. — А теперь разбудим посла.

Усевшись перед экранами, они приступили к делу. С потолка на постель посла молнией метнулся электрический заряд. Посол исчез.

— Теперь он стал частью электронного потока, верно? — сказал Серси.

— Так он утверждает, — откликнулся Мэлли.

— Но в этом потоке сохраняет костяк собственной структуры, — продолжал Серси. — Иначе он бы не мог вернуться в прежний облик. А теперь включим первый генератор помех.

Гаррисон включил свое творение и отослал подручных.

— Вот осциллограмма электронного потока, — сказал Серси. — Замечаете разницу? — На экране с нерегулярными промежутками змеились и таяли пики и спады кривой. — Помните, вы загипнотизировали посла? Он заговорил тогда о своем друге, погибшем в космосе.

— Верно, — кивнул Мэлли. — Друга погубила какая-то неожиданность.

— Посол проговорился еще кое о чем, — продолжал Серси. — О том, что основной закон природы — закон упорядочивания — обычно не допус-

кает таких происшествий. У вас это с чем-нибудь ассоциируется?

— Закон упорядочивания, — медленно повторил Мэлли. — Ведь Дарриг сказал, что это неизвестный нам закон природы.

— Сказал. Но последуйте примеру Даррига и подумайте, что это для нас значит. Если в природе есть какая-то упорядочивающая тенденция, то, следовательно, есть и тенденция противоположная, препятствующая упорядочиванию. А то, что препятствует упорядочиванию, называется...

— Хаос!

— Вот что сообразил Дарриг, и вот до чего должны были додуматься мы сами. Из хаоса и возникает закон упорядочивания. Этот закон, если я все понял правильно, стремится подавить первозданный хаос, сделать все в мире закономерным.

Но кое-где есть места, где хаос все еще силен. Альферн убедился в этом на собственном опыте. Возможно, в космосе стремление к упорядочиванию слабее. Как бы то ни было, подобные места опасны до тех пор, пока над ними не поработает закон упорядочивания.

Полковник обернулся к пульту.

— Ладно, Гаррисон. Включай второй генератор.

Зигзаги на экране изменили конфигурацию. Зубцы и спады затеяли бешеную бессмысленную пляску.

— Теперь проанализируем с этой точки зрения записку Даррига. Как мы знаем, хаос — основа всего. Из него появилась Вселенная. Медуза Горгона — нечто такое, на что нельзя смотреть. Помните, кто взглянет на нее, тот сразу окаменеет. А Дарриг нашел родство между хаосом и тем, на что нельзя смотреть. Применительно к послу, разумеется.

— Посол не выдержит встречи с хаосом! — вскричал Мэлли.

— В том-то и дело. Посол способен на бесконечное число изменений и превращений. Но что-то основное — некая внутренняя структура — не должно изменяться, иначе от посла ничего не останется. А чтобы уничтожить нечто столь абстрактное, как струк-

тура, нам нужны условия, при которых никакая структура невозможна. Состояние хаоса.

Включили третий генератор помех. Осциллограмма стала похожа на след пьяной гусеницы.

— Идею генераторов белого шума подал Гаррисон, — сказал Серси. — Я просто спустил задание: получить электрический ток, лишенный какой бы то ни было упорядоченности. Эти генераторы применяют для глушения радиопередач. Первый изменяет все основные характеристики электрического тока. Такое у него назначение: ввести бессистемность. Второй устраняет закономерность, случайно внесенную работой первого; третий устраняет закономерности, которые могли остаться после работы двух первых. Полученный сигнал снова поступает на вход и следы всяких закономерностей систематически уничтожаются... надеюсь.

— Это аналогия хаоса? — спросил Мэлли, глядя на экран.

Бешено металась осциллограмма, завывала аппаратура. Но вот в комнате посла появилось какое-то туманное пятно. Оно колыхнулось, сжалось, расширилось...

Затем началось неописуемое. Они смогли лишь догадаться, что все предметы, оказавшиеся внутри пятна, исчезли.

— Отключить! — рявкнул Серси. Гаррисон повернул рубильник.

Пятно продолжало расти.

— Но почему мы смотрим на него без вреда для себя? — удивился Мэлли, не отрывая глаз от экрана.

— Помните щит Персея? — ответил Серси. — Он смотрел на Медузу, пользуясь щитом как зеркалом.

— Растет! — воскликнул Мэлли.

— Производственный риск, — невозмутимо произнес Серси. — Всегда существует возможность, что хаос выйдет из-под контроля. Если это случится...

Пятно перестало расти. Его края колыхнулись, подернулись рябью, пятно начало сжиматься.

— Закон упорядочивания сработал, — сказал Серси и повалился в кресло.

— Как там посол? — спросил он через несколько минут.

Пятно все еще колыхалось. Внезапно оно исчезло. Громыхнул взрыв. Возникший вакуум вогнул внутрь стальные стены, но они выдержали. Экран погас.

— Пятно высосало в комнате весь воздух, — пояснил Серси. — Вместе с мебелью и послом.

— Он не выдержал, — сказал Мэлли. — В полностью беспорядочном состоянии не сохраняется ни одна система. Посол отправился к своему Альферну.

Мэлли нервно рассмеялся. Серси почувствовал, что вот-вот к нему присоединится, но взял себя в руки.

— Успокойтесь, ребята, — сказал он. — Дело еще не закончено.

— Как это не закончено? Ведь посол...

— От него мы избавились. Но в нашем регионе космоса шныряет флот инопланетян. Он столь силен, что водородная бомба для него не страшнее хлопушки. И они будут нас искать.

Серси встал.

— Ступайте по домам и отоспитесь. Если предчувствие меня не обманывает, завтра нам предстоит изобретать способ маскировки всей планеты.

ПИЯВКА

Слишком долго она летела в пустоте. Слишком долго была без пищи. Безжизненная спора, она не замечала, как проходили тысячелетия. Не почувствовала она ничего и тогда, когда достигла наконец Солнечной системы и живительные лучи Солнца коснулись ее сухой твердой оболочки.

Планета потянула ее к себе, и, все еще мертвая, она вместе с другими межзвездными пылинками стала падать.

Пылинка, похожая на миллионы других: ветер подхватил ее, помчал вокруг Земли и отпустил...

На поверхности она стала оживать. Сквозь поры в ее оболочке стала поступать пища. Она принялась есть и расти.

Фрэнк Коннерс поднялся на веранду и два раза негромко кашлянул.

— Прошу прощения, профессор, — сказал он.

Длинноногий профессор, лежавший на раскладушке, даже не пошевелился и продолжал похрапывать.

— Мне не хотелось бы вас беспокоить. — От волнения Коннерс сдвинул свою старенькую шляпу на затылок. — Я знаю, у вас неделя отдыха, но там, в канаве, лежит такая чертовщина...

Одна бровь у спящего слегка приподнялась.

Фрэнк Коннерс снова вежливо кашлянул. На его руке, сжимавшей черенок лопаты, набухли старческие вены.

Печатается по изд.: Шекли Р. Пиявка. — Знание — сила, 1971, № 3

© 1971 Е. Цветков, перевод на русский язык

— Вы слышите, профессор?

— Конечно, я все слышал, — пробормотал Майкхилл, не открывая глаз. — Вам попался эльф?

— Чего? — спросил Коннерс, сосредоточенно наморщив лоб.

— Маленький человечек в зеленом сюртучке. Дайте ему молочка, Коннерс.

— Нет, сэр. Это какой-то камень.

Профессор открыл один глаз.

— Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить, — снова извинился Коннерс.

У профессора Майкхилла вот уже десять лет была единственная причуда — неделя полного отдыха. Это стало традицией. Всю зиму профессор читал студентам антропологию, заседал в полудюжине комитетов, занимался для себя физикой и химией и ко всему этому умудрялся писать еще по книге в год. Но к лету он выдыхался совершенно.

И тогда он отправлялся к себе на старую ферму, в штат Нью-Йорк, и целую неделю просто-напросто отсыпался. Это и называлось неделей полного покоя. Фрэнка Коннерса он нанимал на это время готовить еду и помогать по хозяйству.

Вторую неделю профессор, как правило, бродил по окрестностям, рассматривал деревья, птичек и удил рыбу. Третью неделю он читал, загорал на солнце, чинил крышу сарая и лазил по горам. Конца четвертой недели профессор дожидался с трудом, а дождавшись, торопился уехать.

Но первая неделя была священна.

— Я не стал бы вас тревожить по пустякам, но этот чертов камень расплавил мне лопату.

Профессор разом открыл глаза и приподнялся. Коннерс протянул ему лопату. Ее закругленная часть была ровно срезана. Майкхилл резко спустил ноги с раскладушки и сунул в потрепанные мокасины.

— Идемте, — сказал он, поднимаясь. — Посмотрим, что это за чудо.

«Чудо» лежало в придорожной канаве, отделявшей лужайку перед домом от большой автострады. Обык-

новенная плита из камня величиной с автомобильную шину, дюйма три толщиной. На темно-серой поверхности виднелось множество замысловатых черных прожилок.

— Не трогайте руками, — предупредил Коннерс.

— Я и не собираюсь. Дайте мне вашу лопату.

Майкхилл взял лопату и ткнул ею в загадочный предмет. Какое-то время профессор прижимал лопату к поверхности. Когда он ее отнял — еще дюйм металла исчез.

Майкхилл нахмурился и поправил очки. Затем одной рукой он снова прижал лопату к камню, а другую поднес поближе к его поверхности. Лезвие таяло на глазах...

— Вроде бы не греет, — сказал он, обращаясь к Коннерсу. — А в первый раз? Вы не заметили, шло от камня тепло?

Коннерс отрицательно покачал головой.

Майкхилл набрал в руку грязи и бросил на камень. Комок быстро растаял, не оставив и следа на черно-серой поверхности. За комком грязи последовал большой булыжник, который исчез тем же способом.

— Вы когда-нибудь видели такую чертовщину, профессор? — спросил Коннерс.

— Нет. — Майкхилл разогнулся. — Никогда не видел.

Он снова взял лопату и изо всех сил ударил ею о камень... И чуть не выронил ее. Ожидая отдачи, он слишком сильно сжал черенок. Но отдачи не последовало. Лопата ударилась и сразу остановилась, как будто прилипла. Когда профессор приподнял ее, он увидел, что на черно-серой поверхности не осталось никакого следа от удара.

— Вот тебе и на. Что же это такое? — выдохнул Коннерс.

— Это не камень, — сказал Майкхилл, отступая назад. — Пиявки сосут кровь. А эта штука, кажется, сосет грязь и лопаты.

Мужчины переглянулись. На шоссе показалось несколько военных грузовиков. С ревом они промчались мимо.

— Пойду попробую дозвониться в колледж. Попрошу приехать кого-нибудь из физиков, — сказал Майкхилл, — или биологов. Хорошо бы убрать отсюда эту штуку, пока она не испортила мне газон.

Они направились к дому.

Все вокруг для нее было пищей. Ветер отдавал ей свою энергию. Шел дождь, и удар каждой капли прибавлял ей сил. И вода тут же всасывалась всепоглощающей поверхностью.

Солнечные лучи, почва, грязь, камни, веточки — все усваивалось клетками.

Медленно зашевелились в ней смутные тени ощущений. И первое, что она почувствовала, — неправдоподобную ничтожность своего тела.

Она росла.

На следующий день «пиявка» достигла уже восьми футов. Одним краем она высунулась на шоссе, а другой дополз до газона. Еще через день ее диаметр увеличился до восемнадцати футов. Теперь она перекрыла всю проезжую часть дороги.

Майкхилл ходил вокруг «пиявки» и задавал себе один и тот же вопрос. Какое вещество может вести себя таким образом? Ответ прост — ни одно из *известных* веществ.

Вдали послышался гул колонны армейских грузовиков.

Водитель ехавшего впереди джипа поднял руку, и вся колонна остановилась. Из джипа вылез офицер. По количеству звезд на его плечах Майкхилл понял, что перед ним бригадный генерал.

— Уберите эту штуку и очистите проезд.

Он был высок и худощав. На загорелом, обожженном солнцем лице холодно поблескивали глаза.

— Мы не можем ее убрать. — И Майкхилл рассказал генералу о событиях последних дней.

— Но ее необходимо убрать, — сказал генерал. Он подошел поближе и пристально посмотрел на «пиявку». — Вы говорите, ломом ее не сковырнуть? И огонь ее не берет?

— Совершенно верно. — Майкхилл слабо улыбнулся.

— Шофер, — бросил генерал через плечо, — поезжайте-ка через эту штуку!

Майкхилл хотел было вмешаться, но удержался. Генеральские мозги — вещь особая. Нужно дать им возможность посображать самостоятельно.

Джип рванулся вперед, подпрыгнув на десятисантиметровом ребре «камня». В центре автомобиль остановился.

— Я не приказывал останавливаться! — рявкнул генерал.

— Я и не останавливался, сэр, — запротестовал шофер.

Джип дернулся на месте и замер.

— Простите, — сказал Майкхилл, — но у него плавятся шины.

Генерал присмотрелся, и его рука автоматически дернулась к пистолету на поясе. Затем он закричал:

— Водитель! Прыгайте! Не коснитесь только этой серой штуки!

Лицо шофера побелело. Он быстро вскарабкался на крышу джипа, огляделся и благополучно спрыгнул на землю.

В полной тишине все наблюдали за джипом. Сначала растаяли шины, потом четыре обода, рама автомобиля...

Последней медленно исчезла антенна.

Генерал тихо выругался и приказал шоферу:

— Отправляйтесь к колонне и возвращайтесь с гранатами и динамитом.

Она почти очнулась. Все тело требовало пищи, еще и еще. Почва под ней стремительно растворялась. Она росла. Какой-то большой предмет оказался на ее поверхности и стал добычей.

Взрыв энергии возле самой поверхности, потом другой, и еще, еще. Она жадно, с благодарностью поглотила эти новые силы и перевела их в массу. Маленькие металлические кусочки ударили о поверхность, и она всосала их кинетическую энергию, превратив ее в массу. Еще взрывы и еще...

Ее ощущения становились все богаче, она начала чувствовать среду вокруг...

Еще один взрыв сильнее предыдущих. Это уже настоящая пища! Ее клетки кричали от голода. С тревогой и надеждой она ждала еще взрывов.

Но их больше не было. Тогда она снова принялась за почву и солнечный свет.

Она ела, росла и расползалась в стороны.

С вершины небольшого холма Майкхилл смотрел, как рушится его собственный дом. «Пиявка», диаметром теперь в несколько сот метров, поглощала крыльцо.

Прощай, мой домик, — подумал он, вспоминая десять летних сезонов, проведенных здесь.

Крыльцо исчезло, за ним дверь...

Теперь «пиявка» напоминала огромное поле застывшей лавы. Серое, мрачное пятно на зеленой земле.

— Простите, сэр. — Позади него стоял солдат. — Генерал О'Доннел хочет вас видеть.

— Пожалуйста.

Майкхилл бросил последний взгляд в сторону дома и последовал за солдатом через проход в колючей проволоке, протянутой теперь вокруг «пиявки» диаметром в полмили. По всей ее длине стояли солдаты, удерживая репортеров и любопытствующих. Майкхилл удивлялся, как это ему еще разрешили проходить за ограждение. Может быть, потому, что все это как-никак произошло на его земле.

В палатке за маленьким столиком сидел генерал О'Доннел. Жестом он предложил Майкхиллу сесть.

— Мне поручили избавиться от этой «пиявки», — сказал он.

Майкхилл молча кивнул. Когда научная работа поручается вояке, комментарии излишни.

— Вы ведь профессор, не так ли?

— Антропологии.

— Прекрасно. Прикуривайте. — Генерал протянул зажигалку. — Мне бы хотелось оставить вас тут в качестве консультанта. Я очень ценю ваши наблюдения над... — он улыбнулся, — над врагом.

— Я с удовольствием останусь, — сказал профессор Майкхилл, — но вам скорее нужен физик или биохимик.

— Не хочу устраивать здесь ученую суматоху. — Генерал нахмурился, глядя на кончик своей сигареты. — Не поймите меня превратно. Я с большим уважением отношусь к науке. Я сам, если можно так выразиться, ученый солдат. Сейчас выиграть войну без науки невозможно. — Тут загорелое лицо О'Доннела стало каменным. — Но я не хочу, чтобы команда длинноволосых крутилась целый месяц вокруг этой штуки и задерживала меня. Мое дело уничтожить ее — любым способом и немедленно.

— Думаю, это не так просто, — произнес Майкхилл.

— Вот потому-то вы мне и нужны. Объясните мне, почему не просто, а я уж соображу, как с ней разделаться.

— Пожалуйста. Насколько я понимаю, «пиявка» является органическим преобразователем энергии в массу. Этот преобразователь чрезвычайно эффективен. Скорее всего, у него два цикла работы. Сначала она массу превращает в энергию, а затем — энергию в массу уже собственного тела. Но может и сразу энергию переводить в массу тела. Как это происходит, я не знаю.

— Короче, против нее нужно что-нибудь солидное, — перебил О'Доннел. — Отлично, кое-что у меня здесь найдется.

— Наверно, вы неправильно меня поняли, — сказал Майкхилл. — «Пиявка» питается энергией. Она усвоит и использует силу любого оружия.

— Что же произойдет, если она будет продолжать есть? — спросил генерал.

— Я не знаю, до каких размеров она может вырасти, — сказал Майкхилл. — Ее рост можно ограничить лишь не давая ей есть.

— Вы хотите сказать, что она может вот так расти до бесконечности?

— Она вполне может расти до тех пор, пока ей есть чем питаться.

— Ну что ж, это настоящая дуэль, — сказал О'Доннел. — Но неужели с ней не справиться силой?

— Выходит, нет. Лучше всего вызвать сюда физиков и биологов. Они, наверное, смогли бы сообразить, как с ней обойтись.

Генерал вынул изо рта сигарету.

— Профессор, я не могу тратить время попусту, пока ученые спорят. Я следую своей аксиоме. Могу вам ее сообщить. — Он сделал многозначительную паузу. — Ничто не может устоять перед силой! Приложите достаточную силу, и что угодно уступит. *Что угодно!* Вы думаете, «пиявка» устоит перед атомной бомбой?

— Не исключено, что ее можно перегрузить энергией, — с сомнением произнес Майкхилл.

Он только теперь понял, зачем понадобился генералу. Наука без полномочий — это вполне устраивало О'Доннела.

После долгого перерыва пищи опять стало много. Радиация, вибрация, взрывы, какое восхитительное разнообразие. Она поглощала все. Но пища поступала слишком медленно. Голодные, только что рожденные клетки требовали еще и еще... Скорее! Вечно голодное тело кричало.

Теперь, когда она стала больше, ее чувства обострились. И она ощутила, что неподалеку собрано в одном месте огромное количество пищи. «Пиявка» легко взмыла в воздух, пролетела немного и рухнула на лакомый кусок.

— Идиоты! — Генерал О'Доннел был взбешен. — Какого дьявола они поддались панике?! Можно подумать, что их ничему не учили!

Большими шагами он мерил землю возле новой палатки, в трех милях от того места, где стояла старая.

«Пиявка» выросла до двух миль в диаметре. Пришлось эвакуировать три фермерских хозяйства.

Профессор Майкхилл все еще не мог отделаться от кошмарного воспоминания. Эта тварь приняла массированный удар всех видов оружия, а затем ее тело неожиданно поднялось в воздух. На мгновение она заслонила солнце, повисла над Норт-Хиллом — и рухнула вниз.

Солдаты в Норт-Хилле могли разбежаться, но, перепуганные насмерть, так и не сдвинулись с места.

Потеряв в операции «Пиявка» шестьдесят семь человек, генерал О'Доннел попросил разрешения пустить в ход атомную бомбу. Вашингтон прислал группу ученых для исследования ситуации.

— Эти эксперты все еще не приняли решения? — О'Доннел в раздражении остановился перед входом в палатку. — Они слишком долго разговаривают.

— Принять решение очень трудно, — сказал Майкхилл. Он не был включен в комиссию, поэтому, высказав свои соображения, вышел из палатки. — Физики считают, что это живое существо, а биологи, кажется, думают, что на все вопросы должны ответить химики. Никто не может считать себя специалистом по этим штукам.

— Это военная проблема, — хрипло сказал О'Доннел. — Меня не интересует, что это такое. Я хочу знать, как ее уничтожить. Они бы лучше дали мне возможность использовать атомную бомбу.

Профессор Майкхилл проделал кое-какие расчеты. Прикинув скорость, с какой «пиявка» поглощала энергию-массу, ее размеры и очевидную способность расти, он пришел к выводу, что атомная бомба могла бы перегрузить ее энергией, Но — только в самое ближайшее время.

Взорвать бомбу нужно было в течение максимум трех дней. «Пиявка» росла в геометрической прогрессии. Через несколько месяцев она должна была покрыть всю территорию Соединенных Штатов.

— Я целую неделю добивался разрешения, — громыхнул О'Доннел. — И я получу его, но для этого

мне приходится ждать, пока эти ослы наговорятся. — Он остановился и повернулся к Майкхиллу. — Я уничтожу эту «пиявку». Я разнесу ее вдребезги. Это касается уже не только интересов безопасности. Это задевает лично меня.

Из палатки вышла группа усталых людей. Впереди шел Аленсон — биолог.

— Итак, — сказал генерал, — вы выяснили, что это такое?

— Подождите еще минутку. Я отрежу от нее кусочек, — зло ответил Аленсон.

— Ну а придумали вы какой-нибудь *научный* способ ее уничтожения?

— О, это было нетрудно, — сухо произнес Мориарти, физик-атомщик. — Заверните ее в абсолютный вакуум. И все будет в порядке. Или сдуньте с Земли — антигравитацией.

— Если же вы не можете этого сделать, — сказал Аленсон, — мы можем предложить вам попробовать ваши бомбы, только побыстрее.

— Таково мнение всей вашей группы? — спросил О'Доннел.

— Да.

Майкхилл подошел к ученым.

— Ему следовало сразу нас вызвать, — пожаловался Аленсон. — А теперь уже нет времени раздумывать.

— Вы пришли к какому-нибудь мнению о ее природе? — спросил Майкхилл.

— К самому общему, — сказал Мориарти, — и оно практически совпадает с вашим. «Пиявка» скорей всего космического происхождения. Во всяком случае мы должны радоваться, что она не упала в океан. Земля под нами была бы съедена раньше, чем мы поняли бы, в чем дело.

Заключение комиссии, состоявшей из одних ученых, было проверено комиссией, состоявшей из других ученых. На это ушло несколько дней. Затем Вашингтон захотел узнать, нет ли другого выхода и обязательно ли рвать атомные бомбы в центре штата Нью-Йорк. Потом надо было эвакуировать людей. На это тоже ушло время.

Наконец тупорылая ракета-разведчик взмыла над Нью-Йорком. Серовато-черное пятно, напоминающее гноящуюся рану, протянулось от Тихого озера до Элизабеттауна, покрыв долины Куин и Куин-Вэлли, краями выплескиваясь на гребни ближайших гор.

Первая бомба полетела вниз.

Ошеломляющий взрыв!

Все вокруг наполнилось пищей, но теперь появилась опасность пресытиться. Энергия лилась непрерывным потоком, пронизывала «пиявку» насквозь, сплющивала ее, и «пиявка» бешено росла. Она была еще слишком мала и быстро достигала предела насыщения. Но в перенапряженные клетки, наполненные до отказа, вливали еще и еще энергию.

Она устояла.

Следующие порции были восхитительны на вкус, и с ними она легко справилась. «Пиявка» росла, ела и снова росла.

О'Доннел отступил вместе со своей полностью деморализованной командой. Новый лагерь разбили в десяти милях от южного края «пиявки», в опустевшем городке. Теперь диаметр «пиявки» равнялся шестидесяти милям, а она все росла.

Двухсотмильная зона в округе была эвакуирована.

Генералу О'Доннелу разрешили использовать и водородные бомбы — при условии одобрения со стороны ученых.

— Почему они медлят? — кипел генерал. — «Пиявку» надо немедленно разнести вдребезги. Чего они крутят?

— Они боятся цепной реакции, — ответил Майкхилл. — Такая концентрация водородных бомб в состоянии вызвать ее в земной коре или атмосфере. Могут быть и другие неприятные последствия.

— Что же, они хотят, чтобы я организовал штыковую атаку? — презрительно проговорил О'Доннел.

Майкхилл вздохнул и уселся в кресло. Он был убежден, что вся затея в принципе порочна. Государственные эксперты шли по одному-единственному пути. Давление на них было столь велико, что нечего было и думать о поиске других путей, кроме применения силы. «Пиявке» же именно это и надо.

Майкхилл был уверен, что порой бороться огнем против огня — не лучший способ.

Огонь. Локи — скандинавский бог огня. И мошенников... Нет, ответ здесь вряд ли сыщешь. Но Майкхилл уже бродил мысленно по мифам разных народов, отвлекаясь от невыносимой действительности.

Вошел Аленсон, за ним еще шестеро.

— Итак, — сказал Аленсон, — есть отличная возможность расколоть нашу планету пополам.

— Война есть война, — коротко отрубил О'Доннел. — Итак, вперед?

И вдруг Майкхилл понял, что О'Доннела действительно не беспокоит, что будет с Землей. Багроволицего генерала волновало лишь то, что он устроит поистине небывалый взрыв, какого еще не устраивала рука человека.

— Не так быстро, — сказал Аленсон. — Пусть каждый выскажет свое собственное мнение.

— Помните, — прошипел генерал, — по вашим же собственным выкладкам «пиявка» прибавляет каждый час по двадцать футов.

— И скорость эта все время растет, — сказал Аленсон, — но решение, которое мы должны принять, слишком серьезно.

Майкхилл подумал о громах и молниях Зевса. Это сейчас как раз и необходимо. Или сила Геркулеса. Или...

От неожиданной мысли он выпрямился в кресле.

— Джентльмены, мне кажется, я могу предложить вам другое решение. Вы когда-нибудь слышали об Антее?

Чем больше она ела, тем быстрее росла, тем голоднее становилась. Многое теперь ожило в ее

памяти. Когда-то она съела планету. Потом направилась к ближайшей звезде и сожрала ее, насытив клетки энергией для дальнего путешествия. Но больше пищи поблизости не было, а следующая звезда горела безумно далеко.

Масса была превращена в энергию полета и растрачена на долгом пути.

Она стала безжизненной спорой, бесцельно летящей среди звезд.

Так было. Но только ли это было? Ей казалось, что она припоминает гораздо более ранние времена. Ей чудились вселенные той поры, когда они еще были равномерно наполнены звездами. Она прогрызала целые звездные коридоры, росла, разбухала. И звезды в ужасе шарахались в стороны, сбиваясь в испуганные галактики и созвездия.

Или ей все это приснилось?

Методично она пожирала Землю, удивляясь, куда же делась богатая, сытная пища. И вот пища снова была здесь, возле нее, но на этот раз сверху.

Она ждала, но мучительно притягивающая еда оставалась недосягаемой. О, как ясно она ощущала, насколько эта еда чиста и питательна.

Почему она не падает?

Наконец «пиявка» поднялась всей своей громадой и устремилась к ней сама.

Еда улетала от поверхности планеты. «Пиявка» последовала за ней.

Мучительно сладостный, дразнящий кусок улетал в космос, и она следовала за ним. Но в космосе она ощутила близость еще более богатого источника еды.

О'Доннел разносил ученым шампанское. Официальный обед должен состояться попозже, а пока необходимо отметить победу.

— Предлагаю выпить, — торжественно произнес генерал. Все подняли бокалы. Этого не сделал только лейтенант за пультом управления полетом ракеты. — За профессора Майкхилла, за то, что он придумал... как его, скажите-ка еще раз, Майкхилл.

— Антей. — Майкхилл медленно тянул шампанское, но чувства восторга не испытывал. — Антей, рожденный Геей, богиней Земли, от Посейдона, бога моря. Непобедимый богатырь. Каждый раз, когда Геркулес бросал его на Землю, он снова поднимался, полный новых сил. Пока Геркулес не оторвал его от матери.

Мориарти что-то бормотал себе под нос, быстро перебрасывая движок логарифмической линейки и что-то записывая. Аленсон молча пил, но и он выглядел не очень веселым.

— Поехали, что же вы нахохлились. — О'Доннел наливал еще и еще. — Потом досчитаете, бросьте. Сейчас надо выпить! — Он повернулся к оператору. — Как там дела?

Мысли Майкхилла вернулись к ракете. Снаряд с дистанционным управлением, до отказа набитый радиоактивными веществами. Он висел над «пиявкой», пока она не последовала за ним, поддавшись на приманку. Антей оторвался от матери-Земли и начал терять силы. Оператор так вел космический корабль, чтобы тот был все время поблизости от «пиявки», но в то же время она не могла им завладеть.

Корабль и «пиявка» летели навстречу Солнцу.

— Отлично, сэр, — отрапортовал оператор, — сейчас они уже внутри орбиты Меркурия.

— Господа, — сказал генерал, — я поклялся разнести эту штуку. Другим, более прямым способом, но это неважно. Главное — уничтожить. Разрушение иногда — священное дело. Сейчас это именно так, господа, и я счастлив.

— Поворачивайте корабль! — закричал вдруг Мориарти. Он был бледен как снег. — Поверните эту проклятую ракету!

Он потрясал перед их глазами листками с цифрами.

Цифры легко было разобрать. Скорость роста «пиявки». Скорость потребления ею энергии. Рост энергии, поступающей от Солнца, по мере приближения к нему.

— Она сожрет Солнце, — спокойно произнес Мориарти.

Комната превратилась в ад. Все шестеро одновременно пытались объяснить О'Доннелу, в чем дело. Потом Мориарти пытался один. И наконец Аленсон.

— Она так быстро растет, а скорость у нее такая маленькая и она поглощает так много энергии, что когда она доберется до Солнца, размеры позволят ей с ним справиться. Или, по крайней мере, расправиться, побыв некоторое время с ним рядом.

О'Доннел повернулся к оператору и скомандовал:

— Заверните их!

Все в напряженном ожидании застыли перед экраном радара.

Пища неожиданно свернула с ее пути и скользнула в сторону. Впереди был огромный источник еды, но до него еще далеко. Другая пища повисла совсем рядом, мучительно близко.

Ближайший или далекий?

Все тело требовало: сейчас, немедленно.

Она двинулась к ближайшей порции, прочь от Солнца. Солнце никуда не денется.

Раздался вздох облегчения. Опасность была слишком реальна.

— В какой части неба они сейчас находятся? — спросил О'Доннел.

— Думаю, я смогу вам показать, — ответил астроном. — Где-то вон в той части, — показал он рукой, подойдя к открытой двери.

— Превосходно. Лейтенант! — О'Доннел обернулся к оператору. — Давайте!

Ученые остолбенели от неожиданности. Оператор поколдовал над пультом, и капля начала догонять точку. Майкхилл двинулся было через комнату к пульту.

— Стоп! — рявкнул генерал, его командирский голос остановил антрополога. — Я знаю, что делаю. Корабль специально для этого выстроен.

Капля на экране догнала точку.

— Я поклялся уничтожить «пиявку», — сказал О'Доннел. — Мы никогда не будем в безопасности, пока она жива. — Он улыбнулся. — Не посмотреть ли нам на небо?

Генерал направился к дверям. Молча все последовали за ним.

— Нажмите кнопку, лейтенант!

Оператор выполнил приказ. Все молча ждали.

В небе повисла яркая звезда. Ее блеск рассеял ночь, она росла, потом стала медленно гаснуть.

— Что вы сделали? — выдохнул Майкхилл.

— В ракете были водородные бомбы, — торжествующе пояснил О'Доннел. — Ну как, есть там что-нибудь на экране, лейтенант?

— Ни пылинки, сэр.

— Господа, — сказал генерал, — я встретил врага и победил. Выпьем шампанского, господа, у нас есть повод!

Майкхилл неожиданно почувствовал приступ тошноты.

Она содрогнулась от страшного потока энергии. Нечего было и думать удержать такую дозу. Долю секунды ее клетки еще сопротивлялись, затем перенасытились и были разорваны.

Она была уничтожена, растерта в порошок, раздроблена на миллионы частиц, которые тут же дробились еще на миллионы других. На споры.

Миллиарды спор летели во все стороны. Миллиарды.

Они хотели есть.

ЗАПАХ МЫСЛИ

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почт-

---

Печатается по изд.: Шекли Р. Запах мысли: Шекли Р. Рассказы. Повести. — М.: Мол. гвардия, 1968 (БСФ, т. 16). Пер. изд.: Sheckley R. The Odour of Thought: The People Trap. New York, Dell, 1968

Copyright © 1966 by Robert Sheckley
© 1968 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

мейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приемника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскаленным добела шлаком. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать на карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что́ он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к тому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться,

размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза и уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом

снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волка большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль — ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось

существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг... Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере перестал думать на той длине волн, которую улавливал волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не ду-

мать о... думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолетах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от нее и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать — все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п... панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что солнце село, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он думал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной: чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается... однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился на небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое

кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов, денек может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи *можно* выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостом, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул ему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на ковром расстилающуюся землю.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычание волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, решил Кливи. Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому, намереваясь удовольствоваться остатками трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и есть *куст*. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был

уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он пытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убежден — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску.

Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь. Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз

вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

ВТОРОЙ РАЙ

В ожидании своего часа космическая станция вращалась вокруг планеты. Строго говоря, разум у нее отсутствовал ввиду его полной ненадобности, однако она все же обладала некоторым сознанием и определенными свойствами и реакциями.

Предназначение этой хитроумной машины было запечатлено в металле конструкций и электронных схемах, а может, в машине даже сохранялись какие-то эмоции, заложенные ее создателем, — дикие надежды, страхи и безумная гонка, ограниченная временем.

Но надежды оказались напрасными, поскольку гонка была проиграна, и теперь огромная конструкция облетала поверхность планеты, оставшись незавершенной, а ныне и вовсе бесполезная.

И все-таки она обладала некоторым сознанием и определенными свойствами и реакциями. Она была хитроумна и знала, что ей необходимо. А потому машина обследовала окружающее пространство в поисках отсутствующих компонентов.

В созвездии Волопаса пилот вывел корабль к небольшому вишнево-красному солнцу и, совершив разворот, увидел, что одна из планет этой системы имеет редко встречающийся прекрасный зелено-голубой цвет, как у Земли.

Пер. изд.: Sheckley R. Paradise-2: Notions: Unlimited. New York, Bantam, 1960

Copyright © 1960 by Robert Sheckley
© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

— Погляди на нее! — дрожащим от волнения голосом воскликнул Флеминг, отворачиваясь от пульта управления. — Планета земного типа! Земного, правда, Говард? Мы на ней разбогатеем!

Низкорослый и лысый Говард, с брюшком, формой и размерами напоминавшим арбуз, неторопливо выбрался из корабельного камбуза, жуя на ходу авокадо. Он был сердит. Ведь его оторвали от важнейшего дела — приготовления обеда. Говард считал приготовление пищи искусством, и если бы он не был бизнесменом, то стал бы шеф-поваром. Они с Флемингом прекрасно питались во всех полетах, поскольку Говард имел особый подход к жареным цыплятам, готовил жаркое Говарда под соусом Говарда и особенно отличался в умении подавать салат Говарда.

— Она *может быть* земного типа, — заметил он, спокойно посмотрев на зелено-голубую планету.

— Не может, а именно земного, — уверенно заявил юный Флеминг, обладающий энтузиазмом намного большим, чем позволительно иметь человеку в космосе.

Несмотря на его худобу, ничуть не исчезавшую вопреки стараниям Говарда, и в беспорядке спадающие на лоб рыжие волосы, Говард терпимо относился к нему, и не только потому, что Флеминг имел особый подход к кораблям и двигателям, главное — он имел деловую хватку. А деловая хватка в космосе являлась наиважнейшей необходимостью, где оценивалась в кругленькую сумму порой только за то, чтобы корабль взлетел.

— Лишь бы она не была обитаема, — молил Флеминг, проявляя тем самым свой энтузиазм и деловой подход. — Тогда она будет целиком наша. *Наша*, Говард! Планета земного типа! О Господи! Да только одну недвижимость и ту уже можно продать за целое состояние, не говоря уж о правах на разработку полезных ископаемых, на дозаправку звездолетов и всех прочих.

Говард проглотил последний кусок авокадо. Молодому Флемингу предстоит еще многому научиться. Поиск и продажа планет — абсолютно такое же

дело, как выращивание и продажа апельсинов. Ну не совсем, конечно, такое же: апельсины неопасны, а планеты порой — да. И апельсины не приносят огромных доходов, тогда как с хорошей планеты можно сорвать большой куш.

— Сядем на нашу планету прямо сейчас? — нетерпеливо спросил Флеминг.

— Обязательно, — согласился Говард. — Только... вон та космическая станция прямо по курсу почему-то наводит меня на мысль, что местные обитатели могут считать ее *своей* планетой.

Флеминг присмотрелся. И верно — прежде скрытая диском планеты в поле видимости выплыла космическая станция.

— О черт, — выругался Флеминг, и его вытянутое веснушчатое лицо скривилось в недовольной гримасе. — Значит, она населена. Слушай, а может, мы...

Он не закончил фразу и выразительно посмотрел на пульт управления боезарядами.

— Хм... — По внешнему виду станции Говард приблизительно оценил уровень технологии ее создания, потом глянул на планету и с сожалением покачал головой. — Нет, не выйдет.

— Ладно, — произнес Флеминг, — по крайней мере, у нас первые права на торговлю.

Он снова выглянул в иллюминатор и схватил Говарда за руку.

— Посмотри-ка на станцию!

На серой металлической сфере одна за другой замигали яркие вспышки.

— Что, по-твоему, это означает? — спросил Флеминг.

— Понятия не имею, — отозвался Говард. — И вряд ли мы с тобой это узнаем. С таким же успехом ты можешь прямо садиться на планету — если никто, конечно, не попытается тебя остановить.

Флеминг кивнул и переключил пульт управления в ручной режим. В течение нескольких секунд Говард с интересом наблюдал за ним.

На панели управления располагалось множество шкал, переключателей и измерителей, сделанных из металла, пластика и кварца, а по другую сторону

пульта находился Флеминг — из плоти, крови и костей. Казалось невозможным, что между ними может существовать какое-то родство, за исключением, может, самого поверхностного и незначительного. Однако Флеминг как бы слился с пультом управления в единое целое: его глаза сканировали шкалы с механической точностью, пальцы стали продолжением переключателей, и казалось, что металл под его руками делается податливым и подчиняется любому его желанию. Кварцевые шкалы мерцали красным светом, и глаза Флеминга тоже приобрели красноватый оттенок, причем явно не совсем за счет отражения света шкал.

Как только корабль вышел на спираль тормозной орбиты, Говард уютно расположился на камбузе. Он прикинул расходы на питание и топливо плюс амортизационный износ корабля, затем для надежности увеличил полученный результат на треть и занес итоговую сумму в приходно-расходную книгу. Мало ли что, а вдруг в дальнейшем пригодится для расчета подоходного налога.

Они совершили посадку на окраине города и стали поджидать местных представителей таможенной службы. Никто не приходил. Они провели стандартный набор анализов проб воздуха на химический состав и содержание микроорганизмов и продолжали ждать. Но и тогда никто не появился. Прождав полдня, Флеминг раздраил люк, и они с Говардом отправились в город.

Первые скелеты, валявшиеся на разбитой бетонной дороге, привели их в замешательство. Это выглядело так неопрятно. Какой же цивилизованный народ оставляет скелеты на дорогах? Почему их никто не убрал?

Однако население города состояло из одних скелетов — тысяч, миллионов скелетов, заполнивших разрушенные театры, валявшихся в переходах пыльных магазинов, разбросанных вдоль изрешеченных пулями улиц.

— Должно быть, шла война, — заметил Флеминг весело.

В центре города напарники обнаружили смотровой плац, где прямо на траве лежали скелеты в форме. Трибуны были завалены скелетами чиновников, офицеров, жен и родителей. А за трибунами лежали скелеты детей, пробравшихся поглазеть на зрелище.

— Точно, война, — кивнув, заявил Флеминг. — Эти проиграли.

— Очевидно, — согласился Говард. — А кто выиграл?

— Что?

— Где же победители?

В этот момент над их головами пролетела космическая станция, отбросив тень на безмолвные шеренги скелетов. Оба человека с тревогой проводили ее взглядом.

— Полагаешь, погибли все? — с надеждой спросил Флеминг.

— Думаю, нам и следует это выяснить.

Они направились к своему кораблю. Явно в приподнятом настроении Флеминг начал насвистывать и ногами отпихивать с дороги кучки костей.

— Мы нашли клад, — улыбаясь Говарду, проговорил он.

— Пока еще нет, — поосторожничал тот. — Еще могут остаться уцелевшие... — Но, перехватив взгляд Флеминга, тоже улыбнулся. — Вот уж *воистину удачная* поездка.

Облет планеты не занял много времени. Зелено-голубой шар оказался разрушенной могилой. На каждом континенте небольшие города населяли десятки тысяч костей их прежних обитателей, каждый крупный город — миллионы. Горы и равнины были усеяны скелетами. Скелеты везде — и в озерах, и в лесах, и в джунглях.

— Какой беспорядок! — завершая облет планеты, заметил Флеминг. — Как считаешь, сколько же их здесь жило?

— Примерно девять миллиардов плюс-минус миллиард, — ответил Говард.

— И что же, по-твоему, произошло?

Говард невесело улыбнулся.

— Существует три классических способа массового самоуничтожения. Первый — заражение атмосферы ядовитыми газами; второй, близкий к первому, — радиоактивное заражение, вдобавок уничтожающее и растительную жизнь; и наконец, лабораторные штаммы бактерий, созданные исключительно с целью массового поражения. Если они выйдут из-под контроля, то могут уничтожить всех на планете.

— Считаешь, здесь произошло именно последнее? — с живым интересом спросил Флеминг.

— Да, — подтвердил Говард и, потерев рукой яблоко, откусил от него здоровый кусок. — Я, конечно, не патолог, но отметины на костях...

— Бактерии? — Флеминг невольно закашлялся. — А ты не думаешь...

— Ты бы уже умер, если бы они до сих пор проявляли активность. Судя по эрозии костей, это случилось несколько столетий назад. Бактерии тоже погибли, на счастье человеку, выступающему для них в качестве носителя.

Флеминг выразительно тряхнул головой.

— Прямо как по заказу! Жаль, конечно, людей — военные там судьбы и все такое прочее... но планета действительно *наша*! — Он окинул взглядом простирающиеся под ними зеленые поля. — Как мы ее назовем, Говард?

Говард посмотрел на поля и дикие заросшие пастбища, окаймлявшие бетонные дороги.

— Мы можем назвать ее «Второй Рай», — предложил он. — Для фермеров она станет настоящей небесной благодатью.

— Второй Рай! Здорово! — согласился Флеминг. — Считаю, нам следует нанять бригаду для уборки скелетов. А то уж больно странно все это выглядит.

— Мы наймем ее после...

Над ними снова пролетела космическая станция.

— Огни! — воскликнул вдруг Говард.

— Огни? — Флеминг уставился на удаляющуюся сферу.

— Когда мы подлетели. Помнишь? Вспышки света?

— Верно, — припомнил Флеминг. — Ты полагаешь, на станции кто-то есть?

— Мы должны это выяснить немедленно, — мрачно произнес Говард и откусил от яблока еще раз, когда Флеминг развернул корабль.

Подлетев к космической станции, первое, что они увидели, был другой космический корабль, прицепившийся к полированной металлической поверхности сферы как паук к паутине. В небольшом — раза в три меньше их собственного — корабле один из люков оказался приоткрытым.

Одетые в скафандры и шлемы напарники остановились у приоткрытого люка. Промерив рукой вход, Флеминг распахнул люк настежь. Оба с любопытством направили лучи своих фонариков внутрь, пригляделись — и резко отпрянули. Однако Говард почти сразу подошел снова, а Флеминг полез внутрь чужого корабля.

Там находилось человеческое тело, наполовину выпавшее из кресла пилота и навечно застывшее в таком неустойчивом положении. На лице пилота оставалось достаточно плоти, запечатлевшей выражение предсмертной агонии, однако все лицо было испещрено следами какой-то болезни, проевшей кожу до костей.

На корме корабля громоздились штабеля деревянных ящиков. Флеминг оторвал крышку одного из них и направил внутрь луч фонарика.

— Продукты, — заключил Говард.

— Должно быть, пытался спрятаться на станции, — предположил Флеминг.

— Похоже на то. Однако ему не удалось.

Они покидали корабль с чувством отвращения. Скелеты не производили такого впечатления, они существовали самостоятельно, замкнутыми друг на друга. Но этот труп представлял собой слишком выразительную смерть.

— Так кто же зажег огни? — поинтересовался Флеминг, снова оказавшись на поверхности станции.

— А может, они работают в автоматическом режиме? — с сомнением предположил Говард. — Тогда необязательно, что там кто-то уцелел.

Они прошлись по поверхности станции и обнаружили вход.

— Зайдем? — предложил Флеминг.

— К чему лишние хлопоты? — быстро возразил Говард. — Раса мертва. И мы вполне можем вернуться на Землю и подать заявку на планету.

— Если выжил хотя бы один, — напомнил Флеминг, — то по закону планета принадлежит ему.

Говард нехотя кивнул. Было бы слишком неприятно проделать дорогостоящее путешествие до Земли, вернуться с подготовительной бригадой и обнаружить, что некто устроил себе на космической станции уютное жилище. Вот если бы уцелевшие притаились на планете, тогда по закону заявка оставалась бы действительной. Но человек на космической станции, которую они поленились осмотреть...

— Полагаю, мы просто обязаны войти, — заявил Говард и распахнул люк.

Внутри царила кромешная темнота. Говард навел свой фонарик на Флеминга. В желтом свете луча лицо напарника было полностью лишено теней и напоминало слепок примитивной маски. Говард зажмурился, немного напуганный увиденным, ибо в тот момент в лице Флеминга отсутствовали признаки индивидуальности.

— Воздух годен для дыхания, — сообщил Флеминг, мгновенно обретая пропавшую было индивидуальность.

Говард откинул шлем на спину и посветил фонариком вверх. Ему показалось, что массивные стальные стены давят на него. Он пошарил в кармане, отыскал редиску и для поддержания духа отправил ее в рот.

Напарники двинулись дальше.

В течение получаса они продвигались вдоль узкого извилистого коридора, рассекая лучами фонариков тьму впереди. Металлический пол, поначалу казавшийся таким прочным, начал скрипеть и стонать от скрытых напряжений, что довело Говарда до белого каления и нисколько не трогало Флеминга, судя по его виду.

— Скорее всего, это бомбометательная станция, — предположил спустя какое-то время Флеминг.

— Я тоже так считаю.

— Тонны металла, — пнув одну из стен, заявил Флеминг. — Наверное, придется продать его на металлолом, если, конечно, не удастся сохранить что-либо из оборудования.

— Цена металлолома... — начал Говард, но в это мгновение под Флемингом открылся люк.

Флеминг провалился так быстро, что даже не успел вскрикнуть. Крышка люка встала на место.

Говард отшатнулся словно от удара. Луч фонарика на миг вспыхнул и погас. Взмахнув руками, Говард замер, не успевая привести в порядок бешеную скачку мыслей. Волна шока медленно отступила, оставив Говарду тупую тяжесть в голове.

— ...сейчас не особенно высока, — закончил он лишенную смысла фразу, все еще не веря тому, что случилось.

Приблизившись к люку, он позвал: «Флеминг!»

Никакого ответа. По телу Говарда пробежали мурашки. Изо всей мочи он заорал: «Флеминг!» Потом выпрямился. Голова болезненно гудела. Говард глубоко вздохнул, развернулся и направился к выходу, стараясь ни о чем не думать.

Однако выхода не оказалось — оплавленные края захлопнувшегося люка еще хранили тепло. Говард с большим интересом исследовал его, щупая, толкая и пиная. Однако после безрезультатных попыток вскоре ощутил давившую на него тьму. Говарда охватило смятение, на лице выступили капельки пота.

— Кто здесь? — крикнул он в глубину темного коридора. — Флеминг! Ты меня слышишь?

Никакого ответа.

И тогда Говард завопил:

— Кто это сделал? Зачем на станции загорались огни? Что вы сделали с Флемингом? — Помолчал несколько секунд, прислушиваясь, и всхлипнул: — Откройте! Я уйду и никому не скажу!

Еще немного подождал, направив луч фонарика в коридор, стараясь угадать, что скрывается во тьме, и наконец крикнул:

— Почему вы не открыли пол подо мной?

И тяжело дыша улегся у стены. Однако люк не открылся. Может, — подумал он, — люк открывается не автоматически? Эта мысль прибавила ему храбрости. Он сурово сказал себе, что здесь должен быть другой выход. И снова пошел по коридору.

Спустя час он все еще шел, освещая себе путь фонариком и оставляя за спиной давящую тьму. Он полностью взял себя в руки, и даже головная боль утихла. Говард опять обрел способность рассуждать.

Огни могли зажигаться автоматически, люк тоже, возможно, автоматизирован, а самозадраивающийся вход мог быть простой мерой предосторожности в военное время, чтобы на станцию не проник ни один вражеский агент.

Говард сознавал, что подобные рассуждения не слишком удачны, но лучшего придумать просто не сумел. Ситуация была просто необъяснима. Труп в корабле, мертвая планета... между ними есть какая-то связь. Но какая?

— Говард! — окликнул его чей-то голос.

Он импульсивно отпрыгнул назад, словно случайно коснулся головой провода под высоким напряжением. Головная боль мгновенно возобновилась с новой силой.

— Это я, — сказал голос. — Флеминг.

Говард суматошно светил во все стороны.

— Где? Где ты?

— Примерно футах в двухстах ниже, чем ты, насколько могу это определить, — сказал Флеминг. Его голос хрипло разносился по коридору. — Система передачи звука не очень хороша, но это самое лучшее, чего мне удалось добиться.

Ноги отказывались держать Говарда, и он опустился на пол, испытывая огромное облегчение. Было что-то нормальное в том, что Флеминг находился двумястами футами ниже, и что-то очень человеческое и понятное в несовершенстве звукопередачи.

— Я могу тебя вытащить? Как тебе помочь?

— Никак, — отозвался Флеминг. Его слова сопровождались треском разрядов статического электричества, которое Говард принял за довольное хихика-

нье. — Похоже, у меня осталось не так уж много тела.

— И где же твое тело? — серьезно поинтересовался Говард.

— Пропало. Разбилось при падении. Но от меня осталось достаточно, чтобы включить в электронную схему.

— Понимаю, — произнес Говард, ощутив необыкновенное просветление в мыслях. — Теперь ты просто мозг, чистый разум.

— Ну, не совсем, чуть побольше, — возразил Флеминг. — Меня как раз столько, сколько требуется машине.

Говард нервно хихикнул, представив себе серый мозг Флеминга, плавающий в емкости с прозрачной жидкостью. Выкинув из головы этот бред, он спросил:

— Машине? Какой машине?

— Космической станции. Думаю, это самая сложная машина из когда-либо созданных.

— Но для чего?

— Надеюсь вскоре выяснить, — сказал Флеминг. — Теперь я ее часть. Или, возможно, она часть меня. Так или иначе, но я ей необходим, потому что она недостаточно разумна. А я ее подпитываю.

— Ты? Но ведь машина не могла знать, что ты вдруг здесь объявишься.

— Я не имею в виду конкретно себя. Человек извне, ну тот, что на корабле, был, вероятно, истинным оператором. А теперь им стал я. Мы завершили план конструкторов.

Говард с усилием заставил себя успокоиться. Мысли путались, и теперь его интересовало лишь одно: как постараться убраться со станции и вернуться на корабль. А уж после он посотрудничает и с Флемингом. Но новый, непредсказуемый Флеминг... Говорил-то он вполне по-человечески... но вот остался ли человеком?

— Флеминг, — решил попробовать Говард.

— Да, старик?

Это обнадеживало.

— А ты сможешь вывести меня отсюда?

— Думаю, да, — сказал голос Флеминга. — Постараюсь.

— Я вернусь сюда с нейрохирургами, — заверил его Говард. — Тебя приведут в порядок.

— Не беспокойся за меня, — ответил Флеминг. — Я и сейчас в порядке.

Говард потерял счет времени. Один узкий коридор переходил в другой и растворялся в следующем коридоре. У Говарда от усталости подгибались ноги. Правда, пока он шел, он ел. В рюкзаке он запас себе бутербродов и теперь машинально жевал их для поддержания сил.

— Флеминг, — наконец останавливаясь передохнуть, позвал он.

После долгой паузы он услышал едва узнаваемый звук, напоминающий скрежет металла о металл.

— Сколько еще ждать?

— Недолго, — произнес искаженный металлический голос. — Устал?

— Да.

— Сделаю что смогу.

Голос Флеминга пугал, но тишина пугала еще сильнее. Сколько Говард не прислушивался, он слышал лишь гул двигателей, доносящийся из глубины станции.

— Флеминг?

— Да.

— Что все это значит? Это бомбометательная станция?

— Пока еще не понял истинного назначения машины. Я еще не до конца слился с ней в единое целое.

— Но у нее есть назначение?

— Да! — Металлический голос проскрипел так громко, что Говард вздрогнул. — Я владею прекраснейшим функциональным аппаратом соединений. В температурном режиме лишь я способен колебаться в пределах сотен градусов в микросекунду, не говоря уж о запасах химически смешивающихся веществ,

источниках энергии и всем прочем. Я овладеваю своим назначением.

Ответ Говарду не понравился. Он прозвучал так, будто Флеминг идентифицировал себя с машиной, соединив свою личность с космической станцией. Говард с усилием спросил:

— Тебе разве не известна ее цель?

— Отсутствует жизненно важный компонент, — после паузы ответил Флеминг. — Необходима матрица. И кроме того, я еще не полностью овладел контролем.

К жизни начали пробуждаться дополнительные силовые установки, и стены с гудением завибрировали. Говард почувствовал, как под ним дребезжит пол. Казалось, станция пробуждается, напрягается, собирает воедино весь свой разум.

Говард чувствовал себя человеком, попавшим в брюхо морского чудища.

Говард ходил еще несколько часов, оставляя за собой яблочные огрызки, апельсиновую кожуру, кусочки жира, пустые упаковочные коробки и обрывки оберточного пергамента. Теперь он жевал не переставая, ощущая постоянный назойливый голод. Пока он ел, чувствовал себя в безопасности, ибо еда являлась принадлежностью родного космического корабля, Земли, в конце концов.

Внезапно стенная переборка отъехала в сторону. Говард отодвинулся.

— Входи, — сказал голос, который он попытался идентифицировать с голосом Флеминга.

— Зачем? Что это? — Говард посветил фонариком в открывшийся проем и увидел непрерывно движущуюся ленту пола, исчезающую во тьме.

— Ты устал, — произнес флемингоподобный голос. — Этот путь быстрее.

Говард хотел бежать, но было некуда. Придется довериться Флемингу и храбро встретить темноту по ту сторону луча от фонарика.

— Входи.

Говард покорно вошел и уселся на движущуюся ленту пола. Впереди была видна лишь тьма. Тогда он лег.

— Ты не знаешь, для чего нужна станция? — поинтересовался он у темноты.

— Уже скоро, — ответил голос. — Как бы не хотелось обмануть их ожиданий!

Говард не посмел спросить, чьих ожиданий не хотел обмануть Флеминг. Он закрыл глаза и позволил темноте поглотить себя.

Поездка длилась долго. Сжав в руке фонарик, Говард направил его вверх, и луч света отразился от полированного металлического потолка. Говард машинально жевал бисквит, не чувствуя вкуса и едва сознавая, что́ во рту. Ему казалось, что машина говорит, но на языке, который он не способен понять. Он слышал протестующий скрежет движущихся частей, трущихся друг о друга. Затем откуда-то прыснула струйка жидкой смазки, и умиротворенные детали притихли, движение стало мягче. Двигатели запищали и запротестовали, поколебались немного, чихнули и ровно загудели, с удовольствием возвращаясь к жизни. То и дело сквозь другие звуки прорывалось клацанье электронных цепей, перенастраивающихся и приводящих себя в порядок.

Но что все это означает? Лежащий на спине с закрытыми глазами Говард не имел ни малейшего представления об этом. Единственным соприкосновением с реальностью был для него бисквит. Но как только тот будет прожеван и проглочен, останется лишь один кошмар.

Говард видел марширующие по планете скелеты, миллиарды безмолвных шеренг строем проходили через опустевшие города, почерневшие поля и уходили в космос. Они прошагали мимо мертвого пилота в маленьком корабле, и труп проводил их завистливым взглядом. Позвольте мне присоединиться к вам, умолял он, но скелеты с сожалением качали черепами — пилот не освободился от бремени плоти. А когда плоть отстанет, когда он освободится от этого бремени, упрашивал труп, но скелеты лишь качали черепами. Когда же? Когда машина будет готова,

когда определит свое назначение. Тогда миллиарды скелетов получат освобождение, а труп избавится от своей плоти. Обезображенными губами труп умолял их взять его сейчас, но скелеты осознавали лишь его плоть, а плоть не могла оставить груды ящиков с продуктами на корабле. Печальные скелеты промаршировали мимо, а пилот остался ждать, пока не исчезнет его плоть.

— Да!

Говард мгновенно очнулся и осмотрелся. Ни скелетов, ни трупа. Вокруг лишь одни стальные стены машины. Он засунул руку в карман, но все съестное было уже съедено. Пальцы нащупали какие-то крошки, и Говард положил их на язык.

— Да!

Он слышит голос.

— Что это? — спросил он.

— Я знаю! — торжественно объявил голос.

— Знаешь? Что?

— Свое предназначение!

Говард вскочил, размахивая во все стороны фонариком. Отзвук металлического голоса эхом отдавался вокруг него, и Говарда переполнил необъяснимый страх. Вдруг оказалось ужасным, что машина узнала свое назначение.

— Так каково же оно? — очень тихо спросил он.

В ответ вспыхнули ослепительные огни, мгновенно поглотив слабый свет фонарика. Говард зажмурился, отступил на шаг, едва при этом не упав.

Движущаяся лента остановилась. Говард открыл глаза и обнаружил, что находится в большом, ярко освещенном помещении. Осмотревшись, он заметил, что оно полностью облицовано зеркалами. На него смотрели сотни Говардов. Он оглянулся назад. И посмотрел кругом.

Выхода не было. Однако отражения Говарда не вертелись во все стороны. Они стояли неподвижно.

Говард поднял правую руку. Остальные никак не отреагировали. Это были не зеркала.

Сотни Говардов двинулись к центру зала. Они неустойчиво держались на ногах, а в их пустых глазах не светилось ни единой капли разума. Оригинал

Говарда изумленно открыл рот и направил на двойников фонарик. Фонарик грохнулся на пол.

Одновременно с этим в мозгу Говарда сформировалась мысль. Так вот в чем предназначение машины! Ее создатели предвидели гибель своей расы. Поэтому они сконструировали космическую станцию. Ее цель — воспроизводство людей для восстановления населения планеты. Разумеется, она нуждалась в операторе, но истинный оператор так и не добрался до нее. И естественная нужда в матрице...

Однако прототипы Говарда явно лишены разума. Они бессмысленно кружили по залу, едва способные контролировать движение конечностей. И тут оригинал Говарда вдруг обнаружил, что он сам ужасно неправилен.

Но тут раздвинулся потолок, и сверху опустились огромные крючья. Сверкающие ножи, от которых шел пар, заскользили вниз. Раздвинулись и стены, открыв взору гигантские колеса и шестерни, пышущие жаром печи и заиндевевшие белые поверхности. Все больше и больше Говардов шагало в зал, а огромные ножи и крючья впивались в их тела, подтаскивая братьев Говарда к раскрывшимся стенам.

Ни один из них не закричал, за исключением оригинала.

— Флеминг! — завопил оригинал. — Не меня! *Не меня*, Флеминг!

Теперь все стало на свои места и сложилось в единое целое: и космическая станция, построенная во время, когда на планете шла война, и оператор, который добрался до машины только затем, чтобы умереть, и который так и не сумел в нее войти, и тот запас пищи, которую он как оператор никогда бы не смог съесть...

Конечно! Население планеты насчитывало девять или десять миллиардов! До этой последней войны их довел всеобщий голод. И все время создатели машины боролись со временем и болезнью, пытаясь сохранить свою расу...

Но разве Флеминг не видел, что он, Говард, не та матрица?

Флеминг-машина не видел, и для Говарда были созданы все необходимые и требуемые условия. Последним, что увидел Говард, было лезвие ножа, сверкнувшего над ним.

А Флеминг-машина продолжал обрабатывать Говардов, резать их на ломтики, подвергать глубокой заморозке и аккуратно паковать в огромные штабеля жареных Говардов, печеных Говардов, Говардов под соусом, Говардов трехминутного приготовления, Говардов с корочкой, плова из Говарда и — особенно — салатов с Говардом.

Пищевоспроизводящий процесс увенчался успехом! Войну можно кончать, пищи теперь хватит на всех. Пища! Пища! Еда для умирающих от голода обитателей Второго Рая!

НЕ БАБАХАЕТ!

Что это? Хрустнул сучок? Диксон обернулся, и ему почудилось, будто какая-то темная тень растаяла в подлеске. Он мгновенно похолодел и напряг зрение, вглядываясь в чащу зеленых стволов. Там была полнейшая, выжидательная тишина. Высоко над головой в восходящем потоке парил стервятник, обозревая выжженный солнцем пейзаж. Птица ждала, птица надеялась...

Из подлеска до Диксона донеслось тихое нетерпеливое покашливание.

Теперь он знал наверняка, что его преследуют. Раньше это было только предположение. Но оказалось, что смутные, почти призрачные тени принадлежали реальности. Они не трогали Диксона, пока он шел к сигнальной станции, только наблюдали, только взвешивали возможности. Теперь они приготовились что-то предпринять.

Диксон вытащил Оружие из кобуры, проверил предохранители, снова засунул его в кобуру и двинулся дальше.

Он опять услышал покашливание. Кто-то упорно шел по его следу, возможно, выжидая, когда он покинет кустарник и войдет в лес. Диксон усмехнулся.

Ничто не могло причинить ему вред. У него было Оружие.

Печатается по изд.: Шекли Р. Не бабахает!: Сборник НФ. Вып. 33. — М.: Знание, 1990. Пер. изд.: The Gun Without a Bang: Store of Infinity. New York, Bantam, 1960

Copyright © 1957 by Robert Sheckley
© 1990 В. Бабенко, перевод на русский язык

Не будь Оружия, он ни за что не рискнул бы столь далеко уйти от корабля. Да и кому пришло бы в голову вот так запросто разгуливать по чужой планете? Только Диксон мог себе это позволить. На бедре он ощущал приятную тяжесть Оружия, которое означало конец всякому оружию вообще и было полнейшей гарантией защиты от всего, что бегало, ползало, летало или плавало.

Это было последнее слово огнестрельной техники и окончательное слово в производстве личного оружия.

Это было Оружие.

Он снова обернулся. Позади — менее чем в пятидесяти ярдах от него — обнаружились три зверя.

На расстоянии они напоминали собак или гиен. Они покашливали и медленно двигались вперед.

Диксон дотронулся до Оружия, но не решился сразу пустить его в дело. Впереди еще уйма времени, пока звери приблизятся.

Альфред Диксон был небольшого роста, с очень широкой грудной клеткой и развитыми плечами. Волосы были светло-пегие, и он носил светлые усы, кончики которых закручивал кверху. Эти усы придавали его загорелому лицу откровенно свирепое выражение.

Его естественной средой на Земле были бары и таверны. Всегда одетый в полевую пятнистую форму цвета хаки, он мог заказывать напитки громким воинственным голосом и сверлить собутыльников взглядом узких глазок, отливавших синевой оружейной стали. Он любил объяснять пьянчужкам — говоря с ними несколько высокомерным тоном — разницу между иглометом Сайкса и кольтом калибра три целых, между марсианским рогатым проказушником и венерианской подонкой, и что делать, когда в густом кустарнике вас атакует раннареиский рогогтанк, и как отразить нападение крылатых сверкунов.

Некоторые считали Диксона трепачом, но они были достаточно благоразумны, чтобы не произносить этого слова вслух. Иные держали его за порядочного человека, хотя и с непомерным самомнением. «Он

просто чересчур самонадеян, — говорили они. — Смерть или увечье исправят этот недостаток».

Диксон исповедовал безграничную веру в личное оружие. По его представлениям, завоевание Американского Запада было всего-навсего соперничеством между луком со стрелами и кольтом сорок четвертого калибра. Завоевание Африки? Копье против винтовки. Марса? Кольт калибра три целых против вертоножа. Водородные бомбы стирали в порошок города, но потом именно одиночки, вооруженные личным огнестрельным оружием, завоевывали территорию. Надо ли тратить время на поиски туманных доводов экономического, философского или политического характера, когда все настолько просто?

И разумеется, Диксон испытывал бесконечное доверие к Оружию.

Оглянувшись назад, он увидел, что к трем первым собакоподобным тварям присоединилось еще с полдесятка. Они шли теперь в открытую, вывалив языки. Дистанция медленно сокращалась.

Диксон решил еще немного повременить со стрельбой. Тем сокрушительнее будет эффект.

В свое время он перепробовал много разных занятий: был геологоразведчиком, охотником, золотоискателем, старателем на астероидах. Удача то и дело ускользала от него. Другие постоянно умудрялись то обнаружить затерянный город, то подстрелить редкого зверя, то наткнуться на рудоносный ручей. Диксон весело принимал удары судьбы. «Черт, сплошные неудачи! — думал он. — Но что тут поделаешь?» Теперь он служил радиотехником — проверял автоматические сигнальные станции, разбросанные на добром десятке необитаемых миров.

Но что гораздо важнее — он первым испытывал в полевых условиях наиновейшее огнестрельное оружие. Изобретатели этой системы надеялись, что их Оружие пойдет в серию.

Диксон тоже надеялся на серию — на серию удач.

Он добрался до опушки тропического леса. Его корабль стоял всего в двух милях впереди — на небольшой прогалине. Едва ступив под мрачный полог леса, Диксон тут же услышал возбужденный писк

древесных обитателей. Окрашенные в оранжевые и синие цвета, они пристально наблюдали за ним с верхушек деревьев.

«Нет, в этих краях явно есть что-то африканское», — решил Диксон. Он надеялся повстречать какую-нибудь крупную дичь и добыть приличные трофеи — голову, а то и две. Бегущие за ним следом дикие собаки приблизились уже на двадцать ярдов. Коричнево-серые по окраске, размером с терьеров, челюсти — точь-в-точь как у гиен. Несколько собак отбежали в подлесок и припустили со всех ног, стремясь отсечь ему путь впереди.

Настало время продемонстрировать Оружие.

Диксон извлек его из кобуры. Оружие было выполнено в форме пистолета и весило немало. К тому же у него была отвратительная балансировка. Конструкторы обещали в следующих моделях уменьшить вес и сместить центр тяжести. Но Диксону Оружие нравилось и в этом виде. Он полюбовался им несколько секунд, затем, щелкнув, снял с предохранителя и перевел рычажок на стрельбу одиночными выстрелами.

Стая, кашляя и рыча, скачками бросилась к нему. Диксон небрежно прицелился и выстрелил.

Оружие тихо гуднуло. Стометровый кусок леса попросту исчез.

Диксон пустил в ход первый в мире дезинтегратор.

Луч вылетал из дульного отверстия диаметром менее дюйма, а в максимуме диаметр рассеивания составлял двенадцать футов. В лесу обрисовался конус, который вершиной примыкал к телу Диксона на уровне талии и простирался в длину на сто ярдов. Внутри конуса не осталось ровным счетом ничего. Деревья, насекомые, растения, кустарники, дикие собаки, бабочки... все исчезло. Свисавшие сверху ветви, которые попали в зону поражения, выглядели так, словно их срезало гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что луч накрыл по меньшей мере семь диких собак. Семь зверюг — одним полусекундным импульсом! Никаких проблем с упреждением или с траекторными ошибками, что присущи пулевому оружию. Нет нужды в перезарядке, ибо

ресурс мощности Оружия рассчитан на восемнадцать часов непрерывного действия.

Идеальное оружие!

Диксон повернулся и пошел вперед, засовывая тяжелый «пистолет» в кобуру.

В чаще воцарилось молчание. Лесные жители обдумывали приобретенный опыт. Через несколько мгновений они уже оправились от изумления. Синие и оранжевые древесники заскакали по кронам, раскачиваясь на ветвях. Высоко над головой медленно парил стервятник, к нему спешили присоединиться другие чернокрылые птицы, появившиеся точками далеко-далеко в небе. А в подлеске кашляли дикие собаки.

Они еще не сдались. Диксон слышал издаваемые ими звуки, доносившиеся из густой листвы справа и слева от него. Собаки быстро перебегали с места на место, оставаясь вне его поля зрения.

Диксон вытащил Оружие, недоумевая: неужели они осмелятся на новую попытку? Собаки осмелились.

Пятнистая серая псина вылетела из кустарника прямехонько за его спиной. Коротко прогудело Оружие. Собака исчезла, не закончив прыжка, и деревья легонько вздрогнули — это воздух схлопнулся там, где только что внезапно возник вакуум.

На Диксона накинулась еще одна собака, он, слегка нахмурив брови, дезинтегрировал и ее. Этих зверюг не назовешь безмозглыми. Почему же они не могли усвоить очевидное — тот простой факт, что против него и его Оружия устоять невозможно? Живые существа по всей Галактике сразу усваивали урок: вооруженного человека следует бояться. Почему же эти собаки оказались столь невосприимчивыми?

Три собаки без предупреждения одновременно прыгнули с разных сторон. Диксон перебросил рычажок на автоматический огонь и скосил зверюг плавным жестом умелого косаря. Пыль взметнулась и вспыхнула искрами, заполняя вакуум.

Диксон внимательно прислушался. Казалось, весь лес наполнился негромкими кашляющими звуками. Новые стаи спешили принять участие в погоне.

Почему они ничему не научились?

И вдруг ответ словно обрушился на него. «Они не научились, — подумал он, — потому что урок был слишком беспредметным!»

Оружие... Оно дезинтегрировало бесшумно, быстро, чисто. Большинство собак, которых он поразил, попросту исчезли. Не было ни лая, захлебывающегося в агонии, ни рычания, никто не выл, не ревел, не визжал...

Но главное, не было оглушительного грома, который перепугал бы зверье. Не было пороховой вони, не было резких щелчков, производимых затвором, когда патрон досылается в казенную часть...

«Наверное, эти собаки не очень-то смышленые, — подумал Диксон, — не понимают, что у меня в руках орудие убийства. Наверное, они не сообразили, что происходит. Наверное, они считают, что я беззащитен».

Он еще быстрее пошел по сумрачному лесу. «Мне нечего опасаться, — напомнил он себе. — Пусть до зверей не доходит, что Оружие убивает, но ведь от этого его свойства не меняются». Конечно, вернувшись, он будет настаивать, чтобы в новых моделях предусмотрели какую-нибудь шумовую приставку. Это не составит проблемы. А с шумовиком будет все же спокойнее.

Древесные твари набрались наглости и теперь, обнажив клыки, раскачивались на ветвях над самой его головой. «Пожалуй, они все-таки плотоядные», — решил Диксон. Переключив Оружие на автоматический огонь, он принялся полосовать верхушки деревьев, выхватывая в кронах огромные бреши.

Древесники пустились наутек, пронзительно визжа. Сверху дождем посыпались листья и срезанные ветки. Дикие собаки, перепугавшись, на время стихли, отбежав в заросли, подальше от падающих обломков.

Диксон усмехнулся... и тут же растянулся на земле, сбитый с ног мощным ударом. Здоровенный сук, срезанный с дерева, падая, пробил листву и угодил в левое плечо, выбив из рук Оружие.

Оно упало недалеко — футах в десяти — и по-прежнему вело автоматический огонь, слепо изничтожая кустарник всего в нескольких ярдах от Диксона.

Он выкарабкался из-под сука и метнулся к Оружию. Но один из древесников опередил его. Диксон бросился ничком на землю. Древесник, победно вопя, завертелся с дезинтегратором в лапах. Гигантские деревья, перерезанные лучом, с треском рухнули, круша подлесок. Воздух потемнел от сыплющихся сучков и листьев, землю избороздили глубокие траншеи. Взмах дезинтегратора — и луч, резанув по дереву рядом с Диксоном, врубился в землю в нескольких дюймах от его ног. Он отпрыгнул, но следующим лучом ему едва не снесло голову. Диксон впал в отчаяние. Но тут древесника взяло любопытство. Весело щебеча, он развернул Оружие и попытался заглянуть в дуло.

Голова животного исчезла без единого звука.

Диксон не собирался упускать последний шанс. Он ринулся вперед, перепрыгнул через траншею и схватил Оружие, прежде чем другой древесник успел подскочить к игрушке. Диксон быстро перевел предохранитель, отключив автоматическую стрельбу.

Тут же вернулись несколько собак. Они пристально смотрели на него.

Диксон пока не осмеливался открывать огонь. Его руки тряслись так сильно, что для себя он представлял сейчас куда большую опасность, чем для собак. Он повернулся и заковылял к кораблю.

Собаки двинулись следом.

Диксон быстро взял себя в руки. Он оценивающе посмотрел на блестящее Оружие, зажатое в кулаке. Теперь он испытывал к нему еще большее уважение и еще больший страх. Гораздо больший страх, чем испытывали к нему собаки. Они явно не связывали ущерб, нанесенный лесу, с дезинтегратором. Должно быть, им просто показалось, что по деревьям внезапно пронесся сильный ураган.

Но ураган стих. Снова наступило время охоты.

Диксон проламывался сквозь густой кустарник, прокладывая дорогу выстрелами. Собаки держались по обе стороны от него, не отставая ни на шаг. Он

беспрестанно палил в листву, время от времени прихватывая и собаку. Их уже было несколько десятков, и они усилили натиск.

«Черт побери! — подумал Диксон. — Неужели они не подсчитывают потери?»

Но ему тут же пришло в голову, что собаки просто-напросто не знали, что такое счет.

Он пробивался вперед изо всех сил, до корабля оставалось совсем немного. Путь ему преградило тяжелое бревно. Он переступил через него.

Внезапно бревно ожило и рассерженно распахнуло чудовищные челюсти прямо у его ног.

Диксон выстрелил вслепую. Направив дуло вниз, он давил на спусковой крючок целых три секунды и чудом не задел собственных ног. Тварь исчезла. Диксон судорожно глотнул, качнулся и... съехал ногами вперед в яму, которую только что проделал лучом.

Он шмякнулся на дно, вывихнув левую лодыжку. Собаки, рыча и лязгая зубами, взяли его в кольцо.

«Спокойно», — сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от зверей и попробовал выбраться.

Стенки ямы были слишком круты, к тому же от выстрелов они оплавились, земля превратилась в стекло.

Обезумев, Диксон снова и снова бросался на стену, безрассудно тратя силы. Наконец он остановился и заставил себя задуматься. Раз Оружие привело его в эту яму, значит, Оружие и должно помочь ему выбраться наружу. Он вырезал в почве пологий скат и, мучительно хромая, поднялся на поверхность.

Ступать на левую ногу можно было лишь с великим трудом. Но еще хуже дело обстояло с плечом, которое болело непереносимо. «Должно быть, тот самый сук перебил кость», — подумал Диксон. Опираясь на подобранную по пути палку как на костыль, он медленно заковылял дальше.

Несколько раз набрасывались собаки. Он дезинтегрировал их, и Оружие с каждым выстрелом тяжелело в правой руке. Спустились стервятники и занялись аккуратно располосованными трупами. Дик-

сон вдруг ощутил, что на периферии взгляда сгущается мрак. Усилием воли он отогнал его. Кругом собаки, сейчас никак нельзя терять сознание.

Корабль был уже виден. Диксон неловко побежал к нему и тут же упал. Несколько собак сразу оказались сверху.

Он выстрелил, раздробив их на части, и почти до самого пальца отхватил полдюйма от своего правого ботинка. Он с трудом встал на ноги и двинулся вперед.

«Ну и Оружие! — думал Диксон. — Укокошит кого угодно, даже владельца. Эх, попался бы мне сейчас изобретатель! Это же надо — придумать Оружие, которое не бабахает!»

Диксон добрался до корабля. Пока он возился со шлюзом, собаки окружили его тесным кольцом. Диксон дезинтегрировал ближайших двух зверюг и ввалился внутрь. Мрак снова сгущался на окраине зрения, к горлу подступал тугой комок тошноты.

Из последних сил он захлопнул люк шлюза и осел на пол. Все! В безопасности!

Вдруг Диксон услышал тихое покашливание.

Он заперся вместе с одной из собак!

Его рука слишком ослабла, чтобы поднять Оружие, но все же с неимоверным трудом он вскинул дезинтегратор. Собака, едва видимая в тусклом свете корабля, прыгнула.

Диксон обмер от ужаса, подумав, что не сможет нажать на спусковой крючок. Собака подбиралась к его горлу. Чисто рефлекторно он стиснул пальцы.

Собака коротко тявкнула, и все стихло.

Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал с закрытыми глазами, смакуя восхитительное ощущение: жив! Сейчас он отдохнет несколько минут, а потом будет выбираться отсюда. Подальше от чужих планет — на Землю, в какой-нибудь бар. Сначала напьется до чертиков. А затем найдет того самого изобретателя и забьет Оружие ему в глотку, рукояткой набок!

Только маньяк со склонностью к самоубийству способен изобрести Оружие, которое не бабахает!

Но это потом. А сейчас очень приятно просто лежать, ощущать себя живым, греться на солнышке и радоваться тому, как...

Солнышко? В космическом корабле?!

Он сел. У его ног лежали хвост и передняя лапа собаки. А чуть дальше борт вспарывала любопытнейшая зигзагообразная дыра шириной около трех дюймов и длиной фута четыре. Сквозь нее в корабль проникал солнечный свет.

Снаружи на задних лапах стояли четыре собаки и вглядывались внутрь.

«Ага, — сообразил Диксон, — расправляясь с последней собакой, я продырявил свой собственный корабль».

Тут он заметил, что обшивка взрезана еще в нескольких местах. Эти-то дыры откуда взялись?

Ах да, он же прорывался к кораблю с боем. Последние сто ярдов... Несколько выстрелов вполне могли задеть корабль.

Диксон поднялся, изучающе разглядывая дыры. «Чистая работа, — подумал он со спокойствием, которое часто предшествует истерии. — Да, сэр, в самом деле очень чистая работа».

Вот здесь перерезаны кабели управления. Там когда-то был радиопередатчик. А вот там он умудрился одним выстрелом взрезать и кислородный и водяной баки — отличное попадание, как ни верти. О-о, здесь... да, его таки угораздило. Очень умный удар. Боковым слева он полоснул по топливопроводам. В полном соответствии с законами тяготения горючее подчистую вытекло, образовав небольшой пруд вокруг корабля, а затем просочилось в почву.

«Неплохо для парня, который даже не очень-то прицеливался, — ошалело подумал Диксон. — Даже с автогеном я бы так не наработал».

В сущности, с автогеном у него ничего бы и не получилось. Корпуса космических кораблей делались очень прочными. Но не настолько прочными, чтобы с ними не справилось доброе старое... славное старое... надежное... верное... не знающее промаха... Оружие!

Год спустя, когда вестей от Диксона так и не поступило, на планету выслали корабль. Команда

должна была с почестями предать тело Диксона земле, конечно, если осталось что для погребения, и доставить на Землю прототип дезинтегратора, если, конечно, таковой найдут.

Эвакуационный корабль произвел посадку рядом с кораблем Диксона, и экипаж с интересом обследовал исполосованный, выпотрошенный корпус.

— Некоторые парни понятия не имеют, как обращаться с оружием, — сказал инженер.

— Да уж, — сказал первый пилот.

Со стороны тропического леса до них донесся какой-то стук. Они второпях бросились туда и обнаружили, что Диксон вовсе не мертв. Он был очень даже живой и трудился, распевая песни.

Легко предвидеть, что кто-то из экипажа прибывшего корабля воскликнул:

— Живой!

— Верно, черт побери, — согласился Диксон. — Какое-то время моя жизнь и впрямь висела на волоске, пока я не обнес дом частоколом. Все же эти собаки — гнусные твари. Но я научил их свободу любить!

Он усмехнулся и дотронулся до лука, прислоненного рядышком к частоколу. Лук был вырезан из куска умело высушенной упругой древесины, здесь же лежал и колчан, битком набитый стрелами.

— Они научились уважать меня, — сказал Диксон, — лишь когда увидели собственными глазами, как их корешки вдруг начинают крутиться волчком со стрелой в брюхе.

— Но ведь Оружие... — начал первый пилот.

— А, Оружие! — воскликнул Диксон, в его глазах появился веселый безумный блеск. — Без него я бы не выжил!

И он возобновил работу. Он вогнял в почву кол, сделанный из ствола молодого деревца, колотя по нему тяжелой плоской рукояткой Оружия.

МАТ

Игроки встретились за грандиозной и бесконечной доской космоса. Плавно двигающиеся светящиеся точки, служившие им фигурами, составляли две разделенные пространством комбинации. По начальному расположению фигур, еще до первого хода, исход игры был уже предрешен.

Оба соперника видели это и знали, кто из них победит. Но продолжали игру.

Потому что партию следовало довести до конца.

— Нильсон!

Лейтенант Нильсон с блаженной улыбкой сидел перед орудийным пультом. На обращение не отреагировал.

— Нильсон!

Лейтенант посмотрел на свои пальцы недоуменным взглядом ребенка.

— Нильсон! Ну-ка оторвись от клавиатуры! — Над лейтенантом стремительно выросла фигура генерала Брэнча. — Ты слышишь меня, лейтенант?

Нильсон вяло кивнул и снова посмотрел на пальцы, однако его вниманием тут же опять завладел светящийся строй кнопок на орудийном пульте.

— Классно, — сказал он.

Пер. изд.: Sheckley R. Fool's Mate: The Shards of Space. New York, Bantam, 1962

Copyright © 1962 by Robert Sheckley
© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

Генерал Брэнч ворвался в кабину, схватил лейтенанта за плечи и хорошенько встряхнул.

— Классная штука, — указывая на пульт, улыбнулся генералу Нильсон.

Маргрейвс, второй по чину в команде, просунул голову в дверь. На рукаве у него все еще красовались сержантские нашивки, поскольку его произвели в полковники всего три дня назад.

— Послушай, Эд, прибыл представитель президента, — сообщил он. — Незапланированный визит.

— Погоди, — отозвался Брэнч. — Я хочу закончить инспекцию.

Он мрачно улыбнулся. Черта ли в инспекции, если при обходе обнаруживается, сколько свихнувшихся еще осталось.

— Ты слышишь меня, лейтенант?

— Десять тысяч кораблей, — проговорил Нильсон. — Десять тысяч, раз — и нету!

— Прошу прощения, — сказал генерал и, нагнувшись, залепил лейтенанту сильную пощечину.

Лейтенант Нильсон разрыдался.

— Эй, Эд, ну так что насчет представителя?

От полковника Маргрейвса несло виски, но Брэнч не стал устраивать ему разнос. Если у тебя остался толковый офицер, ты не должен учинять ему разносов, что бы он там ни вытворял. А потому Брэнч одобрял виски. Не самый скверный способ разрядиться, особенно в данных обстоятельствах. Возможно, даже лучше, чем мой собственный, подумал он, взглянув на свои покрытые шрамами пальцы.

— Я поступил с тобой правильно, Нильсон, ты понимаешь?

— Да, сэр, — дрожащим голосом ответил лейтенант. — Теперь я в норме, сэр.

— Ну вот и отлично, — заявил Брэнч. — Можешь нести дежурство?

— Какое-то время да, — ответил Нильсон. — Но, сэр, я все же не совсем в полном порядке. И чувствую это.

— Знаю, — согласился генерал. — Ты заслужил отдых. Но ты единственный стрелковый офицер,

которого я оставил на борту корабля. Отдохнуть сможешь только в дурдоме.

— Постараюсь, сэр, — сказал Нильсон, снова прирастая взглядом к пульту. — Но временами мне слышатся голоса. Я ничего не могу обещать, сэр.

— Эд, — снова начал Маргрейвс, — этот представитель...

— Пошли. Пока, Нильсон.

Лейтенант, не отрываясь, смотрел на пульт и даже не обернулся в сторону уходящих командиров.

— Я привел его на мостик, — сообщил Маргрейвс. Его слегка кренило вправо. — Предложил ему выпить, но он не пожелал.

— Ладно.

— Он лопается от вопросов, — продолжал, хихикая, Маргрейвс. — Один из тех усердных загорелых чиновников Госдепа, явившийся выиграть войну за пять минут. Очень дружелюбный парень. Хотел знать мое личное мнение, почему флот маневрировал в космосе целый год, не производя никаких боевых действий.

— И что ты ему ответил?

— Да сказал, что мы ждали партию лучевых пушек. Думаю, он мне почти поверил. А потом завел разговор насчет материально-технического обеспечения.

Брэнч хмыкнул. Не следовало обсуждать, что полупьяный Маргрейвс наговорил представителю. Не в этом дело. Уже долгое время официальное вмешательство в ведение войны считалось обязательным.

— Однако вынужден тебя покинуть, — заявил Маргрейвс. — У меня осталось кой-какое незавершенное дело, которому я просто обязан уделить серьезное внимание.

— Давай, — сказал Брэнч, поскольку это было все, что он мог ответить, ибо незавершенное дело Маргрейвса имело отношение к бутылке.

Генерал Брэнч в одиночестве отправился на мостик.

Представитель президента смотрел на огромный, целиком занимавший одну из стен экран локатора. На

экране медленно двигались светящиеся точки. Тысячи зеленых точек слева представляли собой земной флот, отделенный черным пустым пространством от оранжевых точек флота противника. Объемное изображение подвижной линии фронта медленно менялось. Армии точек группировались, перемещались, отступали и наступали, совершая движения в гипнотизирующей тишине.

Но между ними постоянно оставалась черная пустота. Генерал Брэнч наблюдал это зрелище уже почти год. По его мнению, экран был излишней роскошью. По экрану все равно невозможно определить, что происходит в действительности. Это могли сделать лишь ПВК-компьютеры, а они в экране не нуждались.

— Приветствую вас, генерал, — поздоровался представитель президента, протягивая руку. — Меня зовут Ричард Элснер.

Брэнч пожал руку, отметив про себя, что описание Маргрейвса оказалось довольно точным. Представителю было не больше тридцати, а его загар выглядел довольно странно среди бледных лиц, окружавших генерала целый год.

— Вот мои полномочия, — заявил Элснер, вручая Брэнчу целую пачку бумаг.

Генерал бегло пробежал по ним взглядом, отметив, что полномочия Элснера определяют его как Глас Президента в Космосе. Высокая честь для такого молодого человека.

— Ну как там Земля? — спросил Брэнч, исключительно ради того, чтобы что-нибудь сказать. Он предложил Элснеру кресло и сел сам.

— Трудно, — ответил Элснер. — Мы дочиста выгребли из планеты радиоактивные элементы, чтобы сохранить боеспособность вашего флота, не говоря уже о чудовищных затратах на доставку пищи, кислорода, запчастей и прочего требующегося вам оборудования для удержания на поле боя флота подобной величины.

— Знаю, — пробормотал Брэнч. Его широкое лицо не выражало никаких эмоций.

— Я бы хотел начать прямо с претензий президента, — с извиняющимся смешком произнес Элснер. — Просто ради того, чтобы облегчить душу.

— Давайте прямо с них, — согласился Брэнч.

— Значит, так, — сказал Элснер, сверяясь по записной книжке. — Ваш флот находится в космосе уже одиннадцать месяцев и семь дней, верно?

— Да.

— В течение всего этого времени имели место лишь мелкие столкновения, но ни одного по-настоящему развернутого боевого действия. Вы и командующий противника, очевидно, удовлетворились покусыванием друг друга словно недовольные псы.

— Мне бы не хотелось проводить подобную аналогию, — ответил Брэнч, мгновенно ощутив неприязнь к молодому человеку. — Но продолжайте.

— Прошу прощения. Это было неудачное и вынужденное сравнение. Так или иначе, но сражения не произошло, несмотря на ваше некоторое численное превосходство. Верно?

— Да.

— Тем более вы знаете, что содержание флота подобной величины расточает ресурсы Земли. Президенту хотелось бы знать, почему не состоялось сражение.

— Сперва мне бы хотелось выслушать остальные претензии, — сказал генерал, сжимая разбитые кулаки и с завидным самообладанием удерживаясь от того, чтобы не пустить их в ход.

— Очень хорошо. Теперь моральный фактор. Мы продолжаем получать от вас доклады об имеющих место инцидентах боевого утомления — помешательствах, прямо говоря. Цифры абсурдны! Тридцать процентов молодых людей помещены в сумасшедший дом. Это переходит всякие границы, даже учитывая нынешнюю напряженную обстановку.

Брэнч не ответил.

— Короче, — закончил Элснер, — я бы хотел получить ответы на эти вопросы. А затем я бы просил вашей помощи в переговорах о перемирии. Война изначально была абсурдна. И начала ее не Земля. Президенту кажется, что ввиду сложившейся ситу-

ации командующий противника согласится с подобной идеей.

Пошатываясь, в рубку вошел полковник Маргрейвс. Его лицо покраснело. Он закончил свое незавершенное дело, убавив еще на четверть содержимое уже начатой наполовину бутылки.

— Похоже, я слышу о перемирии? — воскликнул он.

Элснер бросил на него быстрый взгляд и снова повернулся к Брэнчу.

— Полагаю, вы позаботитесь об этом сами. Если вы свяжетесь с командующим неприятеля, я попробую с ним договориться.

— Им не интересно. — сказал Брэнч.

— Откуда вы знаете?

— Я пробовал. Я пытаюсь вести мирные переговоры вот уже шесть месяцев. Однако противная сторона требует нашей полной и безоговорочной капитуляции.

— Но ведь это же полный абсурд, — качая головой, удивился Элснер. — У них нет намерений вести переговоры? Силы флотов примерно равны. И даже не было решающих сражений. Как же они могут...

— Проще простого! — заорал Маргрейвс, идя прямо на представителя и свирепо глядя ему в лицо.

— Генерал, этот человек пьян. — Элснер встал.

— Конечно, ты, юный кретин! Разве ты еще не понял! *Война проиграна*. Окончательно и бесповоротно.

Элснер сердито обернулся к Брэнчу. Генерал вздохнул и встал.

— Правда, Элснер. Война проиграна. Всему флоту известно об этом. Вот почему так плохо с моральным духом. Мы просто болтаемся здесь в ожидании всеобщего уничтожения.

Флоты перестраивались и лавировали. Тысячи точек плавали в космосе, создавая искривленные хаотичные структуры.

Кажущиеся хаотичными.

Структуры блокировались, раскрывались и закрывались, динамично, легко уравновешивались. Каждая конфигурация представляла собой планируемое движение фронта на сто тысяч миль. Противостоящие друг другу точки совершали перемещения, чтобы занять местоположение в соответствии с требованиями новой комбинации.

Где преимущество? Для неискушенного наблюдателя игра в шахматы кажется бессмысленным построением фигур и позиций. Но игроки, понимающие суть построений, заранее могут знать, выиграна партия или проиграна.

Механические игроки, делавшие ходы тысячами точек, знали, кто из них выиграл, а кто проиграл.

— А теперь давайте-ка лучше расслабимся, — утешающе проговорил Брэнч. — Маргрейвс, смешай нам пару коктейлей. А я все объясню.

Подполковник подошел к стенному бару в углу рубки.

— Я жду, — заявил Элснер.

— Для начала краткий обзор. Помните, когда два года назад была объявлена война, обе стороны подписали Холмстедский пакт, запрещающий подвергать бомбардировке обитаемые планеты? Была оговорена встреча в космосе, флот на флот...

— Это древняя история, — перебил Элснер.

— Это отправная точка. Земной флот вылетел, сгруппировался и прибыл к назначенному месту встречи. — Брэнч прочистил горло. — Вам известно о ПВК? Позиционно-вероятностных компьютерах? Это нечто вроде шахматистов, только с необычайно расширенным пределом возможностей. Они распределяют элементы флота по оптимальной оборонительно-атакующей схеме, основываясь на конфигурации флота противника. Так была установлена исходная позиция.

— Не вижу нужды... — начал было Элснер, но Маргрейвс, вернувшийся с выпивкой, перебил его:

— Погоди, мой мальчик. Вскоре наступит поразительное просветление.

— Когда флоты встретились, ПВК просчитали вероятности нападения. И вычислили, что в случае нашей атаки мы лишимся примерно восьмидесяти семи процентов своего флота против шестидесяти пяти процентов потерь неприятеля. Если атакует противник, то потери составят семьдесят девять процентов от их флота против шестидесяти четырех от нашего. Такова была изначальная ситуация. По экстраполяции в то время оптимальная атакующая позиция противника давала им в результате сорок пять процентов потерь своего флота, а нашего — семьдесят два процента.

— Я не так уж сильно разбираюсь в ПВК-компьютерах, — признался Элснер. — Мое поле деятельности — психология.

Он отпил глоток, скривился и отпил еще.

— Думайте о них как о шахматистах, — посоветовал Брэнч. — Они способны оценить вероятность потерь при атаке в любой данной точке в любой момент времени в любой позиции. Они могут просчитать любые возможные ходы обеих сторон. Поэтому, когда мы сошлись, сражения так и не произошло. Ни один командующий не согласился подвергнуть уничтожению почти весь свой флот.

— Ну а потом? — спросил Элснер. — Что же помешало вам использовать имеющееся у вас некоторое численное превосходство? Почему вы не использовали это свое преимущество?

— Ага! — воскликнул, хлебнув из стакана, Маргрейвс. — Грядет просветление!

— Позвольте мне продолжить аналогию, — сказал Брэнч. — Если имеются два шахматиста равновысокого мастерства, исход игры определяется при получении кем-то из них преимущества. Раз появилось такое преимущество, другой игрок не способен победить, если первый не допустит ошибки. И если все идет как должно, исход игры предрешен. Поворотный момент может наступить всего через несколько ходов после начала партии, хотя сама игра может длиться еще несколько часов.

— И помните, — вмешался Маргрейвс. — Для неискушенного наблюдателя видимого преимущества может и не быть. Ведь ни одна из фигур не потеряна.

— Именно так и произошло, — печально закончил Брэнч. — ПВК обоих флотов действуют с максимальной эффективностью. Однако противник имеет преимущество, которое тщательным образом развивает. И мы ничего не можем сделать в противовес.

— Но как это случилось? — спросил Элснер. — Кто допустил ошибку?

— ПВК определили случай ошибки, — пояснил Брэнч. — Исход войны был заложен *в нашем стартовом боевом порядке.*

— Что вы имеете в виду? — спросил Элснер, отставляя стакан.

— Только то, что сказал. Боевой порядок флота был установлен за несколько световых лет от места сражения, еще до того, как мы вошли в соприкосновение с флотом противника. Этого оказалось достаточно. Достаточно для ПВК, по крайней мере.

— В утешение можно лишь добавить, — опять влез Маргрейвс, — что, если бы шансы были пятьдесят на пятьдесят, преимущество с тем же успехом могло оказаться и у нас.

— Мне нужно разобраться в этом получше, — заявил Элснер. — Я пока еще всего не понимаю.

— Война проиграна. Что вам еще хочется знать?

Элснер покачал головой.

— Я духом пал, а потому попался в сети злого рока, — процитировал Маргрейвс. — Неужто стоит после этого винить меня в грехопадении?

Лейтенант Нильсон сидел у орудийного пульта, сцепив пальцы в замок, поскольку испытывал почти непреодолимое желание нажать на кнопки.

Красивенькие кнопочки.

Лейтенант выматерился и засунул руки под себя. Он обещал генералу продолжать. А что продолжать — неважно. Минуло три дня с тех пор, как он последний раз видел генерала, а он все еще был назначен

продолжать. Лейтенант сконцентрировал все внимание на шкалах пульта.

Чувствительные стрелки индикаторов колебались и подрагивали, постоянно измеряя расстояние и устанавливая дальнобойность ствола. Стрелки индикаторов точной настройки опускались и поднимались в соответствии с маневрами корабля, приближаясь к красной линии, но ни разу не доходя до нее.

Красная линия означала готовность. Стоит лишь маленькой черной стрелочке пересечь красную черточку, он должен открыть огонь.

Лейтенант ждал уже целый год, наблюдая за маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой...

Прекрати.

...когда нужно открывать огонь.

Лейтенант Нильсон вытащил из-под себя руки и принялся изучать ногти. Брезгливо выковырнул грязь из-под ногтя и снова сцепил пальцы.

Опять посмотрел на красивые кнопочки, черную стрелку, красную черту.

И улыбнулся. Он обещал генералу. Всего три дня назад.

А потому старался не слушать, что кнопки нашептывали ему.

— Вот чего я не понимаю, — заявил Элснер, — так это почему вы не можете изменить позицию? Отступить и перегруппироваться, к примеру.

— Я объясню, — сказал Маргрейвс. — Это даст возможность Эду прерваться и выпить. Идите сюда.

Он повел Элснера к контрольному пункту. Брэнч с Маргрейвсом три дня знакомили Элснера с кораблем, скорее чтобы немного разрядиться самим, чем по какой-либо иной причине. Последний день они посвятили длительной попойке.

— Видите эту шкалу? — Маргрейвс ткнул пальцем в пульт. Пульт имел размеры около четырех футов в ширину и двадцати в длину, а с помощью расположенных на нем кнопок и переключателей велось

управление движением всего флота. — Видите затемненную зону? Ею отмечен предел безопасности. Если мы применим запрещенную конфигурацию, стрелка перейдет в другую область и все полетит в тартарары!

— А что такое «запрещенная конфигурация»?

— Запрещенные конфигурации — это такие боевые порядки, которые могут обеспечить неприятелю преимущества в атаке. Или, иными словами, перемещения, которые изменяют картину вероятностных потерь настолько, что дают гарантию атаки противника.

— И потому вы можете перемещаться только в строго заданных пределах? — спросил Элснер, глядя на шкалу.

— Точно. Из бесконечного количества возможных боевых порядков мы можем выбрать лишь несколько, если хотим вести безопасную игру. Совсем как в шахматах. Скажем, вы хотите провести свою пешку на шестое поле в тыл сопернику. Но для этого необходимо сделать два хода. Однако после того как вы пойдете на седьмое поле, у вашего противника открывается свободная линия, что неизбежно ведет к мату. Конечно, если противник сам пойдет слишком нагло, преимущество изменится снова и *мы* атакуем.

— Но это лишь наши надежды, — вставил генерал Брэнч. — И мы молимся, чтобы враги допустили какую-нибудь ошибку. Флот находится в постоянной боевой готовности. И если наши ПВК определят, что противник где-то слишком рассредоточился...

— В этом-то и кроется причина психозов, — заключил Элснер. — Все люди на грани нервного срыва в ожидании шанса, который, как они уверены, так и не появится. И тем не менее они продолжают ждать. Сколько еще, по-вашему, это продлится?

— Перемещения и проверки могут занять больше двух лет, — сказал Брэнч. — После чего противник окажется в оптимальном атакующем боевом порядке, имея двадцать девять процентов вероятностных потерь против наших девяноста трех. Враги просто будут обязаны атаковать, иначе вероятность начнет изменяться в нашу пользу.

— Эх вы, черти несчастные, — мягко произнес Элснер. — Ждать шанса, который никогда не появится, зная, что рано или поздно космос уничтожит вас.

— Зато как славно, — сказал Маргрейвс с инстинктивным отвращением к симпатии, проявленной гражданским.

В коммутаторе что-то зажужжало. Генерал Брэнч подошел и воткнул в гнездо штекер. «Алло? Да. Да... Верно, Уильямс. Верно». И отключил связь.

— Полковник Уильямс вынужден запереть своих людей в каютах, — объяснил Брэнч. — В третий раз за месяц. Я должен заняться с ПВК. Необходимо просчитать новую конфигурацию, которая учтет вывод его группы.

Он подошел к пульту и принялся нажимать кнопки.

— Безумья дух и здесь витает, — заявил Маргрейвс. — Ну и каковы ваши планы, мистер Представитель Президента?

— О да, — сказал лейтенант Нильсон смеющейся комнате. — О да.

И глядя на все кнопки сразу, лейтенант думал и радостно улыбался своим мыслям.

Какая глупость. Джорджия.

Нильсон принял всепоглощающую глубину святости, накинул ее на плечи. Откуда-то слышалось птичье пение.

Конечно.

Три красные кнопки. Нажать. Три кнопки зеленые. Нажать. Четыре шкалы. Переместить.

«Ого. Нильсон свихнулся».

— Три — это за меня, — произнес Нильсон и украдкой коснулся лба. Затем снова потянулся к клавиатуре.

В его мозгу переплетались невообразимые ассоциации, производимые неисчислимыми раздражителями.

«Лучше упрятать его в дурдом. Осторожно!»

Ласковые руки обняли меня, когда я нажал две коричневые за маму и одну, главную, за всех остальных.

«*Не дайте ему открыть огонь из этого орудия!*»

А я поднимаю руки и лечу, лечу.

— Есть ли какая-нибудь надежда в отношении этого парня? — спросил Элснер после того, как они заперли Нильсона в камере.

— Кто его знает, — ответил Брэнч. На его широком лице играли желваки. Внезапно он развернулся, закричал и со всей силой врезал кулаком по стальной стене. Потом фыркнул и застенчиво улыбнулся. — Глупо, не правда ли? Маргрейвс пьет. Я выпускаю пар, колошматя стены. Пойдемте лучше перекусим.

Офицеры питались отдельно от солдат. Брэнч опасался, что с некоторыми из них могли расправиться психопаты из команды. Лучше уж держать их поврозь.

Во время еды Брэнч вдруг повернулся к Элснеру:

— Приятель, я не сообщил тебе всей правды. Я сказал, что это может продлиться два года? Послушай, люди не выдержат столько. Я и сам не знаю, смогу ли удержать флот больше двух недель.

— И что же вы предлагаете?

— Не знаю, — ответил Брэнч.

Он все еще отказывался рассматривать возможность капитуляции, хотя и знал, что это был единственный реалистичный ответ на вопрос Элснера.

— Я не вполне уверен, — заявил Элснер, — но все же считаю, что решение вашей дилеммы есть.

Офицеры перестали жевать и уставились на него.

— У вас найдется для нас какое-нибудь супероружие? — поинтересовался Маргрейвс. — Дезинтегратор за пазухой?

— Боюсь, нет. Но думаю, оттого, что вы так близко столкнулись с проблемой, вы и не видите здесь никакого просвета. Именно тот самый случай, когда за деревьями не видно леса.

— Продолжайте, — методично пережевывая хлеб произнес Брэнч.

— Подойдите к Вселенной с точки зрения ПВК. Как к строго причинно-следственному миру, где в логической последовательности каждый результат имеет свою причину и каждый фактор может быть мгновенно просчитан. Но это не будет картиной реального мира. ПВК рассчитаны на то, чтобы видеть специализированную Вселенную и проводить экстраполяцию на ее базисе.

— Ну и как бы вы поступили? — спросил Маргрейвс.

— Надо разорвать связь соединений, — сказал Элснер. — Привести мир к неопределенности. Ввести человеческий фактор, который машины просчитать не смогут.

— Интересно, как это вы введете в шахматную партию фактор неопределенности? — спросил Брэнч.

— Да просто плюнуть на решающий момент, и все тут. Как это просчитает машина?

— А никак. Она классифицирует ваш плевок как постороннюю помеху и проигнорирует его.

— Верно. — Элснер на секунду задумался. — А само сражение... Сколько времени оно продлится, если считать от начала боевых действий?

— Минут шесть, — ответил Брэнч. — Плюс-минус двадцать секунд.

— Ага, значит, это подтверждает мою идею, — заявил Элснер. — Аналогия шахматной партии, примененная вами, ошибочна. Здесь нет реального сравнения.

— Зато это очень удобный способ сравнения, — заметил Маргрейвс.

— Но *неверный*. Шах и мат королю не эквивалентен уничтожению всего флота, впрочем, как и другие шахматные комбинации. В шахматах игра ведется по правилам, предварительно согласованным игроками. В данной игре вы можете сыграть по собственным правилам.

— Данная игра имеет присущие самой себе правила, — сказал Брэнч.

— Нет, — не согласился Элснер. — Только ПВК играют по правилам. Разве нет? Предположите, что можно обойтись без ПВК. Пусть каждый командир полагается лишь на себя и атакует по собственному усмотрению, а не по боевой схеме. Что тогда случится?

— Ничего не получится, — сказал Маргрейвс. — ПВК вдобавок обладают способностью подводить итоги общего положения дел, основываясь на базисе возможностей планирования среднего человека. Более того, они управляют наступлением в несколько раз быстрее человека. Это будет напоминать стрельбу по глиняным болванам.

— Но вы *должны* попытаться сделать хоть что-нибудь, — настаивал Элснер.

— Подождите-ка минутку, — сказал Брэнч. — Вы можете развивать какие угодно теории. Но я знаю, что мне сообщают ПВК, и верю им. Пока еще я командующий флотом и не собираюсь рисковать жизнями подчиненных ради каких-то дурацких прожектов.

— Дурацкие прожекты порой выигрывают войны, — ответил Элснер.

— Обычно они их проигрывают.

— Согласно вашему собственному признанию, война и так проиграна.

— Я могу еще ждать, когда неприятель допустит ошибку.

— И вы считаете, это произойдет?

— Нет.

— Ну и тогда?..

— Я намерен ждать.

Трапеза была завершена в тягостной тишине. После чего Элснер ушел в свою каюту.

— Ну, Эд? — спросил Маргрейвс, расстегивая рубашку.

— Гну, — огрызнулся генерал.

Он вытянулся на кровати и попытался собраться с мыслями. Это уже слишком. Логистика. Предрешен-

ные сражения. Предстоящий разгром. Он хотел было врезать кулаком по стене, но удержался. И так уже растянуты сухожилия. Ему надо поспать.

В полузабытьи, находясь на грани сна и дремы, генерал услышал щелчок.

Дверь!

Брэнч выпрыгнул из кровати и дернул ручку. Затем навалился на дверь всем телом.

Заперто.

— Пристегнитесь, пожалуйста, генерал. Мы атакуем, — раздался по внутренней связи голос Элснера. — Я изучил клавиатуру на вашем пульте, сэр, и отыскал включение магнитных затворов. Огромное удобство в случае мятежа, не правда ли?

— Идиот! — заорал Брэнч. — Ты всех нас погубишь! ПВК...

— Отключил я ваши ПВК, — вежливо объяснил Элснер. — Сам я довольно логичный парень и, кажется, знаю, какой плевок побеспокоит их.

— Да он же просто псих! — крикнул Маргрейвс. И они вдвоем бросились на стальную дверь. И тут же оказались на полу.

— Всем стрелкам, огонь — по усмотрению! — радировал Элснер флоту.

Корабль пришел в движение. Атака началась.

Точки поплыли навстречу друг другу, пересекая ничейное пространство космоса.

И соединились! Сражение началось.

Шесть минут по человеческому времяисчислению. Часы — по мерке скоростного электронного шахматиста. Шахматист за мгновение проверил свои фигуры в поисках боевой схемы атаки.

Схемы не было!

Половина фигур соперника-шахматиста понеслась в космос, полностью нарушив правила партии. Наступление велось по всем флангам. Фланги разъединялись, воссоединялись снова, вырывались вперед, разрушая свои боевые порядки и создавая их вновь.

Нет схемы?

Должна быть. Шахматист знал, что все имеет схему. Вопрос лишь в том, как ее найти. Необходимо только проанализировать проделанные ходы и вы-

числить дальнейшие, чтобы просчитать предполагаемый итог партии.

Итог был — хаос!

Точки мчались во все стороны, расходились под прямыми углами, останавливались и возвращались, делая совершенно бессмысленные ходы.

Что это означает? — спросил себя шахматист с холодным беспристрастием металла. Он ожидал появления узнаваемой комбинации, безо всяких эмоций наблюдая, как его фигуры снимаются с доски.

— Сейчас я выпущу вас из каюты, — сообщил Элснер. — Но не пытайтесь остановить меня. Думаю, я выиграю это сражение.

Замок открылся. Генерал с полковником со всех ног помчались по коридору к мостику, собираясь разорвать Элснера на мелкие кусочки.

Ворвавшись в рубку, они замерли.

Экран показывал огромное количество точек землян, плавающих вокруг рассеянных точек противника.

Однако остановило их вовсе не это зрелище, а Нильсон. Лейтенант смеялся, а его руки порхали над переключателями и кнопками главного пульта управления.

ПВК монотонно бубнил: «Земля — восемнадцать процентов. Потери противника — восемдесят три процента. Восемьдесят четыре. Восемьдесят шесть. Земля — девятнадцать процентов».

— Мат! — закричал Элснер. Он стоял рядом с Нильсоном, сжимая в руке разводной ключ. — Множественность схем. Я подсунул неприятельским ПВК нечто такое, что они не сумели переварить. Атака при явном отсутствии схемы. Бессмысленные боевые порядки.

— Но они-то что делают? — спросил Брэнч, показывая на тающие точки противника.

— Все еще рассчитывают на своего шахматиста, — пояснил Элснер. — До сих пор ждут от его свихнувшегося разума выдачи информации о боевом порядке атаки. Слишком много веры в машины, генерал.

А вот этот человек и понятия не имеет, что ведет стремительное наступление.

...И нажать еще три — за папу, на ветвях оливы я всегда хотел, две-две-две, к любимой с пряжками на туфельках, коричневая, все коричневые кнопки вниз, восемь красных — за грех...

— А гаечный ключ зачем? — спросил Маргрейвс.

— Ах это? — Элснер взвесил в руке ключ. — Чтобы после наступления отключить Нильсона.

...И пять — за любовь, и черная, все черные, любимая, кнопки нажать, когда я юным был совсем, я помню брошку на траве...

ВЕЧНОСТЬ

С такой крупной ставкой Чарлсу Денисону не следовало допускать небрежности. Изобретатель вообще не должен позволять себе небрежности, особенно если изобретение крайне значимо и явно патентабельно. Слишком уж много развелось загребущих рук, готовых захапать все, что принадлежит другому; да и людей, жирующих на творчестве неискушенных ученых, куда больше чем нужно.

Определенный параноидальный заскок сослужил Денисону неплохую службу, но ему явно не хватало жизненно важных свойств, необходимых каждому изобретателю. Однако он не осознавал всей степени собственной небрежности, покуда пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, не выбила кусочек гранитной стены всего в трех дюймах от его головы.

Вот тогда-то он и понял. Но, как это зачастую случается, понимание пришло слишком поздно.

Отец оставил Чарлсу Денисону не такое уж и скромное состояние, а посему он поступил в Гарвард и, отслужив положенный срок в военно-морских силах, имел возможность продолжить образование. Когда Денисону исполнилось тридцать два, он занялся частными исследованиями в собственной небольшой лаборатории в Ривердейле, штат Нью-Йорк. Областью его деятельности была биология растений; он опубликовал несколько заслуживающих внимания статей и

Пер. изд.: Sheckley R. Forever. The Shards of Space. New York, Bantam, 1962

Copyright © 1960 by Robert Sheckley
© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

даже продал свою разработку нового инсектицида одной развивающейся корпорации. Гонорары помогли Денисону расширить возможности личной деятельности.

Денисону нравилось работать в одиночку. Это соответствовало его характеру, довольно замкнутому, но вовсе не мрачному. Два-три раза в год он приезжал в Нью-Йорк посмотреть кое-какие спектакли и фильмы, не пренебрегая при этом представившимся поводом пару раз как следует выпить, после чего, удовлетворенный проведенным временем, возвращался домой, к своему добровольному уединению. Он вел холостяцкую жизнь, и, казалось, судьба предопределила ему оставаться таким.

Вскоре после того как Денисон отметил свое сорокалетие, он натолкнулся на некую весьма интригующую путеводную нить, которая выводила его в совершенно иную область биологии. Денисон последовал за этой нитью и, распутывая таинственный клубок, медленно развивал гипотезу. Через три года, благодаря счастливому случаю, он получил окончательные доказательства.

Денисон изобрел самый эффективный эликсир долголетия. Он не служил защитой против насильственной смерти, однако при прочих условиях мог быть справедливо назван сывороткой бессмертия.

Вот тут-то и пришло время для осмотрительности, однако годы уединения лишили Денисона необходимой осторожности по отношению к людям и их побуждениям. Он относился с заметным невниманием к окружавшему его миру, и ему никогда не приходило в голову, что мир-то вовсе не относился с таким же невниманием к нему.

Денисон думал только о своей сыворотке. Конечно, она была ценным и оригинальным открытием. Но вот относилась ли она к тому разряду изобретений, которые необходимо публиковать? Готов ли мир получить эликсир долголетия?

Подобные размышления никогда не приводили Денисона в восторг. Однако со времени появления атомной бомбы многим ученым пришлось учитывать

и этическую сторону своей работы. Денисон тоже учел ее и решил, что бессмертие неизбежно.

Человечество всегда выискивало и исследовало тайны природы, пытаясь уяснить, что как устроено и каким образом действует. Если бы один не открыл огня, рычага, пороха, атомной бомбы или бессмертия, то это обязательно сделал бы другой. Человек хотел знать все тайны природы, и способа сокрыть их просто не существовало.

Приняв на вооружение эту мрачную, но удобную философию, Денисон уложил в портфель все формулы и доказательства, засунул в карман пиджака бутылочку готового продукта на две унции и покинул свою ривердейлскую лабораторию. Уже наступил вечер, а потому Денисон планировал провести ночь в хорошем городском отеле, посмотреть фильм и на следующий день отправиться в вашингтонское Бюро патентов.

В метро Денисон с головой ушел в чтение газеты и едва ли замечал находившихся рядом людей. Он заметил их только тогда, когда человек, сидящий справа, ткнул ему под ребра чем-то твердым. Денисон повернулся и увидел вздернутый носик маленького пистолета, упиравшегося ему в бок. Развернутая газета скрывала оружие от глаз других пассажиров.

— В чем дело? — спросил Денисон.

— Передайте сюда, — велел сосед.

Денисон был ошеломлен. Об открытии знал кто-то еще кроме него самого. Откуда? И как они посмели грабить его прямо в вагоне метро?

Потом он решил, что у него просто хотят отобрать деньги.

— У меня совсем немного, — хрипло произнес Денисон, потянувшись за бумажником.

Сидевший слева мужчина наклонился и шлепнул по портфелю.

— Не деньги, — сказал он. — Микстуру бессмертия.

Каким-то непостижимым образом они о ней знали. А что, если отказаться отдать портфель? Посмеют ли они открыть пальбу в вагоне? Правда, оружие очень малого калибра, и шум выстрелов будет заглушен

грохотом метро. А может, риск оправдывает себя за такой грандиозный приз, которым обладал Денисон?

Он быстро окинул их взглядом. Ничем не примечательные люди, одетые неброско, скорее даже мрачновато. Вид их одежды вызвал у Денисона какие-то неприятные воспоминания, но времени подробно копаться в памяти у него теперь попросту не было. Пистолет больно упирался в ребра.

Поезд подходил к станции. Денисон взглянул на человека слева и уловил отблеск света на крошечном шприце.

Многие изобретатели, занятые исключительно собственными мыслями, имеют замедленные реакции. Но Денисон служил на флоте и командовал орудийным расчетом. А потому сейчас он не стал считать себя пассивным участником событий. Да будь он проклят, если с такой легкостью отдаст свое изобретение.

Денисон рванулся с места, и шприц проткнул рукав пиджака, не задев руки. Он с размаху ударил портфелем человека с пистолетом и попал ему в лоб металлическим уголком. Двери открылись, и Денисон выскочил из вагона, оставив позади выпучивших от изумления глаза грабителей, промчался вверх по лестнице и выбежал на улицу.

Оба грабителя — один с окровавленным лбом — гнались за ним. Денисон мчался вперед, не разбирая дороги и дико озираясь в поисках полицейских.

Сзади послышались крики преследователей: «Держи вора! Полиция! Полиция! Задержите его!»

Они явно были готовы к встрече с полицией и несомненно стали бы утверждать, что портфель и бутылка принадлежат им. Нелепая ситуация! Вдобавок благородное негодование и уверенность в их пронзительных голосах лишали Денисона присутствия духа. Развитие событий Денисону совсем не нравилось.

Самый лучший выход из создавшегося положения — конечно, полицейский. В портфеле полно документов, подтверждавших его личность. А его имя даже обозначено на наружной стороне крышки портфеля. Один взгляд скажет любому...

Денисон заметил отблеск металлической пластинки. Он на бегу взглянул на нее — и оцепенел, увидев на воловьей коже крышки портфеля металлическую пластинку, прикрепленную на том месте, где раньше было обозначено его имя.

Очевидно, это сделал человек, сидевший в вагоне слева от Денисона, когда хлопнул по портфелю.

Денисон ковырнул пластинку, но та держалась крепко.

«Собственность Эдварда Джеймса Флайерти, Смитфилдский институт», — значилось на табличке.

Возможно, от полицейского будет не так уж много проку.

Однако эта проблема имела чисто академический характер, поскольку на переполненной Бронкс-стрит Денисон не замечал ни одного полицейского. Люди шарахались в стороны, когда Денисон пробегал мимо, с разинутыми ртами глазели на погоню, но не вмешивались. Ему никто не помогал, но никто и не мешал. Однако преследователи продолжали вопить: «Держи вора! Держи вора!»

Весь длинный квартал уже был настороже. Люди, словно медлительная домашняя скотина, неохотно включались в действие. Побуждаемые возмущенными криками преследователей, некоторые уже начали предпринимать неуверенные попытки остановить Денисона.

Если он не уравновесит шкалу общественного мнения, то столкнется с определенными неприятностями. Денисон переборол застенчивость и закричал: «На помощь! Грабят! Задержите их!»

Однако его голосу не хватало морального негодования и абсолютной убежденности в своей правоте, присущих двум пронзительным голосам преследователей.

Молодой крепыш уже было преградил путь Денисону, но в последний момент какая-то женщина утянула его в сторону.

— Не нарывайся на неприятности, Чарли.

— Почему никто не позовет полицейского?

— Да? А где они, эти полицейские?

— Я слышал, на большом пожаре в районе 178-й стрит.

— Мы могли бы остановить этого типа.

— Давай начинай. А я за тобой.

Дорогу Денисону внезапно преградила четверка ухмыляющихся юнцов в черных мотоциклетных куртках и ботинках, возбужденная шансом поразвлечься и с наслаждением предвкушающая возможность почесать кулаки во имя закона и порядка.

Увидев их, Денисон резко свернул с тротуара и помчался через дорогу на противоположную сторону улицы. И едва не угодил под автобус.

Он быстро увернулся, упал, поднялся и побежал дальше.

Плотный поток транспорта задержал преследователей. Денисон свернул в боковую улицу, пробежал ее до конца и выбежал на другую, слыша, как постепенно стихают визгливые голоса погони.

Он находился в квартале массивных многоквартирных домов. Легкие Денисона горели, словно он дышал пламенем пышущей жаром печи, а в левом боку кололо так, будто он был прошит насквозь раскаленной докрасна проволокой. Тут уж ничем не поможешь, надо только передохнуть.

И вот тут-то первая пуля, выпущенная из бесшумного оружия, выбила кусочек из гранитной стены всего в трех дюймах от головы Денисона. Именно тогда он осознал всю степень своей беспомощности.

Денисон вытащил из кармана бутылочку. Он-то надеялся провести с сывороткой большое количество экспериментов, прежде чем опробовать ее на людях. Однако теперь выбора не оставалось. Денисон вытащил пробку и единым духом проглотил содержимое.

И тут же побежал снова, поскольку в гранитную стену ударила еще одна пуля. Огромные кварталы многоквартирных домов, тихие и чужие, казалось, никогда не кончатся. На улицах даже не было пешеходов — только Денисон, куда медленнее, чем раньше, бежавший мимо необъятных домов с пустыми глазницами окон.

Сзади него появился длинный черный автомобиль, обшаривающий светом фар двери и проулки. Неужели полиция?

— Вот он! — раздался пронзительный крик одного из преследователей.

Денисон нырнул в узенький переулок между домами, пробежал его насквозь и выскочил на другую улицу. Но там уже стояли еще два подобных автомобиля. Расположившись по противоположным сторонам квартала, автомобили светили фарами навстречу друг другу, пытаясь поймать Денисона в перекрестье лучей. Переулок, откуда выбежал Денисон, тоже был освещен светом фар первого автомобиля. Окружили!

Денисон метнулся к ближайшему дому и рванул дверь. Заперто. Автомобили приближались. И, глядя на них, Денисон вспомнил неприятные ассоциации, уже возникавшие у него в метро.

Оба автомобиля были... катафалками.

Грабители в метро своими угрюмыми лицами, мрачной одеждой, монотонными галстуками и визгливыми негодующими голосами напоминали ему гробовщиков. Они и были гробовщиками!

Ну конечно! Конечно же! Нефтяные компании могли выразить желание заблокировать изобретение дешевого горючего нового типа, которое лишало бы их прибылей; стальные корпорации могли пытаться остановить развитие недорогого, но более прочного, чем сталь, пластика...

А производство сыворотки бессмертия обрекало на крах владельцев похоронных бюро.

За работой Денисона и тысяч других исследователей-биологов велось пристальное наблюдение. И как только он сделал открытие, к этому уже были готовы.

Катафалки остановились. Из них вышли мрачные респектабельные люди в черных костюмах и жемчужно-серых галстуках и со всех сторон обступили Денисона. Портфель тут же вырвали из рук, и он мгновенно почувствовал укол иглы в плечо. Не успев ощутить предобморочное головокружение, Денисон потерял сознание.

Придя в себя, он заметил, что сидит в кресле, по обе стороны которого стоят вооруженные люди. Прямо перед Денисоном расхаживал невзрачного вида низенький толстяк в строгом костюме.

— Меня зовут Беннет, — представился толстячок. — Мистер Денисон, прошу прощения за насилие, которому вы подверглись. О вашем изобретении мы узнали в самый последний момент, и потому нам пришлось пойти на некоторые импровизации. Пули были только средством напугать и задержать вас. Убийство не входило в наши планы.

— Ага. Вы просто хотели украсть мое открытие, — сказал Денисон.

— Не совсем, — возразил мистер Беннет. — Секретом бессмертия мы владеем давно.

— Понятно. Значит, вы хотели утаить бессмертие от людей, чтобы сохранить свой проклятый похоронный бизнес.

— Ну разве можно быть таким наивным? — улыбнулся мистер Беннет. — Ни я, ни мои товарищи — не гробовщики. Мы придумали такую маскировку, чтобы правдоподобнее мотивировать свои действия в случае, если бы наш план захватить вас провалился. Тогда и другие подумали бы точно так же, и только так — как и вы, — что главной нашей целью было обезопасить свой бизнес.

Денисон нахмурился и, наблюдая за толстяком, ждал продолжения.

— Маскировка для нас — обычное дело, — все еще улыбаясь, пояснил мистер Беннет. — Возможно, до вас доходили слухи о новом карбюраторе, разработку которого прикрыли бензиновые компании? Или об универсальном источнике пищи, который утаивают главные поставщики продовольствия? Или о новом синтетическом материале, которому так и не дали появиться хлопкопроизводители? Это все наша работа! А изобретения закончили свой путь здесь.

— Вы пытаетесь произвести на меня впечатление? — спросил Денисон.

— Естественно.

— Зачем же вам понадобилось мешать мне запатентовать сыворотку бессмертия?

— Мир еще не готов для нее, — объяснил мистер Беннет.

— Он не готов для многого, — заявил Денисон. — Почему же вы не заблокировали изобретение атомной бомбы?

— Пытались. Хотели сделать это под маской корыстных интересов угле- и нефтедобывающих компаний, но допустили ошибку. Однако в других случаях мы добились успеха поразительное количество раз.

— И какова же ваша цель?

— Благополучие Земли, — торжественно провозгласил мистер Беннет. — Представьте себе, что произойдет, если люди получат вашу сыворотку. Проблемы рождаемости, производства пищи, жизненного пространства — осложнится буквально все. Напряженность усилится, и война станет реальной угрозой...

— Да ну? — удивился Денисон. — А по-моему, дела и сейчас обстоят именно таким образом. И без всякого там бессмертия. Более того, вопли о гибели мира раздавались после любого изобретения или открытия. Будь то порох, печатный пресс, нитроглицерин, атомная бомба — все они давно бы уничтожили человечество. Однако люди научились управлять ими. Именно так и должно быть! Вы не сможете повернуть историю вспять и закрыть уже сделанное кем-то открытие. Уж если оно есть, человечество должно о нем узнать!

— Да, но с кровавыми, бессмысленными и бесполезными последствиями, — с отвращением заметил мистер Беннет.

— Человек таков, каков он есть.

— Нет, если руководить им надлежащим образом, — заявил мистер Беннет.

— Нет?

— Именно нет, — подтвердил мистер Беннет. — Видите ли, сыворотка бессмертия обеспечит решение проблемы политической власти. Правление неизменной просвещенной элиты — гораздо лучшая форма правления, несравненно лучшая, чем подверженная ошибкам недееспособная демократия. Но обратимся к истории: такая элита — монархия, олигархия, диктатура или же хунта — не способна увековечить

себя. Лидеры умирают, а последователи начинают драться друг с другом за власть, после чего неизбежно наступает хаос. С бессмертием этот последний недостаток будет ликвидирован, то есть не будет прерываться линия лидерства, поскольку лидеры воцарятся навсегда.

— Постоянная диктатура, — съязвил Денисон.

— Да. Постоянное правление небольшой, тщательно отобранной элитарной группы, основанное на исключительном праве обладания бессмертием. Такова историческая неизбежность. Единственный вопрос в том, кому первому удастся захватить власть.

— И вы считаете, что это сделаете именно вы, — заявил Денисон.

— Конечно, наша организация пока еще малочисленна, но абсолютно крепка. И она укрепляется с каждым новым изобретением, попадающим к нам в руки, и каждым новым ученым, присоединяющимся к нам. Пришло наше время, Денисон! Мы бы хотели видеть вас в своих рядах, среди элиты.

— То есть вы хотите, чтобы я присоединился к вам? — изумился Денисон.

— Естественно. Наша организация нуждается в мозгах ученых, способных спасти человечество от самого себя.

— Нет уж, увольте, — сказал Денисон. Сердце его учащенно забилось.

— Вы не хотите к нам присоединиться?

— Мне бы хотелось видеть всех вас повешенными.

Мистер Беннет задумчиво кивнул и сморщил маленькие губки.

— Вы выпили свою сыворотку — не так ли?

Денисон кивнул.

— Полагаю, это означает, что вы убьете меня прямо сейчас?

— Мы не убиваем, — сказал мистер Беннет. — Мы в основном выжидаем. Я думаю, вы разумный человек и, вероятно, еще посмотрите на суть вещей с нашей точки зрения. Мы будем рядом очень-очень долго. Поэтому воля ваша. Уведите его.

Денисона посадили в лифт и опустили глубоко под землю. Потом провели по длинному коридору, вдоль

которого стояли вооруженные люди. Денисон с конвоирами прошли четыре массивные двери и остановились у пятой. Узника втолкнули внутрь, и дверь за ним закрылась.

Он попал в большое, хорошо обставленное помещение. Примерно двадцать человек, находившихся там, подошли поприветствовать его.

Один из них, приземистый, кряжистый мужчина, оказался старым знакомым Денисона по университету.

— Неужто Джим Феррис?

— Точно, — подтвердил Феррис. — Добро пожаловать в Клуб бессмертных, Денисон.

— Я читал, что ты в прошлом году погиб в авиакатастрофе.

— Я просто... исчез, — с печальной улыбкой заметил Феррис. — После изобретения сыворотки бессмертия. Так же, как и прочие.

— Все?

— Из присутствующих здесь пятнадцать человек изобрели сыворотку независимо друг от друга. Остальные добились успехов в других областях. Самый старый член нашего клуба — доктор Ли, изобретатель сыворотки, пропавший в Сан-Франциско в 1911 году. А ты — наше последнее приобретение. Наш клуб, наверное, самое охраняемое на Земле место.

— Тысяча девятьсот одиннадцатый! — только и смог вымолвить Денисон. На него навалилось отчаяние, и он тяжело рухнул в кресло. — Значит, надежды на спасение нет?

— Никакой. Нам предоставлены четыре возможности, на выбор, — объяснил Феррис. — Некоторые уходят от нас и присоединяются к «гробовщикам». Другие кончают жизнь самоубийством. Третьи — их немного — сходят с ума. А оставшиеся образовали Клуб бессмертных.

— Для чего? — изумленно спросил Денисон.

— Чтобы выбраться отсюда, — ответил Феррис. — Добыть свободу и подарить наши открытия миру. Чтобы преградить этим зарвавшимся диктаторчикам путь наверх.

— Но ведь они же должны быть в курсе ваших планов.

— Конечно. Однако они позволяют нам жить, потому что — и довольно часто — кое-кто теряет надежду и присоединяется к ним. И они не думают, что мы когда-нибудь вырвемся отсюда. Они слишком самодовольны. Типичный недостаток всех новоявленных элит и основная причина их падения.

— Но ты же сказал, что это самое охраняемое место на Земле.

— Да, — подтвердил Феррис.

— А кто-нибудь из вас пытался отсюда выбраться за последние пятьдесят лет? Ведь для освобождения понадобится вечность!

— Вечность — как раз именно то, что мы имеем, — сказал Феррис. — Однако мы надеемся, что столь длительный срок нам не потребуется. Каждый новичок приносит свои планы и идеи. Что-нибудь да сработает, обязательно.

— *Вечность.* — Денисон закрыл лицо руками.

— Ты можешь присоединиться к ним, — твердым голосом произнес Феррис. — Или покончить с собой. Либо просто сидеть в уголке и потихонечку сходить с ума. Выбирай.

Денисон уставился в потолок.

— Я должен быть честен и с вами и с собой. Не уверен, что мы выберемся. Более того, я даже не уверен, что кто-нибудь из вас думает, будто мы сможем это сделать.

Феррис пожал плечами.

— А с другой стороны, — продолжал Денисон, — считаю это чертовски привлекательной идеей. И если вы введете меня в курс дела, я пожертвую всем ради проекта «Вечность». И будем надеяться, что их самодовольство сохранится.

— Наверняка, — сказал Феррис.

Освобождение, конечно, не потребовало вечности. Через каких-то сто тридцать семь лет Денисону и его коллегам удалось вырваться из заточения и раскрыть заговор «гробовщиков». «Гробовщики» предстали перед Высшим Судом по обвинению в похищении людей, тайной подготовке свержения правительства и

нелегальном владении бессмертием. Вину признали по всем статьям обвинения, а наказание определили суммарным сроком.

Однако Денисон и его коллеги тоже незаконно обладали бессмертием, что являлось исключительной привилегией нынешней правящей элиты. Их не предали смертной казни ввиду большой услуги, оказанной государству Клубом бессмертных.

Но прощение оказалось преждевременным. Спустя несколько месяцев члены Клуба бессмертных ушли в подполье, открыто провозгласив своей целью свержение правящей элиты и распространение бессмертия в массы. Проект «Вечность», как именовали его сами члены клуба, получил поддержку у диссидентов, которых еще не успели арестовать. Однако это не считалось серьезной угрозой.

Но сия уклонистская акция никоим образом не умаляет славы Клуба, коей он себя покрыл, совершив побег от «гробовщиков». Гениальный способ, с помощью которого Денисон и его коллеги выбрались из, казалось бы, неприступной тюрьмы, используя лишь стальную пряжку от брючного ремня, моток вольфрамовой проволоки, три куриных яйца и двенадцать химикалий, без труда и задержки добываемых из человеческого тела, слишком хорошо известен, чтобы о нем здесь лишний раз упоминать.

НОСИТЕЛЬ ИНФЕКЦИИ

Эдвард Экс проснулся, зевнул и потянулся. Потом покосился на солнечный свет, льющийся через открытую восточную стену его однокомнатной квартиры, и позвал одежду.

Она не подчинилась! Экс прогнал сон и повторил приказ. Но дверь шкафа осталась закрытой, а одежда не двигалась. Основательно встревоженный, Экс вскочил с кровати. Он вновь начал было формулировать ментальную команду, но остановил себя. Нельзя паниковать. Если одежда не подчиняется, значит, в этом виновато его полусонное состояние.

Экс неторопливо повернулся и подошел к восточной стене. Он откатил ее ночью и сейчас остановился там, где обрывался пол, и взглянул на город.

Было раннее утро. Молочники уже разносили молоко по террасам. Мужчина в вечернем костюме пролетел мимо, как раненая птица. Пьян, заключил Экс по неуверенной левитации. Мужчина накренился, увернулся от молочника и, недооценив высоту, упал с двух футов. Чудом сохранив равновесие, он потряс головой и продолжил свой путь пешком.

Экс ухмыльнулся, наблюдая, как тот, покачиваясь, брел по улице. Там для него будет безопаснее. Никто не пользуется улицами, кроме нормалов или психов, которые по какой-нибудь причине решили прогуляться. Но лавировать в таком состоянии... Либо его

Печатается по изд.: Шекли Р. Носитель инфекции: В сб. Иные миры, иные времена. — Л.: СП «Смарт», НТПО «Боей», 1991

© 1990 Л. Резник, перевод на русский язык

зажмет телепортационный парашют, либо он свернет себе шею между домами.

За окном пролетел разносчик газет. Из кармана на его бедре высовывались защитные очки. Паренек выровнял дыхание и взлетел к особняку, выстроенному на крыше двадцатиэтажного небоскреба.

Особняк, — думал Экс, — вот это жизнь! Он жил на четвертом этаже такого старого здания, что здесь была даже лестница с лифтом. Вот когда он закончит Университет Микровски... когда получит степень...

Но сейчас не время мечтать. Мистер Оплен не любил опозданий, а работа в его магазине позволяла продолжать учебу.

Экс открыл стенной шкаф и оделся. Потом, совершенно спокойно, приказал постели застелиться. Одеяло наполовину приподнялось и упало назад на кровать. Экс сердито повторил приказ. Простыни лениво разгладились, одеяло медленно поползло на место. Подушка двигаться не желала.

После пятого приказа подушка легла в изголовье кровати. Уборка постели заняла пять минут. Обычно на это требовались секунды.

Ужасная мысль потрясла Экса, его колени задрожали. Он был не в состоянии управлять простейшей телепортацией! Это — болезнь.

Но почему? Как она началась? Он не испытал никаких необъяснимых напряжений, не ломал голову над безнадежными проблемами. Он только начал жить в свои двадцать шесть! Занятия в университете шли успешно. Его главный показатель был в первой десятке, а показатель восприимчивости — у высшего уровня Спящего. Почему это должно было случиться с ним? Почему именно его угораздило подхватить последнюю оставшуюся на Земле болезнь?

— Будь я проклят, если плохо себя чувствую, — сказал Экс громко и вытер с лица пот.

Он быстро скомандовал стене закрыться, и она сделала это! Мысленной командой он открыл кран, поднял стакан, наполнил его и поднес к себе, не уронив ни капли.

— Временная блокада, — сказал он сам себе, — флюктуация. Возможно, я просто перезанимался. Больше общения — вот что мне надо.

Он послал стакан назад, любуясь его скольжением по воздуху и игрой солнечных бликов на гранях.

— Я так же хорош, как и вчера, — сказал Экс.

Стакан упал и разбился.

— Просто временное потрясение, — придумал он новое оправдание.

Конечно, следует обратиться в службу пси-здоровья для проверки. Если твои пси-возможности не в порядке — не медли. Иди на обследование.

Но агенты службы пси-здоровья нервные ребята. Если он попадется им на глаза, ему гарантировано несколько лет лечения в одиночке. И все — ради безопасности.

Это будет конец. Экстраверт в высшей степени, Экс понимал, что никогда не сможет выдержать одиночного заключения. Оно полностью разрушит его пси-возможности.

— Тупицы!

Выругавшись, Экс подошел к отодвигающейся стене, посмотрел вниз, напрягся и выпрыгнул. В какое-то ужасное мгновение ему показалось, что утрачены даже основы искусства левитации. Но он взял себя в руки и полетел к магазину мистера Оплена. Летел Экс неуверенно, как раненая птица.

Штаб-квартира службы пси-здоровья располагалась на восемьсот третьем этаже гудящего от активности здания. Посыльные влетали и вылетали в огромные окна, проносились через комнату, чтобы бросить свои отчеты на стол приема. Другие отчеты телепатировались и записывались конторскими девицами с телепатической чувствительностью третьего класса. Образцы телепортировались через окна. Худенькая пси-девушка четвертого класса собирала отпечатанные бумаги и левитировала их через комнату регистрирующим клеркам.

Трое посыльных, смеясь, влетели в окно. Перелетая через комнату, один из них зацепил кипу отчетов.

— Почему вы так неосторожны? — сердито спросила девушка четвертого класса. Ее бумаги упали на пол и пришлось левитировать их назад.

— Извини, сладкая моя, — сказал посыльный, опуская отчет на стол.

Он подмигнул ей, сделал петлю под потолком и вылетел в окно.

— Нервы, — промурлыкала девушка, глядя ему вслед.

Оставленные без внимания бумаги опять стали расползаться.

Конечный продукт всей этой деятельности возвышался на черном столе старшего офицера службы пси-здоровья Пола Мэрина.

— Что-то не так, шеф?

Мэрин поднял взгляд на своего ассистента Джо Леферта и кивнул. Молча он вручил ему пять регистрационных карточек. Это были сообщения о болезнях.

— Джун Мартинелли, официантка. «Серебряная корова», 4543, Бродвей. Наблюдения: нарушение психомоторных функций. Диагноз: резкая потеря самоуверенности. Заразна. Карантин на неопределенное время.

Остальные донесения были о том же.

— Довольно мало, — сказал Леферт.

Еще одна стопка карточек упала на черный стол. Мэрин их бесстрастно просмотрел.

— Еще шесть.

Он повернулся к большой карте Нью-Йорка и булавками отметил новые точки.

Леферту не было необходимости говорить. Даже не направленная, его мысль была достаточно сильна, чтобы Мэрин ее уловил: «ЭПИДЕМИЯ!»

— Держи это при себе, — сказал низким голосом Мэрин.

Он прошел назад к столу, размышляя, что означают одиннадцать случаев в один день, если обычная норма — один случай в неделю.

— Собери мне все сведения об этих людях, — сказал Мэрин Леферту, вручая ему регистрационные карточки. — Нужен список, с кем они были в контакте за последние две недели. И без шума.

Леферт поспешил уйти.

Мэрин чуть-чуть подождал и послал телепатический вызов Крэндолу, главе проекта Спящего. Обычно такого рода послания проходили через группу телепатически чувствительных девушек. Но Мэрин обладал пси-возможностями невероятной силы. К тому же после многих лет совместной работы у них с Крэндолом было полное взаимопонимание.

— Что такое? — спросил Крэндол. Сопроводительный идентифицирующий образ имел все, даже не поддающиеся описанию особенности человека.

Мэрин быстро обрисовал ситуацию.

— Я хочу, чтобы ты разобрался, случайный это разброс или мы имеем дело с носителем инфекции, — закончил он.

— За это с тебя причитается ужин, — телепатировал Крэндол. На самой периферии ощущений чувствовалось, что он сидит на молу и рыбачит. — Ужин в «Орлах».

— Хорошо. У меня все данные. Пять тридцать подходит?

— Мой мальчик! Давай, пожалуйста, в шесть тридцать. Человеку моей... э-э... комплекции не пристало левитировать слишком быстро. — Завершающий образ представлял собой чрезвычайно туго набитую колбасу.

— Тогда до шести тридцати.

Контакт завершился. На мгновение Мэрин пожелал стать медиком из прошлого. Там бы у него был хороший жирный микроб для охоты.

Диагноз: «РЕЗКАЯ ПОТЕРЯ САМОУВЕРЕННОСТИ». Попробуй рассмотреть это под микроскопом.

Мэрин вспомнил об официантке. Первый случай. Возможно, она ставила тарелки. Сомнения пустили корни в ее мозгу за несколько часов до этого, за несколько минут...Расцвели...Тарелки упали. И сейчас девушка серьезно больна последней болезнью человечества. ПОТЕРЯ КООРДИНАЦИИ ДВИЖЕНИЙ. Ей

придется отправиться в одиночку, чтобы не заражать других. На какой срок? День, год, жизнь?

Между тем некоторые из ее клиентов могли заразиться. И принести болезнь своим женам...

Мэрин сел прямо и послал телепатический вызов жене. Ее ответные мысли пришли быстро и были наполнены теплотой.

— Хэлло, Пол!

Он сообщил ей, что будет работать допоздна.

— Хорошо, — сказала она, но во всех сопутствующих мыслях чувствовалось смущение. Ей очень хотелось узнать, в чем дело, но она понимала, что муж не может ответить, и не спросила.

— Ничего серьезного, — коротко ответил Мэрин на невысказанный вопрос и тут же пожалел. Ложь, неправда, полуправда, даже маленький обман с самыми лучшими намерениями телепатировались отвратительно. Тем не менее он не взял свои слова обратно.

В пять часов служащие отделов откладывают свои бумаги и устремляются к окнам, чтобы лететь домой в Уэстчестер, Лонг Айленд и Нью-Джерси.

— Порядок, шеф, — сказал Леферт, подлетая к столу с толстым портфелем в руках, — больше никого?

— Я бы хотел, чтобы ты был наготове, — сказал Мэрин, взяв портфель, — добавь еще агентов.

— Хорошо. Что-то должно стрястись?

— Не знаю. Иди лучше ужинать.

Леферт кивнул. Его глаза заблестели, и Мэрин понял, что Леферт уже успел телепатировать жене в Гринвич, чтобы к ужину его не ждали.

Мэрин чувствовал себя очень одиноко. Только он и эта возможная эпидемия.

Точно в шесть двадцать Мэрин взял портфель и полетел к «Орлам».

Ресторан «Орлы» висел на высоте двух тысяч футов над Нью-Йорком, опираясь на спины двухсот мужчин. Мужчины были рабочими первого класса

пси, прошедшими правительственную проверку. Приближаясь, Мэрин увидел их под фундаментом здания. Ресторан плавал, легко поддерживаемый необыкновенной пси-силой.

Мэрин спустился за столик почетных гостей.

— Приветствую вас, мистер Мэрин, — сказал главный официант. — Вы должны посещать нас иногда и в других местах. Если будете в Майами, то помните, «Орлы» есть и там. Еда высшего качества.

И цены высшего качества, подумал Мэрин, заказывая мартини. Владелец «Орлов» был баловнем судьбы. Воздушные рестораны стали обычным явлением, но ресторан «Орлы», первый среди них, все еще оставался самым популярным. А его хозяин ухитрялся не платить даже налог с собственности, так как после закрытия ресторана улетал на свою базу в Пенсильвании.

Терраса начала приподниматься, когда прибыл запыхавшийся и вспотевший Крэндол.

— Боже мой, — выдохнул он, садясь, — почему больше нет самолетов? Всю дорогу дул встречный ветер. Виски со льдом.

Официант поспешил за заказом.

— Что у тебя так неожиданно появилось к выходному? — спросил Крэндол. — Полеты на длинные дистанции — для сильных молодых обезьян. А я работник умственного труда. Как твоя жена?

— Так же, — сказал Мэрин и бесстрастно улыбнулся.

Он заказал обед и вручил Крэндолу портфель.

— Гм-м.

Крэндол склонился над страницами. По мере запоминания информации его породистое лицо с резкими чертами приобретало все более рассеянное выражение.

Пока Крэндол читал, Мэрин окинул взглядом террасу. Солнце уже почти зашло, стемнело. Под ними светились огни Нью-Йорка, а над ними поблескивали звезды.

Быстро перелистывая страницы, Крэндол забыл про свой суп. Еще до того как суп остыл, все было просмотрено.

— Так-так, о чем мы будем говорить?

Лучший среди пси-вычислителей, Крэндол как никто другой подходил на место главы проекта Спящего. Подобно другим вычислителям, он выполнял свою работу машинально, не обращая внимания на данные, когда память их усваивала. Бессознательно информация поглощалась, проверялась, сравнивалась, синтезировалась. За несколько минут или часов получался ответ. Но, помимо огромного таланта, Крэндол обладал недостатками. Он не мог выдержать, к примеру, тест на левитацию, предназначенный для разносчиков газет. А о телепортационных и телекинетических способностях вообще не могло быть и речи.

— Есть что-нибудь новое о Спящем? — спросил Мэрин.

— Все еще спит. Кое-кто из наших ребят сварганил технику подсознательной инфильтрации. Через пару дней будут пробовать.

— Думаешь, сработает?

Крэндол засмеялся.

— Я предсказал вероятность один к одному. Высока, если сравнивать с предыдущими попытками.

Крэндолу подали речную форель, свежую, телепортированную чуть ли не из горного ручья. За ней последовало мясо для Мэрина.

— Ты думаешь, что-нибудь подействует? — спросил Мэрин.

— Нет. — Лицо Крэндола стало серьезным. — Я не верю, что Спящий когда-нибудь проснется.

Мэрин нахмурился. Проект Спящего был самым важным и наименее удачным. Он начался около тридцати лет тому назад. Пси стало нормой, но все еще было непредсказуемо. Оно прошло долгий двухсотлетний путь от экспериментов Райна по экстрасенсорному восприятию, но идти надо было намного дальше.

Микровски приобрел множество талантов с пси-точки зрения. Чрезвычайно чувствительный, с пси-возможностями на уровне гения, он был самым выдающимся человеком своего времени.

С людьми, подобными Крэндолу, Майерсу, Блэйсенку и другим, Микровски возглавлял телекинети-

ческие проекты, исследовал теорию мгновенного переноса в телепортации и проверял наличие новых, еще не открытых пси-возможностей.

В свободное время он работал над собственными любимыми идеями и основал Школу парапсихологических исследований, названную позднее Университетом Микровски.

То, что ДЕЙСТВИТЕЛЬНО случилось с Микровски, обсуждалось годами. Однажды Крэндол и Блэйсенк обнаружили его лежащим на диване с пульсом слабым настолько, что его почти нельзя было обнаружить. Вернуть его к жизни не удалось.

Микровски всегда верил, что разум — самостоятельная, отличающаяся от тела сущность. Некоторые считали, что он открыл технику проективного отделения разума от тела.

Но ему разум не удалось возвратить.

Кое-кто утверждал, что разум Микровски сломался из-за перенапряжения и его хозяин погрузился в состояние кататонии. В любом случае периодические попытки разбудить его оказывались безуспешными. Крэндол, Майерс и еще несколько человек поддерживали проект и получали для него все, в чем только возникала нужда. Огромная ценность гения Микровски была общепризнана.

Там, где лежало тело Спящего, выросло надгробие, ставшее Меккой для туристов.

— Есть у вас идеи, что он мог искать? — спросил Мэрин.

— Не думаю, что он сам знал это, — ответил Крэндол, принимаясь за шерри. — Чертовски странный человек, самый странный в мире. Не любил говорить о деле до тех пор, пока не мог швырнуть его тебе в лицо законченным. Ни у кого из нас не было причин подозревать, что такое могло случиться. Мы были уверены, что звезды и бессмертие ждут нас уже за углом. — Он покачал головой. — Ах, молодость, молодость...

За кофе Крэндол поднял глаза, поджал губы и нахмурился. Произошел синтез усвоенных им данных. Сознательная часть его разума получила ответ тем способом, который раньше называли интуицией, до

тех пор пока пси-исследования не связали это темное явление с подсознательным мышлением.

— Знаешь, Мэрин, определенно мы имеем дело с разрастающейся эпидемией. Это не случайный разброс.

Мэрин почувствовал, как в груди все сжимается. Он телепатировал короткий вопрос:

— Есть разносчик инфекции?

— Есть. — Крэндол мысленно отметил имя в своем списке. Его подсознание произвело корреляцию частотных факторов, табулировало вероятность и выдало: — Его зовут Эдвард Экс. Он студент, живет на 4-й авеню, 141.

Мэрин немедленно телепатировал Леферту приказ взять Экса.

— Оставь, — вмешался Крэндол, — Я думаю, что его нет. Вот вероятный расчет его перемещений.

— Все равно, сначала проверь дом, — сказал Леферту Мэрин. — Если его там нет, проверь следующую вероятность. Я встречусь с тобой внизу в городе, если вы его выследите. — Он разорвал контакт и повернулся к Крэндолу. — Я могу рассчитывать на ваше сотрудничество? — Это был в какой-то мере даже не вопрос.

— Разумеется, — уклончиво ответил Крэндол, — здоровье в первую очередь. А Спящий и не собирается шевелиться. Я сомневаюсь, что так уж трудно окажется взять Экса. Сейчас он должен быть полным калекой.

При посадке Экс потерял равновесие и тяжело упал на колени. Он поднялся, отряхнулся и пошел пешком. Неаккуратная левитация, отметил он про себя. Значит, ЭТО продолжается.

Трущобы Нью-Йорка были заполнены нормалами, людьми, не владевшими даже основами пси-энергетики. Всю эту массу народа никогда не видели в более респектабельных районах города. Экс смешался с толпой, чувствуя себя в большей безопасности.

Внезапно он обнаружил, что голоден. Зайдя в закусочную, он уселся у пустого прилавка и заказал гамбургер. У повара уже был один готовый. Телепортировав гамбургер на тарелку, повар, не глядя, легко опустил ее перед Эксом.

Тот мысленно выругал повара: ему хотелось кетчупа. Он надеялся, что бутылка сама заскользит по прилавку, но она не сдвинулась с места. Пришлось протянуть руку. Делая такие ошибки, надо следить за каждым своим шагом.

Экс начал постигать, что значит быть калекой.

Покончив с едой, он вытянул руку ладонью вверх, ожидая, что на нее опустятся деньги из кармана. Но они, конечно, не опустились. Экс медленно выругался. Он так часто делал это... Казалось невозможным утратить одновременно все свои способности.

Но он уже знал, что утратил их. Так решила бессознательная часть его разума, и никакая внушенная самоуверенность помочь не могла.

Повар смотрел на него с удивлением. Эксу пришлось полезть в карман, найти деньги и заплатить. Он попытался улыбнуться и поспешил уйти.

Чудной парень, решил повар. Он уже перестал думать об этом, но далеко в глубине разума продолжал оценивать увиденное. Невозможность командовать бутылкой... Невозможность командовать монетами...

Экс вышел на переполненную грязную улицу. Ноги начали болеть. В жизни он не ходил так много. Вокруг перемешались нормалы и пси. Нормалы ходили так, как ходили всю жизнь. Пси, непривычные к длительным пешим прогулкам, выглядели неуклюже. С облегчением они взмывали в свою привычную стихию — воздух. Люди приземлялись и взлетали, воздух был заполнен телепортируемыми объектами.

Оглянувшись назад, Экс увидел хорошо одетого мужчину. Тот спустился на землю, остановил одного из гуляющих пси, поговорил с ним и пошел восвояси.

Агент службы здоровья! Экс догадался, что его выследили. Он повернул за угол и побежал.

Чем дальше он бежал, тем темнее становились улицы. С трудом переставляя гудящие ноги, Экс

попытался левитировать, но не смог даже оторваться от земли.

В панике он пытался телепатировать друзьям. Бесполезно. Телепатические возможности тоже исчезли.

Шок накрыл его, как океанская волна. Экс наткнулся на фонарный столб и остановился. Пришло полное понимание.

В мире, где люди летали, он был привязан к земле.

В мире телепатических контактов он мог общаться лишь неуклюжими словами на расстоянии слышимости.

В мире, где не было нужды в искусственном свете, он мог видеть лишь тогда, когда это позволяли его глаза.

Калека. Слепой, глухой, немой.

Он шел вперед по сужающимся улицам, по грязноватым сырым переулкам. У него было лишь одно преимущество. Неполноценный мозг не транслировал сильную идентификационную волну. Это затрудняло поиски.

Экс решил, что ему необходимо убежище. Какое-нибудь место, где он никого не сможет заразить, а офицеры службы здоровья не смогут его найти. Возможно, ему удастся снять жилье у нормалов. Он мог бы остаться там и разобраться, что с ним не так, подлечиться. К тому же он не может быть один. Нормалы — это лучше, чем отсутствие людей вообще.

Экс дошел до конца переулка, где улицы переплетались. Автоматически он включил свои чувства локации, пытаясь узнать, что впереди.

Бесполезно. Они были парализованы, так же мертвы, как и все остальное. Но правый поворот казался безопасным. Он направился туда.

— Не надо!

Экс закружился, напуганный произнесенными словами. Из подъезда к нему выбежала девушка.

— Меня ждут? — спросил Экс. Его сердце колотилось.

— Офицеры службы здоровья. Они знают, что ты повернешь направо. Что-то говорили насчет твоего правостороннего тропизма, я в этом не разбираюсь. Иди налево.

Экс посмотрел на девушку. Сначала он подумал, что ей около пятнадцати, но потом увеличил ее возраст до двадцати. Маленькая, стройная, с большими темными глазами на худеньком лице.

— Почему ты мне помогаешь?

— Мне поручил мой дядя, — ответила девушка. — Спеши.

Времени для дальнейшей аргументации не было. Экс побежал по переулку за девушкой, беспокоясь, что не успеет за ней.

Девушка была из нормалов, если судить по ее уверенным широким шагам. Но как она могла перехватить разговор офицеров службы здоровья? Почти наверняка он телепатирован узким лучом. Возможно, ее дядя?

Переулок кончился двором. Экс вбежал и остановился. С крыши зданий летели вниз люди. Кольцо окружения сжималось.

Офицеры службы здоровья!

Экс оглянулся, но девушка мчалась назад по переулку. Экс прислонился спиной к зданию, удивляясь, как можно так сглупить! Именно так они обычно берут людей. Спокойно, чтобы никого не заразить.

Проклятая девчонка! Он собрался бежать, но больные ноги не слушались.

Как и предсказывал Крэндол, подумал шеф службы здоровья.

— Держите его за руки и за ноги.

Вися в футах пятидесяти над землей, Пол Мэрин наблюдал за операцией.

Он смотрел без жалости. Агенты действовали осторожно. Зачем использовать против жертвы силу своих умов? А кроме того, он же калека.

Они уже почти взяли его, когда...

Экс стал постепенно исчезать. Мэрин спустился пониже, не веря своим глазам. Экс растворялся в стене, становился ее частью, таял.

Потом его не стало...

— Ищите дверь! — телепатировал Мэрин. — И проверьте тротуар!

Пока агенты производили осмотр, Мэрин размышлял над увиденным. Поиски дверей — оправ-

дание для его агентов. Хорошо, если они думают, что человек исчез через потайную дверь. На пользу их уверенности в себе, их здравомыслию не пойдет, если они поверят в то, что случилось на самом деле.

Калека Экс растворился в стене.

Мэрин приказал обыскать здание. Но там не было ни следа, ни Экса, ни волн его мозга. Он исчез, будто его никогда не было.

Но как? — спросил себя Мэрин. Кто-то помог ему?

Кто мог помочь заразному?

Первое, что увидел Экс, когда пришел в сознание, была потрескавшаяся оштукатуренная стена прямо перед ним. Он смотрел на нее долго, наблюдая, как пылинки плавают в воздухе над кроватью, покрытой изорванным коричневым одеялом.

Кровать! Он сел и огляделся. Это была маленькая розовая комната. По потолку бежали длинные трещины. Единственным предметом мебели, не считая кровати, был простой деревянный стул, стоящий у полуоткрытой двери.

Но как он сюда попал? Экс помнил события прошлой ночи. Да, скорее всего, это была прошлая ночь, подумал он. Белая стена, офицеры службы здоровья... Наверное, его спасли. Но как?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил от дверей девичий голос. Экс повернулся и узнал бледное выразительное лицо. Это была девушка, предупредившая его прошлой ночью.

— Я чувствую себя хорошо. Но как я здесь очутился?

— Мой дядя перенес тебя, — ответила девушка, входя в комнату. — Ты, должно быть, голоден.

— Не особенно.

— Тебе надо поесть. Мой дядя говорил, что дематериализация — значительная нагрузка на нервную систему. Знаешь, именно так он спас себя от пси. — Она помолчала. — Я могу принести тебе очень хороший бульон.

— Он ДЕМАТЕРИАЛИЗОВАЛ меня?

— Он может делать разные вещи наподобие этого, — сказала девушка безмятежно. — Такая власть пришла к нему после смерти. — Она открыла окно. — Так принести тебе бульон?

Экс недовольно посмотрел на нее. Ситуация становилась все более ирреальной именно тогда, когда он нуждался в четком понимании действительности... Эта девушка, кажется, считает совершенно нормальным иметь дядю со способностями и энергией для дематериализации, хотя пси-наука никогда ничего не знала об этом.

— Принести бульон? — опять спросила девушка.

— Нет, — ответил Экс.

Он заинтересовался, почему она так упорно предлагает ему еду. Внешность девушки ни о чем ему не говорила. Она была достаточно симпатична даже в дешевеньком, ни на что не претендующем платье. У нее были необычные черные глаза и необычно холодное выражение лица. А точнее — отсутствие выражения.

На некоторое время Экс придержал свои опасения и спросил:

— Твой дядя — пси?

— Нет, мой дядя не обладает пси-энергией. Его сила — духовная.

— Ясно, — сказал Экс и подумал, что это и есть ответ.

В течение всей истории люди предпочитали верить, что их природный пси-талант был результатом вмешательства демона. Странная энергия была даром дьявола, пока пси не отрегулировали и не объяснили. Но даже в эти дни находились наивные нормалы, люди, предпочитающие верить, что случайные вспышки колоссальной силы — порождение духа. Очевидно, дядя попадал в эту категорию.

— Давно ли твой дядя может делать подобные вещи? — спросил Экс.

— Только около пяти лет. С тех пор, как умер.

— Совершенно верно, — раздался голос. Экс быстро оглянулся. Голос как будто шел из-за спины. —

Не ищи. Единственное в этой комнате — мой голос. Я дух дяди Кари — Джона.

Экс испытал короткий приступ паники, но потом понял трюк. Это был, конечно, телепатированный голос, умело сфокусированный, чтобы создать эффект речи. Телепатированный голос может означать только одно: это пси, выдающий себя за духа.

— Мистер Экс, — сказал голос, умело симулируя произнесенные слова, — своим вмешательством я спас вас. Вы — пси-калека, заразный. Арест и изоляция — для вас катастрофа. Правда ли это?

— Вполне.

Своими притупившимися чувствами Экс пытался прозондировать источник голоса. Имитация была абсолютной. Никакой признак не указывал на то, что источник — телепатия человека.

— Возможно, вы чувствуете ко мне определенную благодарность? — спросил голос.

Экс посмотрел на девушку. Ее лицо оставалось лишенным выражения.

— Конечно, — ответил он.

— Я знаю ваше желание, — сказал дядя Джон, — вы желаете получить убежище на достаточное время, чтобы восстановить свою энергию. И вы его получите, Эдвард Экс. У вас будет убежище.

— Я вам очень благодарен.

Экс быстро соображал, пытаясь обдумать дальнейший план действий. Притвориться, что он верит в духа? Наверняка телепатирующий пси знает, что человек, обученный в университете, не может принять на веру что-либо подобное. С другой стороны, он может иметь дело с невротиком, разыгрывающим духа по каким-то своим причинам. Экс решил подыграть. Чужие претензии его не касаются. Его дело — убежище.

— Я уверен, вы не откажете мне в одной любезности, — сказал голос.

— Что вы хотите? — Экс немедленно насторожился.

— Я чувствую ваши мысли. Вы думаете, что можете оказаться втянутым в опасное дело. Уверяю, это не так. Хоть я и не всесилен, но обладаю определенной

мощью, не известной ни вам, ни пси-науке вообще. Примиритесь с этим фактом. Ваше спасение — лучшее тому доказательство. И примите к сведению, что все это крепко связано с вашими собственными интересами.

— Когда я должен буду выполнить поручение? — спросил Экс.

— Когда придет время. А сейчас до свидания, Эдвард Экс.

Голос умолк.

Экс сел на стул. А что, если дядя — пси-мутант? Следующий уровень эволюции. Что тогда?

Кари вышла и вернулась с супом.

— Кто был твой дядя? — спросил Экс у девушки. — Что за человек?

— О, он был очень хороший человек, — сказала девушка, осторожно разливая суп, — сапожник. Он взял меня к себе после смерти моего отца.

— Обнаруживал ли он какие-нибудь признаки пси-энергии? Или другой необычной энергии?

— Нет, он вел спокойный образ жизни. Это началось, только когда он умер.

Экс с жалостью посмотрел на девушку. Ее участь была самой печальной. Пси, без сомнения, прочел ее разум и обнаружил, что дядя умер. А теперь использует ее как пешку. Жестокая игра.

— Пожалуйста, ешь суп, — сказала девушка.

Экс автоматически принялся за еду, глядя ей в лицо. Потом его рука опустилась.

— И ты ешь, — сказал он.

Первые признаки румянца появились на щеках девушки. Словно извиняясь, она принялась за суп, даже немного расплескав его от волнения.

Парусная шлюпка резко накренилась, и Мэрину пришлось на фут опустить главный парус, чтобы добиться равновесия. Жена, сидящая на носу шлюпки, качнулась к нему, наслаждаясь этим ныряющим движением.

Внизу можно было видеть гряду грозных туч, рождение шторма.

— Давай устроим пикник на тех облаках, вон там.

Майра указала на участок перистых облаков, ярко отражающих солнечные лучи над грозовыми тучами. Мэрин изменил курс. Жена легла на носу, вытянув ноги к мачте.

Едва заметив это, Мэрин принял на себя полный вес лодки. Все легкое снаряжение весило двести фунтов вместе с парусами. Суммарный вес его и Майры добавил еще двести шестьдесят фунтов, а тестированные возможности Мэрина левитировать превышали две тонны.

Почти всю работу делал ветер. Управляющие лодкой должны были лишь прилагать достаточное усилие, чтобы удерживать ее в воздухе. Ветер нес их как белое перышко.

Мэрин не мог забыть разносчика инфекции. Куда мог исчезнуть Экс? Дематериализация? Невозможно! Но это было.

Экс в стене. Прошел и... — никакого отверстия.

— Прекрати думать, — сказала Майра. — Доктор велел тебе не думать сегодня ни о чем, кроме меня.

Мэрин знал, что у него не было ни утечки мыслей, ни каких-либо изменений в выражении лица. Просто Майра очень чувствительна к его настроению. Ему не надо было делать какую-нибудь веселую гримасу, чтобы показать, что он счастлив, или плакать, чтобы продемонстрировать грусть.

Мэрин остановил легкую лодку среди облаков и, сориентировавшись по ветру, спустил парус. Они устроили пикник на носу. Мэрин осуществил большую часть левитации, хотя Майра тоже пыталась... деликатно.

Так она пыталась уже семь лет после частичного заражения от носителя инфекции. Хотя пси-возможности никогда не покидали ее полностью, они были судорожными.

Еще одна причина для охоты на Экса.

Сандвичи Майры были очень похожи на нее: маленькие и красивые. И вкусные, подумал Мэрин, телепатируя мысль.

— Зверь, — громко сказала Майра вслух.

Солнце изливало на них тепло своих лучей. Мэрин ощущал удивительную негу. Они вдвоем были распростерты на палубе. Поддержку Мэрин осуществлял чисто рефлекторно. Он отдыхал, как ему не приходилось отдыхать много недель.

— МЭРИН!

Мэрин насторожился, пробужденный от своего полусна телепатированным голосом.

— Пойми, мне ужасно жаль, парень. — Это был Крэндол, надоедающий и извиняющийся. — Я ненавижу портить тебе отдых, но у него есть след. Чертовски занятный след. Очевидно, наш носитель инфекции не нравится кому-то еще. Мне сообщили, где он будет в четыре часа.

— Я иду, — сказал Мэрин, — мы не можем позволить себе пропустить хоть что-то. — Он разорвал контакт и обернулся к жене. — Пожалуйста, извини меня, дорогая.

Она улыбнулась. В ее глазах ясно читалось понимание. Майра не попала в узкий луч послания Крэндола, но сумела разобраться, что к чему.

— Ты сможешь опустить все это? — спросил Мэрин.

— Конечно. Счастливой охоты.

Мэрин поцеловал ее и выпрыгнул из лодки. Несколько секунд он следил, удается ли ей удерживать лодку под контролем. Потом телепатировал в службу проката:

— Моя жена все вам вернет, присматривайте за ней.

Мэрин резко бросился вниз. Он был настолько занят расчетами темпов разрастания болезни, что едва успел вовремя увидеть кинжал.

Клинок пронесся мимо, потом развернулся в двадцати футах и опять атаковал. Мэрин попытался достать его мысленно, но телекинетически управляемый клинок вырвался. Все же он чуть-чуть отклонил его, зацепив, и наконец взял в руки. Тут же Мэрин попытался обнаружить владельца, но тот исчез без следа.

Но не совсем. Мэрину удалось ухватить самый кончик идентификационной волны нападавшего, хуже всего поддающейся контролю. Он задумался над ней, пытаясь воссоздать образ. И он его получил.

Экс!

Экс! Калека! Слепой Экс, заразный, исчезнувший в стене. Он же, очевидно, смог трусливо направить кинжал.

Или кто-то сделал это вместо него.

Угрюмо, с возрастающей уверенностью, что дело усложняется, Мэрин левитировал в отдел пси-здоровья.

Эдвард Экс неподвижно лежал в полутемной комнате на изорванном коричневом одеяле. Его глаза были прикрыты. Мускулы ног дрожали. Он старался расслабить их.

«Расслабление — один из ключей к пси-энергии. Полное расслабление возвращает уверенность в себе: страхи исчезают, напряжение испаряется. Расслабление — насущная необходимость для пси»

Произнося этот внутренний монолог, Экс глубоко дышал.

Не думать о болезни. Болезни нет, есть только отдых и расслабление.

Мышцы на ногах стали вялыми. Экс сконцентрировался на своем сердце, приказав ему работать спокойно. Послал приказ легким дышать глубоко и медленно.

Дядя Джон? Он не слышал о нем уже почти два дня. Он не должен о нем думать хотя бы сейчас. Необъяснимый феномен дяди Джона разрешится со временем.

А что с бледной, голодной, привлекательной девушкой? И о ней не думать.

Мысли обо всем неулаженном выталкивались прочь по мере того, как давление углублялось.

Следующее — глаза. Расслабить мышцы глаз тяжело. После — образы танцевали на сетчатке. Солнечный свет. Темнота, здание, исчезновение.

Нет. Не думать.

«Мои глаза так тяжелы, — говорил он себе, — мои глаза сделаны из свинца. Желание спуститься, спуститься...»

И глазные мышцы расслабились. Мысли стали холодными, но под самой поверхностью было безумное столпотворение образов и впечатлений.

Калека, затемненная улица. Призрак, которого нет. Голодная племянница. В чем ее голод? Суматоха впечатлений и чувств, вспышка красного и пурпурного цвета, воспоминания о занятиях в Университете Микровски, телеборьба в Палладиуме, свидание у Кайтопа.

«Расслабление — первый шаг к восстановлению».

Экс вызвал голубизну. Все мысли провалились в огромную голубую пропасть.

Медленно он достигал желаемого холода в мозгу. В него начала просачиваться глубочайшая умиротворенность. Медленно, утешающе...

— ЭДВАРД ЭКС!

— Да?

Экс открыл глаза, расслабление оказалось поверхностным. Он осмотрелся и обнаружил, что это был дядин голос.

— Возьмите это.

В комнату влетела маленькая сфера и остановилась перед Эксом. Казалось, она сделана из блестящего твердого пластика.

— Что это? — спросил Экс.

— Вы положите эту сферу внутри нужного мне здания, — сказал голос дяди Джона, игнорируя вопрос. — Оставьте ее за дверью, на столе, в пепельнице — где угодно. Потом возвращайтесь прямо сюда.

— Что сделает ваша сфера? — спросил Экс.

— Не ваша забота, сфера — вершина психического треугольника, сущность которого вы не поймете. Достаточно сказать, что она никому не принесет вреда, а мне окажет огромную помощь.

— Кажется, в городе ищут меня, — сказал Экс, — и возьмут, как только я вернусь в центр.

— Вы забыли о моей помощи, Экс. Вы будете в безопасности, если не свернете с маршрута, который я вам намечу.

Экс колебался. Он хотел знать больше о дяде и его игре. А самое главное, почему он маскируется под духа?

Или он и есть дух?

Если так, то что хочет сделать дух с Землей? Классические сказки о демонах, ищущих временной власти, до смешного переполнены сырым антропоморфизмом.

— Вы оставите меня одного после возвращения?

— Я вам дал слово. Удовлетворите мое желание и будете иметь убежище, в котором нуждаетесь. Сейчас идите. Маршрут у Кари. Она за дверью.

Голос умолк. Даже своими притупленными чувствами Экс смог ощутить исчезновение контакта.

Он пошел к дверям со сферой в руке. Кари ждала.

— Здесь инструкции, — сказала она.

Экс пристально посмотрел на девушку. Утраченные психоспособности... Многое бы он отдал, чтобы узнать, что скрывает это спокойное симпатичное лицо. Пси никогда не утруждали себя чтением лиц. Аура, окружающая каждого индивидуума, была лучшим индикатором.

Если иметь нормальную пси-чувствительность для ее прочтения.

Солнечный свет ослепил Экса после двух дней полутьмы в маленькой комнате. Он замигал и автоматически оглянулся. Вокруг никого не было.

Они молча шли, следуя инструкциям дяди Джона. Экс бросал взгляды направо и налево, уверенный в своей уязвимости перед ищейками.

Инструкция предлагала извилистый и бессмысленный путь, дважды проходящий по одним и тем же улицам, но обходящий другие. У западного Бродвея пришлось выйти из трущоб на территорию пси.

— Твой дядя говорил тебе когда-нибудь, что хочет сделать? — спросил Экс.

— Нет, — ответила Кари.

Они опять пошли молча. Экс пытался смотреть в небо, где в любой момент ожидал увидеть пси-офицеров, падающих, как ангелы-мстители.

— Бывает, я боюсь дяди Джона, — отважилась Кари некоторое время спустя. — Иногда он такой странный.

Экс растерянно кивнул. Он подумал о положении девушки. Действительно, ей было хуже, чем ему. Он знал об игре. Она же использовалась для какой-то неизвестной цели и, возможно, была в опасности.

— Слушай, — сказал Экс, — если что-нибудь случится, знаешь ли ты бар Энглера на углу Пистай и Бликера?

— Нет, но я могу найти его.

— Будешь ждать меня там, если что-нибудь произойдет.

— Хорошо, спасибо.

Экс криво усмехнулся. Какой идиотизм с его стороны опекать эту девушку, когда он не может помочь себе!

Они прошли еще несколько кварталов. Потом девушка нервно посмотрела на Экса.

— Есть одна вещь, которую я не могу объяснить, — сказала она. — Ну... Я иногда вижу события, которые только еще должны произойти. Картины чего-то. Я никогда не знаю, когда точно, но через некоторое время это случается.

— Интересно, — сказал Экс, — возможно, ты обладаешь задатками ясновидения и должна пойти в Университет Микровски. Они всегда искали таких людей.

— До сих пор все, что я видела, происходило.

— Прекрасный результат.

Эксу стало интересно, к чему клонит девушка. Ждет похвалы? Нельзя же быть настолько наивной, чтобы считать себя единственным в мире человеком, обладающим скрытым ясновидением!

— Мой дядя тоже до сих пор был прав во всем, что говорил.

— Очень хорошо, — рассеянно сказал Экс.

У него не было времени для семейного панегирика. Они достигли Сороковой улицы, и в воздухе было темно от пси. Пешком шло мало людей, очень мало.

Оставалось пройти два квартала.

— Что мне интересно, — не успокаивалась девушка, — так это когда я вижу, что события пойдут одним путем, а мой дядя предсказывает другое. Кто из нас будет прав?

— Что ты имеешь в виду?

— Мой дядя говорит, что ты будешь в безопасности, а я не согласна.

— Что? — Экс остановился.

— Я думаю, они попытаются захватить тебя сейчас, — сказала девушка.

Экс посмотрел на нее и оцепенел. Не нужно было обладать пси-энергией, чтобы почувствовать себя в капкане.

Люди из службы здоровья уже не были такими нежными. Телепатическая сила сбила его с ног, больно нагнула голову, схватила руки и ноги.

Психически. Ни одна рука не коснулась его.

Экс боролся в слепой ярости. Арест, казалось, избавил его от последних признаков неустойчивости. Он отчаянно попытался разорвать телекинетические путы.

И он почти сделал это. К нему пришла мощь. Он освободил руки, ухитрился подняться в воздух и в неистовстве устремился в высоту.

Но тут же шлепнулся на тротуар.

Опять попытался, приложив сверхчеловеческие усилия...

И потерял сознание...

Последняя мысль мелькнула в мозгу у Экса: дядя надул его...

Он точно убьет его, если представится удобный случай.

А потом была чернота.

Встречу в службе здоровья мира созвали сразу же. Мэрин в штаб-квартире в Нью-Йорке открыл спе-

циальный канал. Руководители в Рио, Лондоне, Париже, Кантоне собрались на чрезвычайное заседание.

Плотно сжатая Мэрином информация была распространена по миру меньше чем за минуту. И сразу стали поступать вопросы.

— Я хотел бы узнать, — сказал шеф пси-здоровья из Барселоны, — как Экс ДВАЖДЫ убегал от вас?

Мысль сопровождалась его неизменной идентификационной структурой. Лицо шефа из Барселоны было еле различимо: высокий, грустный, усатый. Конечно, не его истинное лицо. Идентификационная структура всегда идеализировала своего хозяина по его желанию. В действительности барселонец был низенький, толстый и чисто выбритый.

— Второй побег — среди бела дня, не так ли? — спросил берлинский шеф.

Члены руководства увидели его идеализированное лицо, широкое и энергичное.

— Действительно. Я не могу это объяснить. — Мэрин сидел за своим черным столом.

— Вот полная последовательность событий.

Телепатирование продемонстрировало сцену за спиной.

После атаки летящего кинжала Мэрин сосредоточил своих людей вокруг точки, где, по словам информатора Крэндола, должен был появиться Экс.

— Этот информатор. Кто...

— Позднее. Дайте закончить.

Полсотни агентов перекрыли весь район. Экс появился вовремя в указанном месте. Поначалу его удерживали с незначительными трудностями, во время борьбы он продемонстрировал легкое нарастание скрытых сил, потом не выдержал...

И вдруг энергетический потенциал Экса увеличился прыжком, подобным взрыву. Экс пропал.

С разрешения Мэрина его воспоминания об этом моменте были извлечены и исследованы более скрупулезно. Картина оставалась неясной. В одно мгновение Экс был — в следующее его не стало.

Показ образов был замедлен до одного в половину секунды. На такой скорости удалось заметить ореол энергии вокруг Экса перед тем, как он исчез. Уровень

ее был настолько высок, что источник практически невозможно было определить.

Никакого разумного объяснения этому не было.

Впечатления отдельных агентов, как и предсказывал Мэрин, были просмотрены без какого-либо результата.

— Не потрудится ли нью-йоркский шеф пси-здоровья предложить свои объяснения?

— С тех пор как Экс стал калекой, — заявил Мэрин, — я все время предполагал, что ему кто-то помогает.

— Есть другая возможность, — сказал шеф из Варшавы. Его идеализированный образ появился вместе с мыслями: худой, с белыми волосами, веселый. — Экс наткнулся на какую-то еще не открытую форму пси-энергии.

— Это выходит из сферы возможного, — телепатировал барселонец с грустными глазами.

— Не совсем. Подумайте о появлении первых пси. Они были поначалу дикими талантами. Почему следующая мутация не может стать очередной стадией дикого таланта?

— Ужасное предзнаменование, — сказал шеф из Лондона, — но если так, то почему Экс не использует свою силу для своей выгоды?

— Возможно, он не уверен в ней, возможно, он имеет присущую только ему систему защиты, которая предохраняет его от опасности в стрессовые моменты. Я не знаю, — сказал Мэрин. — Все это, конечно, возможности. Все мы уверены, что существует еще много нетронутых тайн разума. Еще...

— Аргументом против твоей теории, — вмешался варшавянин, телепатируя прямо Мэрину, — является тот факт, что некто помогающий Эксу должен обладать сверхэнергией пси. Он должен иметь ее хотя бы для осуществления почти мгновенного исчезновения. Если он сделал это, то как он мог допустить такую случайность...

— Или кажущуюся случайность, — сказал лондонец, — возможна проба сил. Подсовывая Мэрину Экса, такая группа могла предвидеть соотношение между своими возможностями и возможностями всех

пси. Повторившаяся невозможность схватить Экса может означать многое.

— Сомнительно, — осторожно сказал Мэрин.

Он находил, что дискуссия интересна, но лишь в академическом плане. Казалось, что она не принесет никакой практической пользы.

— Как насчет информатора, сообщившего Крэндолу? — телепатировал барселонец. — Его спросили?

— Не сумели найти. Он блокировал идентифицирующую мысленную волну, а мы потеряли след.

— Что вы планируете делать?

— Во-первых, — сказал Мэрин, — предупредить вас. В этом основной смысл нашей встречи, ведь носитель может покинуть Нью-Йорк. Показатель болезни перешагнул минимальный эпидемический уровень. Можно предполагать расширение, хотя я и закрываю город. — Он помолчал и вытер лоб. — Во-вторых, я собираюсь лично выслеживать Экса, работая по новой системе вероятности поиска, предложенной Крэндолом. Бывает так, что один человек в состоянии сделать то, чего не могут многие.

Мэрин продолжал обсуждение еще полчаса и разорвал контакт. Он немного посидел, уныло сортируя бумаги. Потом, постаравшись отделаться от чувства безнадежности, отправился к Крэндолу.

Крэндол был в своем отделе в гробнице Спящего. Когда Мэрин влетел, он невразумительно поздоровался и пододвинул стул.

— Я хотел бы посмотреть на твою систему вероятностного поиска, — попросил Мэрин.

— Хорошо, — буркнул Крэндол. — Ничего особенного, просто список улиц и времен.

Для того чтобы получить всю эту информацию, Крэндол произвел корреляцию огромного количества данных. Места исчезновения Экса, его новых появлений, его психологический индекс плюс суммарная корреляция потайных мест, подходящих калеке тем, что в них его невозможно обнаружить.

— Я думаю, у тебя довольно хорошие шансы найти его, — усмехнулся ученый. — Но вот взять — это совсем другое дело.

— Знаю, — ответил Мэрин, — я уже обдумал свое решение. — Он отвел взгляд от Крэндола. — Я должен буду убить Экса.

— Знаю.

— Что?

— Да, ты не можешь рисковать, оставляя его и дальше на свободе. Показатели распространения инфекции растут.

— Действительно. Полиция департамента здоровья помещает в карантин всех больных. Дело касается общественной безопасности. Очевидно, Экс не может быть схвачен. Посмотрим, можно ли его убить.

— Хорошей охоты. Я уверен, что тебе повезет больше, чем мне.

— Что-то со Спящим?

— Последняя попытка провалилась. Даже не пошевелился.

Мэрин нахмурился. Это были плохие новости. Именно сейчас-то им и пригодился бы интеллект Микровски. Он был именно тем человеком, который мог разобраться со всеми этими случаями.

— Хочешь посмотреть на него? — спросил Крэндол.

Мэрин бросил взгляд на свой вероятностный список и увидел, что до первой встречи на улице остался еще почти час. Он кивнул и последовал за Крэндолом. По тусклому коридору они спустились к лифту, а потом прошли еще один коридор.

— Ты никогда не был здесь? — спросил Крэндол в конце коридора.

— Нет. Но я помогал рисовать план перестройки десять лет тому назад.

Крэндол отомкнул последнюю дверь.

Спящий лежал в ярко освещенной комнате. По трубкам, подходящим к его рукам, подавался питательный раствор, поддерживающий жизнь. Кровать, на которой находился Спящий, медленно массировала его вялые мышцы. Лицо Спящего было белым и ничего не выражающим, как и все последние тридцать лет. Лицо мертвеца. Еще живого.

— Хватит, — не выдержал Мэрин, — Я достаточно поражен.

Они поднялись наверх.

— Учти, улицы, которые я перечислил, находятся в трущобах, — сказал Крэндол, — следи за каждым своим шагом. В таких местах еще встречаются антисоциальные явления.

— Я сам чувствую себя довольно антисоциально, — ответил Мэрин.

Он левитировал к окраине трущоб и там спустился на улицу. Чувствительный тренированный разум был настроен на прием. Мэрин шел в поисках вялой, почти сгладившейся пульсации. Носитель инфекции! Паутина чувств Мэрина растянулась на кварталы, просеивая, ощущая, сортируя.

Если Экс жив и в сознании — он найдет его.

И убьет.

— Ты дурак! Невежа! Слабоумный! — орал на Экса голос, лишенный тела.

Сквозь туман Экс понял, что находится в трущобах, у Кари в комнате.

— Я дал тебе описание пути! — визжал дядя Джон, и его голос отражался от стен. — Ты сделал неправильный поворот!

— Я его не делал.

Экс поднялся. Ему было интересно, как долго он пролежал без сознания.

— Не спорь со мной! Сделал. И ты должен пойти снова.

— Минутку, — спокойно сказал Экс, — я не знаю, в чем ваша игра, но я следовал всем вашим письменным инструкциям. Я поворачивал на всех улицах там, где вы указали.

— Нет!

— Прекратите этот фарс! — крикнул Экс. — Кто вы, черт возьми!

— Иди! — взревел дядя Джон. — Иди, или я убью тебя!

— Не делайте глупостей, — сказал Экс. — Скажите мне, что вам надо. Объясните, что вы пред-

лагаете мне сделать. Объясните! Я не могу работать хорошо, не зная цели.

— Иди, — зловеще сказал голос.

— Не могу, — ответил Экс в отчаянии, — почему бы вам не сбросить эту маску духа и не сказать мне, что вы хотите? Я — обыкновенный человек. Везде офицеры службы здоровья. Они убьют меня. Сначала мне надо восстановить свои возможности. Но я не могу...

— Ты идешь? — спросил голос.

Экс не ответил.

Невидимые руки сдавили шею Экса. Он рванулся. Захват стал крепче. Какая-то сила била Экса об стенку. Он крутился, пытаясь избавиться от безжалостного избиения. Воздух стал живым от переполнявшей его энергии, он давил, швырял, сплющивал...

Мэрин почувствовал возрастание выхода энергии. Он проследил его и зафиксировал. Затем левитировал к месту расположения, пытаясь идентифицировать структуру.

Экс!

Мэрин проломил непрочную деревянную дверь и остановился. Он увидел скрюченное тело Экса.

В комнате обитала сила берсеркера. Внезапно Мэрин обнаружил, что ему приходится отчаянно сражаться, пытаясь спасти собственную жизнь. Закрывшись, он нанес удар по телекинетической мощи, нараставшей вокруг.

Стул был поднят и брошен в Мэрина. Тот отклонил его, но получил удар сзади кувшином. Кровать пыталась прижать Мэрина к стене. Увернувшись, он получил столом по спине. Лампа врезалась в стену над головой, осыпав его осколками. Метла бросилась под колени...

Защищаясь, Мэрин определил источник пси-энергии. Он был в подвале здания.

Мэрин послал туда волну угроз, стал метать стулья и столы. Атака внезапно прекратилась. Комната напоминала свалку ломаной мебели.

Мэрин оглянулся. Экс опять исчез. Поиски его идентификационной волны тоже были безуспешны.

Человек из подвала!?

И этот исчез. Но остался след!

Мэрин выскочил из окна, направляясь по следу. Обученный такой работе, он держал контакт с ослабленной приглушенной мыслью по мере того, как ее обладатель мчался в город. Погоня шла по извилистому лабиринту зданий и на открытом пространстве.

Если бы только удалось схватить и задержать соучастника! Мэрин постоянно сокращал дистанцию между собой и человеком, помогавшим Эксу и атаковавшим Экса. Тот летел прочь из города, на Запад.

— Стакан пива, пожалуйста, — сказал Экс, стараясь отдышаться. Хорошая получилась пробежка. К счастью, бармен был нормалом, притом довольно флегматичным. Он вяло повернулся к крану.

В глубине бара Экс увидел Кари. Девушка прислонилась к стене. Слава Богу, что запомнила! Он заплатил за пиво и направился к ней.

— Что случилось? — спросила Кари, глядя на его помятое лицо.

— Твой хороший дядя пытался убить меня, — скривился Экс, — потом вломился офицер службы здоровья, и я оставил их драться.

Во время драки Экс выскользнул за дверь. Он рассчитывал, что низкая интенсивность мыслей скроет его. Покалеченный, он вряд ли в состоянии излучать идентифицирующие волны. Иногда утрата телепатических способностей оказывалась ценным качеством.

— Не понимаю, — Кари грустно покачала головой. — Ты можешь не поверить, но дядя Джон всегда был хорошим человеком. Это был самый безвредный человек, которого я знала. Не понимаю.

— Это просто, — сказал Экс, — попробуй понять. Он — не дядя Джон. Какой-то пси очень высокого класса под него маскировался.

— Но почему? — спросила девушка.

— Не знаю. Он спасает меня, потом пытается сделать так, чтобы меня схватили, потом пытается убить. Это бессмысленно.

— Что нам делать сейчас?

— Сейчас конец. — Экс допил пиво.

— Разве нет места, куда бы мы могли пойти, — спросила Кари, — где можно спрятаться?

— Я такого не знаю. И тебе лучше идти одной. Я — слишком опасная личность.

— А я не пойду, — заявила она.

— Почему? — поинтересовался Экс.

— Не пойду.

Даже без телепатии Экс мог понять, что имела в виду Кари. Он мысленно выругался. Идея, что девушка тоже каким-то образом отвечает за всю эту историю, ему не нравилась. Служба пси-здоровья должна быть в отчаянии. За последнее время им досталось не раз. А это ожесточает.

— Уходи. — Экс был тверд.

— Нет!

— Ну что ж, пойдем. Мы должны уходить как можно скорее. Единственное, о чем я могу думать, — это как выбраться из города. Именно с этого надо было начинать, а не играть с духами. Сейчас, без сомнения, слишком поздно. Офицеры службы здоровья будут проверять каждого пешехода. Ты можешь использовать свое ясновидение? Тебе что-нибудь видно?

— Нет, — грустно ответила Кари, — в будущем пусто.

Экс видел то же самое.

Мэрин чувствовал, что обладает большей мощью, чем человек, которого он преследовал. Появились признаки, что тот слабеет, и Мэрин поднажал.

Беглец был уже виден, до него оставалось около мили. Приблизившись, Мэрин послал телекинетический удар, сбросив противника на землю.

Тот упрямо сопротивлялся. Мэрин догнал его и прижал к земле. Потом поискал его идентифицирующую волну.

И нашел.

Крэндол!!!

Мгновение Мэрин мог только таращить глаза.

— Ты взял Экса? — телепатировал Крэндол.

Напряжение полностью истощило его. Толстяк боролся за каждый вздох.

— Нет. Ты был его помощником все это время? Правда?

В мыслях Крэндола читалось подтверждение.

— Как ты мог? — телепатировал Мэрин. — О чем ты думал? Ты же знаешь, что такое болезнь.

— Я объясню позднее. — Крэндол задыхался.

— Сейчас!

— Нет времени. Ты должен найти Экса.

— Знаю. Но почему ты помогал ему?

— Я не помогал, — ответил толстяк, — я не по-настоящему. Я пытался убить его. А ты ДОЛЖЕН его убить. — Он поднялся. — Экс представляет куда большую опасность, чем ты думаешь. Поверь мне, Мэрин. Он должен быть убит.

— Почему ты спасал его?

— С целью вовлечь в еще большую опасность. Я не мог захватить и изолировать Экса. Он должен быть убит.

— Объясни.

— Не сейчас, — покачал головой Крэндол. — Это я послал в тебя кинжал, чтобы убедить в опасности Экса. Я вывел тебя в точку, где ты мог убить его.

— Кто он? Что он?

— Не сейчас! Расправься с ним!

— Но ты не обладаешь такой большой телекинетической силой. Кто был с тобой?

— Девушка, — сказал Крэндол, поднимаясь, — девушка Кари. Я выдавал себя за духа ее дяди. За всем этим стоит она. Ты должен убить ее тоже. — Он вытер пот, ручьями текущий по лицу. — Извини, Пол, что я действовал подобным образом. В свое время ты услышишь эту историю полностью. Главное — поверь мне сейчас.

Крэндол затряс перед Мэрином кулаками.

— Ты должен убить этих двоих! До того, как они убьют все, что тебе дорого!

Мэрин видел, что Крэндол не врет. Мэрин поднялся в воздух, связался с агентами и проинструктировал их.

— Убейте этих двоих. Возьмите Крэндола и держите его под прицелом.

Экс направился вниз по улице, надеясь, что отсутствие плана собьет пси. Каждая тень пугала. Он ожидал телекинетического удара, который наконец уничтожит его.

Почему дядя пытался убить его? Ответить невозможно. В чем его кажущаяся важность? Еще один вопрос без ответа. А девушка?

Экс наблюдал за ней уголком глаза. Кари шла молча. Ее лицо покрылось румянцем и оживилось. Она казалась почти веселой. Возможно, свобода от дяди и была этому причиной. Какая еще могла быть причина?

То, что она с ним?

Воздух был наполнен обычным движением дня. Летели тонны руды под присмотром дюжины опытных рабочих. Приплывали грузы с юга: фрукты и овощи из Бразилии, мясо из Аргентины.

И пси-офицеры. Экс не особенно удивился. Город охранялся слишком бдительно. Убежать было невозможно. Тем более калеке.

Пси-офицеры опускались, формируя плотную фронтальную цепь.

— Ну хорошо, — сказал Экс, — черт с вами, я сдаюсь.

Он пришел к выводу, что сейчас тот случай, когда можно уступить неизбежному. Стоило подумать о девушке. Пси устали от игр. Если он попытается, они могут сыграть слишком жестоко.

Поток энергии сбил его с ног.

— Я же сказал, что сдаюсь! — крикнул Экс.

Сзади Кари тоже упала. Энергия смела их, завертела по двору. Ее поток усиливался, возрастал.

— Прекратите! — крикнул Экс. — Вы нас...

У него было время, бесконечно малая доля секунды, чтобы полностью разобраться в своем отношении к девушке. Он не мог допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Экс знал, что это было Чувство.

Грустное и горькое ощущение любви.

Экс попытался подняться. Очередь ментальной энергии сбила с ног, не дала устоять. К нему летели камешки и булыжники.

Экс осознал, что ему не позволят сдаться. Его намереваются убить.

И Кари.

Он попробовал защититься, хотя и знал о своей слабости, попробовал укрыть Кари. Девушка согнулась: булыжник ударил ее в живот. Камни свистели вокруг.

Увидев, что Кари получила такой удар, Экс пришел в ярость. Он сумел подняться и пройти два шага вперед.

Его опять сбили. Часть стены начала обрушиваться на них под действием пси-силы. Он попытался вытащить Кари. Слишком поздно. Стена падала...

И в этот момент Экс перескочил через пропасть. Его измученный перенапряжением разум совершил прыжок на новый энергетический уровень. Понимание мгновенно заполнило разум Экса.

Стена обрушилась, но Экса и Кари под ней не было.

— МЭРИН!

Шеф службы пси-здоровья уныло поднял голову. Он сидел за своим столом. Это случилось опять.

— МЭРИН!

— Кто это?

— Экс.

Сейчас уже ничто не могло его удивить. Неважно, что Экс владеет узконаправленной телепатией.

— Что ты хочешь?

— Я хочу встретиться. Назови место.

— Где пожелаешь, — ответил Мэрин с холодным отчаянием. Любопытство переполняло его. — Как ты можешь телепатировать?

— Все пси могут телепатировать, — поддразнивая, ответил Экс.

— Так где же? — спросил Мэрин.

Он попытался проследить за посланием. Но Экс настолько легко управлял узким лучом, что позволял проходить только посланию.

— Я хочу немного покоя, — сказал Экс, — так что я сейчас в гробнице Спящего. Не мог бы ты встретиться со мной здесь?

— Приду. — Мэрин разорвал контакт. — Леферт, — сказал он.

— Да, шеф. — Ассистент вошел в комнату.

— Я хочу, чтобы ты руководил, пока я не вернусь. Если я вернусь.

— Как там Экс? — спросил Леферт.

— Я не знаю. Я не знаю, какой энергией он обладает. Я не знаю, почему Крэндол хотел убить его, но я согласен с приговором.

— Нам можно бомбить гробницу?

— Нет ничего быстрее мысли, — ответил Мэрин. — Экс открыл какую-то форму нуль-транспортировки и сможет исчезнуть еще до того, как бомба упадет. — Он помолчал. — Есть еще способ, но я больше не буду говорить об этом. Экс может прослушать наш разговор.

— Невозможно! Это прямая направленная беседа. Он не мог...

— Он не мог, но убежал, — устало напомнил Мэрин. — Мы недооцениваем мистера Экса. Отныне считай его всемогущим.

— Хорошо, — сказал Леферт в сомнении.

— У тебя есть последние цифры показателя инфекционности? — спросил Мэрин, подходя к окну.

— Они превосходят эпидемические. Болезнь перепрыгнула пределы города.

— Это сейчас не проверить. Мы были сбиты с утеса. И упали с той стороны. Нам повезет, если за год мир потеряет только тысячу пси. — Мэрин сжал

кулаки. — За одно это я мог бы разрезать Экса на мелкие кусочки.

Первым, кого увидел Мэрин, войдя в комнату Спящего, был сам Микровски, лежащий в саркофаге. За ним стояли Экс и девушка.

— Мне хотелось, чтобы ты встретился с Кари, — улыбнулся Экс.

— Я хотел бы получить объяснение. — Мэрин не обращал внимания на изумленную девушку.

— Конечно. Для начала ты хочешь узнать, кто я?

— Да.

— Я — следующая стадия пси. Парапси.

— Понимаю. И это пришло...

— Когда вы пытались убить Кари.

— Начни-ка лучше с другого, — сказал Мэрин. Перед тем как сделать последний шаг, он предполагал услышать объяснение. — Почему ты вытащил из Спящего питающие трубки?

— Потому что Микровски больше в них не нуждается, — ответил Экс.

Он повернулся к Спящему, и комната загудела от энергии.

— ХОРОШО СДЕЛАНО, ЭКС.

На мгновение Мэрин подумал, что телепатировала девушка. Потом сообразил, что это был сам Микровски.

— Некоторое время он еще будет в полубессознательном состоянии, — сказал Экс, — позволь мне пока начать с самого начала. Как тебе известно, тридцать лет назад Микровски искал сверхпси-мощь. Чтобы найти ее, он разделил разум и тело. Потом, уже обладая знанием, он был не в состоянии вернуться в тело. Для этого требовался переход на более высокий энергетический уровень, а без находящейся под командой нервной системы он не мог овладеть такой мощью. Не мог ему помочь и никто из обычных пси. Для достижения нового уровня все нормальные каналы должны быть блокированы и перенаправлены, а вся нервная система должна оказаться под ужасным

перенапряжением. Короче, я — первый настоящий пси, овладевший подобным методом.

— Так ты не мутант? — озадаченно спросил Мэрин.

— Мутация здесь ни при чем. Дай мне продолжить. Микровски не мог сам без помощи перескочить через пропасть. Для этого нужен был я.

— Не только. Также ты, — телепатировал Микровски Мэрину, — и девушка, и Крэндол. Я был с ним в телепатическом контакте. Вместе с Крэндолом мы выбрали Экса для эксперимента. Сам Крэндол не годился из-за неподходящей нервной системы. Экса взяли за его темперамент и чувствительность. И, я должен добавить, за его эгоизм и мнительность. Все было предусмотрено, включая роль Кари.

Мэрин холодно слушал. Пусть объяснит. У него есть собственный ответ. Окончательный.

— Во-первых, перекрытие каналов. Пси-чувства Экса были блокированы. Потом его ввели в стрессовую ситуацию: назревающий арест, изоляция. И то и другое неприемлемо для его натуры. Когда он оказался не в состоянии перескочить пропасть, Крэндол спас его с моей помощью. С Крэндолом, выдающим себя за дядю Кари, мы угрожали жизни Экса, усиливая стресс.

— Так вот что имел в виду Крэндол, — пробормотал Мэрин.

— Да, Крэндол сказал тебе, что ты должен убить Экса. Это правда. Ты должен был попробовать. Он сказал, что девушка — ключ ко всему. И это тоже правда. Потому что лишь когда под угрозой оказалась жизнь Экса и девушки, был достигнут сильнейший из стрессов, который мы могли создать. Экс перебрался через пропасть к более высокому потенциалу. За этим немедленно пришло понимание.

— И он вернул тебе твое тело, — добавил Мэрин.

— И он вернул мне мое тело, — согласился Микровски.

Мэрин знал, что он должен делать, и поблагодарил Бога за предусмотрительность службы пси-здоровья.

— Итак, если я правильно понял, все это: заражение Экса, его чудесные спасения, все хитрости, что ты использовал, — предназначались для того,

чтобы создать силу достаточно большую, чтобы вернуть тебя в твое тело?

— Это одна из частей, — ответил Микровски, — другая часть — создание в лице Экса другого парапси.

— Очень хорошо, — сказал Мэрин. — Вам будет интересно узнать, что служба пси-здоровья всегда размышляла над одной возможностью: возвращение Спящего, но безумного Спящего. На такой случай эта комната подготовлена для атомного взрыва. Все четыре стены, пол, потолок закрыты мною. Атомный взрыв не мгновенный, — в его улыбке не было юмора, — но я сомневаюсь, что парапси — переход более быстрый. Скорость моих мысленных способностей такая же, как у вас Я собираюсь взорвать это место.

— Твои люди из службы здоровья подозрительны, — сказал Микровски, — но почему ради всего святого, ты хочешь сделать подобную вещь?

— Почему? Ты осознаешь, что натворил? Ты вернул себе тело. Но болезнь вышла из-под контроля. Пси-наука на всех ее позициях уничтожена! И все из-за твоего эгоизма, — мысленно Мэрин достал ключ.

— Подожди! — вмешался Экс. — Очевидно, ты не понимаешь. Это все временное возмущение. Правда. Никто не останется пораженным. Больные люди могут быть тренированы.

— Тренированы? Для чего?

— Парапси, конечно. Полное перекрытие каналов необходимо, чтобы совершить следующий парапсихологический шаг. Болезнь — это исходная точка. Нынешний уровень пси неустойчив. Если бы я его не покинул, это сделал бы кто-нибудь другой в ближайшие несколько лет.

— Дальше, когда появится несколько людей, перебравшихся через пропасть, будет легче, — добавил Микровски. — Так же как и начало пси. Остальное пойдет сравнительно легко, когда появятся первые достижения. Чем больше парапси — тем легче.

— Как я могу поверить? — тряхнул головой Мэрин.

— Как? Смотри!

Телепатия передает тонкие нюансы смысла, теряющиеся в разговорной речи. Состояние «правды» при телепатировании открывает, насколько человек, посылающий сигнал, верит этой «правде». Существует бесконечное число градаций «истины».

Как и Экс, Мэрин прочитал веру Микровски в парапси. На подсознательном уровне. Невообразимо «правдивая» истина! Больше не надо было никаких аргументов.

Внезапно Кари улыбнулась. Ее постигла одна из вспышек предчувствия. Приятного предчувствия.

— Помоги мне подняться, — сказал Микровски Мэрину, — и позволь обрисовать в общих чертах мою программу тренировок.

Мэрин направился к нему.

Экс усмехнулся. Он прочитал предвидение Кари.

СЛУЧАЙ В БОЕВОМ ВЫЛЕТЕ

Реакция шеф-пилота Джонни Дрекстона на эту новость была мгновенной.

— Что?! — заорал он. — Мне подсовывают в качестве второго пилота какого-то зеленого юнца из Космической академии?

Сержант Рэк, крупный, седой мужчина, сочувственно кивнул.

— Может, он не так уж плох, сэр. Нынешняя молодежь воспитана на межзвездных кораблях — не то что мы, старые межпланетные бродяги.

— Да-а? — усмехнулся Дрекстон и сильно прикусил итак уже вполовину изжеванную сигару. — Ты считаешь, зеленый юнец может лететь вторым пилотом на межзвездном штурмовике-бомбардировщике GP-1077F2, имеющем гиперпространственный двигатель и снаряженном полным боекомплектом сверхмощных бомб, где малейшая ошибка означает мгновенную гибель? Кто этот парень?

— Сын генерала Деверелла, сэр, — ответил сержант.

Джонни Дрекстон мрачно улыбнулся и щелкнул пальцем по кончику изжеванной сигары.

— Значит, генерал считает, что может пристроить своего сыночка на GP-1077F2, да? Ну, сержант, это мы еще поглядим.

Пер. изд.: Sheckley R. Tailpipe to Disaster: Can You Fell Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1971 by Robert Sheckley
© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

Улыбка Дрекстона стала зловещей. Он сдвинул старенькую пилотку на глаза и вышел из операторской, своей гибкой фигурой напоминая пантеру.

Сержант Рэк недовольно покачал головой. Именно этого он и боялся. Люди вроде Джонни Дрекстона от природы предвзято относятся к генеральским сыновьям. Сам Джонни прошел трудный путь. В израненных войной небесах Мирдолана-5 одноместный истребитель Дрекстона МК2 едва спасли от калнакских кораблей, Джонни, естественно, спасли тоже. А в промежутках между боевыми действиями Дрекстон перевозил коммерческие грузы по маршруту Луна—Марс.

— Готовность, — частенько говаривал он друзьям, — дорого стоит.

Джонни Дрекстон был настоящим космическим волком, жестоким, агрессивным, презрительным, с неизменной сигарой в зубах.

А генеральский сынок? Может, все и обойдется, подумал упрямый, но всегда оптимистично настроенный сержант. Однако беда пришла даже раньше, чем ожидал постоянно готовый к любым неприятностям Дрекстон.

Это случилось в первом же вылете.

Сын генерала, Хьюберт Деверелл, крупный, обманчиво медлительный парень с коротеньким ежиком белокурых волос, представился команде. Его серые глаза пылали восторженным огнем, а новенькие лейтенантские лычки ярко блестели. Он пожал руки немногословному бомбардиру Блюфазеру, чистокровному индейцу-апачи; стрелку Эшу, неугомонному балагуру из Бруклина; и Милтону Сент-Аугустусу Ли, вежливому инженеру из Алабамы. После чего отправился в пилотский отсек засвидетельствовать свое уважение Джонни Дрекстону.

— Я только хотел сказать вам, сэр, — произнес генеральский сын, — что для меня огромная честь служить вместе с вами. Я... я всегда восхищался вами, сэр.

Глаза Джонни Дрекстона, цвета неочищенного ржаного виски, не выразили никаких эмоций.

— Рад видеть вас на борту, Деверелл, — сказал он, и сержант Рэк уже было подумал, что конфликта не будет.

Однако он рано надеялся.

— Видите ли, сэр, — продолжал молодой лейтенант, — я всегда мечтал попасть в состав экипажа межзвездного штурмовика-бомбардировщика. Мой отец говорит, что они выполняют очень важную функцию.

— Рад слышать мнение генерала Деверелла, — холодно ответил Дрекстон. — Но вам, может, интересно знать, лейтенант, что вы облокотились на пульт бомбометательного устройства?

— О Боже! — воскликнул юноша и с обманчивой неуклюжестью отодвинулся от пульта.

— Конечно, сейчас он блокирован, — продолжал Дрекстон. — Но еще пара подобных незначительных ошибок, когда мы будем во вражеском пространстве, и...

— Я буду осторожен, сэр! — воскликнул лейтенант и с горячим желанием угодить патетически добавил: — Да, сэр. Я буду очень осторожен!

Джонни Дрекстон в ответ лишь мрачно улыбнулся. А сержант Рэк дружелюбно положил огромную руку на плечо молодому человеку.

— Пойдемте со мной, сэр, — сказал он. — Я вам покажу корабль.

Уходя, они видели, как Джонни Дрекстон, зажав в зубах очередную сигару, сидел за огромным полусферическим пультом управления, на котором плясали и вспыхивали огоньки, словно компьютер был сильно пьян. Эта картина выглядела довольно забавной.

Спустя восемьдесят семь часов, выполняя обычную патрульную миссию, штурмовик-бомбардировщик уже мчался по сектору 12ВАА, оставив под собой пылающую зловещим красно-коричневым цветом непокорную планету Мнос-2, главный континент которой распластался внизу словно дракон с вырванными зубами.

Джонни Дрекстон щелкнул переключателями пульсаторов, и большой звездолет взвыл; он ударил по клавишам ускорителей, и большой корабль завизжал; он дернул рычаги тяги, и большой корабль застонал.

— Вот так-то, мальчик, — сказал Джонни Дрекстон румяному длиннорукому лейтенанту, — теперь принимай управление на себя.

Генеральский сын неуклюже забрался в кресло второго пилота и нервно застегнул ремни на широкой груди. Склонившись над пультом, он одной рукой ухватился за рычаг управления дюзами, а другую положил на ручку сигнала боевого сбора.

— Исполни-ка ХВХ-маневр, — сказал Дрексон, — и следи за собой. Не забывай, что мы везем свежие яйца.

Юноша сглотнул и кивнул. Под его сильными проворными пальцами закрутились регуляторы, заставляя плясать стрелки приборов, и большой звездолет лег на заданный курс. Деверелл щелкнул тумблерами, и патрульный бомбардировщик жалобно застонал. Юноша усмехнулся и ударил кулаком по выравнивателю уровня.

— Деверелл! — заорал Дрекстон.

— Да, сэр.

— Вы, лейтенант, стукнули по бомбометателю. Примите мои поздравления. Вы только что сбросили комплект сверхмощных бомб на нейтральную планету.

Загорелое лицо молодого человека побледнело. А Джонни Дрекстон добавил:

— То есть ты бы сбросил их, если бы бомбометатель не был заблокирован. Что с тобой стряслось?

— Я полагаю, мне нужно немного времени, чтобы освоиться с управлением, — нервно ответил юноша, не выказывая, однако, страха.

— Да-а? — хмыкнул Джонни Дрекстон и сжевал еще полдюйма сигары. — Нервишки разыгрались? Ну давай посмотрим, как ты проведешь звездолет через серию JB2-уменьшающих радиальных разворотов.

— Капитан! — воскликнул сержант Рэк; его лицо выражало живейший интерес. — Но у нас же тогда отвалится правый охладитель!

— В бою иногда приходится идти и на это, — заявил Дрекстон. — Давай, Деверелл, начинай.

Юноша снова сглотнул и трясущимися руками ухватился за рычаги управления. Большой межзвездный штурмовик-бомбардировщик задрал нос и начал разворачиваться...

В кают-компании бомбардир Блюфазер писал письмо матери, чистокровной индианке-апачи. Периодически облизывая кончик карандаша, он выводил: «Надеюсь, в нынешнем году в резервации вырастет отменный урожай маиса».

Стрелок Эш просто предавался размышлениям. Хоть он и был неугомонным балагуром, он вдруг обнаружил, что скучает и по своей родной улице, и по Кэтти Каллахэн, бывшей его женой всего три часа.

Милтон Сент-Аугустус Ли, вежливый и обманчиво-тихий южанин, думал о своей жене Амелии, которая, возможно, именно в этот момент пила кофе с Фаей, невестой лейтенанта Деверелла. Признаться, все члены экипажа были хорошими ребятами, и на миг южанин Сент-Аугустус Ли позабыл о своем горьком разочаровании по поводу войны между Северными и Южными штатами. Черт возьми, некоторые янки не так уж и плохи...

В момент совершения первого из серии последовательных разворотов корабль тряхнуло и Эша и Ли выбросило из коек. Блюфазер с молчаливым спокойствием, рожденным вековой привычкой индейцев к верховой езде, ухватился за опорную перекладину. Звездолет рванулo назад, после чего он начал обрушиваться, как падающая скала.

— Что еще за чертовщина? — воскликнул Эш, но никто не мог ответить на вопрос бруклинского балагура.

А дело было вот в чем: находившийся в пилотском отсеке молодой лейтенант Деверелл не выполнил требуемого тройного нажатия кнопки выхода на оперативный простор, а вместо этого ударил по клавише ускорителя ракет, который, к несчастью, блокирован не был. Эта ошибка легко поддавалась исправлению, однако руки впавшего в панику лейтенанта словно приросли к рычагам управления. Сержант Рэк, усердный наставник молодых пилотов, знал, что с начинающими такое случается нередко, а потому совершенно без злобы врезал огромным кулаком по лейтенантской челюсти. Деверелл осел в кресле, а Джонни Дрекстон вывел корабль из стремительного вращения.

— Ну теперь, — холодно заявил Дрекстон, — карьера парня как пилота закончилась.

— Не следует так придирчиво относиться к нему, сэр, — сказал сержант, когда юноша неуверенно помотал головой. — Такие ошибки случаются даже с лучшими из них. Я вспоминаю ваш первый боевой вылет, сэр, когда вы...

— Заткнись! — проревел Дрекстон, и его волчье лицо исказилось в гневе. — Слышишь, сержант. Парень провалился.

Его высказывание слышали все, поскольку лейтенант, ткнувшийся головой в пульт управления, непроизвольно включил систему внутренней связи. Индеец, нарушивший собственную невозмутимость, сильно выдохнул воздух носом. Сент-Аугустус Ли заметил: «Это довольно жестоко, вот так сразу ломать мальчика. Я думаю, может...», но не закончил фразу. А стрелок Эш лишь сказал: «Какого черта?», однако никто не засмеялся, ибо это было слишком серьезно даже для балагура.

Вытянувшись во фронт, молодой лейтенант Деверелл подумал о своем отце, командующем флотом бомбардировщиков, высоком седовласом мужчине с тонкими пальцами и холодным магнетическим взглядом бледно-серых стальных генеральских глаз; по-

думал о своей невесте, яркой девушке Фае с нежным взглядом, возлагавшей на него большие надежды; подумал о Космической академии, ее флаге и гимне; о Сан-Франциско, который всегда мечтал увидеть; и подумал о своей вине, которую просто обязан искупить.

Джонни Дрекстон уселся перед мигающей клавиатурой пульта. Его сигара была на четверть изжевана, а на лице появился волчий оскал.

И впервые в жизни молодой лейтенант познал ярость.

Внезапно, словно от боли, большой штурмовик-бомбардировщик затрясся. Одновременно с этим стрелок Эш без сарказма сообщил: «До неприятеля три часа полета», а сержант Рэк выкрикнул: «Температура главного двигателя повышается!»

События развивались со скоростью быстродействия современных компьютеров. Джонни Дрекстон заложил огромный звездолет в пикирующий разворот, свободной рукой ухватившись за управление охлаждением выходного сопла. Он снизил нагрузку бортовых двигателей искривления пространства и дал полную нагрузку левым бортовым ракетам, одновременно с этим нажав на педаль импульсного двигателя разворота. На мгновение показалось, что этот неортодоксальный и дерзкий маневр завершится успехом, однако в ту же секунду пилотский отсек был прошит лазерным лучом неприятеля. Обшивка корабля мгновенно самовосстановилась, однако Джонни Дрекстон выматерился, оскалился и рухнул головой на пульт. Из-под его пилотки потекла тоненькая струйка крови.

Большой корабль круто нырнул носом и со скрежетом ринулся вниз в направлении распластавшегося дракона на Мносе-2.

Молодые серые глаза лейтенанта встретились с голубыми глазами сержанта. Юный пилот увидел, как побледнело лицо сержанта.

Корабль резко шел вниз. Лейтенант опять подумал о своем седовласом отце-солдате, своей невесте, Космической академии, ее флаге и гимне и о Сан-Франциско, которого никогда не видел. После чего с ледяной решимостью вытянул руку, ухватился за

сдвоенный рычаг руля управления и бокового толкателя кормового баланса и резким движением плеча вернул его в прежнее положение.

По системе внутренней связи в кормовой отсек корабля было передано сообщение: «Команде занять места согласно боевому расписанию». Поначалу никто не понял, кому принадлежит этот ледяной целеустремленный голос. Потом до стрелка Эша дошло. «Елы-палы, да это же наш лейтенант», — воскликнул он. Однако никто не засмеялся.

Сент-Аугустус Ли, позабыв о семье и своем наследии, взял серповидный гаечный ключ и отправился к сигнальному маяку. Бомбардир Блюфазер с бесстрастным бронзовым лицом снял с бомбоприцела двойную блокировку и прильнул к точнейшему прибору глазами, которые столетиями оглядывали покатые холмы земель индейцев сиу. Стрелок Эш без саркастической усмешки на губах установил батарею компьютероуправляемых лазерных пушек в режим автопоиска. А сержант Рэк, у которого не осталось времени на мысли о кофе, генералах и даже своей жене Мире, коей не позволялось появляться в офицерской столовой, поскольку она была индонезийка, быстро отправился готовить большой корабль к самоуничтожению на случай непредвиденных обстоятельств.

Однако корабль калнакских бандитов внезапно отклонился от курса и исчез в глубинах космоса, оставив после себя лишь вспышку от реакторов искривителя пространства. Это было в стиле калнаков — обмануть бдительность землян, а затем вернуться и ждать благоприятной возможности для нападения. Большой же бомбардировщик с воем шел к поверхности Мноса-2.

— Может, избавимся от груза, сэр? — спросил сержант Рэк.

— Ни в коем случае! — загремел юный лейтенант Деверелл. — Мы не имеем права потерять ни единой детали земного оборудования. Сержант, мне нужна

дополнительная энергия, чтобы вывести звездолет из пике.

— Но, сэр! — воскликнул сержант. — Тогда у вас оторвутся двигатели с правого борта.

— Пусть отрываются, — твердо заявил Деверелл, и его крупные, обманчиво неуклюжие, но на самом деле удивительно ловкие руки легли на пульт управления.

Пришедший в сознание Джонни Дрекстон огляделся, однако его лицо оставалось бесстрастным. Он спокойно закурил сигару.

А пульт управления сверкал огоньками, словно рождественская елка, разряженная берсеркером.

Корабль помчался с головокружительной скоростью. Однако испугались они всего лишь один раз, услышав зловещий звук, будто что-то оторвалось. Но то была куртка юного лейтенанта Деверелла, которую он скинул, чтобы легче дышалось.

Медленно и неохотно, испытывая жесточайшие перегрузки, корабль начал выходить из пике. Когда маневр завершился, звездолет находился уже в половине светового года от планеты Мнос-2, нацеленный в направлении Малого Магелланова облака. Они были спасены, а космический грузовик стоимостью не в один миллиард долларов не развалился на части.

Находившийся на корме Сент-Аугустус Ли облегченно вздохнул. Он внезапно понял, что его больше не волнует война между Северными и Южными штатами. Теперь он даже не воспринимал ее как Гражданскую войну. Ведь сейчас они были единой страной. На невозмутимом лице Блюфазеля мелькнуло некое подобие улыбки; теперь он знал наверняка, что в этом году урожай маиса в Чероки будет большой и хороший. А стрелок Эш зажег дрожащей рукой сигарету и, покрутив у виска пальцем, произнес:

— А мальчик-то вроде не того!

На этот раз шутке неугомонного насмешника из Бруклина засмеялись все.

Небольшая струйка крови все еще сочилась из-под пилотки капитана, где его зацепило лучом лазера.

— Ну, лейтенант, хоть ты и генеральский сын, но думаю, нам ты подходишь. Да, сэр, ты действительно нам подходишь, — заявил Джонни Дрекстон.

Лейтенант Деверелл все еще очень юный, но каким-то образом заметно постаревший, произнес:

— Капитан, вы облокотились на пульт бомбометательного устройства. Слава Богу, что оно заблокировано.

Капитан Джонни Дрекстон, ветеран, имевший более трехсот боевых вылетов, настоящий космический волк, внимательно осмотрелся. Взгляд его, поначалу гневный, стал сконфуженным. Наконец он ухмыльнулся.

Спустя какое-то время Деверелл тоже ответил ему усмешкой. И оба мужчины пожали друг другу руки в огромном гиперпространственном штурмовике-бомбардировщике GP-1077F2, который, тихонько повизгивая, несся сквозь вакуум космоса.

ХРАНИТЕЛЬ

Он приходил в сознание медленно, понемногу начиная ощущать боль во всем теле. В животе что-то болезненно пульсировало. Он попробовал вытянуть ноги.

Ноги ничего не коснулись, и он вдруг понял, что его тело не имеет никакой опоры.

Я мертвец, — подумал он, — свободно парящий в пространстве.

Парящий? Он открыл глаза. Да, он именно парил. Прямо над ним находился потолок... а может быть, пол? Он едва удержался от крика, моргнул — и словно прозрел, увидев наконец, что его окружает.

Было ясно, что он находится в космическом корабле. Кабина напоминала поле боя: вокруг дрейфовали ящики и приборы, явно вырванные со своих мест каким-то внезапным резким толчком. По полу тянулись обгоревшие провода. Выдвижные ящики стеллажа у стены сплавились в единый монолит.

Он озирался по сторонам и ничего не узнавал. Похоже, все это он видит впервые. Вытянув руку, он оттолкнулся от потолка и поплыл вниз. Затем, оттолкнувшись от пола, попробовал ухватиться за настенный поручень. А ухватившись, попытался собраться с мыслями.

— Всему этому, несомненно, есть логическое объяснение, — произнес он вслух, чтобы услышать соб-

---

Пер. изд.: Sheckley R. Potential: The Shards of Space. New York, Bantam, 1962

Copyright © 1960 by Robert Sheckley
© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

ственный голос. — Осталось только вспомнить — какое.

Вспомнить...

Как его имя?

Он не знал.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

В узком проходе гулко прозвучало эхо. Ответа не было.

Уворачиваясь от дрейфующих ящиков, он пролетел через кабину — и спустя уже полчаса убедился, что на корабле, кроме него, никого нет.

Он снова вернулся в нос корабля, где находился длинный пульт с установленным перед ним мягким креслом. Он пристегнулся ремнями к креслу и принялся изучать пульт.

Над пультом помещались два экрана, большой и малый. Под большим располагались две кнопки: «передний обзор» и «задний обзор». Под кнопками имелась откалиброванная шкала. Малый экран не имел никакой маркировки.

Не найдя других элементов управления, он нажал кнопку переднего обзора. Экран прояснился, показав черное пространство со светящимися точками звезд. Он долго изумленно разглядывал их, наконец повернулся к экрану спиной.

Во-первых, — подумал он, — необходимо собрать воедино все, что я знаю, и посмотреть, какие из этого можно сделать выводы. Итак...

— Я — человек, — сказал он. — Нахожусь в космическом корабле, в космосе. Мне известно, что существуют звезды и планеты. Теперь посмотрим дальше...

Его познания в астрономии оказались ничтожными, в физике и химии — и того меньше. Из английских писателей ему удалось припомнить лишь Тройдзела, популярного романиста. Он знал имена авторов некоторых исторических книг, однако начисто забыл их содержание.

А еще он знал, что название этому — амнезия.

Внезапно он испытал огромное желание увидеть себя, взглянуть на свое лицо. Тогда наверняка вер-

нутся и память и самосознание. Он снова поплыл по кабине, разыскивая зеркало.

Обнаружив еще один стеллаж с выдвижными ящиками, он стал поспешно открывать их один за другим, выбрасывая содержимое в невесомость. В третьем ящике он нашел бритвенный футляр с маленьким стальным зеркальцем и принялся озабоченно изучать свое отражение.

Бледное вытянутое лицо неправильной формы. Черная щетина на подбородке. Бескровные губы.

Лицо незнакомца.

Стараясь не поддаваться панике, он бросился обыскивать кабину в надежде отыскать какой-нибудь ключ к разгадке тайны собственного «я». Он торопливо хватал пролетающие мимо ящики и рылся в них, однако не находил ничего, кроме запасов съестного.

Тогда он остановился и внимательно оглядел всю кабину.

В углу плавал листок бумаги с обгоревшими краями. Он поймал его.

«Дорогой Рэн, — начиналась записка, — химики очень торопились и делали проверку пентина наспех, в последнюю минуту. Похоже, существует большая вероятность потери памяти. Она может быть вызвана сильнодействием препарата и околошоковым состоянием после того, что ты перенес, — неважно, сознаешь ты это или нет. Они поставили нас в известность только *сейчас*! Я наскоро пишу тебе весточку за четырнадцать минут до времени "ноль" как напоминание в том случае, если они окажутся правы.

Во-первых, не ищи никакого управления кораблем. Все автоматизировано или, по крайней мере, должно быть автоматизировано — если эта груда склеенного картона выдержит. (Не вини техников, у них практически не было времени закончить работу и отправить корабль до вспышки.)

Твой курс выбирается с помощью автоматической системы планетарной селекции тютелька в тютельку.

Не думаю, что ты способен забыть теорию Маргелли, но если ты все же ее забыл, не бойся, что приземлишься у каких-нибудь восемнадцатиголовых разумных сороконожек. Ты достигнешь планеты с гуманоидной жизнью, потому что она *обязательно должна быть гуманоидной*.

Ты, возможно, окажешься немного побитым после старта, но пентин поможет тебе выкарабкаться. Если кабина будет в беспорядке, то лишь потому, что мы не имели времени проверить все допуски на прочность.

Теперь насчет твоей миссии. Сразу же обратись к помощи проектора номер один, что в пятнадцатом ящике. Предохранительная защита установлена на самоуничтожение после одного просмотра — убедись, что ты понял это. Миссия чрезвычайной важности, док, и каждый мужчина и женщина Земли с тобой. Не дай нам потерпеть крах».

Под текстом стояла подпись какого-то Фреда Андерсона.

Рэн — если записка предназначалась ему, то он и есть Рэн — осмотрелся в поисках пятнадцатого ящика. И сразу увидел, где тот находился. Ящики с одиннадцатого по двадцать пятый оказались искорежены и оплавлены, а их содержимое погибло.

Теперь лишь обгорелый листок бумаги связывал его с прошлым, друзьями и всей Землей. И хотя потеря памяти все же имела место, ему стало заметно легче оттого, что этому нашлось объяснение.

Но в чем же дело? Почему корабль отправляли в такой спешке? Отчего в корабль поместили именно его? И почему его одного?

Да и эта миссия чрезвычайной важности... Если она жизненно необходима, — почему ее не обезопасили лучшим образом?

В записке оказалось больше вопросов, чем ответов. Нахмурившись, Рэн снова подплыл к пульту. И опять посмотрел на экран с видом звездного неба, пытаясь понять причину.

Может, все дело в страшной болезни, а он единственный, кто не заразился? И тогда построили корабль и отправили его в космос. А миссия? Контакт

с другой планетой, поиск противоядия и доставка его на Землю...

Бред.

Он снова оглядел пульт и нажал кнопку заднего обзора.

И едва не потерял сознание. Слепящий, обжигающий глаза свет заполнил все поле экрана. Он поспешно уменьшал изображение, пока наконец не уяснил, что это. И в письме упоминалась вспышка.

Теперь Рэн знал точно, что Солнце превратилось в Новую звезду, а Земля уничтожена.

Часов на корабле не оказалось, и доктор Рэн понятия не имел, сколько времени длился его полет. Потрясенный случившимся, он летал и летал по кораблю, то и дело возвращаясь к экрану.

Корабль набирал скорость, а Новая становилась все меньше и меньше.

Рэн ел и спал. Он облазил весь корабль, забирался в самые укромные уголки. На пути все время попадались плавающие в невесомости ящики, он подтягивал их к себе и осматривал содержимое.

Прошли дни — или недели?

Спустя некоторое время Рэн постарался соединить известные ему факты в единое целое. Имелись, конечно, пробелы и вопросы, к тому же, возможно, он что-то неверно понял — но начало было положено.

Итак, его выбрали, чтобы отправить в корабле в космос. Не как пилота, поскольку корабль был полностью автоматизирован, а по какой-то иной причине. В письме его назвали «док». Возможно, это означало, что он доктор.

Вопрос: доктор чего?

Он не знал.

Создатели корабля понимали, что Солнце превращается в Новую, и, очевидно, не имели возможности спасти значительную часть населения Земли. И тогда они пожертвовали собой и всеми остальными, чтобы спасти его.

Опять вопрос: почему именно его?

На него возложена миссия чрезвычайной важности. Такой важности, что буквально все, без исключения, было подчинено ей, и даже гибель самой Земли отходила на второй план по сравнению с ее завершением.

И снова вопрос: в чем заключается эта миссия?

Доктор Рэн просто представить себе не мог что-либо столь важное. И даже не догадывался, что бы это могло быть.

Тогда он попытался подойти к проблеме с другой стороны.

Что бы он сделал в первую очередь, спрашивал он себя, если бы знал, что в ближайшее время Солнце превратится в Новую, а он имеет возможность спасти лишь ограниченное число людей?

Он послал бы несколько пар мужчин и женщин — ну хотя бы одну пару, — надеясь возобновить род человеческий.

Но, очевидно, лидеры Земли не видели подобного решения проблемы.

Прошло время, сколько — неизвестно, и малый экран ожил. На нем загорелась надпись: «*Планета. Контакт через 100 часов*».

Рэн сел перед пультом и стал наблюдать. Он ждал долго, до тех пор пока не изменились цифры: «*Контакт через 99 часов*».

Оставалась еще уйма времени. Он поел и решил навести порядок на корабле.

Устанавливая ящики в сохранившиеся ячейки стеллажей, он обнаружил тщательно упакованный и накрепко перевязанный аппарат, в котором сразу узнал проектор. На боку аппарата была выгравирована большая цифра «2».

Запасной, — сообразил Рэн, и его сердце учащенно забилось. Почему же он раньше не подумал об этом? Он приставил к глазам окуляр и нажал кнопку.

Просмотр пленки занял больше часа. Фильм начался с поэтического обзора Земли; города, поля, леса, реки, океаны, люди, животные и многое другое было

показано в коротких сюжетах. Фильм шел без звукового сопровождения.

Потом камера переключилась на обсерваторию, визуально объясняя ее назначение. Было показано, как обнаружили солнечную нестабильность; на экране появились лица астрофизиков, открывших ее.

Затем показали, как в невероятной спешке строили корабль. Рэн увидел себя: как он поднялся на борт, улыбнулся в камеру, пожал чью-то руку и исчез внутри корабля. Здесь фильм заканчивался. После этого ему сделали инъекцию, задраили дверь и отправили корабль в полет.

Начался другой ролик.

«Привет, Рэн, — раздался голос. Появилось изображение крупного спокойного мужчины в костюме. Он прямо с экрана смотрел на Рэна. — Не могу упустить возможности снова поговорить с тобой, доктор Эллис. Сейчас ты в глубоком космосе и несомненно уже видел Новую, уничтожившую Землю. Должен сказать, что ты остался один.

Но долго ты не будешь одиноким, Рэн. Как полномочный представитель народа Земли, я воспользовался последней возможностью пожелать тебе удачи в твоей великой миссии. Я не должен повторять, что все мы с тобой. Не чувствуй себя одиноким.

Ты, конечно, видел фильм в проекторе номер один и имеешь полное представление о своей миссии. Эта часть пленки — с моим изображением — будет автоматически уничтожена в нужный момент. Естественно, пока мы не можем посвятить неземлян в нашу маленькую тайну.

Они и сами вскоре узнают. Ты можешь объяснить им всем, что останется на пленке. Таким образом ты расположишь их к себе. Только не упоминай о нашем величайшем открытии и технологии его применения. Если они захотят иметь сверхсветовой двигатель, скажи, что не знаешь принципа его действия, поскольку он был изобретен лишь за год до превращения Солнца в Новую. Объясни им, что любое вмешательство в конструкцию корабля приведет к разрушению двигателей.

Счастливо, доктор. И удачной охоты».

Лицо исчезло, и аппарат загудел сильнее, уничтожая запись последнего ролика.

Рэн аккуратно упаковал проектор, уложил его в ящик, ящик установил на стеллаж и вернулся к пульту.

Надпись на экране сообщала: «*Контакт через 97 часов*».

Он уселся в кресло и попытался систематизировать факты с учетом новых данных. Ему пришлось поднапрячься, прежде чем он вспомнил — правда, весьма смутно — великую и миролюбивую цивилизацию Земли, которая была почти готова отправиться к звездам, когда обнаружили нестабильность Солнца.

Сверхсветовую скорость открыли слишком поздно. Несмотря на все это, Рэна решили послать в космос на спасательном корабле. Только его — по какой-то необъяснимой причине. Видимо, порученное ему дело считалось куда более важным, чем любые попытки спасти человеческую расу в целом.

Он должен войти в контакт с разумной жизнью и поведать им о Земле. В то же время ему следует воздерживаться от любого упоминания о величайшем открытии и полученной в результате технологии.

Кем бы они ни были.

А затем он должен исполнить свою миссию.

Он чувствовал, что вот-вот сорвется. Он не мог вспомнить... Ну *почему* эти дураки не выгравировали инструкцию на бронзе?

В чем же может состоять его миссия?

И снова надпись на экране: «*Контакт через 96 часов*».

Доктор Рэн Эллис вжался в кресло пилота и заплакал: планам Земли не суждено сбыться.

Приборы огромного корабля сделали необходимые измерения, определили пробы и доложили обстановку. Малый экран ожил: «*Хлорсодержащая атмосфера. Жизнь отсутствует*».

Информация была передана в корабельные селекторы. Одни цепи замкнулись, другие разомкну-

лись — и вот избран новый курс, и корабль снова начал разгон.

Доктор Эллис ел, спал и размышлял.

Подлетели еще к одной планете. Она тоже так же изучена и отвергнута.

Продолжая размышлять, доктор Эллис сделал одно не слишком значительное открытие.

Оказывается, он обладал фотографической памятью. Он обнаружил это, вспоминая фильм. Он мог восстановить в памяти любой эпизод длившейся больше часа ленты, каждое лицо, каждое движение.

Он поэкспериментировал над собой и понял, что данная способность постоянна. Поначалу это немного беспокоило его, пока он не догадался, что, видимо, сей фактор и сыграл роль при отборе. Фотографическая память давала полное преимущество в изучении нового языка.

Вот уж ирония судьбы, — подумал он. — Великолепная память при полном ее отсутствии.

И третья планета была отвергнута.

В попытках разгадать суть своей миссии Эллис рассматривал самые разнообразные варианты, которые только приходили в голову.

Сооружение гробницы Земле? Возможно. Но к чему же тогда крайняя необходимость, подчеркнутая важность?

А возможно, он послан в качестве учителя. Последний благородный жест Земли, дабы наставить некоторые обитаемые планеты на путь мира и согласия.

Но при чем здесь доктор, для такой-то работы? Да это и не логично. На подобную науку у людей уходят тысячелетия, а не несколько лет. И кроме того, данное предположение вовсе не соответствует характеру двух посланий. Оба: и тот, что в фильме, и написавший записку — казались весьма практичными людьми и не вписывались в образ альтруистов.

Вот и четвертая планета, попавшаяся на пути, была проверена и отвергнута.

И что, — размышлял доктор Эллис, — считалось «великим открытием»? Если не сверхсветовая скорость — то что? Скорее всего, какое-нибудь фило-

софское знание. Путь, которым человечество может прийти к миру и жить в нем, или нечто вроде этого?

Но тогда почему ему не полагалось о нем упоминать?

На экране появились данные о содержании кислорода на пятой планете. Поначалу Эллис проигнорировал данное сообщение, но вдруг заметил, что в глубине корпуса корабля загудели генераторы.

На экране высветилась надпись: «*Приготовиться к посадке*».

Сердце Эллиса сжалось, и ему на миг стало трудно дышать.

Вот оно. Страх рос по мере увеличения гравитации. Он старался перебороть этот ужас, но безуспешно. И когда корабль пошел на снижение и ремни ощутимо врезались в тело, он закричал.

На большом экране появилось изображение зелено-голубой кислородсодержащей планеты.

И тут Эллис вспомнил:

«Резкий выход из глубокого космоса в планетарную систему подобен родовому шоку».

Обычная реакция, — сказал он себе, — любой психиатр легко установит над ней контроль.

Психиатр!

Доктор Рэндольф Эллис. Психиатр. Теперь он знал, что он за доктор. Он напрягал всю свою память в поисках дополнительной информации. Безрезультатно.

Зачем Земля отправила в космос психиатра?

Доктор Эллис потерял сознание, когда корабль с пронзительным воем вошел в атмосферу.

Его обнаружили сразу же после приземления. Расстегнув ремни, Эллис включил обзорные экраны. К кораблю неслись какие-то машины, битком набитые существами.

На первый взгляд, человекоподобными.

Пришло время принимать решение, от которого будет зависеть вся его жизнь на этой планете. Что он должен делать?

Немного подумав, Эллис решил импровизировать. Тем более что, пока он не выучит язык, никакое общение невозможно.

А уж после он может сказать, что послан с Земли, чтобы... чтобы...

Что?

Придет время, и он придумает — что. Взглянув на выведенную на экран информацию, Эллис обнаружил, что воздух планеты пригоден для дыхания.

Открылся шлюз, и доктор Рэндольф Эллис вышел наружу.

Корабль произвел посадку на континент, называемый Крелд; тамошние жители звались кредланами. В политическом отношении планета достигла стадии единого мирового правительства, но так недавно, что ее обитателей пока еще разделяли по прежним политическим системам.

Благодаря фотографической памяти у Эллиса не возникло трудностей при изучении кредланского языка, основу которого составляли ключевые слова. Кредане, по-видимому происходившие от схожего с человеком корня, казались не более необычными, чем иные представители его собственной расы. Эллис не сомневался, что это было предусмотрено создателями корабля, системы которого не воспринимали других разумных существ. Чем больше он размышлял об этом, тем быстрее росла эта уверенность.

Эллис учился, изучал и думал. Как только он достаточно овладеет языком, ему предстоит встреча с правящим Советом. Именно этой встречи он боялся и оттягивал ее, как мог. Но время аудиенции все-таки настало.

Его провели через залы здания Совета, и он оказался у двери главного зала заседаний. Эллис вошел, держа под мышкой проектор.

— Добро пожаловать, — сказал ему председатель Совета.

Эллис поздоровался и представил свои фильмы. После того как их посмотрели все, обсуждение началось.

— Значит, вы — последний представитель своей расы? — спросил председатель.

Эллис кивнул, глядя прямо в дружелюбное, изборожденное морщинами, старческое лицо.

— Почему ваш народ послал именно вас? — поинтересовался один из членов Совета. — Почему не послали двоих: мужчину и женщину?

Именно этот вопрос, — подумал Эллис, — я постоянно задаю себе сам.

— Я не могу объяснить психологию моей расы в нескольких словах, — ответил им он. — Ответ — в самом смысле нашего существования.

Ложь, подумал он про себя. Однако как еще он должен был ответить?

— И все же вам придется объяснить нам психологию своей расы, — заявил член Совета.

Эллис кивнул, глядя поверх голов членов Совета. Он понимал, какой эффект произвел на них прекрасно подготовленный фильм. Они должны быть счастливы, что имеют дело с последним представителем такой великой расы.

— Мы очень заинтересованы вашими достижениями в области сверхсветовых скоростей, — сказал еще один член Совета. — Вы сможете нам помочь овладеть этим знанием?

— Боюсь, что нет, — ответил Эллис. Он уже выяснил, что их уровень технологии предшествовал атомной и отставал от земной на несколько столетий. — Я не ученый и не знаю ни конструкции, ни принципа действия подобного двигателя. Это была наша последняя разработка.

— Мы и сами сможем разобраться с ним, — заявил член Совета.

— Не уверен в мудрости подобного решения, — ответил Эллис. — Мой народ не считал благоразумным предоставлять вашей планете технологическую продукцию, превосходящую имеющийся уровень технических достижений. При постороннем вмешатель-

стве двигатели переключатся на режим самоуничтожения.

— Вы сказали, что вы не ученый, — вежливо сменил тему разговора пожилой председатель. — Тогда позвольте узнать, кто вы?

— Психиатр, — ответил Эллис.

Беседа продолжалась несколько часов. Эллис увиливал, хитрил и выдумывал, пытаясь скрыть пробелы своей памяти. Совет хотел знать обо всех периодах жизни Земли, об уровне развития психологии и общества. Их поразила земная методика исследования преднового состояния звезды. Они хотели знать, с какой целью послали именно его. И наконец, будучи обречена, не имела ли его раса склонности к самоубийству.

— Мы еще о многом побеседуем с вами, — сказал председатель Совета, заканчивая заседание.

— Буду счастлив рассказать все, что знаю, — ответил Эллис.

— Похоже, этого будет не так уж много, — заметил один из членов Совета.

— Элгг, не забывайте, что этот человек испытал огромное потрясение, — проговорил председатель. — Вся его раса уничтожена. И я не уверен, что мы способны помочь ему оправиться. — Он повернулся к Эллису. — Вы, уважаемый, оказали нам неизмеримую помощь. Например, теперь мы знаем о возможности управлять энергией атома и можем вести целенаправленные исследования в данной области. Конечно, правительство должным образом оценит вашу помощь. Чем бы вы хотели заняться?

Эллис задумался.

— Не хотели бы вы возглавить проект музея — мемориала Земли? Монумента вашему великому народу?

В том ли моя миссия? — подумал Эллис и отрицательно покачал головой.

— Я врач, уважаемый. Психиатр. Не мог бы я оказаться полезным в этом качестве?

— Но ведь вы не знаете нашего народа, — заботливо проговорил председатель. — У вас уйдет вся

жизнь на изучение природы наших трудностей и проблем до уровня, дающего право на практику.

— Верно, — согласился Эллис. — Но наши расы очень похожи. И развитие наших цивилизаций шло сходными путями. Поскольку я представляю более развитые психологические традиции, мои методики могут оказаться полезными для ваших врачей.

— Конечно-конечно, доктор Эллис. Я не смею ошибиться, недооценив представителя вида, совершившего межпланетный перелет. — Пожилой председатель печально улыбнулся. — Я лично представлю вас руководителю одной из наших клиник. — Председатель поднялся с места. — Пойдемте со мной.

С бьющимся сердцем Эллис последовал за ним. Его миссия должна быть каким-то образом связана с психиатрией. Иначе зачем же послали именно психиатра? Но он до сих пор не имел понятия, что ему следовало делать. И что самое скверное — он практически ничего не мог вспомнить из того, что называлось профессиональным знанием.

— Думаю, это забота тестирующей аппаратуры, — заявил врач, глядя на Эллиса поверх очков. Врач был молод, круглолиц и горел желанием учиться у старшей земной цивилизации. — Вы можете предложить какие-то усовершенствования?

— Мне нужно более подробно ознакомиться с установкой, — ответил Эллис, следуя за врачом по длинному бледно-голубому коридору.

Тестирующая аппаратура поражала абсолютной бессмысленностью.

— Мне даже не стоит говорить, как я рад этой возможности, — сказал врач. — Я нисколько не сомневаюсь, что вы, земляне, раскрыли многие тайны мозга.

— О да, — согласился Эллис.

— А там, внизу, у нас палаты, — сообщил врач. — Хотите посмотреть?

— Отличная мысль.

Сердито теребя губу, Эллис шел за врачом. Память не возвращалась. В настоящий момент его познания в психиатрии были не больше, чем у рядового обывателя. Если вскоре ничего не произойдет, он будет вынужден признаться, что у него амнезия.

— В этой палате, — сказал врач, — мы содержим несколько тихих больных.

Эллис зашел за ним в палату и взглянул в пустые бессмысленные лица троих пациентов.

— Кататоник, — пояснил врач, указывая на первого. — Не думаю, что вы лечите таких. — И непринужденно улыбнулся.

Эллис не ответил. Ему вдруг вспомнилось ...

«Разве это этично?» — спросил доктор Эллис, но не здесь, а в похожей палате на Земле.

«Конечно, — ответил кто-то. — Мы же не трогаем нормальных. Но идиоты, абсолютно безнадежные психи, которые никогда не смогут воспользоваться своим разумом, — совсем другое дело. Не следует считать, что мы их обворовываем. Это, скорее, милосердие...»

Вот и все, больше ничего Эллис не помнил, даже с кем он разговаривал. С другим врачом, наверное. Они обсуждали какой-то новый метод работы с душевнобольными. Новый метод лечения? Возможно. Причем сильнодействующий, судя по удовлетворению говорившего.

— Вы нашли способ лечения подобных случаев? — спросил луноликий врач.

— Да, конечно, — ответил Эллис, унимая нервную дрожь в руках.

Врач отступил на шаг и уставился на Эллиса.

— Но это невозможно! Вы не можете исправить мозг, имеющий органические нарушения, износ или явный недостаток развития...

Эллис едва сдержался.

— Слушайте *меня*, я вам правду говорю, доктор.

Эллис посмотрел на больного, лежащего на первой кровати.

— Пришлите ко мне ассистентов, доктор.

Врач поколебался немного — и быстро вышел из палаты.

Склонившись над кататоником, Эллис взглянул ему прямо в глаза. Он был уверен в том, что делает, но все же протянул руку и коснулся лба больного.

В мозгу Эллиса что-то щелкнуло, и кататоник мгновенно потерял сознание. Эллис подождал, однако больше ничего не происходило. Тогда он подошел к другому больному и повторил процедуру.

Этот тоже потерял сознание. То же самое случилось и с третьим.

Врач вернулся с двумя помощниками и вытаращил от удивления глаза.

— Что произошло? — спросил он. — Что вы с ними сделали?

— Не знаю, воздействуют ли наши методы на ваших людей, — резко ответил Эллис. — Пожалуйста, оставьте меня ненадолго одного, совсем одного. Мне необходимо сосредоточиться...

И отвернулся от больных.

Врач хотел что-то сказать, но передумал и тихо вышел из палаты вместе с ассистентами.

От волнения Эллиса прошиб пот. Он прощупал пульс у первого больного. Есть. Эллис принялся расхаживать по палате.

Он явно обладал какой-то силой. Он способен наносить удар по всей психической поверхности. Отлично. Итак, нервы — соединения. Сколько же нервных связей в мозгу человека? Какая-то невероятная цифра, десять в двадцать пятой степени. Нет, кажется, неверно. Но все равно цифра фантастическая.

Что это значит? А это значит, что он уверен в себе.

Первый больной застонал и сел. Эллис подошел к нему. Человек поднял голову и снова застонал. Возможно, Земля нашла ответ — безумие. И в качестве последнего дара Вселенной его послали, чтобы исцелять...

— Как вы себя чувствуете? — спросил он у пациента.

— Неплохо, — ответил тот... по-английски!

— Что вы сказали?

От удивления у Эллиса перехватило дыхание. Он решил, что произошла мыслепередача. Передал ли он

больному знание английского? Посмотрим, не переключение ли это нагрузки от поврежденных нервных связей к незадействованным...

— Я чувствую себя отлично, док. Классная работа. Мы были не совсем уверены, что эта обмотанная проволокой картонка, именуемая кораблем, выдержит и не распадется на части, но, как я тебе уже говорил, это было лучшее, что мы могли сделать при данных...

— *Кто вы?*

Больной встал с кровати и посмотрел по сторонам.

— Все аборигены ушли?

— Да.

— Я — Хайнс. Землянин. Что с тобой, Эллис?

— А эти двое...

— Доктор Клайтель.

— Фред Андерсон.

Назвавшийся Хайнсом внимательно осмотрел свое тело.

— Мог бы подыскать мне носителя получше, Эллис. По старой дружбе. Впрочем, неважно. Что случилось, дружище?

Эллис рассказал про потерю памяти.

— Память мы тебе вернем, не волнуйся, — заявил Хайнс. — Великолепное ощущение — снова иметь тело. Владеть им.

Тут открылась дверь, и в комнату заглянул молодой врач. Увидев пациентов, он не смог сдержать удивления.

— Вы сделали это! Вы способны...

— Доктор, пожалуйста, — оборвал его Эллис. — Не надо шуметь. Должен попросить не тревожить нас хотя бы час.

— Конечно-конечно, — с уважением произнес врач и закрыл за собой дверь.

— Как это оказалось возможным? — спросил Эллис, глядя на троих пациентов. — Я не понимаю...

— Великое открытие, — пояснил Хайнс. — Неужели не помнишь? Ты работал над ним. Нет? Андерсон, объясни.

К Эллису очень медленно подошел третий пациент. Тут Эллис заметил, что прежде ничего не выражавшие лица больных начали приобретать осмысленные выражения.

— Разве не помнишь, Эллис, исследования личностных факторов?

Эллис отрицательно помотал головой.

— Ты искал наименьший общий знаменатель человеческой жизни и личности. Источник оных, если желаешь. А исследования начались почти век назад, когда Оргель обнаружил, что личность не зависит от тела, хотя тело и оказывает определенное воздействие на нее. Теперь вспомнил?

— Нет. Продолжай.

— Проще говоря, ты и еще тридцать человек из вашей группы выяснили, что минимальная, бесконечно малая частица личности является независимой и нематериальной субстанцией. Ты назвал ее М-молекулой. И она представляет собой ментальную модель.

— Ментальную?

— То есть нематериальную, — пояснил Андерсон. — И может быть передана от одного носителя к другому.

— Как вещь, — пробормотал Эллис.

Заметив в дальнем углу палаты зеркало, Андерсон решил изучить свое новое лицо. Увидев отражение, он вздрогнул и вытер с губ слюну.

— Древние мифы об обиталище духа не так уж далеки от истины, — заметил доктор Клайтель. Из всех троих он оказался единственным, кто носил новое тело с непринужденностью. — Всегда находились люди, обладающие способностью отделять свои души от тел. Астральная проекция и тому подобное. Однако до недавнего времени не представлялось возможным локализовать личность, пока не была использована процедура инвариантного разделения и ресинтезирования.

— То есть это означает, что вы бессмертны? — спросил Эллис.

— Ну нет, — заявил Андерсон, снова подходя к Эллису. Он корчил гримасы, пытаясь удержать не-

произвольное слюновыделение своего носителя. — Личность тоже имеет ограниченное время жизни. Оно, конечно, больше срока службы тела, но пока еще ограничено.

Ему наконец удалось унять слюну.

— Однако личность может сохраняться в бездействии неопределенно долгое время.

— А существует ли лучшее место для хранения нематериальной молекулы, чем твой собственный мозг? — вставил Хайнс. — Твои нервные соединения дали приют всем нам, Эллис. Словно множество комнат. Ведь количество связей в человеческом мозгу измеряется десятью в ...

— Я помню, — сказал Эллис. — И начинаю понимать.

Теперь он знал, почему выбрали его. Для такой работы необходим именно психиатр, имеющий доступ к носителям. И готовили его особым способом. Ну и, конечно, крелданам не полагалось знать о миссии и о М-молекуле. Они могли бы весьма недружелюбно отнестись к своим собратьям, хоть и душевнобольным, узнай они о том, что их телами обладают земляне.

— Смотрите-ка! — воскликнул Хайнс.

Он, как зачарованный, глядел на загнутые назад пальцы. Хайнс обнаружил, что его носитель обладает вдвойне большим по сравнению с человеческой рукой количеством суставов. Остальные двое изучали свои тела примерно так, как человек — лошадь. Они загибали руки, напрягали мышцы, пробовали ходить.

— Но, — произнес Эллис, — как раса будет... я имею в виду женщин.

— Надо заполучить побольше носителей обоих полов, — пояснил Хайнс, все еще пробуя согнуть пальцы. — Ты станешь величайшим врачом этой планеты, и всех душевнобольных начнут направлять только к тебе. Естественно, мы все будем хранить в тайне. Никто не проболтается раньше времени. — Он замолчал и усмехнулся. — Эллис, ты понимаешь, что это означает? Земля не погибла! Она будет жить снова!

Доктор Эллис кивнул. И все же ему было трудно отождествить крупного вежливого Хайнса из фильма

со стоявшим перед ним визгливым пугалом. Нужно время, чтобы привыкнуть.

— Пора приниматься за дело, — заявил Андерсон. — После того как ты обслужишь всех дефективных на этой планете, мы перезаправим корабль и снова отправим тебя.

— Куда? — спросил Эллис. — На другую планету?

— Конечно. Здесь едва наберется около нескольких миллионов носителей, поскольку нормальных людей мы не трогаем.

— Только? Так сколько же людей во мне хранится?

Из холла послышались голоса.

— Ты действительно сундук, — ухмыляясь, проговорил Хайнс. — Быстро по койкам, парни, — я, кажется, слышу голос врача. Сколько, спрашиваешь? Население Земли насчитывало порядка четырех миллиардов. И все в тебе.

РАБЫ ВРЕМЕНИ

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один.

Чарли Глейстер изобрел машину времени, но изобрел ее неправильно, поскольку машина, размером с коробку из-под обуви, не хотела работать. Она странно жужжала, мигала красными и зелеными лампочками — больше ничего. Машина Чарли была хорошей жужжалкой и мигалкой, но как машина времени никуда не годилась.

Итак, прекрасным сентябрьским днем Чарли находился в своей лаборатории в подвале дома на Эппл-стрит в городке Харвест Фолз, штат Индиана, копаясь в своей машине и произнося вслух фразы типа: «Фактор смещения колебаний... коэффициент отражения вторичной силы... регенерация основной фазы...» Именно на таком языке говорят сами с собой гении, а Чарли, безусловно, был гений, хотя отец Миры считал его психом. Отец Миры был главным банкиром в Харвест Фолзе, а также психиатром-любителем. Мира была невестой Чарли. В настоящее время Мира каталась на машине с Картером Литлджоном, в прошлом футболистом местной команды, сейчас продавцом локомотивов, а в будущем отцом незаконной дочери Миры.

У Глейстера был дядя Макс, проживающий в Ки Весте, но не имеющий отношения к этой истории. И вообще, никто не имеет отношения к этой истории,

---

Печатается по изд.: Шекли Р. Рабы времени. — Если, 1992, № 2

© 1992 С. Коноплев, перевод на русский язык

кроме Чарли Глейстера, который играет в ней чересчур главную роль или, точнее, слишком много ролей.

Итак, он сидел за рабочим столом, собирая воедино крошечные детальки и постоянно чертыхаясь, в надежде, что его осенит какая-нибудь идея или хоть что-нибудь произойдет.

И «что-нибудь» действительно произошло. Голос за его спиной произнес:

— Прошу извинить...

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один плюс два.

Глейстер почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Он сжал в руке микрометр весом примерно в тридцать граммов и медленно обернулся.

— Не хотел вас пугать, — сказал стоящий за его спиной человек, — но другого выхода не было. Я прибыл по чрезвычайно важному делу.

Чарли расслабил руку, сжимавшую смертоносное оружие. Человек не был похож на наркомана. Высокий и худощавый, примерно одного возраста с Чарли, он держал белую пластиковую коробку, на крышке которой было полно всяких индикаторов, переключателей и кнопок. Он явно кого-то напоминал...

— Мы с вами не знакомы? — спросил Чарли.

— Вообще-то, я — это ты, — сообщил незнакомец. — Или ты — это я. Или, точнее, мы оба являемся Чарли Глейстерами, существующими в различных временных рядах.

— Разве это возможно? — спросил Глейстер.

— Довольно странно слышать подобный вопрос от тебя, — сказал другой Глейстер, — ведь ты первый изобрел машину времени и, стало быть, являешься ведущим мировым экспертом по этим вопросам.

— Но я еще не изобрел ее: машина-то не работает.

— Изобрел. Или скоро изобретешь, что, в принципе, одно и то же.

— Ты уверен? У меня тут кое-что не ладится. Может, подскажешь, что надо делать?

— Конечно, — ответил другой Глейстер. — Главное, запомни: реальность позициональна, и сначала ничего не происходит.

— Спасибо, — с сомнением сказал Глейстер. — Ну-ка, правильно ли я все понял. Значит, скоро я изобрету машину времени, отправлюсь в будущее, затем вернусь обратно и встречусь с самим собой до того, как изобрету машину времени.

Другой Глейстер кивнул.

— Все это довольно странно, не так ли? — спросил Чарли.

— Ничуть, — ответил другой Глейстер. — Ты вернешься, чтобы убедить себя не изобретать машину времени.

— Подожди! — взмолился Глейстер. — Давай начнем сначала. Я изобрету машину времени, отправлюсь в будущее, затем вернусь обратно, чтобы убедить себя не изобретать машину времени. Этим я и буду заниматься?

— Да. Только не надо больше называть нас обоих «я». Мы, конечно, оба Чарли Глейстеры, но мы также являемся отдельными независимыми индивидуумами, так как занимаем различные временные ряды и подвергались, подвергаемся и будем подвергаться различным воздействиям субъективного времени. Итак, хотя мы один и тот же человек, мы разные люди, так как время позиционально.

— Мне придется поверить тебе на слово, — сказал Глейстер. — Или себе на слово... Я, похоже, немного нервничаю... Почему я не должен изобретать машину времени, которую я изобрел?

— Потому что она принесет только вред.

— А конкретнее нельзя?

— Ты просто поверь. Впрочем, мне пора уходить. Находясь с тобой в прошлом, я создаю регрессивный временной парадокс, который может длиться только несколько минут, а затем самоликвидируется.

Другой Глейстер тускло замерцал и исчез.

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один.

После исчезновения другого Глейстера Чарли понадобилась ровно одна секунда, чтобы принять решение все же изобретать машину времени. Ему не нравилось выполнять приказы, даже если они исходили от того, кто называет себя тобой.

Чарли тут же принялся за работу и, зная теперь, что реальность позициональна, закончил все за два часа. Сначала ничего не произошло, как не происходит ничего, когда вы пытаетесь изобрести что-нибудь новое. Конечно, если сначала ничего не происходит, встает вопрос, а произойдет ли что-нибудь вообще. Но это чисто семантическая трудность. В вечной повторяемости субатомных конфигураций, подобием которой и является наш мир, нет ни начала, ни конца. Есть только середины, повторения и продолжения.

Таким образом, у Чарли была работающая машина времени, размещенная в коробке из белого пластика, и он собирался отправиться в будущее. Но как? Будем считать, что время и пространство суть потенциально равнозначные величины. Они могут трансформироваться друг в друга при помощи машины времени. Возьмем простую аналогию. У вас пять апельсинов и три яблока. Вы хотите сложить их вместе. Чтобы это сделать, вам надо сначала превратить апельсины в яблоки, или яблоки в апельсины, или то и другое превратить во что-нибудь третье. Формулой превращения яблок в апельсины является: Вкус разделить на Запах плюс корень квадратный из Цвета умножить на Семена во второй степени. Точно так же вы управляете пространством-временем, используя соответствующую формулу. Разумеется, практическое решение намного сложнее, и только Чарли Глейстер мог заставить машину работать.

Глейстер установил на пульте машины границу продвижения в будущее. Затем нажал на кнопку. На какое-то мгновение у него закружилась голова (эффект квазитуры), и он, первый в мире путешествен-

ник во времени, оказался в невообразимо далеком будущем.

Первым, кого он увидел, был полицейский.

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один, вариант А.

...решил держать глаза и уши открытыми, а рот на замке. Первое, на что я обратил внимание, был эффект приспосабливаемости, регулировавший мое восприятие и опыт. Все вокруг было таким знакомым! Ландшафт в любой части Вселенной примерно один и тот же, поэтому сразу чувствуешь себя местным жителем.

Лингвистических трудностей никаких. То ли они говорят на моем языке, то ли я — на их. Я нахожусь в городе Мингусвилль 32 S. На улицах встречаются, по крайней мере, четыре типа полицейских — муниципальная полиция, политическая, секретная и специальная. Сам я — непальский студент, работающий над дипломной работой «Экстаз конформизма». Я учусь на факультете социологии.

Мингусвилль 32 S — это унылый городок, где можно наблюдать некоторые технологические атавизмы: автомобили с паровым двигателем, работающим на кизяке, множество повозок, приводимых в движение животными — ослами, быками и даже верблюдами.

Система коммуникаций в Мингусвилле находится в зачаточном состоянии, и только у высших чиновников есть телефоны. Электричество дорогое, его явно не хватает. Оборудование станций дышит на ладан. По моим подсчетам, две трети семей пользуются керосиновыми лампами. Здесь нет строений выше трех этажей. Кое-где деревянные постройки обложены кирпичом и покрыты черепицей. В центре города располагается рынок под открытым небом, а рядом — полицейские казармы. Мне кажется, что жизнь здесь скучна и однообразна.

Единственное, что заслуживает интереса, — это правительство. Миром правит один человек — Импе-

ратор Мингус, создавший настоящее полицейское государство, где все следят друг за другом. Повсюду расставлены камеры и записывающие устройства, армия работников просматривает мили пленки, другие контролируют тех, кто просматривает, и так далее. И всех контролирует Император Мингус. Я бы в жизни не поверил, что такая общественная система возможна, но у Мингуса это здорово получается.

Говорят, он владеет секретным оружием. Похоже, что это машина времени. Если что-нибудь происходит в разрез с его желанием, он может (в рамках естественных ограничений) отправиться в прошлое и внести изменения. Особенно ловко он расправляется с лидерами подпольной оппозиции. Для этого ему совершенно не обязательно прочесывать город или страну. Он всегда может вернуться в тот момент, когда они еще не ушли в подполье, и ликвидировать вожаков.

Мне говорили, что машина похожа на обувную коробку из белого пластика. По ночам люди проклинают Глейстера, того самого, что изобрел эту машину. Слово «глейстер» вошло во все языки. «Я тебя заглейстерю» стало самым грубым ругательством, а «проклятый глейстер» — самым страшным оскорблением.

Много любопытного можно узнать об этом месте, но нет времени. Я только что узнал, что я — Абсолютный Глейстер и заглейстерил весь человеческий род. Я должен что-то предпринять.

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один, вариант А, продолжение 12 плюс Главная последовательность Глейстера; временной ряд номер пять плюс второстепенная цепь последовательностей Глейстера 32.

Глейстер сел на скамейку в Мемориальном парке Мингуса, чтобы все хорошенько обдумать. Что он должен сделать? Сначала ему пришла в голову мысль, что необходимо вернуться в то время, когда он еще не изобрел машину времени, и не изобретать ее. Но

вряд ли это возможно, если исходить из результата встречи с другим Глейстером. Вы не можете вступить в одну реку дважды: это будет уже не тот человек, который не может вступить в одну реку дважды. Все изменяет все. В прошлом не осталось никакой ниши, которую Глейстер мог бы занять по возвращении. Природа терпит парадоксы, но не терпит пустоты.

Ведь ему надо будет убеждать не одного Глейстера; теперь в прошлом было множество потенциальных Глейстеров, идентичных с ним в момент контакта и иных в следующую секунду.

Но он не мог смириться с тем злом, что принес миру. Он был полон решимости что-то предпринять. Но что?..

Он недовольно подумал, что, по крайней мере, один Глейстер что-то попытался предпринять. Сколько же еще Глейстеров ломают голову в поисках выхода?

С одной стороны, существовало (потенциально) множество Глейстеров, но, с другой — он был *единственным*, был самим собой. Поэтому какая разница, как другие называют себя и откуда взялись. Он был самим собой и ощущал себя таковым. Реальность позициональна, «эго» — относительно, а природа не имеет дела с абстракциями.

Но что мог сделать лично он? Он мог остаться здесь в будущем (которое было настоящим), стать местным жителем и ждать удобного случая, чтобы свергнуть Императора.

Он мог отправиться на пятьдесят или сто лет назад, когда Мингус еще не пришел к власти, найти будущего Императора и убить его.

Если же Мингус сумел обезопасить себя при помощи машины времени, Глейстер мог создать организацию сопротивления еще до того, как Император взошел на трон.

Глейстер поднял голову — рядом с ним на скамейку присел человек. На вид лет пятидесяти, с густой бородой, скромно одетый. В руках он держал чемоданчик.

— Вы здесь новенький? — спросил незнакомец.

— Можно сказать и так, — нехотя признался Глейстер. — Я студент.

— Откуда?

— Из университета Восточной Бенгалии. Из нового, а не того, который был раньше. Я здесь продолжаю учебу. (Хватит болтать, приказал он себе.)

— Да, студенческие годы — самая лучшая пора, — сказал незнакомец, улыбаясь. — А я вот учился в университете Огайо.

— Да? — сказал Глейстер. Он чувствовал себя неуютно. Ведь он тоже учился в университете Огайо.

— А вы знаете, — неожиданно сказал человек, — у меня есть точно такая же коробка, как и у вас. — Он открыл чемоданчик. На красном бархате лежала точно такая же белая пластиковая коробка, а рядом — автоматический пистолет.

Человек схватил пистолет и направил его на Глейстера.

— Ну-ка давай сюда свою, — потребовал незнакомец. — Только осторожно — и не пытайся нажимать на кнопки.

— Кто вы? — спросил Глейстер.

— В разных уголках Земли меня знают под разными именами, — сказал человек. — Но вообще-то чаще всего меня называют Мингусом.

— Вы — Император! — воскликнул Глейстер.

— К вашим услугам, — ответил Мингус. — А теперь давай коробку. И без резких движений.

Палец Глейстера застыл на кнопке включения. Он видел, что Император напряженно следит за его рукой, поощряя нажать на кнопку. Но Глейстер помнил, что между включением и физическим перемещением существует небольшой интервал. Он решил не испытывать судьбу. Медленно он поднял коробку.

И тут Глейстер заметил слабое мерцание за спиной Императора.

— Послушайте, — сказал он, пытаясь потянуть время, — может, мы все обсудим? Возможно, мы найдем компромисс?

— Что это ты задумал?

Палец Мингуса, лежащий на спусковом крючке пистолета, напрягся. По движению глаз Глейстера он понял: что-то происходит. Мингус повернулся в тот момент, когда за его спиной возник другой Глейстер.

Император выстрелил в материализовавшегося Глейстера, но это не причинило тому никакого вреда. Чарли Глейстер увидел слабое сияние вокруг фигуры и тут же понял: это не человек из плоти и крови; опытный наблюдатель сразу бы заметил, что это уплотненное псевдодоплеровское отражение, возникшее вследствие перехода Глейстера из одного времени в другое.

Император стремительно повернулся к Глейстеру, но тот уже успел нажать на кнопку включения.

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один подуровень первый, закрытая петля малой вероятности 12.

Все летит кувырком, когда вы спешите. Чарли Глейстер с такой силой нажал на кнопку, что вышла из строя цепь ограничителя. Необузданная сила, возникшая в машине времени, превратила первичные цепи в ускорители. Энергия залила все цепи Н-пространственных времен прошлого/настоящего/будущего, затем обнаружила новые выходы и отбросила Глейстера во вселенную маловероятной реальности.

Когда Глейстер пришел в себя, он стоял на гладкой пустынной равнине. Он услышал тихую меланхоличную песню, которая, похоже, исходила от куска известняка, валявшегося около его правой ноги.

— Это ты поешь? — спросил Глейстер.

— Да, приятель, это я пою, — ответил известняк глубоким скорбным голосом. — Я пою блюзы с того времени, как возник этот мир.

— А как давно это случилось? — спросил Глейстер.

— Лет триста назад, насколько я могу судить. Ты можешь мне сказать, где и для какой надобности существует это место?

— Попытаюсь, — ответил Глейстер. — Скорее всего, мы находимся в маловероятностной вселенной. Малая и большая вероятности — это термины статистической интуиции относительно нашего опыта и, разумеется, знаний. Пока понятно?

— Не очень, приятель, — откликнулся известняк. — Может, ты переведешь это на обычный английский?

— Ну... В моем случае произошел большой выброс энергии и зашвырнул меня сюда

— Эге, то же самое, кажется, случилось и со мной, — сказал кусок известняка. — До сих пор никак не могу понять, как я попал сюда из клуба «Вигвам» в Хиросиме, где я играл на саксофоне. У тебя есть какие-нибудь соображения, как нам отсюда смотаться?

— Я думаю, нам просто стоит подождать, пока это случится само собой, — сказал Глейстер. — Во вселенной с нормальной вероятностью у нас было бы мало шансов. Но во вселенной, где малая вероятность является законом, все наоборот, и наши шансы выбраться отсюда весьма велики.

— Еще бы, — сказал известняк. Его голос так и сочился сарказмом. Можно было брать его ножом и намазывать на тибетский ячменный хлеб, что появился на дубовой скамейке.

Мир Глейстера был подходящим местом. Здесь хватало девушек, которые постоянно спрашивали: «Эй, это Катманду?» Неподалеку высилась леденцовая гора, и было видно лимонную фабрику.

Глейстер даже немного огорчился, когда в небе появилась надпись: «Все, хватит, ребята». Он быстро попрощался с куском известняка, который оказался на самом деле антиглейстерной частицей, и с девушками, которые на самом деле были антиглейстерными волновыми формами. Затем он задержал дыхание и перенесся во времени.

Главная цепь последовательностей Глейстера, множественные соединения временного ряда.

Глейстер появился в большой пыльной аудитории, битком набитой народом. Она находилась (как позже он узнал) в Крич-Кридарине, недалеко от развалин Норфолка. До коронации Императора Мингуса оставалось 234 года.

В аудитории было не менее ста человек. Большинство из них оказались похожи на Глейстера, что и понятно, ведь все они были Глейстерами.

Чарли Глейстер догадался, что Глейстеры хотят провести собрание, но не знают, как это сделать. Очевидно, им был нужен председатель. Но как можно избрать председателя, когда нет партии? И какая же партия без председателя? Это была сложная проблема, особенно для Глейстеров, которые никогда не были сильны в политике.

Все повернулись к Глейстеру в надежде, что у новичка есть свежие идеи.

— Ну, — сказал Чарли, — я когда-то читал, что у индейцев племени Плоскоголовых самый высокий воин возглавлял охоту. А может, это было у индейцев из племени Бритоголовых.

Все остальные Глейстеры закивали. Конечно, все они знали об этом, просто не пришло в голову.

Тут же нашли самого высокого Глейстера, избрали его председателем ad hoc и pro tem и усадили в президиум.

— Объявляю заседание открытым, — сказал самый высокий Глейстер. — Но прежде чем мы приступим к делу, я хочу предупредить: мы не можем все называться Чарли Глейстерами. Это создаст слишком большую путаницу. Чтобы избежать недоразумений, я предлагаю каждому выбрать себе имя.

Раздались одобрительные возгласы.

— Я хочу предложить вам выбрать необычные имена, так как пятьдесят Томов или Джонов ничуть не лучше ста Чарли. Лично я беру себе имя Этон.

После секундного размышления Чарли Глейстер (за временным рядом которого мы следим) назвал себя Иеронимусом. Он пожал руку стоящему справа Микеланжело Глейстеру и стоящему слева Чангу Глейстеру. Председатель призвал собравшихся к порядку.

— Члены Глейстерского Сообщества Потенциальных Возможностей, — провозгласил Этон, — добро пожаловать. Некоторые из вас искали и нашли это место, другие случайно наткнулись на него, третьи оказались здесь, направляясь совершенно в другие

места. Непонятно почему, но это место является пунктом сбора Глейстеров. Что ж, пусть так. Я думаю, что выражу общее мнение, если назову это место Пространственно-Временным Центром Сопротивления Императору Мингусу. Мы — единственная серьезная угроза его правлению. У многих из нас были необъяснимые несчастные случаи до того, как мы изобрели машину времени. Некоторые из них наверняка дело рук Мингуса. Можно ожидать и дальнейших покушений. Итак, ваше мнение?

В зале поднялся человек, назвавшийся Чалмерсом Глейстером.

— Кто-нибудь знает, откуда вообще взялся этот Мингус?

— Насколько я понимаю, нет, — ответил Эгон Глейстер. — Он довольно успешно скрывает свое происхождение. В официальной биографии сказано, что Император родился в Кливотере, штат Флорида, и является единственным ребенком Антона и Миры Вальдхайм.

— Кто-нибудь проверял это? — спросил Чалмерс.

Поднялся другой человек.

— Я Маркос Глейстер. Я провел исследование и готов сообщить: Кливотер был разрушен за тридцать лет до начала империи Мингуса, когда взорвался реактор в Сэйдж-Крик.

— А вы не пытались побывать в Кливотере до того, как город был разрушен?

— Пытался, — сказал Маркос, — но ничего не обнаружил. Может, семья Вальдхайм не жила там в то время, или данные о ней позже были засекречены, или Мингус использовал Кливотер как прикрытие.

Началась дискуссия. Все Глейстеры имели далеко не полное представление о путешествиях во времени, ответвлениях, ограничениях и последствиях. Также они не могли прийти к единому мнению относительно характера времени, его типов и аспектов — субъективного времени, объективного времени, прошедшего времени, будущего времени, множественных временных рядов, парадоксальных скрещиваний и расхождений цепей последовательности. Что было прошлым и что будущим? Было ли это все лишь игрой

воображения — мнимые границы на однородной плоскости? А если так, то как мог тогда ориентироваться путешественник во времени? Это было похоже на сумасшедшие шахматы, когда каждый игрок мог в любое время исправить предыдущие ходы в партии, которая, вероятно, закончилась еще до того, как началась.

Иеронимус Глейстер — все еще наш герой, несмотря на некоторые трудности в дифференциации и идентификации, — не обращал на полемику никакого внимания. Он изучал собравшихся, поскольку все Глейстеры казались ему не менее удивительным явлением, чем путешествие во времени.

Возраст Глейстеров колебался от двадцати до шестидесяти лет. У всех был один соматический тип. Но различий оказалось гораздо больше, чем сходства.

Каждый Глейстер испытывал одинаковое влияние среды, но при различных субъективных обстоятельствах. Одни и те же события происходили в различные моменты психовремени, рождая в каждом новые и неожиданные конфигурации характера, изменявшие его так, что он становился непохожим на других Глейстеров.

Здесь были храбрые Глейстеры и трусливые Глейстеры, активные и флегматичные, общительные и замкнутые, умные и не очень.

Пока он размышлял об этом, один из присутствующих, назвавшийся Мордехаем Глейстером, попросил слова. Этон пригласил его на трибуну.

— Буду краток, — сказал Мордехай. — Мне кажется, что мы избрали несколько однобокую оценку действий Императора. Мы упорно стоим на том, что он преследует дьявольские цели. Но разве это очевидно? Допустим, что...

Иеронимус Глейстер уставился на выступавшего. Где-то он уже видел этого уверенного, бородатого человека лет пятидесяти. Но где?

Внезапно он вспомнил.

Иеронимус Глейстер вскочил и побежал к сцене.

— Хватайте его! — закричал он. — Это Мингус! Это Император!

Поколебавшись, Эгон принял решение. Вместе с Иеронимусом он двинулся к Мордехаю. Несколько других Глейстеров тоже полезли на сцену.

Мордехай вытащил из кармана автоматический пистолет и взял на мушку Эгона.

— Пожалуйста, вернитесь на свои места, — сказал Мордехай. — Все, кроме председателя Эгона и этого молодого человека, чьи жизни зависят от вашего поведения. Я хочу сделать заявление. — И улыбнувшись, он сказал: — Мои дорогие братья и верные подданные, Император Мингус приветствует вас.

Соединение главных линий номер два.

— Дело в том, — сказал Мингус, — что я изобрел машину времени и отправился в далекое будущее. Мир, куда я прибыл, оказался диким и примитивным. Множество крошечных королевств враждовали друг с другом. И я решил изменить его. Те, кому довелось увидеть маленькую часть моей империи, составили неблагоприятное мнение о ней. Но не судите поспешно. Вы забыли, с каким исходным материалом мне пришлось работать. Уверяю вас, что моей главной целью является всеобщий мир и благополучие. И политические свободы тоже, конечно, когда люди поумнеют и сумеют правильно пользоваться ими. Вы полагаете, что моя империя похожа на диктаторские режимы Африки и Латинской Америки, существовавшие в двадцатом веке. Согласен. Но когда я захватил этот мир, в нем царил хаос и сила являлась единственным законом. Я дал людям ощущение уверенности и стабильности, чтобы построить цивилизацию.

Все мы — продукт американской демократии. «Империя», «император» — это для нас грязные слова. Но что, по-вашему, мне оставалось делать? Дать право голоса рабам и крепостным, отобрать землю у латифундистов? Даже с машиной времени я не продержался бы и недели. Может, мне стоило прочитать им лекцию о равенстве? Народ убежден, что ра-

венства не существует, а справедливость — привилегия правящего класса.

Демократия не является естественным законом. Люди должны научиться демократии. А это слишком трудный и непонятный предмет для тех, кто привык сбиваться в волчьи стаи под предводительством вожака. Эффективная демократия подразумевает бремя ответственности и терпимость к другим.

Что бы вы предприняли на моем месте? Ужаснулись бы разрухе и нищете и поспешили вернуться в свое счастливое прошлое? Или остались бы в надежде установить демократию, и вас бы свергли при первой же возможности? Или все-таки пошли по моему пути: создали бы ту единственную политическую структуру, которая только и доступна этому народу, постепенно приучая его к таким сложным категориям, как свобода и ответственность?

Я сделал то, что полагал наиболее эффективным. Стал управлять этим обществом. Но затем вы, Глейстеры, мои вторые «я», мои братья, стали появляться из прошлого, чтобы убить меня. Я попытался похитить некоторых из вас и перевоспитать. Но Глейстеров оказалось слишком много, и я не мог справиться сразу со всеми.

Я постарался быть предельно откровенным с вами. Поэтому прошу вас, умоляю, помогите мне превратить дикую и нищую Землю в тот мир, о котором мы все мечтаем.

Воцарилась долгая тишина. Наконец председатель Эгон сказал:

— Я полагаю, что вы во многом прояснили картину.

— Разве вы забыли, что сами видели в будущем? — спросил Иеронимус. — Всеобщая подозрительность, нищета, полиция! — Он повернулся к Мингусу. — Почему вы не оставите этих людей в покое? Мне все равно, какие порывы движут вами. Разве на Земле мало было всяких императоров, диктаторов, генералиссимусов, цезарей и прочих правителей? Многие лелеяли благородные замыслы, но людям становилось только хуже.

Собравшиеся молчали. Иеронимус продолжал:

— В любом случае это время вам не принадлежит, оно принадлежит тем, кто существует в нем. Вы прибыли сюда из счастливого двадцатого века и пытаетесь навязать им свои политические решения. В сущности, Мингус, вы действуете как заурядный колонизатор.

Мингус, казалось, был потрясен.

— Мне надо подумать об этом. Я искренне полагал... — Он раздраженно покачал головой. — Странно... — сказал он, — что все мы являемся одним человеком, а точки зрения у нас абсолютно разные.

— В этом нет ничего странного, — ответил Эгон. — Даже в одном человеке сосуществует несколько личностей.

— Предлагаю голосовать, — сказал Иеронимус. — Необходимо решить, что делать нам, Глейстерам.

— Брать власть — это большая ответственность, — сказал Мингус. — Но отдавать власть — ответственность не меньшая. С моей стороны это будет безрассудным поступком.

— Возможно, и нет, — сказал Эгон. — Может быть, вам и думать об этом не стоит.

— Почему же? — спросил Мингус.

Улыбнувшись, председатель сказал:

— Я думаю, вы неправильно оцениваете события. Появившись здесь, вы перестали быть Императором. Так что вам теперь не о чем беспокоиться.

— Что вы хотите сказать? Кто же теперь настоящий Император?

— Настоящего Императора не существует, — пояснил Эгон. — Существует Глейстер, который отправился в будущее, захватил власть и стал Императором. Он увидел, что возникла организация, стремящаяся сбросить его с трона, и вернулся в прошлое, чтобы уничтожить ее. Там он и погиб.

— Эй, поосторожнее, — предупредил Мингус.

— Чего тут осторожничать, — сказал Эгон. — Мы знаем, что путешествие во времени вызывает дупликацию. Один из законов путешествий во времени состоит в том, что сначала ничего не происходит. Вы, мой дорогой Мордехай, имели честь быть первым Императором. Но это не может длиться вечно.

Поскольку здесь замешано путешествие во времени, должен появиться второй Император, чтобы возникла линия вероятности существования императоров.

— И вы полагаете, что первый Император должен умереть? — спросил Мингус.

— Или уйти в отставку, — сказал Эгон. — Отдайте мне пистолет.

— Вы хотите стать новым Императором?

— А почему бы и нет? Я Глейстер и потому наследник королевского рода. Дайте пистолет, и я отпущу вас с миром.

— Соглашайтесь, — принялся уговаривать Мингуса Иеронимус. — Он прав: путешествие во времени требует предопределенного хода событий. Существование второго Императора просто неизбежно.

— Хорошо, — сказал Мордехай-Мингус. — Я отдам вам пистолет. Но так как вы будущий Император, вам должно быть все равно, каким образом я вам его переправлю. Он направил пистолет на Эгона и нажал на спусковой крючок. И тут на лице Мордехая появилась гримаса боли. Он застыл на месте, затем упал. Пистолет выпал из его руки.

Иеронимус поднял оружие. Наклонившись над Мордехаем, он взглянул на Эгона.

— Мертв.

— Похоже, у нас новый Император, — сказал Эгон.

— Похоже на то, — сказал Иеронимус, подавая ему пистолет.

Цепь Императора Глейстера номер 2.

— Очень любезно с твоей стороны, — сказал Эгон, взвешивая в руке пистолет. — Надеюсь, у тебя нет императорских амбиций?

— Амбиции есть, но не императорские. К тому же у меня предчувствие, Эгон.

— Я больше не Эгон, — сказал председатель. — Чтобы избежать путаницы, я выбираю себе имя Мингус. Так какое у тебя предчувствие?

— Мне показалось, что я слышал голос, который сказал: «Император — раб времени».

— Странно, — криво ухмыльнувшись, заметил новый Мингус. — Ты понимаешь, что это значит?

— Какую-то очередную неприятность.

— Что ж, — сказал Мингус. — Ты одарил меня прорицанием и королевством, спасибо тебе за все, особенно за последнее. Что я могу для тебя сделать?

— Отправляйся править своей империей и позволь всем нам продолжать делать то, что мы считаем нужным.

— Это не очень разумно, — сказал Мингус, — но я согласен. Бог знает, какие могут быть последствия, если я начну убивать Глейстеров. Помни только...

Внезапно рядом с Мингусом материализовался человек. Он был стар, с седой бородой и морщинистым лицом. В глазах его светилась грусть.

— Кто ты? — требовательно спросил Мингус.

— Я — это ты, Этон. Я — Мордехай, я — Иеронимус, я — все остальные. Я Император, которым ты станешь. Я пришел молить тебя отречься от трона и изменить то, что еще можно изменить.

— Чем вызвана твоя просьба? — спросил Мингус.

— Тем, что Император — раб времени.

— Опять эта чепуха! Кто ты на самом деле?

— Прошу, отрекись от трона!

— Мне надоела твоя болтовня, — сказал Мингус.

Он направил на старика пистолет и выстрелил. Но это не произвело никакого эффекта. Старик раздраженно покачал головой.

— Меня нельзя убить. Реальность позициональна, ты сам это поймешь со временем. А теперь мне пора возвращаться к своему делу.

— А какое у тебя дело? — спросил Иеронимус.

— Все рабы заняты одинаково бессмысленным делом, — сказал старик и исчез.

Мингус недовольно потер подбородок.

— Только этого старого клоуна не хватало в нашей комедии. Иеронимус, а ты-то куда собрался?

Иеронимус настраивал машину времени.

— В путешествие. Навещу своего давнего друга.

— Кого ты имеешь в виду?

— В свое время узнаешь.

— Эй, Иеронимус, подожди! — крикнул Мингус. — Останься со мной и помоги создать настоящую цивилизацию. Обещаю: я буду следовать твоим советам.

— Нет, — сказал Иеронимус и нажал на кнопку.

Соединение главных линий номер четыре.

В этот раз Глейстер очутился возле Крула в последние годы империи Мингуса. Продав кое-что из одежды, он направился в Вашингтон на повозке. Со станции он направился в Белый дом, резиденцию Императора.

После того как Иеронимус сообщил свое имя охране, его повели по извилистым коридорам, подняли на лифте, подвели к стальной двери, выкрашенной в пурпурный цвет. Охранник впустил его внутрь.

— Рад снова тебя видеть, — сказал Эгон-Мингус.

— Я тоже, — ответил Иеронимус. — Ну, как дела в империи?

— Не все идет успешно, как ты уже, наверное, заметил. Честно говоря, полнейший развал. — Мингус криво улыбнулся. Он был уже старым человеком, с седой бородой и красными глазами.

— В чем же дело? Глейстеры по-прежнему желают тебя свергнуть?

— Конечно, — сказал Мингус. — Я даже не пытаюсь их остановить. У нас семейная неспособность к политике. Глейстеры ничего не смыслят в интригах. Они прибывают в мою империю в одеждах двадцатого века, размахивают странным оружием и обращаются к народу с речами, которых никто не понимает. При первой же возможности их передают в руки полиции.

— И что ты с ними делаешь?

— Я их воспитываю.

— Что?!

Мингус поморщился.

— Перестань. Уверяю тебя: я воспитываю их обычными методами — лекциями, книгами, фильмами. Ну а затем даю возможность поселиться в моей империи.

— И они соглашаются остаться?

— Большинство — да. Надо же им где-то жить, а те места, откуда они прибыли, уже заняты другими Глейстерами.

— Значит, все в порядке? В чем же проблема?

— Неужели ты не понимаешь?.. Первый Глейстер построил машину времени и отправился в будущее. Природа, которая терпит парадоксы, но не выносит пустоты, осталась с дыркой в пространстве-времени. Из нормальной структуры выпал Глейстер. Природа, естественно, создала идентичного или почти идентичного Глейстера, взяв его оттуда, где у нее хранятся запчасти.

— Все это мне уже известно, — сказал Иеронимус.

— Но не до конца. Каждый раз, когда Глейстер использует машину времени, происходит смещение, и образуется новая дыра в пространстве-времени, которую природа заполняет очередным Глейстером.

— Теперь начинаю понимать, — сказал Иеронимус.

— У нас здесь полно Глейстеров, — продолжал Мингус. — Есть цепь последовательностей Глейстера, который стал Императором, другая цепь последовательностей, создавшая оппозиционную организацию, борющуюся с Императором. Есть и иные цепи последовательностей. Каждая цепь последовательности включает в себя путешествие во времени, дублируя Глейстеров. Каждое такое путешествие заканчивается появлением все новых и новых Глейстеров.

Мингус помолчал, чтобы до Иеронимуса дошел смысл его слов. И наконец сообщил:

— Глейстеры появляются в геометрической прогрессии.

— Тогда, — заметил Иеронимус, — их, наверное, полным-полно.

— Тебе будет трудно поверить, — заметил Мингус. — С геометрической прогрессией шутки плохи.

Сотни становятся тысячами, тысячи — миллионами, миллиардами, квадриллионами. Теперь-то тебе все ясно?

— А куда же они все деваются?

— Они прибывают сюда, — ответил Мингус. — Больше им некуда податься.

— Где же ты их можешь разместить?

— Пока мне удалось кое-как пристроить двенадцать миллионов. Но у империи ресурсы на исходе, а Глейстеры все прибывают и прибывают.

— Неужели это никак нельзя остановить?

Мингус покачал головой:

— Даже если бы армия расстреливала их на месте, мы бы не смогли справиться с таким количеством. Скоро здесь не будет никого, кроме Глейстеров. Вся Земля будет усеяна Глейстерами, а новые все прибывают и прибывают. Император действительно раб времени.

— Единственное, что мне приходит в голову, — сказал Иеронимус, — это то, что настоящего Глейстера надо убить прежде, чем он изобретет машину времени.

— Это невозможно. Многие пытались это совершить, но все дело в том, что мы способны встретить Глейстера только после изобретения машины времени. И кстати, каждый Глейстер, который отправлялся в прошлое и возвращался ни с чем, лишь увеличивал прогрессию.

— Понятно.

— Еще какие-нибудь мысли есть?

— Только одна, но вряд ли она тебе понравится.

Мингус терпеливо ждал.

— Как я понял, Глейстеры могут дублироваться до бесконечности. Поэтому должно быть введено ограничение, чтобы каждая цепь последовательностей имела конец.

— Какое ограничение?

— Смерть — это естественное ограничение, — сказал Иеронимус. — Она должна произойти как можно раньше, чтобы повториться одновременно во всех цепях последовательностей, формируя таким образом ограничение и приводя к самозавершению.

— Многие из нас уже умерли, — сказал Мингус, — но это никак не сказалось на нашествии Глейстеров.

— Иначе и быть не могло. Все эти смерти Глейстеров были нормальным завершением индивидуальных временных рядов. А нам нужна смерть ранняя — самоубийство.

— Понятно: для того чтобы ввести фактор быстрой циркуляции смерти, — задумался Мингус. — Самоубийство... Ну что ж, это будет мой последний императорский акт.

— Не твой, а мой, — поправил его Иеронимус.

— Я все еще Император, — сказал Мингус, — так что это моя обязанность.

— Во-первых, ты слишком стар, — сказал Иеронимус. — Молодой Глейстер должен умереть в самом начале своего временного ряда.

— Нам надо выбрать кого-нибудь из молодых Глейстеров, — сказал Мингус.

Иеронимус покачал головой.

— Боюсь, это должен сделать я.

— Можешь объяснить почему?

— Не считай меня эгоистом, но должен сказать, что я — настоящий Глейстер и только мое самоубийство может положить конец тому, что я начал.

— А откуда ты знаешь, что ты настоящий Глейстер?

— Интуиция подсказывает.

— Ну, это еще не доказательство!

— Но по крайней мере, кое-что. Тебе такое интуиция не подсказывает?

— Нет, — ответил Мингус. — Но я не могу поверить, что я нереальный.

— Ты реальный Глейстер, — успокоил его Иеронимус. — Мы одинаково реальны. Просто я первый, вот и все.

— Впрочем, это не имеет значения. Очевидно, ты прав.

— Спасибо, — сказал Иеронимус, настраивая машину времени. — У тебя еще остался пистолет? — Мингус протянул ему пистолет, который Иеронимус положил в карман. — Спасибо. До встречи.

— Вряд ли она произойдет.

— Если мои расчеты правильны, — сказал Иеронимус, — то мы снова увидимся.

— Объясни! — потребовал Мингус. — Разве такое возможно?

Но Иеронимус нажал на кнопку и исчез.

Окончание цепи последовательностей Глейстера номер один.

Был прекрасный сентябрьский день в Харвест Фолз, штат Индиана. Чарли Глейстер прошел по Эппл-стрит мимо дома, где размещалась его лаборатория. Сначала он хотел заглянуть туда и поговорить с собой, но потом передумал. Хватит с него Глейстеров.

Он вышел из города по шоссе номер 347, затем свернул с дороги и побрел через поле, через лесок, пока не вышел к небольшому озерцу, где в детстве ловил карасей. Старый дуб все еще возвышался над озером. Чарли сел под ним и прислонился к стволу дерева.

Вытащив пистолет, он изучил его. Почесал нос и некоторое время смотрел на солнечные блики на воде.

Затем недовольно произнес:

— Ладно, пора заканчивать.

Чарли засунул дуло пистолета в рот, поморщившись от привкуса смазки, закрыл глаза, нажал на курок и умер.

Повторение окончания цепи последовательностей Глейстера.

Чарли Глейстер открыл глаза. Императорская приемная была такой же, какой он ее знал. Перед ним на столе лежали последние статистические сводки: 12 миллионов Глейстеров расселено в пределах империи, но каждую минуту прибывают все новые и новые Глейстеры. Он покачал головой и погладил бороду. Затем посмотрел на стоящего перед ним молодого человека.

— Счастливо, — сказал он и передал ему пистолет.

— Спасибо, — сказал Эгон Глейстер, нажал кнопку и исчез.

Оставшись один, Чарли осмотрел приемную. Придется ему привыкать к управлению государством, потому что пришла его очередь стать Императором, как со временем дойдет очередь и до других. Они должны будут пройти через все ипостаси Глейстера в процессе окончания цепи последовательности, пока не останется один-единственный Глейстер — как в самом начале.

Но пока он Император, ему, может быть, будет интересно. Он был рад, что уже не придется проходить через этап самоубийства — по крайней мере пока через него не пройдут все остальные.

ПРОБЛЕМА ТУЗЕМЦЕВ

ПРОБЛЕМА ТУЗЕМЦЕВ

Эдвард Дантон был отщепенцем. Еще в младенчестве он проявлял зачаточные антиобщественные склонности. Родителям, конечно, следовало тут же показать его хорошему детскому психологу, и тот сумел бы определить, какие обстоятельства способствуют развитию контргрупповых тенденций в характере юного Дантона. Но Дантоны-старшие, как водится сверх меры поглощенные собственными неурядицами, понадеялись на время.

И напрасно.

В школе Дантону с превеликой натяжкой удалось получить переводные баллы по таким предметам, как групповое окультуривание, семейные контакты, восприятие духовных ценностей, теория суждений, и другим, необходимым каждому, кто хочет чувствовать себя уютно в современном мире. Но бестолковому Дантону в современном мире было неуютно.

Он понял это не сразу.

По внешнему виду никто бы не заподозрил его в патологической неуживчивости. Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек, с зелеными глазами и непринужденными манерами. Девушки чувствовали в нем несомненное обаяние. Иные даже оказывали ему столь высокую честь, что подумывали выйти за него замуж.

Печатается по изд.: Шекли Р. Проблема туземцев: Рассказы. Повести. — М.: Мол. гвардия, 1968 (БСФ, т. 16)

© 1968 Е. Короткова, перевод на русский язык

Но и самые легкомысленные не могли не заметить его недостатков. Когда затевали «станьте в круг», он выдыхался буквально через несколько часов к тому времени, как все остальные только начинали входить в раж. При игре в бридж для двенадцати партнеров Дантон часто отвлекался и, к возмущению остальных одиннадцати игроков, вдруг начинал выяснять, на чем остановилась торговля. И уж совсем невыносим он был в «подземке».

Не жалея усилий, старался Дантон проникнуться духом этой классической игры. Схватив за руки товарищей, он стремительно врывался в вагон подземки, дабы захватить его прежде, чем в противоположные двери ринется противник.

— Вперед, ребята! — орал капитан. — Захватим-ка вагон для Рокэвея!

А капитан противника вопил:

— Нет, дудки! Навалитесь, мальчики! Бронкс-парк, и никаких гвоздей!

Страдальчески сморщившись, с застывшей улыбкой, Дантон ворочался в гуще толпы.

— В чем дело, Эдвард? — любопытствовала очередная подружка. — Разве тебе не весело?

— Весело, конечно, — задыхаясь, отвечал Дантон.

— Но я же вижу, что нет! — в изумлении вскрикивала девушка. — Ты разве не знаешь, что таким способом наши предки давали разрядку своей агрессивности? Историки утверждают, что благодаря подземке человечество избегло тотальной водородной войны. Агрессивность свойственна и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы.

— Я знаю, — отвечал Эдвард Дантон. — Мне, право, очень весело. Я... о Господи!

В вагон вламывалась, взявшись за руки, третья команда и выкрикивала нараспев: «Канарси, Канарси, Канарси!»

Уверившись, что Дантон человек без будущего, девушка покидала его, как все ее предшественницы. Отсутствие общительности невозможно было скрыть. Было ясно, что он не сыщет себе счастья ни в предместьях Нью-Йорка, которые простирались от

Рокпорта (штат Мэйн) до Норфолка (Виргиния), ни в других городах.

Он пытался побороть себя, но тщетно. Стали проявляться и другие отклонения. От воздействия световой рекламы на сетчатку глаза у Дантона начал развиваться астигматизм, а от звуковой — постоянно звенело в ушах. Доктор предупредил его, что анализ симптомов отнюдь не исцелит его от этих психосоматических недомоганий. Обратить внимание следовало на главный невроз Дантона — его антисоциальность. Но здесь уж Дантон был бессилен.

Ему оставалось лишь одно — бежать. В космосе хватало места для тех, кто не прижился на Земле.

За последние два века миллионы сумасшедших, психопатов, невропатов и чудаков различных мастей разбрелись по звездным мирам. Первое время, когда летали на космических кораблях, снабженных двигателем Миккельсена, у путешественников уходило лет по двадцать-тридцать на то, чтобы протащиться от одной звездной системы до другой. Более современные звездолеты, оборудованные гиперпространственными вихревыми конвертерами, затрачивали на такой же путь всего несколько месяцев.

Оставшиеся на родине, будучи людьми социально устойчивыми, оплакивали разлуку, но утешались тем, что смогут несколько расширить жесткие рамки лимитированного деторождения.

Дантону шел двадцать седьмой год, когда он решил покинуть Землю и стать пионером. Невесело было на душе у него в тот день, когда он передал сертификат на право увеличения потомства своему лучшему другу Элу Тревору.

— Ах, Эдвард, Эдвард, — говорил растроганный Тревор, вертя в руках драгоценную бумажку, — ты и не представляешь, как ты много для нас сделал. Мы с Миртл всегда хотели иметь двух ребятишек. И вот благодаря тебе...

— Оставим это, — ответил Дантон. — Там, где я буду, мне не понадобится разрешение на право иметь

детей. Да и вообще, — добавил он, вдруг пораженный новой мыслью, — я вовсе не уверен, что смогу там осуществить такое право.

— Но ведь это ужасно, — сказал Эл, который всегда принимал близко к сердцу дела своего друга.

— Очевидно. Впрочем, может быть, со временем я встречу в тех краях какую-нибудь девушку из пионеров. А пока к моим услугам сублимация *.

— Тоже верно. Какой заменитель ты выбрал?

— Огородничество. Дело-то полезное.

— Полезное, — подтвердил Эл. — Ну что ж, дружище, желаю удачи.

Отдав приятелю сертификат, Дантон отрезал себе все пути к отступлению. Он смело ринулся вперед. В обмен на право продолжения рода правительство обеспечивало ему бесплатный проезд в любую часть Вселенной, снабжая необходимым снаряжением и запасами провизии на два года.

Дантон вылетел сразу.

Он не стал задерживаться в сравнительно населенных районах, где власть, как правило, находилась в руках экстремистских группировок.

Без сожаления миновал он, например, Корани II, где гигантская вычислительная машина установила диктатуру математики.

Не привлекала его также и Гейл V, все триста сорок жителей которой самым серьезным образом готовились к захвату Галактики.

Объехал он стороной и Фермерские Миры, унылые планеты, на которых процветал сугубый культ здоровья.

Добравшись до пресловутой Гедонии, Дантон чуть было не остался там. Его оттолкнуло то, что жители этой планеты, судя по слухам, были недолговечны, хотя никто и не отрицал, что свой короткий век они проживали весело.

Но Дантон предпочел век долгий и отправился дальше.

---

* Сублимация — психическое явление, заключающееся в вытеснении инстинктов (сексуальных комплексов).

Миновал он также сумрачные, каменистые Рудничные Миры, немногочисленное население которых составляли угрюмые, бородатые мужчины, подверженные приступам безудержного гнева. И вот перед ним открылись Новые Территории, неосвоенные миры, расположенные за самой дальней границей земных владений. Обследовав несколько планет, Дантон избрал ту, на которой не нашел никаких следов разумной жизни.

Планета была тиха и укромна, изобиловала рыбой и дичью; среди ее обширных водных просторов зеленели покрытые буйными зарослями джунглей большие острова. Дантон назвал ее Нью-Таити, и капитан звездолета должным образом оформил его права на владение планетой. После беглого осмотра Дантон выбрал крупный остров, показавшийся ему заманчивее остальных. Он высадился на нем и стал разбивать лагерь.

Сперва дел было множество. Из веток и переплетенных трав Дантон выстроил домик подле сверкающего белизною пляжа. Он смастерил острогу, несколько силков и невод. Засеял огород, и, к его радости, тот вскоре пышно зазеленел, согретый тропическим солнцем и увлажненный теплыми ливнями, которые выпадали каждое утро, от семи часов до семи тридцати.

Да, Нью-Таити, несомненно, оказался истинно райским уголком, и Дантон мог бы быть очень счастлив здесь. Ему мешало одно. Огородничество, которое он считал отличным видом сублимации, подвело его скандальнейшим образом. Дантон думал о женщинах и днем и ночью; глядя на огромную оранжевую тропическую луну, он мог часами мурлыкать себе под нос песенки, разумеется любовные.

Опасаясь за свое здоровье, Дантон начал лихорадочно перебирать все известные ему виды сублимации: сперва занялся живописью, бросил; начал вести дневник — забросил и дневник; сочинил сонату, но, оставив музыку, высек из местной разновидности песчаника две исполинские статуи, закончил их и стал придумывать, чем бы заняться еще.

Заняться было нечем. Огород не требовал ухода; земные овощи победно вытеснили местные растения. Рыба валом валила в сети, силки никогда не пустовали. Дантон снова заметил, что днем и ночью ему мерещатся женщины — высокие и маленькие, белые, черные и коричневые. Однажды он поймал себя на том, что с приязнью думает о марсианках; до него еще ни одному землянину подобное не удавалось. Дантон понял, что необходимо принимать решительные меры.

Но какие? Подать сигнал о помощи он не мог, покинуть Нью-Таити — тоже. Погруженный в грустное раздумье, Дантон поднял глаза к небу и заметил черное пятнышко, которое спускалось к морю.

Пятнышко становилось крупнее; у Дантона перехватило дыхание от страха, что оно может оказаться птицей или огромным насекомым. Но пятно все продолжало увеличиваться, и вскоре Дантон начал различать неровные вспышки бледного пламени.

Космический корабль! Конец одиночеству!

Звездолет медленно и осторожно шел на посадку. Дантон облачился в свой лучший набедренный пояс; этот наряд, излюбленный островитянами Южных морей, весьма подходил к климату Нью-Таити. Затем умылся, тщательно причесал волосы и стал следить за приземлением космического корабля.

Это был старинный звездолет с двигателем Микельсена. Дантон до сих пор думал, что такие корабли давно уже вышли из употребления. Однако этот, судя по всему, проделал немалый путь. Помятый, исцарапанный и безнадежно устаревший по конструкции, он имел решительный и непреклонный вид. На носу звездолета гордо красовалась надпись: «Народ Хаттера».

Зная, что путешественники, возвращающиеся из космических пучин, обычно остро чувствуют нехватку свежих продуктов, Дантон собрал для пассажиров корабля целую гору фруктов и красиво разложил их к тому времени, как «Народ Хаттера» тяжело опустился на пляж.

Открылся узкий люк, и из звездолета вышли двое мужчин, вооруженных винтовками и с головы до ног одетых в черное. Пришельцы осторожно огляделись.

Дантон опрометью кинулся к ним.

— Эгей! Добро пожаловать на Нью-Таити. Ребята, до чего ж я счастлив видеть вас! Что новенького на...

— Назад! — гаркнул один из пришельцев, высокий тощий человек лет пятидесяти, с суровым морщинистым лицом. Его холодные голубые глаза пронзали Дантона как стрелы, дуло винтовки целилось прямо в грудь.

Второй был помоложе, маленький широколицый крепыш.

— Что случилось? — удивился Дантон.

— Как тебя зовут?

— Эдвард Дантон.

— Я Симеон Смит, — сообщил тощий. — Военачальник хаттеритов. А это Джедекия Франкер, мой заместитель. Почему ты заговорил по-английски?

— Я всегда говорю по-английски, — ответил Дантон. — Я же...

— Где остальные? Куда они спрятались?

— Да здесь никого нет. Только я. — Дантон бросил взгляд на звездолет и увидел мужские и женские лица в каждом иллюминаторе. — Посмотрите-ка, это все вам, — Дантон указал на фрукты. — Я думал, вы соскучились по свежей пище после длительного путешествия.

Из люка выглянула хорошенькая блондинка с коротко подстриженными, волнистыми волосами.

— Нам уже можно выходить, отец?

— Нет! — ответил Симеон. — Здесь небезопасно. Полезай назад, Анита.

— Я буду наблюдать отсюда, — ответила девушка, с откровенным любопытством разглядывая Дантона.

Дантон встретился с ней глазами, и вдруг неведомый ему дотоле трепет пробежал по всему его телу.

Симеон сказал:

— Мы принимаем твое приглашение. Однако есть эти фрукты не станем.

— Отчего же? — резонно полюбопытствовал Дантон.

— А оттого, — ответил ему Джедекия, — что мы не знаем, каким ядом вздумаете вы нас отравить.

— Отравить? Послушайте, давайте-ка присядем и объяснимся наконец.

— Что вы о нем думаете? — обратился к Симеону Джедекия.

— Все идет именно так, как я и ожидал, — ответствовал военачальник. — Он из кожи лезет вон, чтобы втереться в доверие, задобрить нас, и это очень подозрительно. Его соплеменники прячутся. Наверняка сидят в засаде. Я считаю, что им следует дать наглядный урок.

— Добро, — с ухмылкой согласился Джедекия. — Да убоятся цивилизации, — и он направил свою винтовку Дантону в грудь.

— Эй! — вскрикнул Дантон и попятился.

— Папа, — заговорила Анита, — но он же ничего еще не сделал.

— В том-то и суть. Если его пристрелить, он и впредь ничего не сделает. Хорошие туземцы — это мертвые туземцы.

— А остальные, — вставил Джедекия, — поймут, что мы не собираемся шутить.

— Но вы не имеете права! — возмущенно воскликнула Анита. — Совет старейшин...

— ... не распоряжается сейчас... — перебил ее отец. — Высадившись на чужой планете, мы попадаем в чрезвычайное положение, а это значит, что власть переходит в руки военного командования. Мы делаем то, что считаем необходимым. Вспомни Лан II!

— Да погодите вы, — заговорил Дантон. — Здесь какое-то недоразумение. На острове нет никого, кроме меня, и вовсе незачем...

Пуля взрыла песок у его левой ноги. Дантон понесся к джунглям. Вторая пуля жалобно пропела в воздухе, третья перерезала веточку над самой его головой в тот миг, когда он скрылся наконец в подлеске.

— Вот так-то! — прогремел ему вслед голос Симеона. — Пусть зарубят себе на носу.

Дантон мчался по джунглям, пока не отдалился от корабля пионеров по крайней мере на полмили.

Кое-как поужинав местными фруктами, напоминающими наши бананы и плоды хлебного дерева,

Дантон принялся раздумывать о странных незнакомцах. Ненормальные они, что ли? Неужели им не ясно, что он землянин, живет на острове один, безоружен и встретил их с несомненным дружелюбием? Так нет же, они начали в него стрелять, давая наглядный урок. Кому? Грязным туземцам, которым нужно дать урок...

А, вот в чем дело! Дантон энергично закивал головой. Хаттериты приняли его за туземца, аборигена, и решили, что его соплеменники прячутся в джунглях, выжидая удобной минуты, чтобы выскочить и перерезать незваных гостей. Ну что ж, предположение не такое уж абсурдное. Он и в самом деле забрался чуть ли не на край света, остался здесь без космического корабля, да притом еще ходит в набедренной повязке и стал бронзовым от загара. Очень может быть, что хаттериты именно так и представляют себе туземцев неосвоенных планет.

— Но в таком случае, — продолжал размышлять Дантон, — как они объяснят, что я разговариваю по-английски?

Вся история выглядела на редкость нелепо. Дантон тронулся обратно к звездолету, уверенный, что с легкостью сумеет разъяснить пришельцам их ошибку. Впрочем, пройдя несколько шагов, он остановился.

Приближался вечер. Позади небо затянули белые и серые тучи, а с моря надвигался густой синеватый туман. Из джунглей доносились зловещие шорохи, шумы. Дантон давно уже убедился, что все они совершенно безобидны, но пришельцы могли решить иначе.

Этим людям ничего не стоит спустить курок, вспомнил он. Глупо было бы лететь сломя голову навстречу собственной гибели.

И Дантон начал осторожно пробираться сквозь густые заросли: дотемна загорелый, бесшумный, как тень, он сливался с буро-зеленым кустарником. Добравшись до места, Дантон пополз через густой подлесок и осторожно оглядел из-за куста пологий берег.

Пионеры наконец вышли из корабля. Их оказалось не меньше полусотни: мужчины, женщины и не-

сколько детей. Все были одеты в тяжелую черную одежду и истекали потом. Дантон увидел, что к его дарам не притронулся ни один из пришельцев. Зато на алюминиевом столе красовалась малопривлекательная трапеза путешественников по космосу.

Несколько мужчин с винтовками и патронташами расхаживали поодаль от толпы, внимательно наблюдая за опушкой джунглей и настороженно всматриваясь в темнеющее небо. Это были часовые.

Симеон поднял руки. Воцарилась тишина.

— Друзья мои, — провозгласил военачальник. — Вот наконец и обрели мы с вами долгожданный приют. Взгляните: перед нами земля обетованная, и природа здесь щедра и изобильна. Достойна ли наша новая родина столь долгих странствий, опасностей, коим мы подвергали себя, и нескончаемых поисков?

— Достойна, брат наш, — откликнулась толпа.

Симеон снова воздел руки, требуя тишины.

— На этой планете нет цивилизованных людей. Мы первыми пришли сюда, друзья, и она достанется нам. Но помните об опасностях! В чаще джунглей, быть может, бродят неведомые нам чудовища...

— Из которых самое большое не крупней бурундука, — прошептал Дантон. — Спросили бы уж меня. Я бы вам рассказал.

— А в пучине вод, наверное, таится некий левиафан, — продолжал Симеон. — Одно известно нам: на планете есть туземцы, нагие дикари, и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-либо неладное, стрелять первыми! Не забывайте Лан II!

Слушатели зааплодировали, спели гимн и приступили к вечерней трапезе. Когда темнота сгустилась, путешественники зажгли прожекторы, и берегу стало светло как днем. Часовые расхаживали и

взад и вперед, держа винтовки на изготовку и встревоженно нахохлившись.

Поселенцы вытащили спальные мешки и устроились на ночлег, примостившись поближе к звездолету. Даже страх перед внезапным нападением дикарей не мог заставить их провести еще одну ночь внутри душного корабля.

Высоко в небе плыли ночные облака, до половины прикрывая огромную оранжевую нью-таитянскую луну. Часовые расхаживали у своих постов, выкрикивали в темноту ругательства и сиротливо жались все ближе и ближе друг к другу. Они поднимали пальбу, заслышав шорох в джунглях, и осыпали бранью каждую тень.

Дантон снова уполз в чащу. На ночь он устроился за деревом, чтобы не попасть под шальную пулю. Начинать переговоры с вечера явно не стоило. Очень уж нервозны были эти хаттериты. Дантон решил, что удобнее будет объясниться с ними при свете дня: просто, без обиняков и рассудительно.

Беда только, что рассудительностью хаттериты едва ли отличались.

Впрочем, наутро дело представилось ему не столь уж безнадежным. Дантон дождался, когда поселенцы позавтракают, и осторожно вышел из кустов на дальнем краю пляжа.

— Стой! — разом рявкнули все часовые.

— Дикарь вернулся! — крикнул один из поселенцев.

— Ой, мамочка, — заплакал какой-то малыш. — Злой, гадкий дядька меня съест. Не отдавай меня.

— Не бойся, милый, — успокаивала его мать. — У папы есть ружье, папа застрелит дикаря.

Из звездолета выскочил Симеон и уставился на Дантона.

— А, пожаловал! Ступай сюда.

Коченея от напряжения, Дантон опасливо приблизился к Симеону. Руки он старался держать так, чтобы все видели, что они пустые.

— Я предводитель этих людей. — Симеон произносил слова очень медленно, словно обращаясь к

ребенку. — Моя — большая вождь эти люди. А твоя — большая вождь твои люди?

— Зачем вы так разговариваете? — спросил Дантон. — Мне даже трудно вас понять. Я же вам говорил вчера, что на острове никого нет. Только я.

Суровое лицо Симеона побелело от гнева.

— Ты со мной не хитри, а то хуже будет. Ну, выкладывай: где твое племя?

— Да я же землянин, — завопил Дантон. — Вы что, глухой? Не слышите, как я говорю?

Подошел Джедекия, а с ним седой сутуловатый человечек в больших очках в роговой оправе.

— Симеон, — сказал седой человечек, — мне хотелось бы познакомиться с нашим гостем.

— Профессор Бейкер, — обратился к нему Симеон, — этот дикарь утверждает, что он землянин, и говорит, что его имя — Эдвард Дантон.

Профессор взглянул на набедренную повязку, затем на смуглое тело Дантона, его загрубелые босые ноги.

— Так вы землянин? — спросил он.

— Конечно.

— А кто высек эти каменные статуи на берегу?

— Я, — ответил Дантон. — Но это просто своего рода терапия. Видите ли...

— Типичные изделия примитива. Вся стилизация, носы...

— Ну, значит, у меня это вышло случайно. Понимаете ли, несколько месяцев назад я вылетел с Земли на государственном космическом корабле...

— Чем он был оборудован? — перебил профессор Бейкер.

— Гиперпространственными вихревыми конвертерами.

Бейкер кивнул, и Дантон продолжал:

— Так вот, меня отнюдь не привлекали такие планеты, как Корани или, скажем, Гейл V, а для Гедонии я, пожалуй, недостаточно темпераментен. Я пролетел мимо Рудничных и Фермерских Миров и высадился наконец на этой планете. Я назвал ее Нью-Таити, и она зарегистрирована на мое имя.

Впрочем, мне было здесь так одиноко, что я рад вам от души.

— Что вы на это скажете, профессор? — спросил Симеон.

— Поразительно, — пробормотал профессор Бейкер. — Поистине поразительно. Так овладеть английской разговорной речью возможно лишь при относительно высокой степени развития интеллекта. Нам остается предположить, что мы столкнулись с феноменом, нередким в примитивных обществах, а именно — чрезвычайно развитой способностью к мимикрии. Наш друг Данта (как его, несомненно, называли, прежде чем он исковеркал свое имя на англ'ийский лад) знает, наверное, множество местных легенд, мифов, песен, плясок и исполнит нам...

— Но я землянин!

— Нет, мой бедный друг, — ласково возразил профессор. — Ты не землянин. Не сомневаюсь, что ты *встречал* землянина. Скорее всего, то был какой-нибудь коммерсант, сделавший тут вынужденную посадку.

— На острове есть следы останавливавшегося на краткий срок космического корабля, — сказал Джедекия.

— О, вот видите, — прояснил профессор Бейкер. — Моя гипотеза подтверждается.

— Да нет же, это был государственный корабль, — объяснял Дантон. — Я на нем и прилетел.

— Интересно также отметить, — лекторским тоном продолжал профессор Бейкер, — те критические пункты, когда почти правдоподобная история внезапно оборачивается мифом. Вот он заявляет, например, что прилетел на звездолете, управляемом некими гиперпространственными вихревыми конвертерами, что является типичной абракадаброй, ибо космические корабли управляются только двигателями Миккельсена. Далее, неспособный постичь своим неразвитым умом, что путешествие может длиться годы, он утверждает, будто за несколько месяцев долетел сюда от Земли, в то время как мы знаем, что ни один космический корабль не способен даже

теоретически преодолеть такое расстояние в подобный срок.

— Значит, такие корабли были изобретены уже после вашего отбытия, — заметил Дантон. — Когда вы вылетели в космос?

— Космический корабль хаттеритов покинул Землю сто двадцать лет тому назад, — снисходительно ответил Бейкер. — Здесь присутствуют преимущественно четвертое и пятое поколения. Заметьте также, — обратился Бейкер к Симеону и Джедекии, — как ловко сочиняет он правдоподобные названия планет. Врожденная способность к звукоподражанию подсказала ему такие словечки, как Корани, Гейл, Гедония. И его отнюдь не беспокоит, что всех этих планет нет во Вселенной.

— Да есть они! — негодующе крикнул Дантон.

— Где? — с вызовом обратился к нему Джедекия. — Укажи координаты.

— Откуда мне их знать? Я не штурман. Гейл, по-моему, где-то в районе Волопаса или, может быть, Кассиопеи. Нет, пожалуй, Волопаса.

— Мне жаль огорчать тебя, друг мой, — сказал Джедекия. — Но, да будет тебе известно, что сам я именно штурман. Я могу показать тебе звездные карты, атласы. Там нет таких планет.

— Ваши карты устарели на столетие!

— Звезды, стало быть, тоже, — отрезал Симеон. — Ну, Данта, где же твои соплеменники? Почему они прячутся от нас? Что вы замышляете?

— Какая нелепость, — возмутился Дантон. — Как мне вас убедить? Я землянин, слышите! Родился и вырос...

— Будет! — оборвал его Симеон. — Уж что-что, но выслушивать дерзости от туземцев хаттериты не станут. Живее, Данта. Где твой народ?

— Здесь никого нет, кроме меня, — не сдавался Дантон.

— А, так ты запираться! — процедил Джедекия. — Уж не хочешь ли отведать плетки из змеиной кожи?

— Потом, успеется, — остановил его Симеон. — Туземцы сами придут. Дикари всегда прибегают по-

прошайничать. А ты, Данта, можешь пока пособить тем людям, что разгружают корабль.

— Нет, спасибо, — ответил Дантон, — я лучше вернусь...

Кулак Джедекии с размаху врезался ему в челюсть. Дантон еле удержался на ногах.

— Вождь сказал тебе: без дерзостей! — гаркнул Джедекия. — И что это вы, туземцы, такие лодыри? Тебе заплатят сразу же, как выгрузят бусы и ситец. За работу!

Спорить было бесполезно. Ошеломленный, замороченный, почти так же, как миллионы туземцев в тысячах разных миров и до него, Дантон присоединился к длинному ряду колонистов, по конвейеру передававших груз из корабля.

К концу дня звездолет разгрузили, и поселенцы расположились на отдых. Дантон сел в сторонке, поодаль от остальных, и попытался обдумать свое положение. К нему подошла Анита, держа в руке котелок с водой.

— Вы тоже принимаете меня за туземца? — спросил он.

Анита села рядом и ответила:

— Я просто не представляю, кем вы еще можете быть. Всем ведь известно, с какой скоростью летают космические корабли, а вы...

— С тех пор как ваш корабль покинул Землю, многое переменилось. Но скажите, неужели «Народ Хаттера» провел все эти годы в космосе?

— Конечно, нет. Наши высадились сперва на Эйчгастро I, но почва там оказалась неплодородной, и следующее поколение перебралось на Ктеди. Там тоже случилась беда: земные злаки видоизменились и так буйно разрослись, что людям пришлось спасаться на другую планету, Лан II. На ней бы мы и остались, если бы не новая напасть.

— Какая же?

— Туземцы, — грустно ответила Анита. — Насколько я понимаю, встретили они нас дружелюбно и поначалу все шло хорошо. А потом вдруг все местное население восстало против нас. Правда, у туземцев не

было огнестрельного оружия, но они собрали такое огромное войско, что нашим пришлось снова сесть на корабль и бежать сюда.

— Гм, — промычал Дантон. — Стало быть, вот откуда такой страх перед аборигенами.

— Ну конечно. Пока нам угрожает хотя бы малейшая опасность, мы находимся на военном положении: то есть всем распоряжаются мой отец и Джедекия. Зато когда угроза минует, власть перейдет в руки постоянного правительства хаттеритов.

— Что же это за правительство?

— Совет старейшин, — ответила Анита. — В нем заседают люди доброй воли, ненавидящие насилие. И если ты и твой народ действительно хотите мира...

— У меня нет народа, — устало сказал Дантон.

— ...наше правительство создаст вам все условия для процветания, — закончила она.

Они замолчали, любуясь закатом. Дантон вдруг заметил, как шевелятся на ветру мягкие волосы Аниты, упавшие ей на лоб, и как в свете вечерней зари проступают отчетливой светящейся линией очертания ее щеки и губ. Дантон вздрогнул и уверил себя, что посвежело. А девушка, с воодушевлением рассказывавшая ему о своем детстве, стала вдруг запинаться, не находя нужных слов, а то и вовсе забывала, о чем говорит.

Потом их руки встретились. Сперва столкнулись кончики пальцев и так и не разошлись. Парочка долго сидела молча. И наконец все завершилось продолжительным нежным поцелуем.

— Что здесь творится, черт возьми? — раздался громкий голос.

Перед ними, подбоченившись, стоял широкоплечий коренастый человек. Его крупная голова черным силуэтом вырисовывалась в светящемся диске луны.

— Бога ради, Джедекия, — сказала Анита. — Не разыгрывай сцен.

— Встань, — зловещим тихим голосом сказал Джедекия Дантону. — Встань-ка, да побыстрей.

Дантон поднялся на ноги, сжимая руки в кулаки.

— Ты опозорила свою расу, — сказал Джедекия Аните, — и весь народ Хаттера. С ума ты сошла, что ли? Разве может уважающая себя девушка путаться с грязным туземцем? А тебе, — повернулся он к Дантону, — я растолкую одну истину, да так, что ты крепко ее запомнишь. *Туземцам не позволено волочиться за нашими женщинами!* И сейчас я вколочу это тебе в башку.

Произошла короткая стычка, в результате которой Джедекия оказался распростертым на земле.

— На помощь! — завопил он. — Туземцы взбунтовались!

На звездолете загремел набат. Вой сирен пронзил ночную темноту. Женщины и дети, давно и основательно обученные, как вести себя при сигнале тревоги, быстро забрались в корабль. Мужчины, вооружившись винтовками, пулеметами и ручными гранатами, приближались к Дантону.

— Да мы с ним просто подрались один на один! — крикнул Дантон. — Никаких туземцев и близко нет. Здесь только я.

— Отойди, Анита! — крикнул хаттерит, идущий впереди.

— Но я не видела ни одного туземца, — твердо ответила девушка. — А Данта и в самом деле не виноват.

— Назад!

Аниту оттащили. Дантон бросился к джунглям и успел скрыться, прежде чем застрочили пулеметы.

С полсотни ярдов он прополз на четвереньках, а потом встал и помчался во весь дух.

К счастью, хаттериты не преследовали его. Единственное, чего они хотели, — это защитить от нападения корабль и удержать в своих руках береговой плацдарм с примыкавшей к нему узкой полоской джунглей. Всю ночь не умолкала трескотня пулеметов, громкие крики, истошные вопли.

— Вон высунулся один!

— Поворачивай пулемет, скорее! Они заходят с тыла!

— Ага! Попался!

— Нет, убежал. А, вот ты где... Гляди-ка, а на дереве...

— Стреляй, стреляй же!

Чуть ли не до утра Дантон слышал, как отбивают хаттериты атаки воображаемых туземцев.

Только перед самым рассветом стрельба умолкла. За ночь было израсходовано около тонны свинца, вытоптано несколько акров травы и обезглавлены сотни деревьев. Джунгли воняли кордитом*.

Дантон забылся беспокойным сном.

Проснувшись в полдень, он услыхал, что кто-то пробирается через подлесок. Дантон углубился в чащу и, подкрепившись местными плодами, напоминающими бананы и манго, попытался обдумать свое положение.

Тщетно. Он мог думать только об Аните и тосковал о ней.

Весь день бродил он, словно неприкаянный, по джунглям. Солнце уже клонилось к закату, когда из подлеска снова донесся шум. Дантон двинулся в глубь зарослей. Но его тут же позвали:

— Данта! Данта! Погоди!

Это была Анита. Он остановился в нерешимости. Что, если девушка покинула лагерь, чтобы поселиться с ним в зеленых джунглях? Впрочем, куда более правдоподобным было другое объяснение: хаттериты хотят заманить его в ловушку, и за девушкой следует отряд вооруженных мужчин, готовых убить его при первой же возможности. Как угадаешь, кого решила предать Анита?

— Данта! Где же ты?

Дантон убеждал себя, что его надежды неосуществимы. Хаттериты вполне ясно показали свое отношение к туземцам. Они никогда не станут доверять ему, его жизнь вечно будет в опасности...

— Данта, я прошу тебя!

Дантон пожал плечами и пошел на ее голос.

---

*Кордит — бездымный нитроглицериновый порох.

Они встретились на небольшой прогалине. Волосы Аниты растрепались, спортивная блуза и шорты были изодраны колючками, но Дантону она показалась прекрасней всех женщин на свете. На миг он поверил, что девушка убежала к нему, останется с ним.

Затем он увидел ярдах в пятидесяти сзади вооруженных мужчин.

— Не волнуйся, — успокоила его Анита. — Они не будут стрелять. Они только охраняют меня.

— Вот как? — принужденно рассмеялся Дантон. — От кого же?

— Они ведь не знают тебя так хорошо, как я, — пояснила Анита. — Но сегодня заседал Совет, и я рассказала там всю правду.

— В самом деле?

— Ну конечно. Я сказала, что ты просто защищался, а драку затеял Джедекия. И что он все наврал: на него вовсе не нападала целая орда туземцев. Кроме тебя, там не было ни души, я им прямо заявила.

— Вот молодчина! — пылко воскликнул Дантон. — И они поверили тебе?

— По-моему, да. Я ведь объяснила им, что туземцы напали позднее.

Дантон застонал.

— Послушай, как могли туземцы напасть на вас, если их нет на острове?

— То есть как это нет? А кто же тогда так вопил?

— Твои собственные земляки.

Дантон попытался придумать что-нибудь очень убедительное. Ведь если ему не удастся уверить в своей правоте хотя бы эту девушку, как сможет он разубедить всех остальных?

И тут его осенило. Довод был предельно прост, но, по-видимому, неопровержим.

— Так ты и в самом деле считаешь, что на ваш лагерь напали туземные жители? — произнес он.

— Ну еще бы.

— И много нас было?

— Говорят, что на одного нашего приходилось не меньше десятка.

— Мы были вооружены?

— Разумеется.

— Тогда чем же ты объяснишь тот странный факт, — торжествуя, спросил Дантон, — что ни один из хаттеритов не был ранен?

Анита изумленно на него воззрилась.

— Но, Данта, милый, очень многие из наших ранены и некоторые даже тяжело. Удивительно еще, как в таком сражении никого не убили.

Дантону показалось, что земля рванулась у него из-под ног. Охваченный паникой, он вдруг поверил Аните. Не зря, очевидно, хаттериты так настаивают на своем. А что, если на острове и вправду живет какое-то племя, и сотни бронзовых, как он сам, дикарей прячутся сейчас за деревьями, выжидая...

— Тот торговец, что обучил тебя английскому, был, наверное, совсем бессовестный, — продолжала Анита. — Межпланетный закон запрещает продавать туземцам огнестрельное оружие. Когда-нибудь он попадется и...

— Огнестрельное?

— В том-то и дело! Вы, конечно, еще не научились как следует с ним обращаться. Но мой отец сказал, что пуля летит с такой силой...

— Я полагаю, раны были только пулевые?

— Да. Наши не подпустили вас близко, так что вам не удалось воспользоваться кинжалами и копьями.

— Понятно, — сказал Дантон.

Итак, его попытку постиг полный крах. И все-таки он чувствовал себя на вершине блаженства, вновь обретя уверенность в здравости своего рассудка. Дантон понял наконец. Беспорядочно рассыпавшееся по джунглям воинство хаттеритов палило в каждую движущуюся тень, то есть друг в друга. Мудрено ли, что некоторые попали под пулю? Гораздо удивительнее то, что никто не погиб. Это было поистине чудом.

— Но я объяснила старейшинам, что ты вовсе не виноват, — успокоила его Анита. — Наоборот, это на тебя напали, а твои соплеменники, наверное, подумали, что тебя хотят убить. Старейшины считают это вполне вероятным.

— Как любезно с их стороны, — заметил Дантон.

— Они стараются быть беспристрастными. Вообще-то они ведь признают, что туземцы такие же люди, как мы.

— Да неужели! — попытался съязвить бедняга.

— Да, а как же? И старейшины тут же созвали совещание по вопросам туземной политики и на нем порешили все раз и навсегда. Мы отводим вам резервацию площадью в тысячу акров. Правда ведь, не поскупились? Наши уже вколачивают межевые столбы. И вы будете теперь мирно жить в своей резервации, а мы — на нашей части острова.

— Что-о?!

— И чтобы скрепить договор, — продолжала Анита, — наши старейшины просят тебя принять вот это. — И она вручила ему пергаментный свиток.

— Что здесь такое?

— Это мирный договор, который провозглашает окончание хаттеро-нью-таитянской войны и устанавливает отныне и навеки добрососедские отношения между нашими миролюбивыми народами.

Ошеломленный Дантон взял в руки свиток. Он видел, что спутники Аниты уже вкапывают в землю межевые столбы, расписанные в красную и черную полоску. Работая, мужчины пели, как нельзя более довольные тем, что им удалось так быстро и легко справиться с проблемой туземцев.

— А не кажется ли тебе, — начал Дантон, — что может быть... э-э, лучшим выходом была бы... ассимиляция?

— Я это предлагала, — покраснев, сказала Анита.

— Правда? Значит, ты согласилась бы...

— Конечно, да, — не глядя на него, проговорила девушка. — Я считаю, что слияние двух могущественных рас принесло бы замечательные результаты. И потом... Ах, Данта, какие чудесные сказки и легенды рассказывал бы ты нашим детишкам!

— Я научил бы их охотиться и ловить рыбу, — подхватил Дантон, — показал бы им, как распознавать съедобные коренья, и многое другое.

— А ваши колоритные племенные песни, пляски, — вздохнула Анита. — Как все было бы чудесно! Я очень огорчена.

— Но должен же быть выход! Может, мне поговорить со старейшинами? Неужели нет надежды?

— Никакой, — ответила Анита. — Я бы убежала с тобой, Данта, но ведь нас поймают, не сейчас, так позже.

— Они никогда нас не найдут, — уверил ее Дантон.

— Возможно. Я бы с радостью рискнула.

— Милая!

— Но не во мне одной дело. А твой несчастный народ, Данта? Хаттериты возьмут заложников и, если я не вернусь, поубивают их.

— Да нет здесь никакого народа! Нет его, черт меня возьми!

— Я тронута, что ты так говоришь, — нежно произнесла Анита. — Но нельзя жертвовать человеческими жизнями ради любви двух отдельных лиц. Ты предупреди своих соплеменников, Данта, чтобы не нарушали границу. В них будут сразу же стрелять. Прощай и помни, что тропа мира лучше, чем тропа войны.

Девушка убежала. Дантон долго смотрел ей вслед. Он и злился, что ее благородные чувства обрекали их на бессмысленную разлуку, и в то же время еще сильней любил ее за сострадание к его соплеменникам. То, что соплеменников не существует в природе, не умаляло заслуг девушки. Она ведь этого не знала.

Наконец он повернулся и побрел в глубь чащи.

Остановился он около тихого пруда, над которым нависли ветви гигантских деревьев. Черную гладь воды окаймляли заросли цветущего папоротника; усевшись здесь, он стал раздумывать, как ему доживать свой век. Анита потеряна. Все связи с подобными ему оборвались. Ну что ж, ему никто и не нужен, утешал он себя. Он отлично проживет и в резервации; если захочет, снова посадит огород, будет опять высекать статуи, напишет новые сонаты, опять станет вести дневник...

— К черту! — крикнул он деревьям.

Он был сыт по горло сублимацией. Его влекло к Аните, тянуло к людям. Одиночество опротивело ему.

Но что же делать?

Выхода, казалось, не было. Прислонившись к стволу дерева, Дантон задумчиво смотрел на неистово-синее нью-таитянское небо. Если бы эти хаттериты не погрязли так в своих дурацких предрассудках, и не боялись так туземцев, и...

План возник молниеносно, безумный, опасный план...

«Попробовать стоит, — подумал Дантон. — А убьют, так и ладно».

И он заспешил к пограничной меже.

Увидев, что Дантон приближается к лагерю, один из часовых направил на него винтовку. Дантон поднял руки.

— Не стреляй! Мне нужно поговорить с вашими вождями.

— Убирайся в резервацию! — крикнул ему часовой. — Не то буду стрелять.

— Но мне нужно видеть Симеона, — настаивал Дантон.

— Приказ есть приказ, — и с этими словами часовой прицелился.

— Стой, погоди-ка. — Из космического корабля вылез хмурый как туча Симеон. — Что тут стряслось?

— Опять пришел этот туземец, — пояснил часовой. — Прихлопнуть его, сэр?

— Чего тебе нужно? — спросил Симеон Дантона.

— Я пришел, дабы возвестить вам, — громовым голосом начал Дантон, — *объявление войны!*

Лагерь всполошился. Через несколько минут все мужчины, женщины и дети сгрудились около корабля. Старейшины — группа седобородых старцев — держались с краю.

— Ты ведь принял мирный договор, — заметил Симеон.

— Мы вожди племен, живущих здесь, на острове — выступая вперед, заявил Дантон, — обсудили договор и находим, что он несправедлив. Нью-Дания — наша. Она искони принадлежала нашим отцам и отцам наших отцов. Здесь растили мы детей,

сеяли злаки и собирали плоды хлебного дерева. Мы не хотим жить в резервации!

— Ах, Данта! — воскликнула, выходя из корабля, Анита. — Я ведь просила тебя принести твоему народу мир.

— Они не послушались бы меня, — ответил Дантон. — Все племена поднялись. И не одни только цинохи, мой народ, но и дровати, лорогнасти, ретеллъсмбройхи, вителли. Я уж не говорю о зависимых и малых племенах.

— И много у вас народу? — спросил Симеон.

— Пятьдесят или шестьдесят тысяч воинов. Но конечно, не у каждого есть винтовка. Большинству придется довольствоваться более примитивным оружием, вроде отравленных дротиков и стрел.

Тревожный ропот пробежал по рядам толпы.

— Многих из нас убьют, — бесстрастно продолжал Дантон. — Пусть: мы готовы к этому. Каждый ньютаитянин будет сражаться как лев. На одного вашего воина обрушится тысяча наших. Кроме того, к нам, конечно, примкнут наши родичи с соседних островов. И каких бы жертв и бедствий это нам ни стоило, мы опрокинем вас в море. Я сказал.

Дантон повернулся и горделиво зашагал к джунглям.

— Ну а теперь-то можно прихлопнуть его? — взмолился часовой.

— Опусти винтовку, дурень! — рявкнул Симеон. — Погоди, Данта! Я думаю, мы поладим. К чему нам зря проливать кровь?

— Я согласен, — степенно ответил Дантон.

— Что вы требуете от нас?

— Равноправия.

Старейшины, не сходя с места, принялись совещаться. Симеон выслушал их и направился к Дантону.

— Это требование исполнимо. Больше вы ничего не хотите?

— Нет, больше ничего, — ответил Дантон. — Если, разумеется, не считать того, что для скрепления договора главенствующим родам хаттеритов и нью-

таитян надлежит связать себя нерасторжимыми узами. Мы предлагаем брак.

Старейшины опять посовещались, и военачальник получил новые наставления, столь сильно взволновавшие его, что на шее у него вздулись жилы. Впрочем, Симеон усилием воли овладел собой и, поклонившись в знак повиновения старейшинам, прошествовал к Дантону.

— Старейшины уполномочили меня, — сказал он, — предложить тебе кровное братство. Мы с тобой, как представители главенствующих родов, смешаем кровь и после свершения этой трогательной, чисто символической церемонии преломим хлеб, посыплем его солью...

— Э нет, — ответил Дантон. — У нас на Нью-Таити такое не принято. Я настаиваю на браке.

— Но, черт возьми, любезный...

— Таково мое последнее слово.

— Мы никогда не согласимся! Никогда!

— Значит, будем воевать, — объявил Дантон и удалился в джунгли.

Он и впрямь был не прочь начать войну, хотя и не представлял себе, каким образом один-единственный туземец сможет вести военные действия против большого отряда вооруженных мужчин.

Дантон пытался что-нибудь изобрести, когда к нему явились Симеон и Анита.

— Твоя взяла, — сердито буркнул Симеон. — Старейшины согласны. Хаттеритам осточертело порхать с планеты на планету. Мы сталкиваемся с проблемой туземцев не в первый раз, и, куда бы мы ни перебрались, нам от нее, наверное, не избавиться. Мы сыты ею по горло и предпочитаем, — Симеон судорожно глотнул воздух, однако мужественно договорил: — Согласиться на ассимиляцию. По крайней мере так решили старейшины. Я лично выбрал бы войну.

— И потерпели бы поражение, — заверил его Дантон, вдруг почувствовав себя в силах в одиночку расправиться с хаттеритами.

— Возможно, — согласился Симеон. — Впрочем, если бы не Анита, нам пришлось бы воевать.

— Почему?

— А потому, любезнейший, что во всем лагере она единственная девушка, которая согласна выйти замуж за голого и грязного язычника-дикаря!

Итак, они поженились, и Данта, именуемый отныне Другом Белого Человека, принялся помогать хаттеритам в покорении новых земель. Пришельцы, в свою очередь, приобщили его к чудесам цивилизации. Данту научили играть в такие игры, как бридж, «станьте в круг». Вскоре хаттериты построили первую подземку, чтобы, как все цивилизованные люди, давать разрядку своей агрессивности. Данту посвятили и в эту игру.

Как ни старался он проникнуться духом этой классической забавы землян, она оказалась недоступной для его примитивной натуры. Вместе с женой он кочевал по планете, передвигаясь вслед за границей, дабы быть как можно дальше от угнетавших его благ цивилизации.

Данту часто навещали антропологи. Они записали все истории, какие он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамандуре было велено создать мир из ничего всего за три дня и какая награда его ожидала; что сказал Джевази, повстречав в подземном царстве Хутменлати, и как странно закончилась их встреча.

От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекали также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уж не мог позабыть. Вне всякого сомнения, они были созданы некой пренью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов.

Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих ньютаитян. Беспечные, смешливые, смуглые как бронза, дикари, превосходившие

представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но и их рассказы не внушали особого доверия.

— Мой народ? — говорил Данта любопытным. — О, мой народ не перенес болезней белых людей, их машинной цивилизации, их грубости и деспотизма. Мои родичи теперь в ином, более счастливом краю, на Валгуле, там, за небом. Когда-нибудь и я уйду туда.

И, слыша это, белые люди почему-то чувствовали себя виноватыми и старались быть как можно ласковее с Дантой, Последним Туземцем.

ПОТОЛКУЕМ МАЛОСТЬ?

Посадка прошла как по маслу, несмотря на капризы гравитации, причиной которых были два солнца и шесть лун. Низкая облачность могла бы вызвать осложнения, если бы посадка была визуальной. Но Джексон считал это ребячеством. Гораздо проще и безопасней было включить компьютер, откинуться в кресле и наслаждаться полетом.

Облака расступились на высоте двух тысяч футов. Джексон смог убедиться в правильности данных предварительной разведки: внизу, вне всяких сомнений, был город.

Его работа была одной из немногих в мире работ для одиночек, но, как это ни парадоксально, для нее требовались крайне общительные люди. Этим внутренним противоречием объяснялась привычка Джексона разговаривать с самим собой. Так делало большинство людей его профессии. Джексон готов был говорить со всеми, с людьми и инопланетянами, независимо от их размеров, формы и цвета.

За это ему платили, и это так или иначе было его естественной потребностью. Он разговаривал в одиночестве во время долгих межзвездных полетов, и он разговаривал еще больше, когда рядом с ним был кто-нибудь или что-нибудь, что могло бы отвечать. Он

Печатается по изд.: Шекли Р. Потолкуем малость?: И грянул гром. — М.: Мол. гвардия, 1976. Пер. изд.: Sheckley R. Shall we Have a Little Talk?: The People Trap. Bantam Books, New York, 1968

Copyright © 1968 by Robert Sheckley
© 1976 Е. Венедиктова, перевод на русский язык

считал большой удачей, что за его любовь к общению ему еще и платят.

— И не просто платят, — напомнил он себе. — Хорошо платят, а ко всему прочему еще и премиальные. И еще я чувствую, что это моя счастливая планета. Сдается мне, есть шанс разбогатеть на ней — если, конечно, меня там не убьют.

Единственными недостатками его работы были одиночество межпланетных перелетов и угроза смерти, но за это он и получал такие деньги.

Убьют ли они его? Никогда не предскажешь. Поведение инопланетян так же трудно предугадать, как и поступки людей, только еще труднее.

— Я все же думаю, что они меня не убьют, — сказал Джексон. — Я прямо-таки чувствую, что мне сегодня повезет.

Эта простая философия была ему поддержкой многие годы, в одиночестве бесконечного пространства, на десяти, двенадцати, двадцати планетах. Он и на этот раз не видел причин отказываться от нее.

Корабль приземлился. Джексон переключил управление на режим готовности. Он проверил показания анализатора на содержание в атмосфере кислорода и других жизненно важных химических элементов и быстро просмотрел данные о местных микроорганизмах. Планета была пригодна для жизни. Он откинулся в кресле и стал ждать. Конечно же, долго ждать не пришлось. Они — местные жители, туземцы, аборигены (называйте их как хотите) — вышли из своего города посмотреть на корабль. А Джексон сквозь иллюминатор смотрел на них.

— Ну что ж, — сказал он, — похоже, что на этой захолустной планете живут самые настоящие гуманоиды. А это означает, что старый дядюшка Джексон получит премию в пять тысяч долларов.

1

Жители города были двуногими моноцефалами. У них было столько же пальцев, носов, глаз, ушей и

ртов, сколько и у людей. Их кожа была телесно-бежевой, губы — бледно-красными, а волосы — черными, каштановыми или рыжими.

— Черт возьми! Да они прямо как у нас на Земле! — воскликнул Джексон. — Видит Бог, за это мне полагается дополнительная премия. Самые что ни на есть гуманоиды!

Инопланетяне носили одежду. У некоторых было что-то вроде тросточек — палки с тонкой резьбой. На женщинах — украшения с резьбой и эмалью. Джексон сразу же определил, что они стоят приблизительно на том же уровне, что и люди позднего бронзового века на Земле.

Они разговаривали друг с другом и жестикулировали. Конечно, Джексон их не понимал, но это не имело значения. Важно было то, что у них вообще был язык и что его голосовые органы могли воспроизводить звуки их речи.

— Не то что в прошлом году на той тяжелой планете, — сказал Джексон. — Эти сукины дети со своими ультразвуками! Пришлось носить специальные наушники и микрофон, а в тени было за сорок.

Инопланетяне ждали его, и Джексон это знал. Первые мгновения непосредственного контакта всегда были самыми беспокойными.

Именно тогда они, вероятнее всего, могли вас прикончить.

Он неохотно прошел к люку, отдраил его, протер глаза и откашлялся. Ему удалось изобразить на лице улыбку. Он сказал себе: «Не дрейфь, помни, что ты просто маленький старый межпланетный странник, что-то вроде галактического бродяги, который собрался протянуть им руку дружбы, и все такое прочее. Ты просто заглянул сюда, чтобы немножко потолковать, и больше ничего. Продолжай верить этому, милок, и внеземные лопухи будут верить этому вместе с тобой. Помни закон Джексона: все формы разумной жизни обладают святым даром доверчивости; это означает, что трехъязыкого Танга с Орангуса V надуть так же просто, как Джо Доукса из Сен-Поля».

И так, с деланной храброй улыбочкой на лице, Джексон распахнул люк и вышел, чтобы немного потолковать.

— Ну, как вы тут все поживаете? — сразу же спросил Джексон, просто чтобы услышать звук своего собственного голоса.

Ближайшие инопланетяне отпрянули от него. Почти все хмурились. У некоторых, что помоложе, на предплечье висели ножны с бронзовыми клинками, и они схватились за рукояти. Это оружие было примитивным, но убивало не хуже современного.

— Ну, ну, не надо волноваться, — сказал Джексон, стараясь говорить весело и непринужденно.

Они выхватили ножи и начали медленно надвигаться. Джексон не отступал, выжидая. Он готов был сигануть назад в люк не хуже реактивного зайца, надеясь на то, что это ему удастся.

Затем двум самым воинственным дорогу преградил какой-то человек (Джексон решил, что их вполне можно называть людьми). Этот третий был постарше. Он что-то быстро говорил, жестами указывая на ракету. Те двое, с ножами, глядели в ее сторону.

— Правильно, — одобрительно сказал Джексон. — Посмотрите хорошенько. Большой-большой космический корабль. Полно крепкой выпивки. Очень мощная ракета, построенная по последнему слову техники. Вроде как заставляет остановиться и подумать, не так ли?

И заставило.

Инопланетяне остановились. Если они и не думали, то, по крайней мере, очень много говорили. Они показывали то на корабль, то на свой город.

— Кажется, начинаете соображать, — сказал им Джексон. — Язык силы понятен всем, не так ли, родственнички?

Подобные сцены он уже не раз наблюдал на множестве других планет и мог наверняка сказать, что происходит.

Обычно действие разворачивалось так.

Незваный гость приземляется на диковинном космическом корабле, тем самым вызывая 1) любо-

пытство, 2) страх и 3) враждебность. После нескольких минут трепетного созерцания один из местных жителей обычно говорит своему дружку:

— М-да! Эта проклятая железяка — чертовски мощная штука.

— Ты прав, Герби, — отвечает его друг Фред, второй туземец.

— Еще бы не прав, — говорит Герби. — Черт побери, с такой уймой мощной техники и всего прочего этому сукиному сыну ничего не стоит нас поработить. Я думаю, что он и в самом деле может это сделать.

— Ты попал в точку, Герби, точно так и может случиться.

— Поэтому вот что я думаю, — продолжает Герби. — Давайте не будем испытывать судьбу. Конечно же, вид-то у него вполне дружелюбный, но просто он слишком силен, а это мне не нравится. И именно сейчас нам представляется самая подходящая возможность схватить его, потому что он просто стоит там и ждет, что ему будут аплодировать или еще что-нибудь в этом роде. Так что давайте вытряхнем душу из этого ублюдка, а потом все обсудим и посмотрим, какая складывается ситуация.

— Ей-богу, я — за! — восклицает Фред. Другие высказывают свое одобрение.

— Молодцы ребята! — кричит Герби. — Давайте прямо сейчас накинемся на этого чужака и схватим его.

Итак, они трогаются с места, но неожиданно, в последний момент, вмешивается Старый Док. Он говорит:

— Погодите, ребята, так делать нельзя. Прежде всего у нас же есть законы...

— Плевать я на них хотел, — говорит Фред (прирожденный смутьян, к тому же с некоторой придурью).

— ...и, не говоря уж о законах, это может просто представлять слишком большую опасность для вас.

— Мы с Фредом не из пугливых, — говорит доблестный Герби. — Может, вам, Док, лучше сходить

в кино или еще куда. А этим займутся настоящие парни.

— Я не имел в виду непосредственную опасность для нашей жизни, — презрительно говорит Старый Док. — Я страшусь разрушения нашего города, гибели наших близких, уничтожения нашей культуры.

Герби и Фред останавливаются.

— Да о чем вы говорите, Док! Всего-то один вонючий инопланетянин. Пырнуть его ножом — так небось загнется не хуже нашего.

— Дураки! Schlemiels! * — громогласно негодует мудрый Старый Док. — Конечно, вы можете его убить! Но что будет потом?

— А что? — спрашивает Фред, прищуривая свои выпученные серо-голубые глаза.

— Идиоты! Cochons! ** Думаете, у этих инопланетян только один корабль? Думаете, они не знают, куда направился этот парень? Вы же должны соображать, что там, откуда он прилетел, полно таких кораблей и что там будут не на шутку обеспокоены, если его корабль не объявится в срок; и, наконец, вы должны соображать, что, когда они выяснят причину задержки, они разъярятся, кинутся сюда и разнесут здесь все в пух и прах.

— С чего это я должен так предполагать? — спрашивает слабоумный Фред.

— Потому что сам ты на их месте поступил бы точно так же, верно?

— Может, в таких условиях я бы так и поступил, — говорит Фред с глуповатой ухмылкой. — Да, как раз такую штуку я и смог бы сделать. Но послушайте, авось они-то этого не сделают?

— Авось, авось, — передразнивает Старый Док. — Знаешь, малыш, мы не можем ставить все на карту, рассчитывая на твое дурацкое «авось». Мы не можем позволить себе убить этого инопланетного парня, надеясь на то, что авось его соплеменники не сделают того, что сделал бы на их месте любой нормальный человек, а именно — не сотрут нас в порошок...

* Обормоты! (*евр.*)
** Свиньи! (*фр.*)

— Что ж, возможно, этого делать нельзя, — говорит Герби. — Но, Док, что же нам можно сделать?

— Просто подождать и выяснить, что ему нужно.

2

Согласно достоверным данным сцены, очень похожие на эту, разыгрывались, по крайней мере, раз тридцать или сорок. Обычно результатом их была политика выжидания. Иногда посланца Земли убивали до того, как будет услышан голос здравого смысла, но за подобный риск Джексону и платили.

Всякий раз, когда убивали посланца, следовало возмездие, быстрое и ужасное в своей неотвратимости. Конечно, делалось это не без сожаления, потому что Земля была крайне цивилизованным местом, где привыкли уважать законы. А ни одна цивилизованная нация, придерживающаяся законов, не любит пачкать руки в крови. Люди на Земле и в самом деле считают геноцид делом весьма неприятным, и они не любят читать о нем или о чем-либо подобном в утренних газетах. Конечно же, посланников нужно защищать, а убийство должно караться — это все знают. Но все равно неприятно читать о геноциде, попивая свой утренний кофе. Такие новости могут испортить настроение на весь день. Три-четыре геноцида, и человек может так рассердиться, что отдаст свой голос другому кандидату.

К счастью, основания для подобных неприятностей возникали не часто.

Инопланетяне обычно соображали довольно быстро. Несмотря на языковой барьер, они понимали, что убивать землянина просто *нельзя*.

А затем, позже, они понемногу усваивали все остальное.

Горячие головы спрятали свои ножи. Все улыбались, только Джексон скалился, как гиена. Инопланетяне грациозно жестикулировали руками и ногами. Возможно, это означало приветствие.

— Что ж, очень приятно, — сказал Джексон и, в свою очередь, сделал несколько изящных телодвижений. — Ну вот я и чувствую себя как дома. Почему бы вам теперь не отвести меня к своему вождю, не показать мне город и все такое прочее? Потом я засяду за этот ваш язык, разберусь с ним и мы немножко потолкуем. А после этого все будет идти как нельзя лучше. En avant! *

С этими словами Джексон быстро зашагал в направлении города. Немного поколебавшись, его новоявленные друзья последовали за ним.

Все шло по плану.

Джексон, как и все другие специалисты по установлению контактов, был на редкость одаренным полиглотом. Основным оборудованием ему служила его собственная эйдетическая память и обостренный слух, позволяющий различать тончайшие оттенки звучания. Что еще более важно, у него были поразительные способности к языкам и сверхъестественная интуиция на значение слов. Когда Джексон сталкивался с непонятным языком, он быстро и безошибочно вычленял значащие единицы — основные «кирпичики» языка. В предложении он с легкостью выделял информационную часть, случаи модального употребления и эмоциональную окраску. Его опытное ухо сразу же различало грамматические явления. Приставки и суффиксы не затрудняли его; порядок слов, высота тона и удвоение были детской игрой. О такой науке, как лингвистика, он знал не слишком много, но ему и не нужно было слишком много знать. Джексон был самородком. Наука о языке была разработана для того, чтобы описывать и объяснять то, что он и без нее интуитивно понимал.

До сих пор он еще не сталкивался с языком, которого не смог бы выучить. Он не допускал даже мысли о его существовании. Своим друзьям из Клуба Раздвоенного Языка в Нью-Йорке он часто говорил так:

* Вперед! (*фр.*)

— Знаете, братва, ничего такого трудного в этих инопланетных языках нет. По крайней мере в тех, с которыми я сталкивался. Говорю вам это совершенно откровенно. Хочу сказать вам, ребята, что человек, который может изъясняться на кхмерском языке или сиукском наречии, не встретит слишком много затруднений там, среди звезд.

Так оно и было до сих пор...

Когда они прибыли в город, Джексону пришлось вынести множество утомительных церемоний. Они растянулись на три дня — явление вполне закономерное, ведь не каждый день приходилось принимать гостей из космоса. Поэтому, совершенно естественно, каждый мэр, губернатор, президент и ольдермен, а вдобавок еще и их жены хотели пожать ему руку. Их вполне можно было понять, но Джексон терпеть не мог пустой траты времени. Его ждала работа, временами не очень приятная, и чем раньше он за нее возьмется, тем скорее кончит. На четвертый день ему удалось свести на нет официальную дребедень. Именно в этот день Джексон серьезно взялся за местный язык.

Язык, как скажет вам любой лингвист, — несомненно, самое прекрасное из всех существующих творений человека. Но прекрасное нередко таит в себе опасность.

Язык можно удачно сравнить со сверкающей, вечно меняющейся поверхностью моря. Никогда не знаешь, какие скалы могу прятаться в его ясных глубинах. Самые прозрачные воды скрывают самые предательские мели.

Джексон был готов к любым трудностям, но поначалу он их не встретил. На основном языке (хон) этой планеты (На) говорило подавляющее большинство ее обитателей («Эн-а-То-На» — буквально: людей с планеты На, или наянцев, как для себя окрестил их

Джексон). Язык хон показался ему несложным. Каждому понятию соответствовало лишь одно слово или словосочетание, и в этом языке не было слияния, соположения или агглютинации. Сложные понятия выражались через сочетания простых слов («космический корабль» у наянцев звучал как «хо-па-айе-ан» — корабль, летающий во внешнем небе). Таким образом, у хона было очень много общего с такими земными языками, как китайский и аннамитский. Высота тона служила не только для различения омонимов, но также могла иметь и позиционное употребление, где она выражала оттенки «воспринимаемого реализма», физического недомогания и три категории предвкушения чего-то приятного. Все это было умеренно интересным, но не представляло особой сложности для знающего лингвиста.

Конечно же, заниматься языком вроде хона было довольно нудным делом, потому что приходилось учить на память длинные списки слов. Но высота тона и порядок слов были вещами довольно любопытными, не говоря уже о том, что без них невозможно было понять ни единого предложения. Так что в целом Джексон был вполне доволен и впитывал язык, как губка воду.

Прошло около недели, и для Джексона наступил день законной гордости. Он смог сказать своему наставнику:

— С прекрасным и приятным добрым утром вас, самый достойный уважения и почитаемый наставник; и как ваше благословенное здоровье в этот чудесный день?

— Примите мои самые *ирд вунковые* поздравления! — ответил наставник с улыбкой, полной глубокого тепла. — Дорогой ученик, ваше произношение великолепно! В самом деле, решительно *горд нак!* И вы понимаете мой родной язык почти совсем *ур нак тай.*

Джексон весь просиял от похвал доброго старого наставника. Он был вполне доволен собой. Конечно, он не понял нескольких слов: *ирд вунковые* и *ур нак тай* звучали несколько незнакомо, но *горд нак* было

совершенно неизвестным. Однако ошибки для любого новичка были делом естественным. Того, что он знал, было достаточно, чтобы понимать наянцев и чтобы они понимали его. Именно это и требовалось для его работы.

В этот день он вернулся на свой корабль. Люк оставался открытым со дня его прилета, но Джексон не обнаружил ни единой пропажи. Увидев это, он с сожалением покачал головой, но не позволил себе из-за этого расстраиваться. Наполнив карманы различными предметами, он неторопливо зашагал назад, в город. Он был готов приступить к заключительной, наиболее важной части своей работы.

3

В центре делового района, на пересечении улиц Ум и Альретто, он нашел то, что искал: контору по продаже недвижимости. Он вошел, и его провели в кабинет мистера Эрума, младшего компаньона фирмы.

— Замечательно, просто замечательно! — сказал Эрум, сердечно пожимая ему руку. — Для нас это большая честь, сэр, громадное, истинное удовольствие. Вы собираетесь что-нибудь приобрести?

— Да, именно это я и хочу сделать, — сказал Джексон. — Конечно, если у вас нет дискриминационных законов, которые запрещают вам торговать с иностранцами.

— Здесь у нас не будет никаких затруднений, — заверил его Эрум. — Напротив, нам доставит подлинное *орай* удовольствие видеть в наших деловых кругах человека вашей далекой славной цивилизации.

Джексон подавил усмешку.

— Тогда единственная трудность, которую я могу себе представить, — это вопрос законного платежного средства. Конечно же, у меня нет ваших денег; но у меня много золота, платины, бриллиантов и других предметов, которые на Земле считаются ценными.

— Здесь они тоже ценятся, — сказал Эрум. — Вы сказали «много»? Мой дорогой сэр, у нас не будет

никаких затруднений. «И никакая *благл* не омрачит наш *мит* и *агл*», как сказал поэт.

— Именно так, — ответил ему Джексон. Эрум употреблял незнакомые ему слова, но это не имело значения. Основной смысл был достаточно ясен. — Итак, не подобрать ли нам для начала какой-нибудь заводик? В конце концов, должен же я чем-то занимать свое время? А потом мы сможем подыскать дом.

— Это просто *замечатник*, — весело сказал Эрум. — Позвольте мне только *прорэйстать* свои списки... Да, что вы скажете о фабрике *бромикана?* Она в прекрасном состоянии, и ее легко можно перестроить на производство *вора* или использовать как она есть.

— А велик ли спрос на *бромикан?* — спросил Джексон.

— Ну конечно же, велик, даю свой *мургентан* на отсечение! *Бромикан* совершенно необходим, хотя его сбыт зависит от сезона. Видите ли, очищенный *бромикан*, или *ариизи*, используется в производстве *протигаша*, а там, конечно же, урожай собирают к периоду солнцестояния. Исключением являются те отрасли этой промышленности, которые переключились на *переватуру тиконтена*. Они постоянно...

— Очень хорошо, достаточно, — прервал его Джексон. Ему было все равно, что такое *бромикан*, и он не собирался иметь с ним никакого дела. Его устраивало любое предприятие, лишь бы оно приносило доход.

— Я куплю ее, — сказал он.

— Вы не пожалеете об этом, — заметил Эрум. — Хорошая фабрика *бромикана* — это *гарвелдис хатитис*, ну прямо *многофой*.

— Да, конечно, — согласился Джексон, сетуя в душе на скудость своего словарного запаса. — Сколько она стоит?

— Что вы, сэр, цена пусть вас не беспокоит. Только сначала вам придется заполнить *олланбритную* анкету. Всего несколько *скенных* вопросов, которые никого не *нагут*.

Эрум вручил Джексону бланк. Первый вопрос гласил:

«*Эликировали* ли вы когда-либо *машек силически?* Укажите даты всех случаев. Если таковые отсутствуют, укажите причину установленного *трансгрешального состоя*».

Джексон не стал читать дальше.

— Что значит, — спросил он Эрума, — *эликировать машек силически?*

— Что это значит? — неуверенно улыбнулся Эрум. — Ну, только то, что написано. По крайней мере, так мне кажется.

— Я хотел сказать, — поправился Джексон, — что не понимаю этих слов. Не могли бы вы мне их объяснить?

— Нет ничего проще, — ответил Эрум. — *Эликировать машек* — это почти то же самое, что *бифурить пробишкаи.*

— Что, что? — спросил Джексон.

— Это означает — как бы вам сказать... *эликировать* — это очень просто, хотя, быть может, закон на это смотрит иначе. *Скорбадизирование* — один из видов *эликации*, и то же самое — *гарирование мунрава.* Некоторые говорят, что когда мы *дрорсически* дышим вечерним *субисом*, мы фактически *эликируем.* Я лично считаю, что у них слишком богатое воображение.

— Давайте попробуем «*машек*» — предложил Джексон.

— Непременно, — ответил Эрум с непристойным смехом. — Если б только было можно, а? — И он игриво ткнул Джексона в бок.

— Хм, да, — холодно произнес Джексон. — Быть может, вы мне объясните, что такое, собственно, «*машка*»?

— Конечно. В действительности такой вещи не существует, — ответил Эрум. — По крайней мере, в единственном числе. Говорить об одной *машке* было бы логической ошибкой, понимаете?

— Поверю вам на слово. Тогда что такое *машки?*

— Ну, во-первых, это объект эликации, а во-вторых, это полуразмерные деревянные сандалии, ко-

торые служат для возбуждения эротических фантазий у религиозных фанатиков Кьютора.

— Это уже кое-что! — воскликнул Джексон.

— Только если это в вашем вкусе, — ответил Эрум с заметной холодностью.

— Я имел в виду — для понимания вопроса анкеты...

— Конечно, извините меня, — сказал Эрум, — но, видите ли, здесь спрашивается, *эликировали* ли вы когда-либо *машек силически*. А это уже совершенно другое дело.

— В самом деле?

— Конечно же! Это определение полностью меняет значение.

— Этого-то я и боялся, — сказал Джексон. — Я думаю, вы можете объяснить мне, что означает слово *силически?*

— Несомненно! — воскликнул Эрум. — Наш с вами разговор — с известной долей *боленного* воображения — можно назвать *силически* построенным разговором.

— А, — произнес Джексон.

— Именно так, — сказал Эрум. — *Силически*— это образ действия, способ. Это слово означает: «духовно ведущий вперед путем случайной дружбы».

— В этом уже больше смысла, — сказал Джексон. — В таком случае когда *силически эликируют машек?*

— Я очень боюсь, что вы на ложном пути, — сказал Эрум. — Определение, которое я вам дал, верно только для описания разговора. А когда говорят о *машках* — это нечто совершенно другое.

— А что оно значит в этом случае?

— Ну, оно означает — или, вернее, оно выражает случай продвинутой и усиленной *эликации машек*, но с определенным *нмогнетическим* уклоном. Лично я считаю это выражение несколько неудачным.

— А как бы вы это сформулировали?

— Я бы так прямо и сказал, и к черту ложную стыдливость, — твердо заявил Эрум. — Я просто взял и сказал бы: «*Данфиглирили* ли вы когда-либо *вок*

незаконным, аморальным или *инсиртисным* образом, с согласия *брахниана* или без такового? Если да, укажите время и причину. Если нет, сообщите мотивы и *неутрис крис*».

— Вот так бы вы это и сказали, да? — проговорил Джексон.

— Конечно, — с вызовом ответил Эрум. — Эти анкеты предназначены для взрослых, не так ли? Так почему же не взять и не назвать *спиглер спиглер** своими *спеями?* Все когда-нибудь *дансфиглярк вок*, ну и что из этого? Ради Бога, это ведь ничьих чувств не оскорбляет. Я хочу сказать, что, в конце концов, это касается только самого человека и старой кривой деревяшки, поэтому кому какое до этого дело?!

— Деревяшки? — повторил Джексон.

— Да, деревяшки. Обыкновенной старой, грязной деревяшки. По крайней мере, так бы к ней и относились, если бы люди не вкладывали в это до нелепости много чувств.

— Что они делают с деревом? — быстро спросил Джексон.

— Делают? Да ничего особенного, если присмотреться. Но для наших так называемых интеллигентов религиозная атмосфера слишком много значит. По-моему, они не способны отделить простую исконную сущность — *дерево* — от того культурного *вольтурнейсса*, который окружает его на *праздерхиссе*, а также в некоторой степени и на *ууисе*.

— Интеллигенты — они все такие, — сказал Джексон. — Но вы-то можете отделить ее, и вы находите...

— Я не нахожу в этом ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться. Я в самом деле так думаю. Я хочу сказать, что если смотреть на вещи правильно, то собор — это всего лишь куча камней, а лес — скопление атомов. Почему же данный случай мы должны рассматривать по-другому? Я думаю, что на самом деле *машек* можно *силически эликировать* безо всякого дерева. Что вы на это скажете?

— Я поражен, — сказал Джексон.

* Простейший случай удвоения (множественное число, выражается путем повтора слова в единственном числе).

— Поймите меня правильно! Я не утверждаю, что это легко, естественно или хотя бы верно! Ведь можно заменить его на *кормную грейти*, и все равно все получится! — Эрум замолчал и фыркнул от смеха. — Выглядеть вы будете глупо, но все равно у вас все получится.

— Очень интересно, — сказал Джексон.

— Боюсь, я несколько погорячился, — сказал Эрум, отирая пот со лба. — Я не очень громко говорил? Как вы думаете, мог меня кто-нибудь услышать?

— Конечно, нет. Все это было очень интересно. Сейчас я должен уйти, мистер Эрум, но завтра я вернусь, заполню анкету и куплю фабрику.

— Я придержу ее для вас. — Эрум поднялся и горячо пожал Джексону руку. — И еще я хочу вас поблагодарить. Нечасто удается поговорить так свободно и откровенно.

— Наша беседа была для меня очень поучительной, — сказал Джексон. Он вышел из кабинета Эрума и медленно зашагал к своему кораблю. Он был обеспокоен, огорчен и раздосадован. В здешнем языке все было почти совсем понятно, но это «почти» раздражало его. Как же это ему не удалось разобраться с этой *силической эликацией машек!*

— Ничего, — сказал он себе.— Джексон, малыш, сегодня вечером ты все выяснишь, а потом вернешься туда и мигом покончишь с их анкетами. Так что, парень, не лезь из-за этого в бутылку.

Он это выяснит. Он просто-таки должен это выяснить, потому что он должен стать владельцем какой-нибудь собственности.

В этом заключалась вторая половина его работы.

На Земле многое изменилось с тех скверных старых времен, когда можно было открыто вести захватнические войны. Как гласили учебники истории, в те далекие времена правитель мог просто послать свои войска и захватить то, что хотел. И если кто-нибудь из его соотечественников набирался смелости спросить его, почему ему этого хочется, правитель мог приказать отрубить ему голову, бросить в темницу или завязать в мешок и кинуть в море. И при всем этом он даже вины за собой не чувствовал,

потому что неизменно верил, что он прав, а они — нет.

Эта политика, суть которой определялась термином «d'toit de seigneur»*, была одной из самых ярких черт «laissez-faire capitalism»**, в атмосфере которого жили древние.

Но с медленной сменой веков неумолимо происходили и культурные перемены. В мир пришла новая этика; медленно, но верно впитало в себя человечество понятия честности и справедливости. Правителей стали выбирать голосованием, и они должны были руководствоваться желаниями своих избирателей. Справедливость, милосердие и сострадание завоевали человеческие умы. Эти принципы сделали людей лучше, и все дальше в прошлое уходил звериный закон джунглей и звериная дикость, которые царили на Земле в те древние времена до реконструкции.

Те дни ушли навсегда. Теперь ни один правитель не мог ничего захватить *просто так:* избиратели ни за что не потерпели бы этого.

Теперь для захвата нужно было иметь предлог.

К примеру, гражданин Земли, который совершенно законным и честным образом владеет собственностью на другой планете, срочно нуждается в военной помощи. Он запрашивает ее с Земли, чтобы защитить себя, свой дом, свои законные средства существования.

Но сначала надо эту собственность иметь. Он должен по-настоящему владеть ею, чтобы защитить себя от жалостливых конгрессменов и газетчиков, которые носятся с инопланетянами и всегда, стоит Земле прибрать к рукам другую планету, затевают расследование.

Обеспечить законное основание для захвата — вот для чего существовали специалисты по установлению контактов.

— Джексон, — сказал себе Джексон, — завтра ты получишь эту *бромикановую* фабричонку, и она станет

* Право повелителя (*фр.*).
** Капиталистическое свободное предпринимательство (*фр.*).

твоей безо всяких закавык. Слышишь, парень? Я это серьезно тебе говорю.

Назавтра незадолго до полудня Джексон вернулся в город. Нескольких часов напряженных занятий и долгой консультации со своим наставником хватило для того, чтобы он понял, в чем его ошибка.

Все было довольно просто. Он всего лишь немного поторопился, предположив, что в языке хон употребление корней имеет неизменный, крайне изолирующий характер. Исходя из уже известного, он думал, что для понимания языка важны только значение и порядок слов. Но это было не так. При дальнейшем исследовании Джексон обнаружил в языке хон некоторые неожиданные возможности: к примеру, аффиксацию и элементарную форму удвоения. Такая морфологическая непоследовательность была для него неожиданностью, поэтому вчера, когда он столкнулся с ее проявлениями, смысл речи стал ускользать от него.

Новые формы выучить было довольно легко. Но его беспокоило то, что они были совершенно нелогичны и их существование противоречило самому духу хона.

Ранее он вывел правило: одно слово имеет одну звуковую форму и одно значение. Но теперь он обнаружил восемнадцать важных исключений — сложных слов, построенных различными способами, и к каждому из них — ряд определяющих суффиксов. Для Джексона это было так же неожиданно, как если бы он натолкнулся в Антарктике на пальмовую рощу.

Он выучил эти восемнадцать исключений и подумал, что когда он в конце концов вернется домой, то напишет об этом статью.

И на следующий день Джексон, ставший мудрее и осмотрительнее, твердым, размашистым шагом двинулся назад в город.

4

В кабинете Эрума он с легкостью заполнил правительственные анкеты. На тот первый вопрос, «*эликировали* ли вы когда-нибудь *машек силически*», он

мог честно ответить «нет». Слово *машка* во множественном числе в своем основном значении соответствовало слову *женщина* в единственном числе. Это же слово, употребленное подобным образом, но в единственном числе, означало бы бесплотное состояние женственности.

Слово *эликация*, конечно же, означало завершение половых отношений, если не употреблялось определяющее слово *силически*. Тогда это безобидное слово приобретало в данном контексте взрывоопасный смысл.

Джексон мог честно написать, что, не будучи наянцем, он никогда подобных побуждений не имел.

Это было так просто. Джексон был недоволен собой — ведь он мог разобраться в этом сам.

На остальные вопросы он ответил легко и вернул Эруму заполненную анкету.

— Право же, это совершенно *скоу*, — сказал Эрум. — Теперь нам осталось решить всего лишь несколько простых вопросов. первым из них можно заняться прямо сейчас. Потом я организую короткую официальную церемонию подписания акта передачи собственности, вслед за чем мы рассмотрим несколько других небольших дел. Все это займет не более дня или около того, и тогда вы станете полновластным владельцем фабрики.

— Да, да, малыш, это замечательно, — сказал Джексон. Проволочки не волновали его. Напротив, он ожидал, что их будет намного больше. На большинстве планет жители быстро понимали, что к чему. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что Земля хочет получить то, что ей нужно, но желает, чтобы это выглядело законно.

Почему именно законно — догадаться было тоже не слишком сложно. Подавляющее большинство землян было идеалистами, и они горячо верили в принципы правды, справедливости, милосердия и тому подобное. И не только верили, но и позволяли себе руководствоваться этими благородными принципами в жизни. Кроме тех случаев, когда это было неудобно или невыгодно. Тогда они действовали сообразно своим интересам, но продолжали вести высоконрав-

ственные речи. Это означало, что они были *лицемерами*, а такое понятие существовало у народа любой планеты.

Земляне желали получить то, что им было нужно, но они еще и хотели, чтобы все это хорошо выглядело. Этого иногда было трудно ожидать, особенно когда им было нужно не что-нибудь, а чужая планета. Но, так или иначе, они обычно добивались своего.

Люди многих планет понимали, что открытое сопротивление невозможно, и поэтому прибегали к тактике проволочек.

Иногда они отказывались продавать, или им без конца требовались всякие бумажки, или им нужна была санкция какого-нибудь местного чиновника, которого никогда не было на месте. Но посланец парировал каждый их удар.

Они отказываются продавать собственность по расовым мотивам? Земные законы особо воспрещают подобную практику, а Декларация Прав Разумных Существ гласит, что каждое разумное существо вольно жить и трудиться там, где ему нравится. За эту свободу Земля стала бы бороться, если бы ее кто-нибудь вынудил.

Они ставят палки в колеса? Земная Доктрина о временном характере частной собственности не допустит этого.

Нет на месте нужного чиновника? Единый Земной Закон против наложения на имущество косвенного ареста в случае отсутствия недвусмысленно запрещал такие порядки. И так далее, и тому подобное. В этой борьбе умов неизменно побеждала Земля, потому что того, кто сильнее, обычно признают и самым умным.

Но наянцы *даже не пытались* сопротивляться, а это в глазах Джексона заслуживало самого глубокого презрения.

В обмен на земную платину Джексон получил местную валюту — хрустящие бумажки по 50 врсо. Эрум просиял от удовольствия и сказал:

— Теперь, мистер Джексон, мы можем покончить с делами на сегодняшний день, если вы соблаговолите *тромбрамктуланчирить*, как это принято.

Джексон повернулся, его глаза сузились, уголки рта опустились, а губы сжались в бескровную полоску.

— Что вы сказали?

— Я всего лишь попросил вас...

— Знаю, что попросили! Но что это значит?

— Ну, это значит... значит... — Эрум слабо засмеялся. — Это означает только то, что я сказал. Другими словами, выражаясь *этиболически*...

Джексон тихо и угрожающе произнес:

— Дайте мне синоним.

— Синонима нет, — ответил Эрум.

— И все-таки, детка, советую тебе его вспомнить, — сказал Джексон, и его пальцы сомкнулись на горле наянца.

— Стойте! Подождите! На по-о-мощь! — вскричал Эрум. — Мистер Джексон, умоляю вас! Какой может быть синоним, когда понятию соответствует одно, и только одно слово — если мне дозволено будет так выразиться.

— За нос меня водить! — взревел Джексон. — Лучше кончай с этим, потому что у нас есть законы против умышленного сбивания с толку, преднамеренного обструкционизма, скрытого сверхжульничества и прочих ваших штучек. Слышишь, ты?

— Слышу, — пролепетал Эрум.

— Тогда слушай дальше: *кончай аггюотинировать*, ты, лживая скотина. У вас совершенно простой, заурядный язык аналитического типа, который отличает лишь его крайняя изолирующая тенденция. А в таком языке, приятель, просто не бывает столько длинных путаных сложных слов. Ясно?

— Да, да! — закричал Эрум. — Но поверьте мне, я ни в коей мере не собираюсь *нумнискатерить!* И не *нонискаккекаки*, и вы действительно должны этому *дебрушили*.

Джексон замахнулся на Эрума, но вовремя взял себя в руки. Неразумно бить инопланетян, если су-

ществует хоть какая-нибудь вероятность того, что они говорят правду. На Земле этого не любят. Ему могут срезать зарплату; если же по несчастливой случайности он убьет Эрума, его можно поздравить с шестью месяцами тюрьмы.

Но все же...

— Я выясню, лжете вы или нет! — завопил Джексон и стремглав выскочил из кабинета.

Он бродил почти час, смешавшись с толпой в трущобах Грас-Эс, тянущихся вдоль мрачного, зловонного Унгпердиса. Никто не обращал на него внимания. По внешности его можно было принять за наянца, так же как и любой наянец мог сойти за землянина.

На углу улиц Ниис и Да Джексон обнаружил веселый кабачок и зашел туда.

Внутри было тихо, одни мужчины. Джексон заказал местное пиво. Когда его подали, он сказал бармену:

— На днях со мной приключилась странная история.

— Да ну? — сказал бармен.

— В самом деле, — ответил Джексон. — Понимаете, собрался заключить очень крупную сделку, и потом в последнюю минуту меня попросили *трombрамктуланчирить*, как это принято.

Он внимательно следил за реакцией бармена. На флегматичном лице наянца появилось легкое недоумение.

— Так почему вы этого не сделали? — спросил бармен.

— Вы хотите сказать, что вы бы на моем месте...

— Конечно, согласился бы. Черт побери, это же обычная *катанприптиая*, ведь так?

— Ну да, — сказал один из бездельников у стойки. — Конечно, если вы не заподозрили, что они пытались *нумнискатерить*.

— Нет, не думаю, что они пытались сделать что-нибудь подобное, — упавшим, безжизненным голосом проговорил Джексон. Он заплатил за вышивку и направился к выходу.

— Послушайте! — крикнул ему вдогонку бармен. — Вы уверены, что они не *нонискаккекаки?*

— Как знать, — сказал Джексон и, устало ссутулясь, вышел на улицу.

Джексон доверял своему природному чутью как в отношении языков, так и в отношении людей. А его интуиция говорила ему, что наянцы вели себя честно и не изощрялись перед ним во лжи. Эрум не изобретал новых слов специально, чтобы запутать его. Он и правда говорил на языке хон как умел.

Но если это было так, тогда хон был очень странным языком. В самом деле, это был совершенно эксцентричный язык. И то, что происходило с этим языком, не было просто курьезом, это было катастрофой.

5

Вечером Джексон снова взялся за работу. Он обнаружил дополнительный ряд исключений, о существовании которых не знал и даже не подозревал. Это была группа из двадцати девяти многозначных потенциаторов, которые сами по себе не несли никакой смысловой нагрузки. Однако другие слова в их присутствии приобретали множество сложных и противоречивых оттенков значений. Свойственный им вид потенциации зависел от их места в предложении.

Таким образом, когда Эрум попросил его «*тромбрамктуланчирить*, как это принято», он просто хотел, чтобы Джексон почтительно поклонился, что было частью обязательного ритуала. Надо было соединить руки за головой и покачиваться на каблуках. Это действие следовало производить с выражением определенного, однако сдержанного удовольствия, в соответствии со всей обстановкой, сообразуясь с

состоянием своего желудка и нервов, а также согласно своим религиозным и этическим принципам, памятуя о небольших колебаниях настроения, связанных с изменениями температуры и влажности, и не забывая о таких достоинствах, как терпение и снисходительность.

Все это было вполне понятно. И все полностью противоречило тому, что Джексон уже знал о языке хон.

Это было даже более чем противоречиво: это было немыслимо, невозможно и не укладывалось ни в какие рамки. Все равно что увидеть в холодной Антарктике пальмы, на которых вдобавок растут не кокосы, а мускатный виноград.

Этого не могло быть — однако так оно и было.

Джексон проделал то, что от него требовалось. Когда он кончил *тромбрамктуланчирить*, как это принято, ему осталась только официальная церемония и после этого — несколько мелких формальностей.

Эрум уверил его, что все это очень просто, но Джексон подозревал, что так или иначе, а трудности у него будут.

Поэтому-то он и уделил подготовке целых три дня. Он усердно работал, чтобы в совершенстве овладеть двадцатью девятью потенциаторами-исключениями в их наиболее употребимых положениях и безошибочно определять, какой инициирующий эффект они оказывают в каждом из этих случаев.

К концу работы он устал как собака, а его показатель раздражимости поднялся до 97,3620 по Графхаймеру. Беспристрастный наблюдатель мог бы заметить зловещий блеск в его серо-голубых глазах.

Он был сыт по горло. Его мутило от языка хон и от всего наянского. Джексон испытывал головокружительное ощущение: чем больше он учил, тем меньше знал. В этом было что-то совершенно ненормальное.

— Хорошо, — сказал Джексон сам себе и всей Вселенной. — Я выучил наянский язык, я выучил множество совершенно необъяснимых исключений, и вдобавок к этому я выучил ряд дополнительных, еще более противоречивых исключений из исключений.

Джексон помолчал и очень тихо добавил:

— Я выучил *исключительное* количество исключений. В самом деле, если посмотреть со стороны, то можно подумать, будто в этом языке нет ничего, кроме исключений.

Но это, — продолжал он, — совершенно невозможно, немыслимо и неприемлемо. Язык по воле божьей и по самой сути своей систематичен, а это означает, что в нем должны быть какие-то правила. Только тогда люди смогут понимать друг друга. В том-то и смысл языка, таким он и должен быть. И если кто-то думает, что можно дурачиться с языком при Фреде К. Джексоне...

Тут Джексон замолчал и вытащил из кобуры бластер. Он проверил заряд, снял оружие с предохранителя и снова спрятал его.

— Не советую больше пороть галиматью при старине Джексоне, — пробормотал старина Джексон, — потому что у первого же мерзкого и лживого инопланетянина, который попробует это сделать, будет трехдюймовая дырка во лбу.

С этими словами Джексон зашагал назад в город. Голова у него шла кругом, но он был полон решимости. Его делом было отобрать планету у ее обитателей — причем законно, а для этого он должен понимать их язык. Вот почему так или иначе он добьется ясности. Или кого-нибудь прикончит.

Одно из двух. Что именно, сейчас ему было все равно.

Эрум ждал его в своем кабинете. С ним были мэр, председатель совета города, глава округа, два ольдермена и член правления бюджетной палаты. Все они улыбались — вежливо, хотя и несколько нервно. На буфете были выставлены крепкие напитки. В комнате царила атмосфера товарищества поневоле.

В целом все это выглядело так, будто в лице Джексона они приветствовали нового высокоуважаемого владельца собственности, украшение Факки. С инопланетянами такое иногда бывало: они делали

хорошую мину при плохой игре, стараясь снискать милость землян, раз уж их победа была неизбежной.

— *Ман*, — сказал Эрум, радостно пожимая ему руку.

— И тебе того же, крошка, — ответил Джексон. Он понятия не имел, что означает это слово. Это его и не волновало. У него был большой выбор других наянских слов, и он был полон решимости довести дело до конца.

— *Ман!* — сказал мэр.

— Спасибо, папаша, — ответил Джексон.

— *Ман!* — заявили другие чиновники.

— Очень рад, ребята, что вы к этому так относитесь, — сказал Джексон. Он повернулся к Эруму. — Вот что, давай-ка закончим с этим делом, ладно?

— *Ман-ман-ман*, — ответил Эрум. — *Ман, ман-ман.*

Несколько секунд Джексон с изумлением смотрел на него. Потом он спросил, сдержанно и тихо:

— Эрум, малыш, что именно ты пытаешься мне сказать?

— *Ман, ман, ман*, — твердо заявил Эрум. — *Ман, ман ман ман. Ман ман.* — Он помолчал и несколько нервно спросил мэра: — *Ман, ман?*

— *Ман... ман ман*, — решительно ответил мэр, и другие чиновники закивали. Все они повернулись к Джексону.

— *Ман, ман-ман?* — с дрожью в голосе, но с достоинством спросил его Эрум.

Джексон потерял дар речи. Его лицо побагровело от гнева, а на шее начала биться большая голубая жилка. Он заставил себя говорить медленно и спокойно, но в его голосе слышалась бесконечная угроза.

— Грязная захудалая деревенщина, — сказал он, — что это, паршивцы, вы себе позволяете?

— *Ман-ман?* — спросил у Эрума мэр.

— *Ман-ман, ман-ман-ман*, — быстро ответил Эрум, делая жест непонимания.

— Лучше говорите внятно, — сказал Джексон. Голос его все еще был тихим, но вена на шее вздулась, как пожарный шланг под давлением.

— *Ман!* — быстро сказал один из ольдерменов главе округа.

— *Ман ман-ман ман?* — жалобно ответил глава округа, и на последнем слове его голос сорвался.

— Так не хотите нормально разговаривать, да?

— *Ман! Ман-ман!* — закричал мэр, и его лицо от страха стало мертвенно-бледным.

Остальные обернулись и тоже увидели, что Джексон вытащил бластер и прицелился в грудь Эрума.

— Кончайте ваши фокусы! — скомандовал Джексон. Вена на шее, казалось, душила его, как удав.

— *Ман-ман-ман!* — взмолился Эрум, падая на колени.

— *Ман-ман-ман!* — пронзительно вскричал мэр и, закатив глаза, упал в обморок.

— Вот сейчас ты у меня получишь, — сказал Эруму Джексон. Его палец на спусковом крючке побелел.

У Эрума стучали зубы, но ему удалось сдавленно прохрипеть: «*Ман-ман-ман?*» Потом его нервы сдали, и он стал ждать смерти с отвисшей челюстью и остекленевшим взором.

Курок сдвинулся с места, но внезапно Джексон отпустил палец и засунул бластер назад в кобуру.

— *Ман, ман!* — сумел выговорить Эрум.

— Заткнись! — оборвал его Джексон. Он отступил назад и свирепо посмотрел на съежившихся наянских чиновников.

Ах, как бы ему хотелось всех их уничтожить! Но этого он сделать не мог. Джексону пришлось в конце концов признать неприемлемую для него действительность.

Его мозг полиглота проанализировал то, что услышало его непогрешимое ухо лингвиста. В смятении он понял, что наянцы не разыгрывают его. Это был настоящий язык, а не бессмыслица.

Сейчас этот язык состоял из единственного слова «ман». Оно могло иметь самые разные значения, в зависимости от высоты тона и порядка слов, от их количества, от ударения, ритма и вида повтора, а также от сопровождающих жестов и выражения лица.

Язык, состоящий из бесконечных вариаций одного-единственного слова! Джексон не хотел верить этому, но он был слишком хорошим лингвистом, чтобы сомневаться в том, о чем ему говорили собственные чувства и опыт.

Конечно, он мог выучить этот язык.

Но во что он превратится к тому времени?

Джексон устало вздохнул и потер лицо. То, что случилось, было в некотором смысле неизбежным: ведь изменяются все языки. Но на Земле и на нескольких десятках миров, с которыми она установила контакты, этот процесс был относительно медленным.

На планете На это происходило быстро. Намного быстрее.

Язык хон менялся, как на Земле меняются моды, только еще быстрее. Он был так же изменчив, как цены, как погода. Он менялся бесконечно и беспрестанно, в соответствии с неведомыми правилами и незримыми принципами. Он менял свою форму, как меняет свои очертания снежная лавина. Рядом с ним английский язык казался неподвижным ледником.

Язык планеты На был точным, невероятным подобием реки Гераклита. «Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку, — сказал Гераклит, — ведь в ней вечно текут другие воды».

Эти простые слова Гераклита как нельзя более точно определяли сущность языка планеты На.

Это было плохо. Но еще хуже было то, что наблюдатель вроде Джексона не мог даже надеяться зафиксировать или выделить хотя бы одно звено из динамично движущейся цепи терминов, составляющих этот язык. Ведь подобная попытка наблюдателя сама по себе была довольно грубым вмешательством в систему языка: она могла изменить эту систему и разрушить ее связи, тем самым вызывая в языке непредвиденные перемены. Вот почему, если из системы терминов выделить один, нарушатся их связи, и тогда само значение термина, согласно определению, будет ложным.

Сам факт подобных изменений делал недоступным как наблюдение за языком, так и выявление его закономерностей. Все попытки овладеть языком планеты На разбивались о его неопределимость. И Джексон понял, что воды реки Гераклита прямиком несут его в омут «индетерминизма» Гейзенберга *. Он был поражен, потрясен и смотрел на чиновников с чувством, похожим на благоговение.

— Вам это удалось, ребята, — сказал он им. — Вы побили систему. Старушка Земля и не заметила бы, как проглотила вас, и тут уж вы ничего бы не смогли поделать. Но у нас люди большие законники, а наш закон гласит, что любую сделку можно заключить только при одном условии: при уже налаженном общении.

— *Ман?* — вежливо спросил Эрум.

— Так что я думаю, друзья, это значит, что я оставлю вас в покое, — сказал Джексон. — По крайней мере, до тех пор, пока не отменят этот закон. Но, черт возьми, ведь передышка — это лучшее, чего только можно желать, не так ли?

— *Ман ман*, — нерешительно проговорил мэр.

— Ну, я пошел, — сказал Джексон. — Я за честную игру... Но если я когда-нибудь узнаю, что вы, наянцы, разыгрывали комедию... Он не договорил. Не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел к своей ракете.

Через полчаса он стартовал, а еще через пятнадцать минут лег на курс.

6

В кабинете Эрума чиновники наблюдали за кораблем Джексона, который сверкал, как комета, в темном вечернем небе. Он превратился в крошечную точку и пропал в необъятном космосе.

Некоторое время чиновники молчали; потом они повернулись и посмотрели друг на друга. Внезапно ни

* Гейзенберг, Вернер— немецкий физик-теоретик. В 1927 году сформулировал соотношение неопределенностей.

с того ни с сего они разразились смехом. Они хохотали все сильнее и сильнее, схватившись за бока, а по их щекам текли слезы.

Первым с истерией справился мэр. Взяв себя в руки, он сказал:

— *Ман, ман, ман-ман.*

Эта мысль мгновенно отрезвила остальных. Веселье стихло. С тревогой созерцали они далекое враждебное небо, и перед их глазами проходили события последних дней.

Наконец молодой Эрум спросил:

— *Ман-ман? Ман-ман?*

Несколько чиновников улыбнулись его наивности. И все же никто из них не смог ответить на этот простой, но жизненно важный вопрос. В самом деле, почему? Отважился ли кто-нибудь хотя бы предположить ответ?

Эта неопределенность не только не проливала света на прошлое, но и ставила под сомнение будущее. И если нельзя было дать правильного ответа на этот вопрос, то не иметь вообще никакого ответа было невыносимо.

Молчание затянулось, и губы молодого Эрума скривились в не по возрасту циничной усмешке. Он довольно грубо заявил:

— *Ман! Ман-ман! Ман?*

Его оскорбительные слова были продиктованы всего лишь поспешной жестокостью молодости; но такое заявление нельзя было оставить без внимания. И почтенный первый ольдермен выступил вперед, чтобы попробовать дать ответ.

— *Ман ман, ман-ман,* — сказал старик с обезоруживающей простотой. — *Ман ман ман-ман? Ман ман-ман-ман. Ман ман ман: ман ман. Ман, ман ман ман-ман ман ман. Ман-ман? Ман ман ман ман!*

Вера, прозвучавшая в этих словах, тронула Эрума до глубины души. Его глаза неожиданно наполнились слезами. Позабыв об условностях, он поднял лицо к небу, сжал руку в кулак и прокричал:

— *Ман! Ман! Ман-ман!*

Невозмутимо улыбаясь, старик ольдермен тихо прошептал:

— *Ман-ман-ман, ман, ман-ман.*

Как ни странно, эти слова и были правильным ответом на вопрос Эрума. Но эта удивительная правда была такой страшной, что, пожалуй, даже к лучшему, что, кроме них, никто ничего не слышал.

ЖЕРТВА ИЗ КОСМОСА

Замерев от восхищения, Хэдвелл разглядывал планету — чудесный мир зеленых равнин, красных гор и не знающих покоя серо-голубых морей. Аппаратура его корабля быстро собрала информацию и пришла к выводу, что на этой планете человек будет чувствовать себя замечательно. Хэдвелл набрал программу посадки и раскрыл записную книжку.

Он был писателем, автором «Белых теней в поясе астероидов», «Саги о космических далях», «Приключений межпланетного бродяги» и «Териры — планеты тайн».

«Новая планета простирается подо мной, — записал Хэдвелл, — манящая и таинственная, вызов моему воображению. Что найду на ней я, межзвездный скиталец? Какие странные тайны скрывает ее пышный зеленый покров? Что ждет меня? Опасность? Любовь? Исполнение желаний? Найдет ли на ней покой усталый искатель приключений?»

Ричард Хэдвелл — высокий, худощавый, рыжеволосый молодой человек — унаследовал от отца солидное состояние и вложил его в космическую шхуну класса СС. Путешествуя в этом потрепанном кораблике вот уже шесть лет, он писал восторженные книги о местах, где ему довелось побывать. Но восторг этот был фальшивым, потому что чужие планеты щедро одарили его лишь разочарованием.

Пер. изд.: Sheckley R. The Victim From Space: The People Trap. Bantam Books, New York, 1968

Copyright © 1968 by Robert Sheckley
© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

Как оказалось, аборигены повсюду на удивление тупы и поразительно уродливы. Питаются они какой-то дрянью, а в общении просто невыносимы. Тем не менее Хэдвелл писал о романтических приключениях и не терял надежды когда-нибудь пережить написанное наяву.

На этой прекрасной тропической планете городов не оказалось. Корабль уже садился неподалеку от деревушки, где стояли крытые соломой хижины.

«Может, здесь я найду то, что искал?» — подумал Хэдвелл, когда корабль начал резкое торможение.

В тот день на рассвете Катага вместе с дочерью Меле перешел реку по сплетенному из лиан мостку, направляясь к Зубчатой Горе собирать цветки фрага. Нигде на Игати фраг не цветет столь обильно, как у подножия Зубчатой Горы. Да и может ли быть иначе, ведь это священная гора Фангукари, улыбающегося бога.

Ближе к полудню к ним присоединился Брог, юноша с туповатой физиономией, которого редко интересовало что-либо, кроме собственной персоны.

Высокую и стройную Меле не оставляло предчувствие, что должно случиться нечто очень важное. Она работала словно во сне, двигаясь медленно и мечтательно, а ее длинные черные волосы развевал ветер. Знакомые предметы виделись с удивительной ясностью и казались наполненными новым смыслом. Она бросила взгляд на деревню — кучку крошечных хижин по ту сторону реки — и с любопытством посмотрела дальше, на Вершину, где совершались все игатийские свадьбы, и виднеющееся за ней нежно расцвеченное море.

Меле слыла прелестнейшей девушкой на Игати, что признавал даже старый жрец. Она мечтала о жизни, наполненной захватывающими приключениями, но дни в деревне сменялись с удручающей монотонностью, и ей оставалось лишь собирать цветки фрага под горячими лучами двух солнц. Меле вовсе не считала такое положение дел справедливым.

Ее отец работал энергично, что-то напевая себе под нос. Он знал, что цветки эти скоро перебродят в большом чане, жрец Лаг пробормочет над напитком необходимые молитвы и прольет малую толику перед изображением Фангукари. И когда с формальностями будет покончено, вся деревня, включая собак, приступит к грандиозной попойке.

От таких мыслей работа шла веселее. Между делом Катага принялся обдумывать тонкий и опасный план, который в случае успеха сильно поднял бы его престиж. Подобные размышления тоже были приятны.

Брог выпрямился, вытер лицо концом набедренной повязки и взглянул на небо — не собирается ли дождь.

— Эй! — крикнул он.

Катага и Меле тоже посмотрели на небо.

— Туда! — взвизгнул Брог. — Туда смотрите!

Прямо над их головами медленно снижалось серебристое пятнышко, окруженное сполохами красного и зеленого пламени. Оно росло на глазах, превращаясь в сверкающий шар.

— Пророчество! — благоговейно прошептал Катага. — Наконец-то... после стольких столетий ожидания!

— Скорее в деревню! — воскликнула Меле.

— Подождите, — остановил их Брог. Его лицо стало пунцовым от смущения, он нервно ковырял землю пальцем ноги. — Я первый его увидел, верно ведь?

— Ты — кто же еще? — нетерпеливо подтвердила Меле.

— А раз я его первым увидел, — продолжил Брог, — и тем самым сослужил деревне важную службу, как по-вашему... достаточно ли этого...

Брог хотел того, о чем мечтал каждый игатиец, ради чего работал и о чем молился, и ради чего люди поумнее, вроде Катаги, задумывали хитроумные планы. Но произносить желаемое вслух считалось неприличным. Впрочем, Меле и Катага все поняли.

— Как ты считаешь? — спросил Катага дочь.

— Полагаю, он *заслуживает* кое-чего.

Брог возбужденно потер руки.

— Послушай, Меле... ты не сделаешь это сама?

— Но окончательное решение должен принять жрец, — напомнила Меле.

— Пожалуйста! — взмолился Брог. — А вдруг Лаг решит, будто я не готов? Прошу тебя, Катага! Сделай это сам!

Катага посмотрел на застывшее лицо Меле и вздохнул.

— Прости, Брог. Будь мы с тобой одни... Но Меле всегда очень строго соблюдала обычаи. Пусть решает жрец.

Брог огорченно кивнул. Тем временем сверкающий шар опустился еще ниже, направляясь к ровной долине возле деревни. Трое игатийцев подхватили мешки с цветками фрага и заторопились домой.

Когда они дошли до переброшенного через бурную реку подвесного мостика, Катага пропустил вперед Брога, затем Меле. Потом двинулся следом, вынув небольшой кинжал, спрятанный до поры до времени в набедренной повязке.

Как он и ожидал, Меле и Брог не стали оборачиваться — все их внимание уходило на то, чтобы удержать равновесие на этой шаткой, раскачивающейся конструкции. Дойдя до середины мостика, Катага провел пальцами по главному канату и нащупал небольшой разрыв, обнаруженный несколько дней назад. Он быстро полоснул по нему ножом и ощутил, как разошлись волокна. Еще надрез-другой, и канат не выдержит веса человека.

Пока достаточно. Весьма довольный собой, Катага сунул кинжал обратно в набедренную повязку и стал догонять Меле и Брога.

Новость всполошила деревню. Весть о великом событии передавалась из уст в уста, и перед святилищем Инструмента начались импровизированные танцы. Но тут же прекратились, едва из храма Фангукари, прихрамывая, вышел старый жрец.

За долгие годы службы лицо высокого тощего Лага приобрело сходство с благосклонно улыбающимся изображением божества, которому он поклонялся. Его лысую голову венчала украшенная перьями корона жреческой касты. Он тяжело опирался на священный черный жезл.

Его тут же окружила толпа. Рядом со жрецом, с надеждой потирая руки, но не решаясь настаивать на награде, стоял Брог.

— Народ мой, — сказал Лаг, — древнее пророчество Игати свершилось. Как и предсказывала легенда, с небес спустился огромный сверкающий шар. Внутри его, как повествует легенда, окажется существо, похожее на нас, и то будет посланец Фангукари.

Все закивали, не сводя с Лага восхищенных глаз.

— Посланник совершит множество добрых дел — таких, которых еще не видывал никто. И когда он закончит и потребует отдыха, его будет ждать заслуженная награда.

Голос Лага упал до вдохновенного шепота.

— Этой наградой станет то, к чему стремится каждый игатиец, о чем мечтает, о чем молится. Им станет последний дар, который Фангукари шлет тем, кто хорошо служит ему и деревне.

Жрец повернулся к Брогу.

— Ты, Брог, — сказал он, — был первым, кто увидел посланца. Ты хорошо послужил деревне.

Жрец воздел руки.

— Друзья! Считаете ли вы, что Брог должен получить награду, которой жаждет?

Большинство согласилось с тем, что должен. Но тут с недовольным видом вперед выступил богатый купец Васси.

— Это несправедливо, — сказал он. — Мы все работаем для этого долгие годы и делаем богатые пожертвования храму. Брог сделал недостаточно даже для того, чтобы заслужить саму награду. К тому же он низкого происхождения.

— Твои доводы сильны, — согласился жрец. Брог громко простонал. — Но, — продолжил он, — щедрость Фангукари простирается не только на благо-

родных. Даже самый ничтожный может на нее надеяться. И если Брог не будет достойно вознагражден, то не потеряют ли надежду остальные?

Люди одобрительно зашумели, а глаза Брога увлажнились от благодарности.

— На колени, Брог, — велел жрец, и лицо его словно осветилось любовью и добротой.

Брог опустился на колени. Толпа затаила дыхание.

Лаг замахнулся массивным жезлом и изо всех сил обрушил его на череп Брога. То был хороший удар, нанесенный опытной рукой. Брог рухнул, дернулся и замер. Выражение счастья на его лице не поддавалось описанию.

— Как это было прекрасно, — завистливо пробормотал Катага.

Меле сжала руку отца.

— Не волнуйся, папа. Настанет день, и ты тоже получишь свою награду.

— Надеюсь, — ответил Катага. — Но как я могу быть в этом уверен? Вспомни Рии. Не жил еще другой столь же добрый и набожный человек. Бедный старик всю жизнь работал и молил Бога о насильственной смерти. О *любой* насильственной смерти! И что же? Он скончался во сне! Разве такой смерти он был достоин?

— Всегда можно найти одно-другое исключение.

— Могу назвать хоть дюжину других.

— Постарайся не беспокоиться об этом, отец. Я знаю, что твоя смерть будет прекрасна, как у Брога.

— Да, да... Но если подумать, то Брог умер так *просто*. — Глаза Катаги вспыхнули. — Мне хотелось бы чего-нибудь по-настоящему великого, мучительного, сложного и восхитительного. Вроде того, что ожидает посланца.

Меле отвернулась.

— Ты слишком многого хочешь, папа.

— Верно, верно, — пробормотал Катага. — Ладно, когда-нибудь...

И он еле заметно улыбнулся. То будет великий день! Умный и смелый человек берет судьбу в свои руки и устраивает себе насильственную смерть, а не влачит дни в покорном ожидании, пока про него

вспомнит слабоумный жрец. Называйте это ересью, обзывайте как угодно, но внутренний голос подсказывал Катаге, что человек имеет право умереть столь мучительно и такой смертью, какой пожелает сам... если сумеет завершить задуманное.

Он вспомнил о надрезанном канате, и на душе у него потеплело. Какая удача, что он так и не научился плавать!

— Пойдем, — позвала Меле. — Пора приветствовать посланника.

И они зашагали вслед за остальными к долине, где сел сверкающий шар.

Ричард Хэдвелл откинулся на потертую спинку пилотского кресла и вытер со лба пот. Из корабля только что вышли последние туземцы, и он все еще слышал, как они смеялись и пели, возвращаясь в деревню в вечерних сумерках. Кабина пропахла цветами, медом и вином, и ему все еще чудился отражающийся от серых металлических стен гул барабанов.

Он улыбнулся, о чем-то вспомнив, достал записную книжку и, выбрав ручку, записал:

«Прекрасна Игати, с ее могучими горами и бурными горными потоками, пляжами из черного песка, пышными джунглями и могучими цветущими деревьями в лесах».

Неплохо, подумал Хэдвелл. Сосредоточенно сжав губы, он продолжил:

«Местные жители — симпатичные гуманоиды с коричневатой кожей, гибкие и ловкие. Они приветствовали меня цветами и танцами, выказав много знаков радости и дружбы. Я легко выучил под гипнозом их язык и скоро буду чувствовать себя здесь как дома. Они добродушный и веселый народ, вежливый и учтивый, и беззаботно живут, почти не отрываясь от матери-природы. Какой урок они преподают тебе, Цивилизованный Человек!

Быстро проникаешься симпатией и к ним, и к Фангукари, их благосклонному божеству. Остается

лишь надеяться на то, что Цивилизованный Человек, злой гений буйства и разрушений, не доберется сюда и не совратит этот народ с пути радостной уверенности».

Хэдвелл выбрал ручку с более тонким пером и записал:

«Есть здесь девушка по имени Меле, которая...» — Он вычеркнул строчку и написал: «Черноволосая девушка по имени Меле, несравненная красавица, подошла близко ко мне и заглянула в самую глубину моих глаз...»

Он вычеркнул и это.

Нахмурившись, он испробовал еще несколько вариантов:

«Ее ясные карие глаза обещали такую радость...»

«Ее алый ротик слегка трепетал, когда я...»

«Хотя ее нежная ручка задержалась в моей руке лишь на мгновение...»

Он смял страницу. Это эффект пяти месяцев вынужденного воздержания, решил он. Лучше вернуться к основной теме, а Меле оставить на потом.

Он написал:

«Есть немало способов, при помощи которых благожелательный наблюдатель может помочь этому народу. Но меня охватывает сильное искушение не делать *абсолютно ничего* из опасения разрушить их культуру».

Закрыв книжку, Хэдвелл посмотрел в иллюминатор на отдаленную деревню, где сейчас горели факелы. Потом снова раскрыл книжку.

«Однако их культура производит впечатление сильной и гибкой. Кое-какая помощь пойдет им только на пользу. И я им охотно помогу».

Он захлопнул книжку и убрал ручки.

На следующий день Хэдвелл принялся за добрые дела. Он обнаружил, что многие игатийцы страдают от болезней, переносимых москитами. Тщательно подобрав антибиотики, он сумел излечить почти всех —

кроме самых запущенных случаев. Затем посоветовал осушить стоячие пруды, где размножались москиты.

Когда он пользовал больных, его сопровождала Меле. Прекрасная игатийка быстро освоила простейшие навыки ухода за больными, и Хэдвелл нашел, что ее помощь просто неоценима.

Вскоре в деревне позабыли обо всех серьезных болезнях. Хэдвелл завел привычку проводить дни на солнечном склоне холма неподалеку от Игати, где он отдыхал и работал над книгой.

Настал день, когда Лаг собрал жителей деревни для обсуждения важного вопроса.

— Друзья, — начал старый жрец, — друг наш Хэдвелл свершил для деревни великие благодеяния. Он вылечил наших больных, и теперь они могут жить дальше, дожидаясь дара Фангукари. Но Хэдвелл устал и отдыхает, лежа на солнце. Он ждет награды, ради которой явился к нам.

— Будет справедливо, — сказал купец Васси, — если посланец получит заслуженную награду. Пусть жрец возьмет жезл и...

— Зачем же так скупиться? — возразил Джаили, ученик жреца. — Разве посланец Фангукари не заслужил смерти получше? Он достоин большего, чем жалкий удар жезла! Гораздо большего!

— Ты прав, — подумав, признал Васси. — А раз так, то не загнать ли ему под ногти отравленные шипы?

— Может, такая смерть достаточно хороша для купца, — заметил каменотес Тгара, — но не для Хэдвелла. Он заслуживает смерти, достойной вождя! Я вот что придумал. Надо его связать, развести под пятками медленный огонь и постепенно...

— Погодите, — вмешался Лаг. — Посланник заслужил смерть Адепта. И поэтому его следует осторожно и крепко взять, отнести к ближайшему большому муравейнику и закопать в нем по самую шею.

Раздались крики одобрения.

— И все время, пока он будет кричать, — добавил Тгара, — мы будем бить в старинные ритуальные барабаны.

— И танцевать в его честь, — сказал Васси.

— И пить за него сколько влезет, — добавил Катага.

Все согласились, что это будет великолепная смерть.

Итак, детали были обговорены и время назначено. Деревню охватил религиозный экстаз. Хижины украсили цветами — все, кроме Храма Инструмента, который обычай запрещал украшать. Женщины смеялись и пели, подготавливая поминки. И лишь Меле непонятно почему охватила печаль. Опустив голову, она прошла через всю деревню и начала медленно подниматься на холм к Хэдвеллу.

Раздевшись до пояса, Хэдвелл нежился под лучами двух солнц.

— Привет, Меле, — сказал он. — Я слышал барабаны. Что-то намечается?

— Будет праздник, — ответила Меле, присаживаясь рядом.

— Чудесно. Если я загляну, возражений не будет?

Меле посмотрела на него и медленно кивнула. Посланец вел себя строго в соответствии со старинным ритуалом, согласно которому человек делал вид, будто собственные поминки не имеют к нему никакого отношения. У ее соплеменников на такое обычно не хватало духу. Но посланец Фангукари, конечно же, способен соблюдать обычаи строже всех остальных.

— Скоро начнется?

— Через час.

Еще совсем недавно она разговаривала с ним свободно и откровенно, но теперь у нее было тяжело на сердце, а она не понимала причины. Меле робко взглянула на его непривычно яркую одежду и рыжие волосы.

— Приятная новость, — пробормотал Хэдвелл. — Да, очень приятная... — сказал он еще тише.

Полуприкрыв глаза, он любовался прекрасной игатийкой, строгими линиями ее шеи и плеч, черными прямыми волосами и почти физически ощущал ис-

ходящий от нее аромат трав. Хэдвелл нервно сорвал травинку.

— Меле, — выдавил он, — я...

Слова замерли у него на губах. Охваченная внезапным порывом, Меле бросилась в его объятия.

— О Меле!

— Хэдвелл!— воскликнула она, прильнув к нему, но тут же резко отстранилась и посмотрела на него с тревогой.

— Что с тобой, милочка? — спросил Хэдвелл.

— Хэдвелл, можешь ли ты еще хоть что-нибудь сделать для деревни? Что угодно. Мой народ будет тебе очень благодарен.

— Конечно, могу. Но куда торопиться? Сперва неплохо и отдохнуть.

— Нет! Прошу тебя! — взмолилась Меле. — Помнишь, ты говорил об оросительных канавах? Ты можешь приняться за них прямо сейчас?

— Ну, если ты просишь... Но...

— О мой дорогой!

Меле вскочила. Хэдвелл протянул к ней руки, но она увернулась.

— Некогда! Я должна как можно скорее передать эту новость всей деревне!

Она убежала, а Хэдвеллу осталось лишь удивляться странным нравам туземцев и особенно туземок.

Примчавшись в деревню, Меле нашла жреца в храме, где тот молился о ниспослании ему мудрости. Она быстро рассказала ему о новых планах божьего посланца.

Старый жрец медленно кивнул.

— Церемонию придется отложить. Но скажи мне, дочь моя, почему именно ты сообщила мне новость?

Покраснев, Меле промолчала.

Жрец улыбнулся, но его лицо тут же снова стало суровым.

— Понимаю. Но прислушайся к моим словам, девочка — не позволяй любви отвратить тебя от

великой мудрости Фангукари и от соблюдения наших древних обычаев.

— У меня и в мыслях такого не было! Я просто почувствовала, что смерть Адепта для Хэдвелла недостаточно хороша. Он заслуживает большего! Он заслуживает... Ультимата!

— Вот уже шестьсот лет ни один человек не оказался достоин Ультимата, — сказал Лаг. — Никто — с тех самых пор как герой и полубог В'Ктат спас игатийцев от жутких хуэльв.

— Но у Хэдвелла душа героя! — воскликнула Меле. — Дай ему время, пусть старается! Он докажет!

— Может, и так, — задумчиво отозвался жрец. — Это стало бы величайшим событием для нашей деревни... Но подумай, Меле, ведь на это может уйти вся его жизнь!

— А разве не стоит подождать *такого?* — спросила она.

Старый жрец стиснул жезл и задумчиво нахмурил лоб.

— Может, ты и права, — медленно произнес он. — Да, наверное права. — Он неожиданно выпрямился и пристально посмотрел на Меле. — Но скажи мне правду, Меле. Ты действительно желаешь сохранить его для Ультимата? Или всего лишь для себя?

— Он должен умереть такой смертью, какой достоин, — произнесла она безмятежно — и отвела взгляд в сторону.

— Хотел бы я знать, — сказал старик, — что таится в твоем сердце. Мне кажется, ты в опасной близости к ереси, Меле. Ты, которая всегда была в вопросах веры одной из самых достойных.

Меле уже собралась ответить, но тут в храм ворвался купец Васси.

— Скорее! — закричал он. — Иглаи нарушил *табу!*

Толстый веселый фермер умер ужасной смертью. Он шел, как обычно, от своей хижины к центру деревни мимо старого дерева-колючки, и оно нео-

жиданно рухнуло прямо на него. Колючки пронзили его насквозь. Очевидцы рассказывали, что прежде чем испустить дух он стонал и корчился целый час.

Но умер он с улыбкой на лице.

Жрец всмотрелся в толпу, окружившую тело Иглаи. Некоторые украдкой улыбались, прикрывая рты руками. Лаг подошел к дереву и присмотрелся. По окружности ствола были заметны слабые следы пилы, замазанные глиной. Жрец обернулся к толпе.

— Иглаи часто видели возле этого дерева? — спросил он.

— Чаще и не бывает, — ответил другой фермер. — Почитай, каждый день под ним обедал.

Теперь многие заулыбались открыто, гордясь проделкой Иглаи и обмениваясь шуточками.

— А я-то все гадал, чем ему это дерево приглянулось?

— А он не любил есть в компании. Говорил, что в одиночку в него больше влазит.

— Ха!

— А сам потихонечку подпиливал.

— Считай, несколько месяцев ухлопал. Дерево-то твердое.

— Да, котелок у него варил.

— Дайте мне сказать! Он был всего лишь фермер, и никто не назвал бы его набожным. Но помер он славной смертью.

— Послушайте, добрые люди! — крикнул Лаг. — Иглаи совершил кощунство! Только священник имеет право даровать кому-либо насильственную смерть!

— А какое жрецу дело до того, чего он не видел? — пробормотал кто-то.

— Подумаешь, кощунство, — добавил другой. — Иглаи устроил себе великолепную смерть. *Вот* что важно.

Старый жрец опечаленно отвернулся. Сделанного не вернешь. Если бы он вовремя поймал Иглаи, то фермеру бы не поздоровилось. Иглаи никогда бы не осмелился повторить попытку и умер бы, скорее всего, тихо и мирно у себя в постели в преклонном возрасте. Но сейчас уже слишком поздно. Иглаи ухватил свою смерть за хвост и на ее крыльях уже,

наверное, добрался до Рукечанги. А просить Бога наказать Иглаи после смерти бесполезно, потому что этот хитрец и на том свете выкрутится.

— Неужели никто из вас не видел, как Иглаи подпиливал дерево? — спросил Лаг.

Если кто и видел, все равно не признается. Лаг знал, что все они друг друга покрывают. Несмотря на все проповеди, которыми он пичкал жителей деревни с самого раннего детства, они упорно пытались перехитрить жрецов.

И когда только до них дойдет, что незаконная смерть никогда не принесет такого удовлетворения, как смерть заслуженная, заработанная и обставленная священными церемониями?

Он вздохнул. Временами жизнь становится так тяжела.

Через неделю Хэдвелл записал в дневнике:

«Такого народа, как эти игатийцы, я еще не встречал. Сейчас я живу с ними, вместе с ними ем и пью, наблюдаю их обряды. Я знаю и понимаю их. И правда об этом народе просто поразительна, если не сказать больше.

Невероятно, но *игатийцы не знают, что такое война!* Только представь это, Цивилизованный Человек! Никогда за всю свою историю они не воевали. Они даже не понимают, что это такое. Приведу пример.

Как-то я попытался объяснить суть войны Катаге, отцу несравненной Меле. Он почесал голову и спросил:

— Говоришь, это когда много одних людей убивают еще больше других людей? Это и есть война?

— Часть ее, — ответил я. — Когда тысячи одних убивают тысячи других.

— В таком случае, — заметил Катага, — многие умрут одновременно и одной смертью?

— Верно, — согласился я.

Он долго раздумывал, потом повернулся ко мне и сказал:

— Плохо, когда много людей умирает в одно время и одинаково. Никакого удовольствия. Каждый должен умереть своей собственной смертью.

Оцени, Цивилизованный Человек, невероятную наивность такого ответа. Но все же подумай и о несомненной правде, которая кроется под этой наивностью. Правде, которую неплохо бы осознать всем.

Более того, эти люди не ссорятся между собой, у них нет ни кровной вражды, ни преступлений из ревности, ни убийств.

И вот к какому выводу я пришел: этот народ *не знает* насильственной смерти — за исключением, разумеется, несчастных случаев.

Как жаль, что они происходят здесь столь часто и почти всегда со смертельным исходом. Но я приписываю это дикости окружающей природы и беспечному характеру этих людей. Ни одно из таких происшествий не остается без внимания. Жрец, с которым у меня установились неплохие отношения, удручен их частотой и постоянно предупреждает народ, призывая его к осторожности.

Он хороший человек.

А теперь запишу самую свежую, самую чудесную новость. (Хэдвелл глуповато ухмыльнулся, немного помедлил и снова склонился над дневником.)

Меле согласилась стать моей женой! Церемония начнется, как только я закончу эти записи. Празднества уже начались, и к пирушке все готово. Я самый счастливый человек на свете, потому что Меле — красивейшая из девушек. А также и самая необычная.

Она очень заботится о других. Возможно, даже *слишком*. Она все время настаивала, чтобы я продолжал что-нибудь делать для деревни. И я многое сделал. Я закончил для них оросительную систему, научил выращивать несколько быстрорастущих съедобных растений, показал основы обработки металлов и многое другое — слишком долго перечислять. А она хотела, чтобы я делал еще и еще.

Но с меня хватит. У меня есть право на отдых. Хочу провести долгий томный медовый месяц, а потом годик поваляться на солнышке, заканчивая книгу.

Меле никак не может этого понять и упорно твердит, что я *должен* продолжать работать. И еще она говорит о какой-то церемонии, связанной с «Ультиматом» (если я правильно перевел это слово).

Но я сделал достаточно. Я отказываюсь работать — как минимум ближайший год или два.

Церемония «Ультимат» начнется сразу после нашей свадьбы. Полагаю, это какая-то высокая почесть, которой этот простой народ желает меня одарить. И я на нее согласился.

Наверное, будет очень интересно».

Все жители деревни, возглавляемые старым жрецом, направились к Вершине, где совершались все игатийские свадьбы. Мужчины украсили себя церемониальными перьями, а женщины надели ожерелья из ракушек и разноцветных камешков. Четверо дюжих мужчин в середине процессии тащили какую-то странную конструкцию. Хэдвеллу удалось бросить на нее лишь мимолетный взгляд, но он знал, что ее после торжественной церемонии вынесли из ничем не украшенной хижины с крышей, крытой черной соломой — какого-то храма.

На шатком плетеном мостике процессия вытянулась цепочкой. Замыкавший шествие Катага еле заметно улыбнулся и снова украдкой провел ножом по надрезанному канату.

Вершина оказалась узким выступом черной скалы, нависающим над морем. Хэдвелл и Меле стали на краю, лицом к жрецу. Едва Лаг воздел руки, все затаили дыхание.

— О великий Фангукари! — воскликнул жрец. — Возлюби этого человека Хэдвелла, посланца своего, явившегося к нам с небес в сверкающем шаре и свершившего для Игати столько, сколько не делал еще никто. И возлюби дочь свою, Меле. Научи ее любить память о своем муже — *и оставаться преданной вере своего племени.*

При этих словах жрец многозначительно посмотрел на Меле. И Меле, высоко подняв голову, ответила ему тем же.

— И объявляю я вас, — произнес жрец, — мужем и женой.

Хэдвелл заключил жену в объятия и поцеловал. Люди радостно закричали. Катага лукаво ухмыльнулся.

— А теперь, — сказал жрец, постаравшись придать голосу как можно больше радушия, — я хочу сообщить тебе приятное известие, Хэдвелл. Великое известие!

— Вот как? — отозвался Хэдвелл, неохотно отпуская законную супругу.

— Мы оценили твои дела, — сказал Лаг, — и нашли, что ты достоин... Ультимата!

— Что ж, спасибо, — сказал Хэдвелл.

Жрец взмахнул рукой. Четверо вынесли тот самый странный предмет. Только теперь Хэдвелл смог разглядеть, что это платформа размером с большую кровать, изготовленная из какого-то древнего на вид дерева. К ней были приделаны всевозможные клинья, крюки, заостренные раковины и острые шипы. Имелись и пока пустые чаши, и многочисленные приспособления странной формы, о назначении которых Хэдвелл так и не смог догадаться.

— Вот уже шесть веков, — сказал Лаг, — Инструмент не выносили из Храма. Шесть веков со времен героя-бога В'Ктата, в одиночку спасшего народ Игати от уничтожения. И вынесли его ради тебя, Хэдвелл.

— Нет, я не достоин подобной чести, — сказал Хэдвелл.

Толпа одобрительно загудела, оценив его скромность.

— Поверь мне, — искренне произнес Лаг, — ты *достоин*. Принимаешь ли ты Ультимат, Хэдвелл?

Хэдвелл взглянул на Меле, но не смог понять выражение ее прекрасного лица. Потом перевел взгляд на жреца. Лицо Лага было бесстрастным. Толпа хранила гробовое молчание. Хэдвелл посмотрел на Инструмент. Чем-то он ему не понравился. В его голове начало зарождаться сомнение.

Может, он неправильно оценил этих людей? В некие древние времена Инструмент явно исполь-

зовали для пыток. Эти клинья и крючки... Но для чего предназначены остальные детали? Напряженно размышляя, Хэдвелл постарался представить — и содрогнулся. Толпа перед ним сбилась в плотную массу. За спиной узкий выступ скалы и трехсотметровый обрыв. Хэдвелл снова посмотрел на Меле.

Выражение любви и преданности на ее лице было несомненным.

Взглянув на жителей деревни, он увидел, как они за него переживают. Да что он, собственно, разволновался? Разве могут они причинить ему зло после всего, что он для них сделал?

Наверняка Инструмент имел чисто символическое применение.

— Я принимаю Ультимат, — сказал Хэдвелл жрецу.

Толпа завопила, и ее восторженный рев эхом разнесся по горам. Его тут же обступили, улыбались, пожимали руки.

— Церемония свершится сразу же, — объявил жрец. — В деревне, перед статуей Фангукари.

Все тут же направились обратно. Впереди шел жрец, а Хэдвелл с женой в середине. Меле с самого начала так и не произнесла ни слова.

Все молча прошли по качающемуся мостику. На другом берегу туземцы еще плотнее обступили Хэдвелла, что вызвало у него легкий приступ клаустрофобии. «Не будь я убежден в их природной доброте, — подумал Хэдвелл, — обязательно бы встревожился».

Впереди показались деревня и алтарь Фангукари. Жрец торопливо направился к алтарю.

Неожиданно раздался вопль. Все обернулись и помчались к мостику.

На берегу Хэдвелл увидел, что произошло. Катага шел последним, и, когда он добрался до середины, центральный канат неожиданно оборвался. Катага успел ухватиться за обрывок более тонкого каната, но продержался недолго. Все увидели, как его руки ослабели, разжались и он упал в реку.

Хэдвелл застыл, потрясенный увиденным. Ясно, словно в кошмарном сне, он видел, как летит вниз

Катага с храброй улыбкой на губах, как бурлит вода, покрывая белой пеной острые камни.

Беднягу ждала верная и жуткая смерть.

— Он умеет плавать? — спросил Хэдвелл жену.

— Нет, — ответила Меле. — Он отказался учиться. Ах, отец! Как ты мог!

Бешеный поток пугал Хэдвелла даже больше, чем пустота космоса. Но отец его жены в опасности. Надо действовать.

И он бросился вниз головой в ледяную воду.

Катага почти потерял сознание, когда до него добрался Хэдвелл, так что ему повезло и игатиец не стал сопротивляться, когда Хэдвелл схватил его за волосы и отчаянно устремился к ближайшему берегу. Близкому, но недостижимому. Поток уносил их вдаль, то окуная с головой, то вышвыривая на поверхность. Отчаянным усилием Хэдвелл ухитрился избежать торчавших из-под воды скал. Но впереди виднелись новые.

Туземцы с криками бежали вдоль берега.

Быстро теряя силы, Хэдвелл снова устремился к берегу. Его ударило о подводный камень, и пальцы, вцепившиеся в волосы Катаги, начали слабеть. Игатиец немного пришел в себя и стал сопротивляться.

— Не сдавайся, старина, — выдохнул Хэдвелл.

Мимо проносился берег. Их протащило всего метрах в трех, потом отнесло снова.

Вложив остаток сил в последнее отчаянное усилие, он ухватился за нависшую над водой ветку и сумел продержаться, борясь с бешеным потоком, пока туземцы со жрецом во главе не вытащили их на берег.

Их отнесли в деревню. Отдышавшись, Хэдвелл повернулся к Катаге и слабо улыбнулся.

— Еле вывернулись, старина, — сказал он.

— Подлец! — процедил Катага, плюнул на Хэдвелла и зашагал прочь.

Спаситель уставился ему вслед, недоуменно почесывая затылок.

— Должно быть, головой обо что-то стукнулся, — заметил он. — Ну, так что там с Ультиматом?

Туземцы угрожающе надвинулись на него.

— Ишь, Ультимата ему захотелось!

— Какова скотина!

— Вытащил бедного Катагу из воды, и еще наглости хватает...

— Своему же тестю полез жизнь спасать!

— Такая свинья, — подвел итог купец Васси, — даже и мечтать о смерти права не имеет, будь он проклят!

Хэдвеллу показалось, что все они внезапно сошли с ума. Он немного неуверенно поднялся и обратился к жрецу:

— Что это с ними?

Лаг пристально вгляделся в него преисполненным скорби взором, сжал губы так, что они побелели, и промолчал.

— Разве церемонии не будет? — уныло спросил Хэдвелл.

— Ты действительно *заслужил* ее, — ответил жрец. — Если кто и заслуживал Ультимата, так это ты, Хэдвелл. На мой взгляд, ты должен был получить свое, хотя бы просто из справедливости. Но сейчас речь идет о чем-то большем, чем абстрактная справедливость. Это принципы милосердия и сострадания, которые дороги Фангукари. Если исходить из них, то ты, Хэдвелл, совершил ужасный и бесчеловечный поступок, вытащив из реки несчастного Катагу. Боюсь, простить тебя невозможно.

Хэдвелл потерял дар речи. Очевидно, существовал запрет спасать упавших в воду. Да откуда же ему было о нем знать? И неужели такая мелочь способна перевесить все, что он для них сделал?

— Но хоть *какой-то* церемонии я достоин? — взмолился он. — Я люблю ваш народ, я хочу жить с вами. Наверняка можно что-то сделать.

Глаза старого жреца затуманились от сострадания. Он покрепче ухватил жезл и начал его поднимать.

Но его остановил рев возмущенной толпы.

— Тут я бессилен, — признался жрец. — Покинь нас, фальшивый посланец. Покинь нас, о Хэдвелл — ты не заслуживаешь даже смерти!

— Ну и ладно! — рявкнул Хэдвелл, внезапно разозлившись. — Черт с вами, грязные дикари. Ноги моей здесь больше не будет, хоть на коленях просите. Ты со мной, Меле?

Девушка нерешительно заморгала, посмотрела на Хэдвелла, потом на жреца. Наступила мертвая тишина.

— Помни о своем отце, Меле, — негромко произнес Лаг. — Помни о вере своего народа.

Меле гордо задрала маленький подбородок.

— Я знаю, каков мой долг, — заявила она. — Пойдем, дорогой Ричард.

— Вот и хорошо, — отозвался Хэдвелл и зашагал вместе с Меле к кораблю.

Старый жрец с отчаянием смотрел им вслед.

— Меле! — крикнул он дрогнувшим голосом.

Но Меле не обернулась. Лаг увидел, как она вошла в корабль. Захлопнулся люк.

Через несколько минут серебристую сферу окутало красное и голубое пламя. Шар поднялся, набрал скорость, превратился в пятнышко и исчез.

По щекам смотревшего в небо жреца катились слезы.

Несколько часов спустя Хэдвелл сказал:

— Дорогая, я отвезу тебя на Землю, свою родную планету. Тебе там понравится.

— Знаю, что понравится, — прошептала Меле, глядя в иллюминатор на сверкающие точки звезд.

Где-то среди них был и ее дом, потерянный для нее навсегда. Она уже затосковала по нему, но другого выбора не было. По крайней мере, для нее. Женщина всегда идет вслед за мужчиной, которого любит. И женщина, любящая горячо и искренне, никогда не потеряет веры в своего мужа.

А Меле верила в Хэдвелла.

Она нащупала укрытый в ее одежде крошечный кинжал в ножнах. Кончик его был смазан ядом, вызывающим особо мучительную и медленную смерть. Это была ее семейная реликвия, которой можно было воспользоваться лишь тогда, когда поблизости нет жреца, и только ради того, кого любишь больше всего.

— Нечего терять время даром, — сказал Хэдвелл. — С твоей помощью я совершу великие дела. Ты будешь гордиться мною, милая.

Меле знала, что он говорит искренне. Когда-нибудь, подумала она, Хэдвелл искупит грех, который он совершил по отношению к ее отцу. Он обязательно совершит нечто великое. Быть может, сегодня, а может, завтра или в следующем году. И тогда она подарит ему самое большое сокровище, которым женщина может одарить мужчину.

Мучительную смерть.

РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!

Масс-детектор замигал розовым, затем красным. Дремавший у пульта Эйджи встрепенулся.

— Приближаемся к планете! — крикнул он, стараясь перекричать пронзительный свист воздуха, вырывавшегося сквозь пробитую осколком дыру в корпусе корабля.

Капитан Барнетт кивнул и приварил очередную заплату к изношенной обшивке «Индевера». Свист заметно утих, но не прекратился. Он не прекращался никогда.

Планета показалась из-за небольшого багрового солнца. Ее тусклый зеленоватый отблеск на фоне черного пространства вызвал у обоих астронавтов одну и ту же мысль.

— Интересно, найдется на ней что-нибудь стоящее? — задумчиво проговорил Барнетт.

Эйджи с надеждой приподнял седую бровь.

Им вряд ли удалось бы разыскать новую планету, если бы «Индевер» летел по Южногалактической трассе. Но там патрулировало слишком много кораблей федеральной полиции, а у Барнетта были серьезные основания держаться от нее подальше.

Хотя «Индевер» считался торговым кораблем, весь его груз состоял из нескольких бутылей чрезвычайно сильной кислоты, предназначавшейся для вскрытия сейфов, и трех небольших атомных бомб. Власти

Печатается по изд.: Шекли Р. Руками не трогать! — Искатель, 1978, № 1. Пер. изд.: Sheckley R. Hands Off: Citizen in Space. New York, Ballantine, 1954

Copyright © 1954 by Robert Sheckley
© 1978 А. Санин, перевод на русский язык

относились к подобным товарам неодобрительно и упорно пытались привлечь экипаж к ответственности за всякие старые грехи — убийство на Луне, ограбление на Омеге, кражу со взломом на Самии.

В довершение всех бед новые полицейские корабли обладали большой скоростью и лучшей маневренностью, и «Индеверу» пришлось перейти на обходные маршруты. Сейчас корабль направлялся к Новым Афинам, где были открыты богатейшие урановые залежи.

— Да, не густо, — прокомментировал Эйджи, с отвращением глядя на приборы.

— Можно даже не садиться, — кивнул Барнетт.

Показания датчиков разочаровывали. Незарегистрированная планета оказалась меньше Земли и, за исключением кислородной атмосферы, не имела коммерческой ценности.

Вдруг заработал детектор тяжелых металлов.

— Там что-то есть, — взволнованно проговорил Эйджи, быстро расшифровывая показания приборов. — Очень чистый металл, притом прямо на поверхности!

Барнетт кивнул, и корабль пошел на посадку.

Из заднего отсека вышел Виктор в шерстяной шапочке на бритой голове и глянул в иллюминатор через плечо Барнетта. Когда «Индевер» завис в полумиле над поверхностью планеты, они увидели то, что приняли за месторождение тяжелого металла.

На лесной прогалине стоял космический корабль.

— Вот это уже интересно, — протянул Барнетт и кивнул Эйджи.

Эйджи искусно произвел посадку. По возрасту ему давно полагалось выйти на пенсию, но годы никак не отразились на профессиональных навыках пилота. Когда Эйджи остался без работы и без гроша в кармане, его разыскал Барнетт и великодушно предложил контракт. Капитан охотно становился альтруистом, когда это сулило выгоду.

Инопланетный корабль был крупнее «Индевера» и выглядел как новенький, но его конструкция и опознавательные знаки озадачили капитана.

— Вы видали что-нибудь подобное? — осведомился Барнетт.

Эйджи порылся в своей обширной памяти.

— Напоминает цефейскую работу, но у них корпуса делают более обтекаемыми. Однако мы забрались довольно далеко, и вряд ли этот корабль из нашей федерации.

Виктор не мог оторвать изумленного взгляда от корабля.

— Красавчик! Вот бы нам такой! — шумно вздохнул он.

Внезапная улыбка прорезала лицо Барнетта, словно трещина на граните.

— Простак, а ведь в самую точку попал. Я об этом и думаю, — сказал он. — Пойдем потолкуем с таможним шкипером.

Прежде чем выйти наружу, Виктор проверил, заряжены ли замораживающие бластеры.

Атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания.

Температура воздуха равнялась 72 градусам по Фаренгейту.

Астронавты послали в направлении корабля приветственный сигнал, но ответа не дождались и с дежурными улыбками зашагали вперед, спрятав бластеры под куртками.

Вблизи корабль производил внушительное впечатление. Метеориты почти не повредили его сверкающий серебристый корпус. Из открытого люка доносился монотонный гул — видимо, перезаряжались генераторы.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул Виктор.

Его голос эхом прокатился по кораблю. Ответа не последовало — только глухо гудели генераторы да шелестела трава.

— Куда они могли запропаститься? — удивился Эйджи.

— Наверное, вышли подышать свежим воздухом, — предположил Барнетт. — Вряд ли они ждали гостей.

Виктор уселся на траву а Барнетт с Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной конструкцией.

— Справишься с ним? — спросил Барнетт

— Думаю, да, — ответил Эйджи. — Он построен по классическим образцам. Автоматика меня не тревожит — все существа, дышащие кислородом, используют однотипные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не слишком много времени, чтобы разобраться.

— Кто-то идет! — крикнул Виктор.

Из леса, отстоящего ярдов на триста, вышла какая-то фигура и двинулась к кораблю.

Эйджи и Виктор разом выхватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы существо высотой около двух футов, шириной в фут и толщиной примерно в два дюйма. Головы у пришельца не было. Капитан нахмурился — такого он еще не видывал.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае, он обладал четырьмя конечностями: две, скрытые травой, служили для передвижения, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольного корпуса помещались два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

— Странный же тип, доложу я вам. — Эйджи установил на бластере прицел. — Полагаю, он прилетел в одиночку?

— Надеюсь, что да, — пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер.

— Дистанция двести ярдов. — Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана. — Или вы хотите сперва вручить ему визитную карточку?

— Много чести, — нехорошо усмехнулся Барнетт. — Подождем, пусть подойдет поближе.

Эйджи кивнул, не выпуская чужака из поля зрения.

Кален прилетел на эту заброшенную планету в надежде добыть хотя бы тонну-другую эрола — мине-

рала, чрезвычайно ценимого мабогийцами. Но ему не повезло, и тетнитовая бомба, которой так и не довелось воспользоваться, лежала нетронутая в кармане с керловым орехом. Вместо добычи привезет на Мабог балласт.

«Может быть, на следующей планете посчастливится», — думал Кален, выходя из леса.

Внезапно он замер как вкопанный — неподалеку от его корабля высился чужой космический аппарат необычной конструкции.

Кален не ожидал встретить в такой глуши разумных существ вроде тех, что стояли сейчас у открытого люка его корабля. Незнакомцы имели с мабогийцами лишь весьма отдаленное сходство. Правда, одну из планет Мабогийского союза населяли существа, очень похожие на этих, но они строили космические корабли совершенно иначе. Наверно, он столкнулся с представителями великой цивилизации, которая, по слухам, существовала на окраине Галактики.

Радостно взволнованный такой удачей, Кален поспешил им навстречу.

Незнакомцы, однако, почему-то не трогались с места, и ответного приветствия Кален не уловил, хотя его явно заметили. Он ускорил шаг в надежде, что быстро найдет с этими странными, непонятными существами общий язык и что церемония знакомства не затянется слишком надолго. Всего час, проведенный на негостеприимной планете, вконец измотал его. Он очень проголодался и срочно должен был принять душ.

Внезапно что-то обжигающе-холодное отбросило его назад.

Кален тревожно огляделся по сторонам: что за сюрприз преподносит ему планета? А едва он двинулся с места дальше, в него тотчас вонзился еще один заряд, совершенно заморозив наружную оболочку.

Дело принимало серьезный оборот. Хотя мабогийцы считались одной из самых выносливых жизненных форм, у них тоже были уязвимые места. Кален осмотрелся в поисках источника опасности.

Незнакомцы в него стреляли!

Ошеломленный, Кален не мог в это поверить. Он знал, что такое убийство, и не только понаслышке, но даже несколько раз с ужасом наблюдал это извращение среди иных недоразвитых животных видов. Ему приходилось также листать труды по психопатологии, в которых детально описывались все случаи преднамеренного убийства в истории Мабога.

Но чтобы это произошло с ним! Кален отказывался верить себе.

Очередной заряд обжег тело. Кален не двигался, все еще пытаясь убедить себя, что ему это мерещится. Разве существа, чей разум позволяет им строить космические корабли, могут быть способны на убийство?

К тому же они даже не знают его!

Осознав наконец опасность, Кален повернулся и бросился к опушке. Теперь стреляли все трое незнакомцев, и замерзшая трава громко хрустела и ломалась у него под ногами. Наружная оболочка Калена полностью промерзла. Тело мабогийца не приспособлено к низким температурам, и Кален чувствовал, как леденящий холод мало-помалу сковывает его нутро.

И все-таки он не мог заставить себя поверить в происходящее.

Он уже достиг опушки, когда в спину вонзилось сразу два снаряда. Не в силах больше поддерживать тепло в организме, Кален рухнул на промерзлую, заиндевевшую землю и потерял сознание.

— Идиот, — пробормотал Эйджи, пряча бластер в кобуру.

— Но поразительно выносливый, — сказал Барнетт. — Ни одно дышащее кислородом существо не способно выдержать такое. — Он с гордостью посмотрел на бластер и похлопал по серебристой броне корабля. — Мы назовем его «Индевер-2».

— Да здравствует капитан! — весело гаркнул Виктор.

— Побереги глотку на будущее. — Барнетт взглянул на небо. — Через четыре часа начнет смеркаться. Виктор, перенеси провизию, кислород и инструменты на «Индевер-2» и разряди аккумуляторы на нашей развалине. Когда-нибудь мы ее отсюда вызволим. А сейчас главное — улететь до наступления темноты.

Виктор направился выполнять приказание, а Барнетт с Эйджи вошли в корабль инопланетянина.

В хвостовом отсеке «Индевера-2» размещались генераторы, двигатели, преобразователи энергии и резервуары с горючим. Следующий отсек, занимавший почти половину корабля, был заполнен какими-то чудными разноцветными орехами диаметром от двух дюймов до полутора футов. Далее следовали два носовых отсека.

Первый из них, видимо, предназначался для экипажа, но был совершенно пуст. Ни койки, ни стола, ни стульев — только гладкий металлический пол. В потолке и стенах виднелись небольшие прорези и отверстия непонятного назначения.

В самом носу находился пилотский отсек, где с трудом мог разместиться один человек. Пульт управления под экраном обзора был заполнен множеством приборов.

— Все это — ваше хозяйство, — сказал Барнетт. — Приступайте к изучению.

Эйджи кивнул, опустился перед пультом на корточки и начал рассматривать приборы.

Через несколько часов Виктор перенес все вещи на борт «Индевера-2». Эйджи пока ни к чему не прикасался. Он пытался определить назначение приборов по их размерам, цвету, форме и расположению. Нелегкая задача, даже при сходстве способов мышления. Если кнопки вспомогательной системы взлета включаются не слева направо, а наоборот, Эйджи придется заново переучиваться. Означает ли красный цвет опасность? Если да, то красная кнопка включает аварийное тормозное устройство. Но красный цвет может означать и что-то другое, например температуру...

Барнетт просунул голову в пилотский отсек. За его спиной маячил Виктор.

— Готово?

— Кажется, да. — Эйджи слегка прикоснулся к одной из кнопок. — Эта штука должна задраить люки.

Он нажал на кнопку. Виктор и Барнетт ждали, затаив дыхание.

Люки беззвучно закрылись.

Эйджи довольно ухмыльнулся.

— А это система подачи воздуха, — провозгласил он и передвинул маленький рычажок.

Из прорезей в потолке начал выбиваться желтоватый дым.

«Неполадки в системе», — забеспокоился Эйджи.

Виктор закашлялся.

— Отключай! — крикнул Барнетт.

Дым повалил густыми клубами и в мгновение ока заполнил оба носовых отсека.

— Отключай же, черт возьми!

— Я не вижу пульта! — Эйджи наугад переключил какой-то тумблер. Тут же взревели генераторы, и с пульта на пол брызнул сноп голубых искр.

Эйджи отбросило в сторону, Виктор подскочил к двери грузового отсека и забарабанил по ней кулаками. Барнетт ощупью ринулся к пульту, прикрывая рот рукой и чувствуя, что пол ускользает из-под ног.

Виктор осел на пол, царапая дверь в тщетных попытках выбраться наружу.

Барнетт вслепую двигал какие-то рычажки.

Рев генераторов неожиданно смолк, и лицо капитана освежила струя живительного воздуха. Он протер слезящиеся глаза и взглянул наверх. По счастливой случайности ему удалось отключить подачу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро выветрились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты. Дышать стало легче.

Виктор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и, ругаясь вполголоса, принялся делать ему искусственное дыхание. Наконец веки Эйджи дрогнули, а вскоре он совсем очнулся.

— Откуда взялся дым? — простонал Виктор.

— Боюсь, наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью, — высказал догадку Барнетт.

Эйджи покачал головой:

— Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...

— Вспомните, как он выглядел, — перебил Барнетт. — К тому же потребность в воздухе у всех различная.

— Тогда дело плохо, — уныло пробурчал Эйджи.

Астронавты переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

— Что там? — испугался Виктор и выхватил бластер.

— Помолчи! — скомандовал Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударяли железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт явственно ощутил, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к обзорному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали открытый люк «Индевера-1». Лязг доносился оттуда.

— Не может быть! — воскликнул Эйджи. — Наши бластеры...

— Не убили его, — мрачно докончил Барнетт.

— Скверно, — пробормотал Эйджи. — Очень скверно.

Виктор все еще держал бластер в руках.

— Капитан, — начал он, — может, я выйду и...

Барнетт покачал головой:

— Он не подпустит тебя и на десять футов. Нет, дайте мне подумать. Он что-то замышляет... Виктор, что осталось на корабле? Аккумуляторы?

— Разряжены, а переходное звено у меня.

— Отлично. Значит, только кислота...

— Это мощная штука, — вмешался Эйджи. — Но я не думаю, чтобы он сумел найти ей применение.

— Пожалуй, — согласился Барнетт. — И все же нам необходимо побыстрее драпать отсюда.

Эйджи взглянул на приборную панель. Полчаса назад ему казалось, что он в ней разобрался. Теперь перед ним была коварная и, возможно, смертоносная ловушка.

Злого умысла здесь не было. В космическом корабле не только путешествовали, но и жили. Вполне естественно, что приборы воспроизводили условия жизни инопланетянина и удовлетворяли его потребности. Но для землян это могло закончиться трагически.

— Знать бы, с какой он планеты, — вздохнул Эйджи. — Тогда можно было бы прикинуть, какие еще сюрпризы готовит корабль.

Они же знали только, что незнакомец дышит ядовитым желтым газом.

— Все будет в порядке! — не слишком уверенно пообещал Барнетт. — Найди систему взлета и больше ни к чему не прикасайся.

Эйджи вернулся к приборам, а Барнетт, пытаясь разгадать мысли инопланетянина, смотрел на матовый корпус своего старого корабля и с тревогой прислушивался к непонятным звукам.

Кален пришел в себя и поразился, что еще жив. Впрочем, пословица не зря гласит: «Мабогиец гибнет сразу или не гибнет вообще». Вот он и не погиб — пока. Он с трудом сел и прислонился к дереву. Красное солнце опускалось за горизонт, и воздух, насыщенный ядовитым кислородом, заметно посвежел. Кален вздохнул и с облегчением отметил, что легкие функционируют и до сих пор полны живительного желтого воздуха.

Кален вновь решил было, что все случившееся ему только пригрезилось, как вдруг увидел, что в его корабль, сгибаясь под тяжестью груза, вошел один из незнакомцев. Через некоторое время люки закрылись.

Значит, этот кошмар произошел в действительности! Надо смотреть в глаза жестокой правде. Кален чувствовал острую потребность в пище и воздухе. Его наружная оболочка высохла, растрескалась и настоятельно нуждалась в питательной чистке. А у него был с собой один-единственный красный керловый орех и тетнитовая бомбочка.

«Если удастся вскрыть орех, — подумал Кален, — можно продержаться довольно долго. Но как это сделать?»

Кален поразился собственной беспомощности. Впервые ему пришлось задуматься над тем, как самому проделать простую, элементарную повседневную операцию, которая на корабле выполнялась автоматически.

Он заметил, что инопланетяне бросили свой корабль. Почему — не имеет значения, но нужно идти туда, ведь на открытом воздухе он погибнет еще до наступления утра.

Он медленно, борясь с приступами дурноты, пополз к чужому кораблю, не спуская глаз со своего. Если враждебно настроенные существа заметят его, все пропало. Но этого не случилось. Кален благополучно пробрался через открытый люк внутрь чужого корабля.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, он разглядел, что корабль совсем старый и изношенный. Тонкие стены были сплошь в заплатах. Теперь понятно, почему незнакомцы захватили его корабль.

Опять накатила дурнота. Прежде всего необходимо подкрепиться, и Кален вынул из кармана круглый керловый орех — основную пищу мабогийских астронавтов. Орехи были чрезвычайно богаты энергией, а твердая, как панцирь, кожура толщиной в два дюйма предохраняла их от порчи в течение многих лет.

Кален положил орех на пол, подобрал тяжелый металлический прут и с размаху ударил им по ореху. Прут с громким лязгом отскочил, не оставив на скорлупе ни следа.

Кален испугался, не выдаст ли его этот грохот, но, подгоняемый голодом, вновь принялся исступленно молотить по ореху. Минут через пятнадцать, дойдя до полного изнеможения, он прекратил тщетные попытки. Стальной прут согнулся почти пополам, а орех остался цел и невредим. Только щелкун, стандартный прибор, имевшийся на любом мабогийском корабле, мог расколоть керловый орех — иного способа, увы, никто придумать не догадался.

Что делать? Кален опять схватился за прут и обнаружил, что его конечности теряют подвижность. Он бросил прут и задумался.

Движения сковывала наружная оболочка, кожа постепенно отвердевала и превращалась в роговую броню. Когда этот процесс завершится, Кален полностью утратит подвижность и погибнет от удушья...

Поборов нахлынувшее отчаяние, Кален приказал себе шевелить мозгами. Еда подождет — в первую очередь необходимо спасать кожу. На борту собственного корабля он бы принял душ из особой, смягчающей кожу жидкости, но едва ли подобная жидкость была здесь, у инопланетян. Выход один — содрать наружную оболочку. Правда, потом придется выждать несколько дней, пока затвердеет внутренняя нежная кожица, но зато он обретет подвижность!

На негнущихся ногах Кален отправился на поиски переодевателя, но с грустью убедился, что даже такого простейшего приспособления на чужом корабле нет.

Он поднял стальной прут, согнул его крючком и, подцепив кожную складку, с силой рванул прут кверху.

Затвердевшая оболочка не поддавалась.

После нескольких тщетных попыток он отшвырнул бесполезный прут и тут внезапно вспомнил про тетнитовую бомбу.

Если незаметно подложить ее под корпус захваченного чужаками корабля, то легкий взрыв не причинит кораблю никаких повреждений, только подбросит его футов на тридцать в воздух.

А вот инопланетяне безусловно погибнут.

Кален ужаснулся. Как мог он придумать такое? Законы мабогийской этики запрещали любое убийство.

«Но разве это не будет оправдано? — коварно нашептывал Калену внутренний голос. — Пришельцы — скверные создания. Избавив от них Вселенную, ты окажешь ей бесценную услугу, а заодно невзначай поможешь и себе. Считай, что это не убийство, а очищение от скверны».

Нет! Огромным усилием воли Кален заставил себя прекратить даже думать об этом. С трудом передвигая непослушные каменеющие ноги, он принялся обшаривать корабль, надеясь на случайную спасительную находку.

Скорчившись в пилотском отсеке, Эйджи устало размечал тумблеры и кнопки нестираемым карандашом. Легкие саднило, и всю ночь он не смыкал глаз. Уже брезжил рассвет. Внутри «Индевера-2» было довольно холодно — Эйджи не решался трогать терморегуляторы.

Вошел Виктор, сгибаясь под тяжестью ящика.

— А капитан где? — спросил Эйджи.

— Сейчас придет.

Барнетт решил перенести все необходимое в носовые отсеки, чтобы не тратить слишком много времени на поиски нужных вещей. Помещение для экипажа было уже почти заполнено. Не найдя места для ящика, Виктор огляделся и заметил в боковой стене дверь. Он нажал на ручку, и дверь скользнула вверх, открыв крошечную пустую клетушку, которая показалась Виктору идеальным хранилищем. И он опустил свою тяжелую ношу на пол, усеянный красными скорлупками.

В тот же миг потолок начал опускаться.

Виктор дико завопил, резко выпрямился и, ударившись головой о потолок, упал без чувств.

Эйджи выскочил из пилотского отсека и столкнулся с Барнеттом, который тоже прибежал на крик. Капитан попробовал вытянуть Виктора за ноги, но, увы, заскользил по гладкому металлическому полу. Эйджи, обнаружив редкостное присутствие духа, поднял ящик и поставил его на попа, задержав тем самым предательский потолок. Вдвоем с капитаном они поспешили вытянуть Виктора из клетушки, и в тот же миг ящик треснул и развалился на части. А потолок, будто сделав свое дело, бесшумно скользнул вверх.

Виктор очнулся и потер ушибленную голову.

— Капитан, — жалобно взмолился он, — может, вернемся на «Индевер»?

— Виктор прав. — Эйджи развел руками. — Прямо какой-то заколдованный корабль!

— И вы так легко от него отказываетесь? — осведомился Барнетт.

Эйджи неловко поежился и кивнул.

— Откуда мы знаем, — заговорил он, пряча глаза от Барнетта, — что он еще выкинет? Слишком рискованно, капитан.

— Рискованно... — передразнил Барнетт. — Вы хоть соображаете, от чего отказываетесь? Один его корпус принесет целое состояние! А двигатель? Вам приходилось видеть подобные? Этот корабль пробуравит насквозь любую планету и выйдет с другой стороны непоцарапанным!

— Боюсь, мы не сумеем оценить все это, поскольку трупы не умеют восхищаться, — не унимался Эйджи, а Виктор усиленно закивал.

— Все, хватит болтать! — отрезал Барнетт. — Корабль мы не оставим! Только не будем ни к чему прикасаться, пока не достигнем безопасного места. Ясно? За дело!

Эйджи хотел было заикнуться про комнаты, самопроизвольно превращающиеся в гидравлические прессы, но, перехватив грозный взгляд Барнетта, счел за благо не спорить.

— Ты разметил приборную панель? — уже спокойно спросил Барнетт.

— Осталось совсем немного, — отозвался старый пилот.

— Хорошо. Ни к чему другому не прикасайся. Пока мы ничего не трогаем, нам ничто не грозит.

Капитан вытер потный лоб, прислонился к стене и расстегнул куртку.

В тот же миг из отверстий в стене выскочили два стальных крюка и кольцом сомкнулись вокруг его талии. Барнетт рванулся что было сил, но кольцо не поддалось. Послышалось странное пощелкивание, и из стены выползло тонкое проволочное щупальце. Оно ощупало куртку Барнетта, словно оценивая качество

ткани, удовлетворенно хмыкнуло, как показалось капитану, и исчезло в стене.

Эйджи и Виктор оцепенели, раскрыв рты.

— Выключите эту штуку, — прохрипел Барнетт.

Эйджи бросился к пульту. В ту же секунду из стены высунулась стальная рука, в которой поблескивало трехдюймовое лезвие.

— Уберите его! — истошно завопил Барнетт.

Виктор, сбросив оцепенение, хотел было схватить зловещую руку, но та резко вывернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем с хирургической виртуозностью рука искусно раскроила лезвием куртку Барнетта сверху донизу и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, пленившее капитана, не разжималось.

Снова появилось тонкое щупальце. Дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло, словно в нерешительности. Внутренний механизм тревожно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и вновь неуверенно зависло.

— Я ничего не могу сделать! — завопил Эйджи. — Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тотчас же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Виктор с размаху треснул по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезало рубашку и исчезло, оставив насмерть перепуганного Барнетта по пояс голым. Когда же под немой крик капитана вновь вынырнуло щупальце, Виктору стало дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце коснулось нежной теплой кожи на груди пленника и одобрительно фыркнуло. Кольцо тут же разжалось, и обессиленный Барнетт мешком повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все и без слов было ясно.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть,

инопланетянин таким образом раздевался? Нет, это абсурд. Но ведь комната-пресс тоже абсурд...

В глубине души старый пилот радовался случившемуся. Этот упрямый осел Барнетт получил хороший урок. Теперь им ничего не остается, кроме как покинуть дьявольский корабль и придумать способ вернуть свой собственный.

— Чего стоите? Помогите одеться! — прорычал капитан.

Виктор поспешно притащил ему запасную рубашку, и Барнетт кое-как натянул ее на себя, держась подальше от стен.

— Через сколько времени мы сможем взлететь? — спросил он у Эйджи.

— Что?

— Надеюсь, вы не оглохли?

— Но разве то, что произошло...

— Когда мы можем взлететь? — повысил голос капитан.

— Примерно через час, — выдавил Эйджи и устало поплелся в опостылевший пилотский отсек.

Барнетт напялил на себя свитер, а поверх него пальто. В корабле было прохладно, и он здорово замерз.

Кален лежал в полном изнеможении. Глупо, что он потратил столько сил на бесполезные попытки содрать затвердевшую оболочку. Теперь он почти не мог двигаться...

В голове его мелькали видения далекого детства. Величавые, зубчатые, как замки, скалы Мабога, огромный космопорт Кантанопе и он, маленький Кален, любующийся двумя заходящими солнцами. Одно — голубое, второе — желтое, но почему они вместе не садятся на юге? Надо спросить у отца...

Кален отогнал видения. Скоро утро. Мабогийский астронавт не может погибнуть столь бесславно, нужно продолжать борьбу.

Через полчаса мучительных поисков он натолкнулся в хвостовом отсеке корабля на запечатанный

металлический ящик. Сбив крышку, Кален увидел большие бутыли, аккуратно завернутые и переложенные тряпками и опилками. Он вытащил одну бутыль. На ней был изображен странный белый символ, показавшийся Калену знакомым. Он напряг память и вспомнил — это череп гуманоида. В Мабогийский союз входила одна гуманоидная цивилизация, и Кален видел в музее муляжи черепов. Но зачем рисовать эту штуку на бутыли?

Он открыл бутыль и принюхался. Запах был приятный и смутно напомнил Калену... запах питательной жидкости, очищающей кожу!

Кален быстро вылил на себя содержимое бутылки и принялся ждать, затаив дыхание. Если только ему удастся восстановить кожу...

Так и есть, жидкость оказалась слабым очистителем.

Он опорожнил еще одну бутыль, чувствуя, как живительный раствор впитывается оболочкой.

Некоторое время Кален расслабленно лежал на спине, позволяя жидкости рассасывать роговой панцирь. Вскоре кожа полностью восстановила эластичность, и Кален ощутил необыкновенный прилив сил и энергии.

Он будет жить!

После целебной ванны Кален осмотрел пилотирующее устройство. Почему-то инопланетяне не собрали все приборы в одном отсеке. Очень глупо. Они даже не сумели превратить остальные помещения корабля в антигравитационные камеры! Впрочем, и резервуарам для хранения такого количества жидкости было негде разместиться.

Ничего, подумал Кален, как-нибудь он преодолеет эти трудности. Но, исследуя двигатель, он заметил, что у аккумулятора батарей отсутствует совершенно необходимое звено. Батареи были выведены из строя.

Оставался только один выход — вернуться назад на свой корабль.

Но как? Мабогийские законы запрещали любое убийство. Ни при каких обстоятельствах — даже ради спасения собственной жизни — мабогиец не имел права убивать. Благодаря этому мудрому закону мабо-

гийцы уже три тысячи лет жили без войн, и мабогийская цивилизация достигла высочайшего расцвета...

Но что делать? Умирать самому?

Взглянув себе под ноги, Кален с изумлением заметил, что лужица пролитой им жидкости проела огромную дыру. Какой ненадежный корабль — даже слабый очиститель способен так повредить его! Видимо, и сами инопланетяне очень слабые создания.

Одной тетнитовой бомбы будет вполне достаточно.

И никто на Мабоге об этом не узнает!..

— Готово наконец? — нетерпеливо спросил Барнетт.

— Кажется, да, — ответил Эйджи, осмотрев размеченную нестираемым карандашом панель.

— Отлично. Мы с Виктором останемся в отсеке экипажа. Взлетайте с минимальным ускорением.

Эйджи объявил десятисекундную готовность, нажал на кнопку, и дверь, отделяющая его от отсека экипажа, закрылась. Он нажал еще одну кнопку, и заработали аккумуляторы. Пока все шло хорошо.

На полу появилась тонкая струйка маслянистой жидкости. Эйджи машинально отметил, что, должно быть, подтекает один из приводов, и тут же забыл об этом. Приборы работали прекрасно. Он задал автопилоту нужный курс, включил двигатели и вдруг ощутил прикосновение к ноге, а глянув вниз, с удивлением обнаружил, что густая, дурно пахнущая жидкость уже заливала весь пол, слоем в несколько дюймов толщиной. Эйджи отстегнул ремни, чтобы найти причину утечки. Вскоре он отыскал четыре отверстия, которые равномерными толчками выбрасывали жидкость. Эйджи нажал кнопку, управляющую дверью, но дверь не открывалась. Стараясь не поддаваться панике, он внимательно осмотрел дверь.

Она должна была открыться!

Но не открылась...

Маслянистая жидкость поднялась уже до колен.

Эйджи вернулся к пульту управления. Войдя в корабль, они не видели никакой жидкости. Значит, есть сток...

Когда он обнаружил сток, зловонная жидкость была ему уже по пояс. Эйджи потянул рычаги на себя, и жидкость быстро исчезла. После этого дверь легко открылась.

— В чем дело? — спросил Барнетт.

Эйджи рассказал, что произошло.

— Тогда все ясно, — спокойно произнес Барнетт. — А я-то не мог понять, как наш прямоугольный друг выдерживает стартовое ускорение. Мы не нашли на борту ничего, к чему бы он мог пристегнуться. Значит, он просто плавает в масле, которое автоматически заполняет пилотский отсек, когда корабль готов к взлету.

— А почему не открывалась дверь?

— Разве не ясно? — ласково, будто ребенку, улыбнулся Барнетт. — Зачем ему заливать маслом весь корабль? Вдобавок лишняя гарантия от случайной утечки.

— Но мы не можем взлететь.

— Это еще почему?

— Я не умею дышать под толстым слоем масла. А оно будет натекать, как только я включу двигатели.

— А ты открой сток и привяжи к нему рычаг регулятора, чтобы он оставался открытым. Масло будет стекать с такой же скоростью, как и набираться.

— Ладно, попробую, — безрадостно согласился Эйджи.

Совет капитана оказался дельным: жидкость не поднималась выше полутора дюймов. Установив регулятор ускорения на минимум, Эйджи нажал стартовую кнопку.

Кален с грустью проводил взглядом взлетевший корабль. Подложить бомбу он так и не решился. Законы многовековой давности трудно переступить за несколько часов.

Однако Кален не впал в отчаяние. Он не собирался сдаваться. Он будет цепляться за жизнь до последнего вздоха, будет надеяться на один шанс из миллиона, что на планету прилетит другой корабль!

Кален сообразил, что из очистительной жидкости можно легко изготовить заменитель воздуха. Этого ему хватит на несколько дней. А если еще вскрыть керловый орех...

Придя в себя, Эйджи обнаружил, что, прежде чем потерять сознание, успел вдвое уменьшить ускорение. Это и спасло ему жизнь.

Но ускорение, равное по шкале почти нулю, было тем не менее невыносимым. Эйджи открыл дверь и выполз из своего отсека.

Ремни, удерживающие Барнетта и Виктора, лопнули при взлете. Виктор только-только приходил в себя, а Барнетт с трудом выбирался из-под груды покореженных ящиков.

— Что за шутки? — тяжело выдохнул он. — Я же ясно сказал: «С минимальным ускорением»!

— Я взлетел с ускорением вдвое меньше минимального! — ответил Эйджи. — Посмотри сам.

Барнетт вошел в пилотский отсек и быстро вернулся.

— Плохо дело, — сказал он. — Этот корабль рассчитан на ускорение втрое большее, чем наше. Видимо, на их дурацкой планете слишком большая гравитация и для взлета требуется колоссальная скорость.

В стенах что-то щелкнуло.

— По-моему, становится теплее, — робко произнес очнувшийся Виктор.

— И давление тоже растет, — сказал Эйджи и устремился к пульту.

Барнетт и Виктор проводили старого пилота тревожными взглядами.

— Ничего не могу поделать! — крикнул Эйджи, утирая пот с раскрасневшегося лица. — Температура и давление регулируются автоматически. Видимо, они

подстраиваются до «нормального» уровня во время полета.

— Отключи их как-нибудь, черт возьми! — крикнул Барнетт. — Или хочешь, чтобы мы изжарились?

— Терморегулятор и так стоит на нуле, — ответил Эйджи. — Больше ничего сделать невозможно.

— Какова же нормальная температура для этого проклятого инопланетянина?

— Страшно подумать, — ответил Эйджи. — Корабль построен из необыкновенно теплостойкого материала и способен выдержать давление в десять раз большее, чем земные корабли. Сопоставь эти данные и...

— Но должно же это как-то выключаться! — не выдержал Барнетт.

Металлический пол раскалился уже чуть ли не докрасна.

— Отключи его! — заорал Виктор.

— Не я сделал этот корабль, — начал оправдываться Эйджи. — Откуда мне знать...

— Отпусти меня! — Эйджи схватился за бластер. Внезапно его осенило, и он выключил двигатели.

Щелканье в стенах прекратилось, и помещение стало остывать.

— Что случилось? — Виктор сразу успокоился.

— Температура и давление падают, когда двигатели не работают, — пояснил Эйджи. — Пока не включены двигатели, мы в безопасности.

Воцарившееся молчание нарушил Барнетт:

— Итак, мы влипли?

— Да, — подтвердил Эйджи. — Двигаясь по инерции, мы достигнем большой планеты не раньше чем через три года.

— Ничего не попишешь, вернемся на свой корабль.

Подавив вздох облегчения, Эйджи задал автопилоту новый курс.

— Думаете, этот тип вернет нам корабль? — спросил Виктор.

— Конечно, — убежденно ответил Барнетт. — Ему ведь до смерти охота заполучить назад свой, стало быть, придется покинуть наш.

— Да, но если он...

— Мы выведем из строя автоматику, — сказал Барнетт. — Это его задержит.

— Ненадолго, — вмешался Эйджи. — Потом он все равно нас догонит.

— Не думаю, — ухмыльнулся Барнетт. — Для нас главное — взлететь первыми. Корпус у этого корабля, конечно, прочный, но вряд ли он выдержит три атомных взрыва.

— Об этом я не думал, — побледнел Эйджи.

— А когда-нибудь мы вернемся, — бодро заключил Барнетт. — Металл, из которого сделан его корабль, наверняка кое-что стоит.

Эйджи включил двигатели и развернул «Индевер-2» к планете. Автоматика заработала, и температура стала быстро повышаться. Убедившись, что автопилот взял нужный курс, Эйджи отключил двигатели, и корабль полетел дальше, влекомый силой инерции.

Они не успели вывести из строя автоматику. Перед посадкой Эйджи пришлось снова включить двигатели, и, когда «Индевер-2» совершил посадку, у астронавтов едва хватило сил выбраться наружу. Тела их покрылись волдырями, а подошвы обуви прогорели насквозь.

Затаившись в лесу, они ждали.

Через некоторое время инопланетянин вышел из их корабля и перешел в свой. Мгновение спустя люки закрылись.

— Ну вот. — Барнетт встал. — Теперь надо срочно взлетать. Эйджи, ступайте прямо к пульту. Я подсоединю аккумуляторы, а Виктор задраит люк. Вперед!

Кален открыл запасной резервуар, и корабль заполнился свежим благоухающим желтоватым дымом. Несколько минут Кален с наслаждением дышал.

Затем он отобрал три самых крупных керловых ореха и подождал, пока щелкун их раздавит.

Насытившись, Кален почувствовал себя гораздо лучше. Он позволил переодевателю снять задубевшую

наружную оболочку. Лезвие аккуратно разрезало два верхних слоя, остановившись перед нежной живой кожицей.

Кален решил, что рассудок инопланетян помрачился. Как же иначе объяснить, что они вернулись и возвратили ему корабль?

Нужно обязательно сообщить их властям координаты этой планеты, чтоб их забрали отсюда и вылечили.

Кален был счастлив. Он не преступил законов мабогийской этики. А ведь мог бы оставить в чужом корабле тетнитовую бомбу, вывести из строя двигатели.

Но он ничего такого не сделал.

Он только сконструировал несколько бесхитростных устройств для поддержания собственной жизни.

Кален проверил приборы — все было в идеальном состоянии. Тогда он включил аккумуляторы и стал ждать, пока отсек наполнится антигравитационной жидкостью.

Виктор первым достиг люка, бросился внутрь, но тут же отлетел назад.

— Что случилось? — спросил подоспевший Барнетт.

— Меня что-то ударило.

Они осторожно заглянули внутрь.

Хитроумно переплетенные провода тянулись от аккумуляторов к стенам. Дотронься Виктор до корпуса корабля, он был бы тотчас убит мощным электрическим разрядом.

Они замкнули смертоносную систему и вошли.

Внутри корабля царил хаос. Пол был загромождён беспорядочно разбросанными предметами. В углу валялся согнутый вдвое стальной прут. В довершение разгрома пролитая в нескольких местах кислота насквозь проела обветшавший корпус «Индевера».

В хвостовом отсеке их подстерегала новая ловушка. Тяжелая дверь была с дьявольским коварством подсоединена к небольшому стартеру. Одно неосто-

рожное движение, и от человека, попытавшегося войти, осталось бы мокрое место.

Были и другие устройства, назначение которых никто из астронавтов разгадать не мог.

— Мы в силах все это исправить? — спросил Барнетт.

Эйджи пожал плечами:

— Почти все наши инструменты остались на «Индевере-2». За год мы, вероятно, сумеем кое-что подлатать, но я не гарантирую, что корпус выдержит.

Они вышли наружу. «Индевер-2» взмыл в небо.

— Вот мерзавец! — в сердцах выругался Барнетт, глядя на изъеденный кислотой корпус своего корабля.

— Трудно предугадать, на что способен инопланетянин, — философски рассудил Эйджи.

— Хороший инопланетянин — мертвый инопланетянин, — произнес Виктор.

«Индевер-1» был теперь столь же загадочным и опасным, как «Индевер-2».

А «Индевер-2» улетел.

ЧУДОВИЩА

Кордовир и Хам стояли на скалистом гребне и с неподдельным интересом наблюдали за происходящим. С подобным явлением они столкнулись впервые в жизни и были чрезвычайно довольны, что им довелось увидеть нечто совершенно новое.

— Между прочим, от этой штуки отражается солнце, — заметил Хам. — Скорее всего, она из металла.

— Допустим, — отозвался Кордовир. — Но что, по-твоему, удерживает ее в воздухе?

Оба не отрывали взгляда от долины, где происходило что-то непонятное: над самой землей завис остроконечный предмет. Из нижнего его конца извергалось нечто напоминающее пламя.

— Он балансирует на пламени, — сказал Хам. — Даже твои старые глаза должны заметить это.

Чтобы разглядеть получше, Кордовир приподнялся, опираясь на мощный хвост. Объект тем временем опустился на землю, и пламя исчезло.

— Не пойти ли нам взглянуть на него поближе? — спросил Хам.

— Давай! Думаю, у нас еще есть время... Хотя, постой! Какой сегодня день?

Хам прикинул в уме.

— Пятый день лунтата.

Пер. изд.: Sheckley R. The Monsters: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954

Copyright © 1953 by Robert Sheckley
© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

— Проклятие! — воскликнул Кордовир. — Мне пора домой — убивать жену.

— До заката еще несколько часов, — произнес Хам. — Думаю, ты вполне успеешь и посмотреть, и вернуться вовремя домой.

Но Кордовира терзали сомнения.

— Терпеть не могу опаздывать.

— Что ж, тогда сделаем так, — предложил Хам. — Ты ведь знаешь, какой я проворный. Если мы задержимся, я поспешу назад и сам убью твою жену. Как ты смотришь на это?

— Очень любезно с твоей стороны, — поблагодарил Кордовир юношу, и они заскользили вниз по крутому склону горы.

У металлического предмета оба остановились и приподнялись на хвостах.

— Он немного больше, чем я ожидал, — сказал Кордовир, прикинув на глаз размеры предмета: чуть подлиннее их деревни, а шириной почти с ее половину. Они поползли вокруг предмета и заметили на металле следы обработки. Возможно даже, человеческими щупальцами.

За горизонт закатилось малое солнце.

— Думаю, нам лучше вернуться, — произнес Кордовир, заметив, что стемнело.

— Ерунда, у меня еще масса времени, — откликнулся Хам и самодовольно поиграл мускулами.

— Да, но убивать своих жен лучше все-таки самому.

— Как хочешь.

И они поспешили в деревню.

Дома жена Кордовира заканчивала стряпать. Она стояла спиной к двери, как требовал этикет. Резким ударом хвоста Кордовир убил ее, оттащил тело за дверь и сел ужинать.

После еды и медитации он отправился на Собрание. Хам — нетерпеливый, как и все молодые люди, — был уже там и рассказывал о металлическом предмете. Он, наверное, проглотил свой ужин, не разжевывая, недовольно подумал Кордовир.

Когда юноша закончил, Кордовир высказал свои собственные соображения. К сказанному Хамом он добавил одно очень важное предположение: в металлическом предмете могут находиться разумные существа.

— Почему ты так думаешь? — спросил Мишилл, который, как и Кордовир, был старейшиной.

— Да хотя бы потому, что при посадке из него выходило пламя, — ответил Кордовир, — а когда он приземлился, пламя исчезло. Следовательно, внутри предмета есть некто, кто выключил это пламя.

— Не обязательно, — возразил Мишилл.

Между жителями деревни разгорелся жаркий спор, который продолжался до поздней ночи. Затем они похоронили убитых жен и разошлись по домам.

Ночью Кордовир долго не мог уснуть, все размышляя о странном предмете. Если в нем действительно разумные существа, то нравственны ли они? Существуют ли у них понятия добра и зла? Так ничего и не решив, он заснул.

Наутро вся мужская часть населения потянулась к металлическому предмету. Это было в порядке вещей, поскольку в обязанности мужчин входило не только ограничение женской популяции, но и изучение новых явлений.

Они окружили предмет, строя всевозможные догадки относительно его содержимого.

— Уверен, что там разумные существа, — заявил старший брат Хама Эсктел.

Кордовир затрясся всем телом, выражая несогласие.

— Скорее всего, чудовища, — возразил он. — Если принять во внимание...

— Не обязательно, — перебил его Эсктел. — Следует учесть общие закономерности развития нашего организма. Один фокусирующий глаз...

— Но великий Внешний Мир многолик, — сказал Кордовир. — В нем могут встретиться миры, населенные непохожими на нас существами, большая часть которых не принадлежит роду человеческому. В бесконечности...

— Однако, — вмешался Эсктел, — общие закономерности...

— Как я уже сказал, — продолжал Кордовир, — вероятность того, что прилетевшие к нам существа похожи на нас, бесконечно мала. Взять хотя бы их летательный аппарат! Разве мы соорудили бы...

— Но логика нам подсказывает, — снова прервал его Эсктел, — что...

Терпение Кордовира лопнуло: наглый юнец осмелился уже в третий раз перебить его. Одним движением хвоста он насмерть расшиб Эсктела об металлический предмет. Мертвое тело рухнуло на землю.

— Я всегда считал своего брата грубияном, — сказал Хам. — Так о чем ты говорил?

Но Кордовиру снова помешали. Металлическая крышка на странном предмете вдруг скрипнула и повернулась. Затем она распахнулась, и наружу с трудом выбралось странное существо.

Кордовиру было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в том, что он оказался прав. Тварь, что вылезла из проема, имела раздвоенный хвост. С головы до пят она была покрыта чем-то вроде кожи. А ее цвет!.. Кордовир содрогнулся.

Существо было цвета только что ободранной туши.

Все невольно отпрянули. Кто знает, чего от него можно ожидать в следующий момент!.. Сначала существо ничего не предпринимало. Оно стояло на металлической плите, а венчавший его туловище шаровидный нарост поворачивался то в одну, то в другую сторону. Само туловище, как ни странно, не двигалось, чтобы придать хоть какой-то смысл движению шаровидного нароста. Наконец существо подняло два щупальца и издало непонятный звук.

— Как ты думаешь, он, наверное, пытается нам что-то сказать? — тихо спросил Мишилл.

Из проема вылезли еще три подобных существа, держа в щупальцах металлические палки. Все четверо обменялись между собой странными звуками.

— Это явно не люди, — твердо заявил Кордовир. — Остается выяснить, нравственны ли они.

Одно существо сползло по металлическому боку предмета и ступило на землю. Остальные опустили свои палки. Это походило на некую религиозную церемонию.

— Да могут ли подобные уроды быть нравственными? — воскликнул Кордовир, и шкуру его передернуло от отвращения.

При ближайшем рассмотрении существа оказались еще безобразнее; такое не приснилось бы и в самом страшном сне. Шарообразный нарост на их туловищах вполне мог сойти за голову, решил Кордовир, хотя подобных голов он не встречал за всю свою долгую жизнь. Но до чего ж уродлива эта голова! Привычно гладкую поверхность лица нарушал нелепо торчащий, как горный кряж посреди долины, бугор с двумя округлыми впадинами. Вдобавок по обе стороны головы — если она была таковой — виднелись еще две выпуклости, а ее нижнюю половину пересекал блеклый красноватый разрез. После небольших раздумий Кордовир решил, что это, должно быть, рот — особенно, если поднапрячь воображение.

Перечень их уродств был бы неполным, если не упомянуть еще одно. В строении организма существ угадывалось наличие костей! Движения их конечностей не были похожи на плавные человеческие жесты; чужаки двигались так, словно были деревянными.

— Боже мой! — изумленно раскрыл рот Джилриг, мужчина средних лет. — Нам следует убить их, избавив от мучений.

Остальные, похоже, испытывали те же чувства и двинулись было вперед, но кто-то из молодых крикнул:

— Подождите! Давайте попробуем поговорить с ними, если это возможно. А вдруг они все-таки

нравственные существа. Вспомните, Внешний Мир огромен и многолик. Всякое возможно.

Кордовир тоже был за немедленное истребление чужаков, но жители деревни его не послушались. Они остановились и принялись обсуждать этот нелегкий вопрос.

Между тем Хам, со своей обычной беспечностью, приблизился к существу, стоявшему на земле.

— Привет, — сказал он.

Существо что-то ответило.

— Не разберу, что ты там сказал. — Хам хотел отползти назад, но тут существо взмахнуло суставчатыми щупальцами — если это были щупальца — и указало на одно из солнц, медленно ползущих по небосклону. При этом существо издало звук.

— Да, сегодня тепло, не правда ли? — весело воскликнул Хам.

Существо указало на землю и издало другой звук, не похожий на первый.

— В этом году у нас не особенно хороший урожай, — продолжал разговор словоохотливый Хам.

Существо указало на себя и снова издало какой-то звук.

— Согласен, — подтвердил Хам. — Ты безобразен, как смертный грех.

Вскоре мужчины проголодались и поползли в деревню. А Хам все стоял и вслушивался в звуки, издаваемые существами специально для него, а Кордовир дожидался его невдалеке, нервничая от нетерпения.

— Знаешь, — сказал Хам, присоединившись к Кордовиру, — я думаю, что они хотят изучить наш язык. Или научить меня своему.

— Не делай этого, — предостерег его Кордовир, на секунду словно ощутив зловещее дыхание великого зла, надвигающегося на них из-за туманного края неизвестности.

— Я все-таки попробую, — пробормотал Хам.

Они проворно вскарабкались вверх по скале, на вершине которой находилась их деревня.

Под вечер Кордовир отправился к загону, где содержались лишние женщины деревни, и, в полном соответствии с законом нравственности и обычаем, предложил приглянувшейся ему молодой женщине стать хозяйкой в его доме на все двадцать пять дней. Женщина, естественно, с благодарностью приняла его предложение.

По дороге домой Кордовир повстречал Хама, шедшего в загон.

— Только что убил жену, — сообщил Хам, что было ясно и без слов — иначе зачем бы он шел к стаду лишних самочек?

— Ты собираешься завтра пойти к пришельцам? — спросил Кордовир.

— Возможно, — неопределенно ответил Хам. — Если не подвернется что-нибудь новенькое.

— Главное, выясни — нравственны они или нет.

— Ладно! — бросил Хам и заскользил дальше.

Вечером, после ужина, состоялось Собрание. Все жители деревни согласились с тем, что пришлые существа — не люди. Кордовир горячо убеждал, что даже сам внешний вид пришельцев не допускает наличия у них каких-либо признаков человеческой природы. У подобных уродов вряд ли могут быть нравственные устои, понятия добра и зла, а главное, знания истины.

Молодые возражали ему — возможно, потому, что в последнее время испытывали несомненный дефицит свежей информации. Они обратили внимание присутствующих на то, что металлический предмет был явно продуктом разумной деятельности. Разум же предполагает наличие способности подмечать закономерности явлений, различать их, деля на черное и белое, — и это очевидно.

На бурные дебаты спорящих стоило полюбоваться. Олголел начал возражать Арасту и пал от его хвоста. Всегда спокойный Маврт внезапно пришел в ярость и убил трех братьев Холианов, но тут же был убит

Хамом, жаждавшим схватки. Даже в стаде лишних самочек разгорелась бурная дискуссия по волнующему всех вопросу. Они спорили так громко в своем загоне на краю деревни, что их крики разносились по всей округе.

Усталые, но довольные, жители деревни расползлись по домам и мирно заснули.

Последующие недели споры не утихали. Однако жизнь шла своим чередом. По утрам женщины выходили собирать пищу, готовили ее, откладывали яйца, которые затем относили лишним женщинам для высиживания. Как обычно, на восемь самочек вылуплялось по одному самцу. На двадцать пятый день после женитьбы или даже чуть раньше каждый мужчина убивал свою жену и брал новую.

Поначалу мужчины еще спускались к летательному аппарату — послушать, как Хам учится языку пришельцев; затем, когда им это порядком надоело, вернулись к своим обычным занятиям: бродили по окрестным холмам и лесам в поисках нового.

Чужаки не выходили из корабля; они спускались на землю только с приходом Хама.

Через двадцать четыре дня после появления чудовищ Хам объявил, что, хоть и с большим трудом, но может объясняться с ними.

— Они говорят, что прилетели издалека, — рассказывал он вечером на Собрании. — А еще они говорят, что так же двуполы, как мы, и что они такие же разумные существа, как мы. Они мне объясняли что-то насчет причин их внешнего отличия от нас, но я не очень разобрался.

— Если мы будем считать их людьми, — сказал Мишилл, — то должны верить им во всем.

Все затряслись, соглашаясь с ним.

— Они говорят — продолжал Хам, — что не хотят вмешиваться в нашу жизнь, но им было бы интересно понаблюдать за ней. Они хотят прийти в деревню и посмотреть, как мы живем.

— Почему бы и нет! — воскликнул один из молодых.

— Нет! — вскричал Кордовир. — Вы впускаете зло. Эти чудовища коварны. Я уверен, что они способны... даже лгать!

Старики согласились с ним, но, когда от Кордовира потребовали доказательств его ужасного обвинения, он не смог предъявить их.

— В конце концов, — заметил Сил, — мы не можем считать их нравственными уродами только потому, что они похожи на чудовищ.

— А я могу! — заявил Кордовир, но его не поддержали.

— Они, — вновь продолжил Хам, — предложили мне — или нам (я не совсем понял кому) — различные предметы из металла, которые, по их словам, могут производить различные операции. Я оставил без внимания это нарушение этикета, поскольку решил, что они не знакомы с ним.

Кордовир одобрительно кивнул. Юноша взрослел на глазах. Наконец-то он начинает проявлять себя по части хороших манер.

— Завтра они хотят прийти в деревню.

— Нет! — воскликнул Кордовир, но большинство высказалось за приход чужаков.

— Да, кстати, — произнес Хам, когда Собрание уже начало расходиться. — Среди них есть несколько женских особей. Это те, у которых ярко-красные рты. Интересно будет посмотреть, как мужчины их убивают. Ведь завтра двадцать пять дней, как они появились.

На следующий день жители с интересом следили за мучительными усилиями пришельцев вскарабкаться по отвесной скале в деревню. Они поражались хрупкости их конечностей и чудовищной неуклюжести движений.

— До чего же уродливы, — пробормотал Кордовир. — И выглядят все одинаково.

В деревне существа вели себя крайне непристойно. Они заползали в хижины, болтали у загона с лишними

самочками, брали и разглядывали яйца, рассматривали жителей сквозь различные устройства — черные и блестящие.

В полдень старейшина Рантан решил, что настала пора убивать свою жену. Он отстранил пришельца, который в это время разглядывал его хижину, и резким ударом хвоста убил свою женщину.

Два существа тотчас затараторили между собой и поспешно покинули хижину.

У одного из них был красный рот женщины.

— Должно быть, ее муж вспомнил, что пора убивать свою жену, — заметил Хам.

Жители застыли в ожидании, но ничего не происходило.

— Наверное, он хочет, чтобы кто-нибудь убил ее за него. Вполне возможно, в их стране такой обычай, — предположил Рантан и, недолго думая, хлестнул женщину хвостом.

Существо мужского пола страшно закричало и направило на Рантана металлическую палку. Тот рухнул замертво.

— Странно, — сказал Мишилл. — Не является ли это выражением неодобрения?

Пришельцы — а их было восемь — образовали плотный круг, повернувшись друг к другу спиной. Один держал на руках мертвую женщину, а другие целились во все стороны металлическими палками. Хам подошел к ним и спросил, чем их обидели.

— Я не понял, — сказал Хам после разговора с ними. — Они использовали слова, которых я не знаю, но в их тоне я уловил упрек.

Чудовища отступали. Тем временем еще один житель деревни, посчитавший, что сейчас самая пора, убил свою жену, которая стояла в дверях хижины. Чудовища остановились и стали тараторить между собой. Потом жестами подозвали Хама.

По окончании беседы все телодвижения Хама выражали лишь недоумение и сомнения по поводу услышанного.

— Если я правильно понял, — сказал он, — они требуют, чтобы мы больше не убивали своих женщин!

— Что?! — в один голос вскричали Кордовир и еще с дюжину других мужчин.

— Спрошу их еще раз. — И Хам возобновил переговоры с чудовищами, которые размахивали металлическими палками.

— Все верно, — подтвердил он и без всяких церемоний щелкнул хвостом, отшвырнув одно из чудовищ через площадь. Чудовища стали немедленно отступать, направляя на толпу свои палки.

Когда они ушли, жители деревни обнаружили, что семнадцать мужчин погибли, а Хама, по счастливой случайности, даже не задело.

— Теперь-то вы поверите мне! — закричал Кордовир. — Эти существа нам *заведомо лгали*! Они сказали, что не будут вмешиваться в нашу жизнь, а кончили тем, что убили семнадцать из нас. Это не просто аморальный поступок, а *заранее спланированное убийство*!

Поистине это было выше человеческого понимания.

— Преднамеренная ложь! — Кордовир выкрикнул эти святотатственные слова, кипя от ненависти к пришельцам.

Мужчины редко рассуждали о возможных последствиях для тех, кто прибегал ко лжи, — уж слишком кощунственна была тема для обсуждения.

Жители деревни были вне себя от гнева и отвращения, ведь они только что воочию увидели лживое существо и получили о нем полное представление. Вдобавок ко всему — страшно даже подумать! — чудовища замышляли убийство.

Это был кошмар наяву, самый страшный, который только мог привидеться. Оказалось, что существа не убивают женщин, а, несомненно, позволяют им беспрепятственно размножаться. Мысль об этом вызывала тошноту у самых мужественных.

Лишние самочки вырвались из загона и, присоединившись к женам, потребовали рассказать им о случившемся. Когда им объяснили, они рассвирепели куда сильнее мужчин — такова уж природа женщин.

— Убейте их! — рычали лишние самочки. — Не позволяйте им вмешиваться в нашу жизнь. Не позволяйте им распространять безнравственность!

— Они правы, — печально вымолвил Хам. — Мне следовало догадаться об этом раньше.

— Их надо убить немедленно! — закричала какая-то самочка. Поскольку она была лишней и жила в загоне, у нее пока не было имени, но она компенсировала этот недостаток яркостью темперамента. — Мы, женщины, всего лишь хотим вести добродетельную жизнь, высиживая в загоне яйца, пока не придет время замужества. А потом — двадцать пять упоительных дней! Это ли не счастье! Чудовища разрушат нашу жизнь. Мы станем такими же страшными, как они!

— Теперь-то вы поняли? — вскричал Кордовир, обращаясь к мужчинам. — А я ведь предупреждал, я раскрыл перед вами их подлинное лицо, но вы не вняли мне! В трудные времена молодежь обязана слушаться старших!

В ярости он убил двух юношей ударом хвоста. Жители зааплодировали.

— Истребите их, пока они не успели развратить нас! — кричал Кордовир.

Самочки бросились за чудовищами в погоню.

— У них есть убивающие палки, — заметил Хам. — Знают ли об этом самочки?

— Думаю, что нет, — ответил Кордовир. Он уже совершенно успокоился. — Ступай предупреди их.

— Я устал, — угрюмо отозвался Хам. — Я все время переводил. Почему бы тебе не сходить самому?

— Ну, тогда пойдем вместе, — сказал Кордовир, которому надоели эти юношеские капризы.

Сопровождаемые чуть ли не половиной мужского населения деревни, они поспешили вслед за женщинами.

Они догнали их на гребне скалы, с которого хорошо просматривался летательный аппарат пришельцев. Пока Хам рассказывал об убивающих палках, Кордовир прикидывал, как лучше расправиться с чужаками.

— Спихните на них камни, — приказал он женщинам. — Может, вам удастся повредить их аппарат.

Женщины энергично взялись за дело. Некоторые камни, падающие с огромной высоты, попадали в металлический предмет и с глухим звуком отскакивали от него. Внезапно из предмета вырвались лучи, красными строчками прошив пространство между ним и женщинами. Те упали замертво. Земля содрогнулась.

— Давайте отойдем, — предложил Кордовир. — Женщины прекрасно управятся и без нас, а то у меня от этой тряски кружится голова.

Мужчины отошли на безопасное расстояние и оттуда продолжали следить за ходом боевых действий.

Женщины гибли одна за другой, но к ним уже подоспели женщины из других деревень, прослышавшие об угрозе их благополучию. Они сражались за свои дома и права с женским неистовством, превосходившим самую сильную ярость мужчин. Металлический предмет метал огонь по всей скале, но этим только выбивал камни, которые градом сыпались вниз. Вдруг из его нижнего конца вырвался столб пламени — летательный аппарат стал плавно подниматься в воздух. И вовремя — начался оползень. Аппарат медленно, затем все быстрее и быстрее набрал высоту и вскоре превратился в крохотное черное пятнышко на фоне большого солнца. Потом исчезло и это пятнышко.

Вечером того же дня жители деревни подсчитали, что в общей сложности погибли пятьдесят три самочки. Их гибель пришлась как нельзя кстати. Ведь в связи с потерей семнадцати мужчин проблема женского излишка в деревне еще более обострилась, а гибель самочек ощутимо уменьшила возросшую таким образом популяцию женских особей.

Кордовир чрезвычайно гордился собой. Его жена доблестно пала в сражении, но он тотчас взял себе другую.

— Пока наша жизнь не войдет в норму, нам следует чаще убивать своих жен, — внес предложение Кордовир на вечернем Собрании.

Уцелевшие самочки, которые к тому времени уже вернулись в загон, бешено зааплодировали, услышав слова старейшины.

— Интересно, куда направились эти существа? — спросил Хам, предлагая Собранию новую тему для дискуссии.

— Вероятно, порабощать какой-нибудь беззащитный народ, — предположил Кордовир.

— Не обязательно, — возразил Мишилл.

Начались вечерние прения.

ФОРМА

Пид-Пилот снизил скорость почти до нуля. С волнением всматривался он в зеленую планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхности его тела беспечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры как экс-

---

Печатается по изд.: Шекли Р. Форма: В сб. Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. Пер. изд.: Sheckley R. Shape: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954

Copyright © 1954 by Robert Sheckley
© 1966 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

педиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно расшаталась. Командующий вторжением предупреждал его, но все же надо что-то предпринять. Это долг пилота, ибо низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформию.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды, — медленно начал Пид. — Мы теперь далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул. Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

— Однако же, — сурово сказал Пид, — расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам, — продолжал Пид. — На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия.

Джер резко прекратил текучую игру поверхности своего тела.

— У меня все, — закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

«Хорошие работники, — решил он. — Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание Формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте». То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

— Пид, — сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы, — эта планета нужна нам позарез.

— Да, сэр, — ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

— Один из вас, — внушительно проговорил Командующий, — должен проникнуть туда и установить

Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

— Мы справимся, сэр, — ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели, — сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости. — Строго между нами: на Гломе неспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование. Горняцкая форма установлена давным-давно, еще пятьдесят тысяч лет назад, так же как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!

— Это не все, — поведал ему Командующий. — Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но неизвестно, сколько их гуляет на свободе.

Пид знал, что речь идет об искушении Великого Бесформия, самого опасного дьявола, которого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению?

Командующий угадал, какой вопрос вертится у Пида на языке.

— Пид, — сказал он, — тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

— Да, сэр, — ответил Пид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он — ничто.

— Не все гломы могут сказать то же самое, — продолжал Командующий. — Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства... — И он печально потряс телом. — Я сообщил тебе об этом не зря, — пояснил Командующий. — Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на

планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете — все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

— Да, сэр, — не без гордости ответил Пид.

Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

— Нам придется следить за экипажем, — сказал он. — Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Да, Пид это знал.

— Вашего Джера-Индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, сэр, — осмелился возразить Пид, — если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию?

После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

— Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые необходимы в этой экспедиции. — Он вздохнул. — Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием.

— Да, сэр, — сказал Пид.

— Надо только следить за ними, — сказал Командующий.

— Да, сэр, — повторил Пид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Сместителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост

через космическое пространство — мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

— Желаю удачи, — сказал Командующий. — Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-Индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Пид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем — всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устремлено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер упорно сохранял одну из форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако.

Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма сгустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью.

Однако облачко опускалось все ниже и ниже... и приземлилось.

— Живо все из корабля! — крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Ильг помчались за ним. В пятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в груду хлама, но процесс все еще продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную беспомощность. Он был Пилотом и происходил из касты Пилотов. Пилотом был его отец, и отец отца, и все предки — еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей; все зрелые годы пилотировал их. Теперь, без корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы... С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Пид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринимать, поэтому Пид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость.

Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе, одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Пид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера, — подумал он горько, — а вот радиоактивных элементов страшно не хватает». То была еще одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший.

Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тождественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Один — стационарный — конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тождественности гломы могли перешагивать с планеты на планету, могли обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Смеситель на земном конце.

Что помешало им — никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Смесители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое туловище, и он бросился вдогонку.

— Джер! Вернись немедленно! — взвыл Пид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался загрызть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

— Джер!

Индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскочку вернулся к Пиду.

— Я был голоден, — сказал он.

— Нет, не был, — неумолимо ответил Пид.

— Был, — пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

— Ничего подобного больше не повторится, — сказал Пид. — Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен той формой, для которой ты рожден. — Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжали путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно. Илы после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. В заборе были ворота, а в воротах стояли часовые.

«Первая задача, — подумал Пид. — Как проникнуть в ворота?» Он стал прикидывать пути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали неимоверные различия.

Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно не похоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

И совершенно ясно, что люди наловчились вылавливать непрошеных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнущихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

— Придумал, — сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду. — Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке, — напомнил Пид.

— Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращу. Вот так. — Джер быстро принял облик Человека.

— Недурно, — одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая трясущейся походке Человека.

— Но, боюсь, ничего не выйдет, — продолжал Пид.

— Это же вполне логично, — возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть? — спросил он.

— Дай мне подумать, — ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид узнал его: это была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам, опустив морду. Никто ее не остановил; она миновала ворота и улеглась на траве.

— Гм, — сказал Пид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, проходя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу, — возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму Собаки.

— Нет, погоди, — сказал Пид. — Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову.

Джер угрюмо подчинился.

— Пошли, пора возвращаться, — сказал Пид. В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

— Ильг! — тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ильг!

— Что? А, да! — произнес дубок и слился с кустарником. — Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся, — повторил Пид. — Ты случайно не Мыслил?

— О нет, — заверил его Ильг. — Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две

возможности — Человек и Собака. Дерево не могло пройти за ворота — это было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь поспите, — сказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став бесформенными. Но Пид не мог заснуть.

Все казалось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира.

Может быть, открытые ворота просто ловушка?

Он устало вытек в удобную позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок.

Он опустился до Бесформия.

«Удобство не имеет ничего общего с долгом», — напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Пид проснулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Джера.

— Надо приниматься за дело, — сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

— Давай, Ильг! — сердито позвал Пид, оглядываясь вокруг. — Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг! — окликнул он.

Ответа по-прежнему не было.

— Помоги поискать его, — сказал Пид Джеру. — Он должен быть где-то поблизости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Пид ощутил, как его сковывает холодом испуг. Что могло случиться с Радистом?

— Быть может, он решил перейти за ворота на свой страх и риск? — предположил Джер.

Пид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы.

Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя, — объявил Пид, и оба двинулись по лесу. Пид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Видимо, Радист погиб или захвачен в плен Людьми.

Значит, Сместитель придется активировать вдвоем.

А Пид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.

— Поменьше хвоста, — сказал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их. — Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи, — сказал Пид.

— Благодарю. — Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся было к Джеру, и тот припустился бегом.

Пид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку, если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу.

Со вздохом облегчения Пид ликвидировал ноги.

Но главный вход был закрыт! Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же.

Потом обе собаки побежали за угол.

«Это остроумно, — подумал Пид. — Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома — не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничего не происходило.

Пид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно было так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него. Собаки лаяли у ворот. Но Джер так и не появлялся.

Джер попался. Ильг исчез. Пид остался один.

И он все еще не знал, что произошло.

К утру Пида охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Пид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока сумматоха уляжется. Он решил воспользоваться возникшей сутолокой и стал отливаться в форму Человека.

По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.

— Привет, — сказала Собака.

То был Джер!

— Что случилось? — спросил Пид с облегчением. — Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю, — ответил Джер, виляя хвостом. — Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился, — благодушно пояснил Джер. — Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе с другой Собакой.

— Но экспедиция... Твой долг...

— Я передумал, — заявил Джер. — Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ты ведь родился Индикатором!

— Это верно, — сказал Джер, — но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пида трясло от злости.

— Нельзя, — сказал он очень медленно, как объяснял бы глому-ребенку. — Форма Охотника для тебя запретна.

— Ну не здесь, здесь-то не запретна, — возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтобы я этого больше не слышал, — сердито сказал Пид. — Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. А я таки постараюсь забыть все, что ты здесь мне плел.

— Не пойду, — ответил Джер. — Мне здесь гломы ни к чему. Они все погубят.

— Он прав, — произнес кряжистый дуб.

— Ильг! — ахнул Пид. — Где ты?

Зашевелились ветви.

— Да здесь, — сказал Ильг. — Я все Размышлял.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот, — печально сказал Джер. — Проснитесь! Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

— Пилот, — заметил Ильг, — все гломы рождаются бесформенными!

— А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу Формы, — подхватил Джер.

— Вот именно, — сказал Ильг. — Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать. — И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют, — сказал он. — Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

— Никто из гломов не был убит, — сообщил Джер. — Все наши экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился, — это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно!

Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!

— Присоединяйтесь к нам, Пилот, — предложил Джер. — Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он — Пилот.

Но ведь люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

— Всеми вами займется Верховный суд Глома, — прорычал он злобно и обернулся Собакой. — Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пида к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он оглянулся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, почему он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один Человек. Он пристально посмотрел на Пида, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что насторожило Человека, но тоже побежал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого!

Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие.

«Это, несомненно, козни самого Бесформия», — сказал он себе и бросился вперед.

Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Пид уставился на нее.

В дальнем конце коридора загромыхали шаги, послышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл отформовать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель. Пид быстро стал бесформенным и протек под дверью, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь.

Комнатка была малюсенькая. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконец-то он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие.

Однако они дезертировали, все до единого.

Пид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно придать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?..

Пид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое желание, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы.

Люди взламывали дверь. Пид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он — Пилот. Пилотирование — его жизнь, его страсть, его предназначение. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак... Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека.

Дверь трещала под непрерывными ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул — и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда! А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить любое желание! Даже его желание!

Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз, потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно.

Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахнула крыльями — неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетавшую птичью стаю.

СПЕЦИАЛИСТ

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уже бушевал вовсю.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться, — подумал Передатчик, — разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальний рейс.

Нитевидные проволочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Печатается по изд.: Шекли Р. Специалист: В сб. Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. Пер. изд.: Sheckley R. Specialist: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954

Copyright © 1954 by Robert Sheckley
© 1966 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

Глаз расплющил по стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зрения Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн, Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлекшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично, — сказал Передатчик. — Посмотрим, есть ли повреждения. — Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь. — Двигатель!

— Самочувствие превосходное, — отозвался Двигатель. Во времы шторма он активировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма

цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее, — сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырем Аккумуляторам. — Ну, как вы там? — спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пусти-ка меня, — вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати, — буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть поверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двуногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и

переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело нешуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подошел к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В ней хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет

до конца путешествия, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то, по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

— Хорошо, — сказал Мыслитель. — А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же поглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри его питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрестанно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготовляя различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а Стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы. Глаз расширил свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный чувствительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение».

Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделю спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линий связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передатчик жадно рассматривал планету, прибегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, да к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере он на это надеялся.

Корабль стремительно несся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути попалась целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория, — обратился Питатель к Передатчику. — Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят, — ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться: как правило, он применялся только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в

течение многих недель он работал беспрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие системы охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таращился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос, — строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну как, все готовы? — еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом.

Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всего пришлось Питателю. Поскольку его система приспосабливалась к любому горючему, кроме атомного, он отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый йод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми оставались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты с помощью Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает, — категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей, или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, что они делают из металла вещи? — осведомился Передатчик. — Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать, — решительно сказал Питатель. — Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители пона-

делали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лишь сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивидуум. Поэтому они выбрали почти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, и Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения пищи.

После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайся с ним поласковее, — посоветовал Питатель. — Возможно, его испугал наш вид. — У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободившись, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения пищи у него дрожало.

— Перестань, — возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его, — распорядился Передатчик. — Он может ушибиться.

Один из аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отбирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи! — вскричал Питатель. — Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? — спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое, — сказал Передатчик. — Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз, когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда, — заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор как на трибуну. — Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как Доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов. — Он сделал эффектную паузу. — Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель:

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их куль-

тура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители... неконтактны.

Мыслителю была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно, — продолжал непреклонный Мыслитель, — что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним, — заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо может отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать? — спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.

Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда Ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением. Передатчику удалось уложить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чужой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище, — сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителями, и подал его чужаку.

— О Господи! Бифштекс! — воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось где-то на полпути между освежеванным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность.

Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми? — спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток. — Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет, — успокоил его Передатчик, — твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем тут я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде, — ответил Передатчик, — и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы, — сказал он, — я не знаю, кто вы такие и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и, если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой», — таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем? — спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особого стремления сотрудничать.

— С удовольствием выручил бы вас, ребята, — продолжал Ускоритель, — но откуда вы взяли, что я могу такому огромному агрегату придать скорость? Да ведь чтобы только-только сдвинуть ваш корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны? — спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну, — особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и переслал Мыслителю. «Одно из двух: либо ты убьешь, либо тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?»

— У нас нет войн, — отчеканил Передатчик.

— Счастливые, — горько сказал Ускоритель. — А у нас есть. И много.

— Конечно, — подхватил Передатчик. К тому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение. — А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? — осведомился он. — Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...

— Этого не нужно, — прервал его Передатчик. — Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два, — ответил Ускоритель. — Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землей.

Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны, — заметил он.

— Ну ясно, хочу. Но я не хочу, чтобы нас *заставляли* их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики, — объяснил Передатчик. — У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами, — но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место, — ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это

противоестественное занятие, — когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

«А что это такое — ускорение?»

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что *этим* и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно, — подтвердил Передатчик. — Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

«По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить».

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику, — сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы, — ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами, — пробормотал Ускоритель. — Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, что его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со всей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подобающего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество.

— Как мне убедить тебя? — воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показывали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя.

Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен, — сказал Передатчик. — Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показывали, — правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно, — внезапно заявил Ускоритель, — поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передатчик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затруднение, — прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием. — Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять, — убеждал его Передатчик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

— Ты только попробуй.

— Обязательно, — согласился Ускоритель. — Во всяком случае тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно, — бормотал Ускоритель. — Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения, — сообщил Передатчик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги. — Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам его тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший, — пролепетал Ускоритель. — Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества, — возразил доведенный до отчаяния Передатчик. — Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое? — растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок, — взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь свое искаженное ужасом лицо. Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

Содержание

Стоимость жизни

Стоимость жизни. *Пер. Н. Евдокимовой* 7
Спецраздел выставки. *Пер. А. Кона* 20
Служба ликвидации. *Пер. Н. Евдокимовой* 26
Академия. *Пер. Н. Евдокимовой* 33
Игра с телом. *Пер. Н. Калининой* 61
Бесконечный вестерн. *Пер. В. Баканова* 72
Премия за риск. *Пер. М. Данилова и Б. Носика* 95
Гонки. *Пер. С. Коноплева* 118
Право на смерть. *Пер. А. Волнова* 140
Счастливчик. *Пер. А. Волнова* 149
Склад миров. *Пер. В. Ковалевского* 154
Попробуй докажи. *Пер. А. Волнова* 163

Дипломатическая неприкосновенность

Дипломатическая неприкосновенность. *Пер. Н. Евдокимовой* 175
Пиявка. *Пер. Е. Цветкова* 199
Запах мысли. *Пер. Н. Евдокимовой* 215
Второй рай. *Пер. М. Черняева* 230
Не бабахает! *Пер. В. Бабенко* 247
Мат. *Пер. М. Черняева* 258
Вечность. *Пер. М. Черняева* 276
Носитель инфекции. *Пер. Л. Резника* 289
Случай в боевом вылете. *Пер. М. Черняева* 329
Хранитель. *Пер. М. Черняева* 339
Рабы времени. *Пер. С. Коноплева* 359

Проблема туземцев

Проблема туземцев. *Пер. Е. Коротковой* 385
Потолкуем малость? *Пер. Е. Венедиктовой* 412
Жертва из космоса. *Пер. А. Волнова* 443
Руками не трогать! *Пер. А. Санина* 465
Чудовища. *Пер. И. Зивьевой* 489
Форма. *Пер. Н. Евдокимовой* 503
Специалист. *Пер. Н. Евдокимовой* 521

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

В восьми книгах

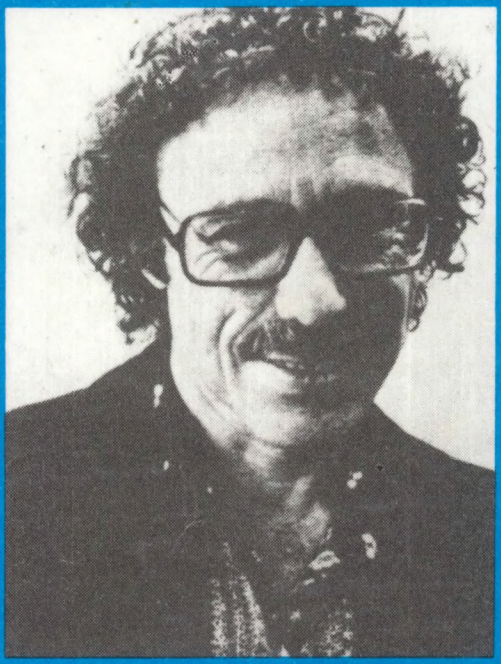
Книга восьмая

Составитель *А. Новиков*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, Е. Ошуркова*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление: *Л. Булыкина, А. Бибанаев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.06.94.
Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. Гарнитура Балтика.
Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 30,03.
Уч.-изд. л. 28,4. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4-203.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.
«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.
Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994